

О.М. Рындина, А.И. Боброва,
Ю.И. Ожередов

**ХАНТЫ
САЛЫМСКОГО КРАЯ:
КУЛЬТУРА
В АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

О.М. Рындина, А.И. Боброва,
Ю.И. Ожередов

ХАНТЫ
САЛЫМСКОГО КРАЯ:
КУЛЬТУРА
В АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ

Издательство Томского университета
2008

УДК 39 (571.1)
ББК 63. 5 (2)
P95

Рецензент В.М. Кул е м з и н, д-р ист наук
Научный редактор О.М. Р ы н д и н а, д-р ист. наук

Работа выполнена на средства Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 01-06-80408, издание осуществлено при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2006–2008 годы), проект «Освоение Северной Азии как социокультурный процесс»

Рындина О.М.

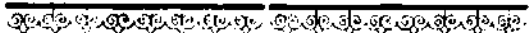
P95 Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе / О.М. Рындина, А.И. Боброва, Ю.И. Ожередов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 412 с.: ил.

ISBN 978-5-7511-1872-3

Монография посвящена исследованию вещного ряда хантыйской культуры в утилитарном и знаковом аспектах. Он представлен погребальным сопроводительным инвентарём, найденным в поздних хантыйских некрополях на территории Салымского края. Основное внимание сосредоточено на фарфоровой и фаянсовой посуде, берестяной утвари, топорах, стрелах, женских украшениях из металла. Комплексный междисциплинарный анализ предметов позволил реконструировать смысловое поле хантыйской культуры, выявить этнокультурную специфику салымских хантов, проследить их исторические связи и взаимодействия. В основу книги легли полевые материалы, собранные В.А. Дрёмовым.

Для археологов, этнографов, музеологов, историков, культурологов и всех интересующихся традиционной культурой коренных народов Западной Сибири.

**УДК 39 (571.1)
ББК 63. 5 (2)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии на основе комплексного археолого-этнографического исследования погребальной обрядности воссоздаётся традиционная культура хантов Салымского края, осваивающих эту суровую территорию не одно столетие. При этом культура рассматривается с точки зрения смыслового поля образующих её символов.

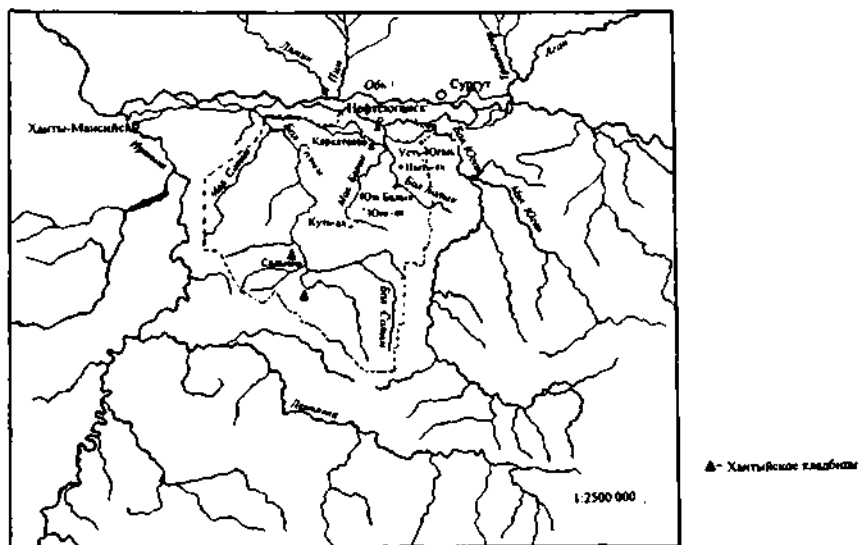

Рис. 1. Карта-схема местонахождения хантыйских кладбищ, исследованных В.А. Дрёмовым в Нефтеюганском районе Тюменской области

В монографии использована часть неопубликованных полевых материалов сотрудника Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛИАЭС)

Томского государственного университета, кандидата исторических наук, антрополога Владимира Анатольевича Дрёмова, совершившего в 1983–1989 гг. 7 экспедиций для сбора антропологического материала по хантам (рис. 1). В работе исследуются данные, полученные В.А. Дрёмовым в 1983–1987 гг. в ходе работ в Нефтеюганском районе Тюменской области. Эту территорию называют Салымским краем по гидрониму Салым. По территории края протекают также такие крупные реки, как Большой и Малый Балык (см. рис. 1).

Материалы В.А. Дрёмова представлены, во-первых, дневниковыми записями учёного, где содержатся подробные описания раскопанных захоронений, включая и местонахождение погребального инвентаря (дневники хранятся в кабинете антропологии ТГУ), во-вторых, предметами сопроводительного инвентаря, привезёнными и сданными в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ им. В.М. Флоринского, где они были обработаны и описаны С.Л. Сыровой.

Предыстория экспедиций уходит в 1982 г., когда на студенческой конференции в Новосибирске В.А. Дрёмов получил заочное приглашение от археолога Уральского государственного университета Л.М. Тереховой принять участие в раскопках Кинтусовского могильника на р. Салым. Во время очной встречи учёных на Уральском археологическом совещании, проходившем в апреле 1983 г. в Свердловске, предложение обрело вид окончательной договорённости. Со стороны ТГУ состав участников планируемой экспедиции пополнился ещё одним исследователем – археологом А.И. Бобровой.

Согласно дневниковым записям экспедиция 1983 г. проходила с 6 по 19 сентября и для В.А. Дрёмова носила разведочный характер. Её основной результат состоял в получении информации о местонахождении поздних хантыйских кладбищ в низовьях р. Салым и на близлежащей территории. Ещё одним итогом экспедиции стала намеченная на 1984 г. поездка в район Сургута. Идея возникла в результате встречи с археологом, сотрудником Тюменского краеведческого музея В.И. Семёновой.

Как и у предыдущей, основной задачей экспедиции 1984 г., проходившей с 30 июля по 9 августа, стали разведочные работы в районе р. Большой Балык. Планировалось и проведение частичных раскопок. Участниками экспедиции, кроме В.А. Дрёмова, были Н. Арыдов и А. Калябин. Обследованию подлежали 3 хантыйских кладбища: у впадения р. Южная Сайма в протоку Оби Горная (Ста-

рое Каркатеево I, предположительно являвшееся одним из семейных погребений хантов Каркатеевых), возле пос. Мамонтово (Мамонтовское) и в месте слияния р. Большой Балык с протокой Юганская Обь. Последнее было определено как наиболее перспективное и вследствие этого стало объектом планируемых на 1985 г. совместных раскопок В.А. Дрёмова и В.И. Семёновой. Пробные раскопки 4 могил (3 – Старое Каркатеево I, 1 – Мамонтовское кладбище) дали обильный сопроводительный погребальный инвентарь.

Рис. 2. Участники экспедиции В.А. Дрёмова на р. Большой Балык. Тобольск, 1985 г.

Экспедиция 1985 г. проходила с 4 по 25 августа и была нацелена на раскопки кладбища на р. Большой Балык, названного Усть-Балыкским. В состав отряда В.А. Дрёмова входили А.И. Боброва, студент Томского медицинского института Г. Дрёмов и студенты Томского государственного университета А. Рыкун, Н. Недялко и Л. Жилина (рис. 2). Поскольку В.И. Семёнова не смогла присоединиться к раскопкам, они проводились силами лишь томского отряда. За время работ было исследовано 29 погребений, собран значительный по объёму вещественный материал. Найденные в захоронениях предметы были доставлены в Томск и сданы в МАЭС ТГУ, где со-

ставили коллекцию № 7605, насчитывающую 215 наименований предметов. Повторно было обследовано кладбище Старое Каркатеево I и раскопано не обнаруженное ранее захоронение. Найденные нож в ножнах и наконечник стрелы составили коллекцию № 7606.

На 1986 г. планировалось проведение раскопок кладбища у покинутых юрт Соровских на р. Салым, но Л.М. Терехова должна была исследовать могильник в Нижневартовском районе, так как через него намечалось прохождение строящейся трассы. Проводить без неё раскопки на р. Салым В.А. Дрёмов не посчитал возможным. Его экспедиция приобрела разведочный характер в Нижневартовском районе.

Возвращение к исходной точке экспедиционных поездок – реке Салым – произошло в 1987 г. Экспедиционный отряд насчитывал 11 человек: В.А. Дрёмов, этнограф ТГУ В.М. Кулемзин и 9 студентов Томского и Уральского университетов и Томского медицинского института – Е. Временщикова, С. Дрёмов, С. Игашев, О. Иванова, Е. Казанцева, О. Калашникова, К. Карачаров, М. Комиссарова, С. Мостовой. За время экспедиции, длившейся с 5 по 25 июля, были получены внушительные результаты. Раскопано 87 погребений на кладбище возле юрт Соровских, о ритме работы свидетельствует факт вскрытия в течение одного дня 23 захоронений. Из найденных предметов сопроводительного инвентаря создана коллекция МАЭС № 7625, состоящая, согласно описи, из 270 наименований предметов.

Юрты Соровские в начале XX в. представляли собой пограничную зону, где элементы традиционной хантыйской культуры сочетались с новациями, обусловленными знакомством с русской. Так, руководитель экспедиции, обследовавшей р. Салым в 1911 г., сотрудник Тобольского губернского музея Л. Шульц составил следующее описание их обитателей: «Соровские остяжки производят хорошее впечатление. В жилищах у них относительно чисто, во всех трёх обитаемых домах – чистая половина с русской печью и передняя с чувалом» (Шульц, 1913, с. 7).

За время проведения экспедиции В.А. Дрёмовым был собран материал о расположении хантыйских кладбищ на прилегающей территории. Возле пос. Салым (прежнее название Кинтус) исследованы 2 хантыйских кладбища – Кинтусовское I и Кинтусовское II. На первом раскопано 32 погребения, на втором – 7. Собран погребальный инвентарь, составивший соответственно коллекции № 7626 (76 наименований предметов) и 7627 (9 предметов).

Л. Шульц, посетивший в 1911 г. и «юрты Кинтусовы», отмечал, что они расположены на высоком берегу р. Вандрас, в 3 верстах от них находятся остатки городища Ар-ях-вож, именуемого русскими «Чудским городком». Другой участник экспедиции, биолог Б. Городков, отметил здесь важную этнографическую реалию – лучшую, по сравнению с р. Конда, сохранность остяцких «обычаев и старой веры» (Городков, 1913, с. 59). В XVII в. кладбище юрт Кинтусовых располагалось на самом городище и связывалось народной памятью с легендарным народом ар-ях. В XVIII в. новое кладбище было основано вблизи городища, на р. Вандрас. В XX в. на этой же реке возникло и ныне действующее кладбище (Фёдорова, 2000, с. 228).

Как видим, наиболее результативными с точки зрения собранных артефактов в экспедиционных маршрутах В.А. Дрёмова оказались раскопки на р. Большой Балык и р. Салым.

С Салымом связывают формирование одной из групп восточных хантов – салымской. По языку их причисляют к восточным хантам, а по специфике культуры отмечают близость с южными. Формирование салымских хантов связано с активными миграциями этноса в XVII–XIX вв., основным направлением которых был северо-восток. С Иртыша и его притоков Конды и Демьянки ханты под давлением татар и русских переселялись на притоки Средней Оби, в том числе на Салым, где они упомянуты уже в XVII в. На р. Балык ханты фиксируются с конца XVIII – начала XIX в., они переселились сюда с р. Юган (Соколова, 1982, с. 9, 14–15, 41).

К восточным хантам исследователи относят и юганских хантов, проживающих восточнее Салыма и Балыка, на р. Юган. По языку и культурной специфике юганские ханты значительно отличались от салымских. В 1930-е гг. они начали переселяться на р. Салым в связи с оскудением промысловых ресурсов в бассейне р. Юган (Мартынова, 2000, с. 78). В этнографической литературе их называют новосалымскими, в отличие от старосалымских, переселявшихся с рр. Конда и Демьянка начиная с XVII в. (Фёдорова, 1996, с. 103). Культурное освоение рассматриваемой территории двумя различными группами восточных хантов, салымскими и юганскими, позволило поставить в монографии вопрос о степени отражения в погребальной обрядности субэтнических различий.

Другая специфическая черта источниковой базы – поздняя хронология кладбищ, охватывающая XVII–XX вв., – создала уникаль-

ные условия для применения междисциплинарного археолого-этнографического анализа. Материал, несмотря на его «неархеологическую» хронологию, получен археологическим способом: артефакты извлечены из культурного слоя с помощью раскопок и представляют собой сопроводительный погребальный инвентарь. К нему применимы методы обработки данных археологии. Кроме того, в дневниках отражены классические археологические характеристики применительно к раскопанным погребениям. Вместе с тем а priori задана этническая принадлежность вещей, что послужило надёжным переходным мостиком к этнографии, её фактологическому и теоретическому багажу. Синтез археологии и этнографии позволил анализировать вещественные находки не только как тексты, т.е. исходя из объективно присущих им свойств, но и как знаки, т.е. с учётом содержания, вкладываемого в них носителями культуры. Символика археологических артефактов реконструирована с помощью этнографических методов, что потребовало выработки новых подходов к анализу материала.

Ввиду насыщенности дневниковых записей В.А. Дрёмова археолого-этнографическим содержанием было решено опубликовать ту их часть, которая касается работ в Салымском крае и отражает указанную направленность. Тем самым в научный оборот вводится новый источник по изучению истории и культуры коренных народов Сибири.

В авторский коллектив монографии вошли археологи А.И. Боброва и Ю.И. Ожередов, этнограф О.М. Рындина. Авторство глав и разделов указано в содержании. Дневники подготовлены к публикации Ю.К. Варга. Рисунки выполнены С.И. Рудковским, фотографии сделаны В.В. Леонтьевым.

Монография выходит в свет в год 40-летия Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. Поскольку В.А. Дрёмов и авторы монографии долгое время являлись сотрудниками ПНИИАЭС, настоящее издание можно рассматривать как своеобразный научный отчёт трёх секторов лаборатории – антропологии, археологии и этнографии, составленный в формате междисциплинарного синтеза.

ВВЕДЕНИЕ

Исходной точкой, из которой разворачивается во времени и пространстве культура этноса во всей её бездонной глубине и происходит осмысление этой бездны, исследователями безоговорочно признан обряд, или ритуал в западном терминологическом варианте. Проблема определения его сути решалась и решается учёными по-разному, что свидетельствует о многоплановости самого изучаемого феномена. Вместе с тем инвариантным стало положение о связи ритуала с особым типом мышления (мифологическим, мифопоэтическим, архаическим, традиционным) и культуры (традиционной, ритуальной).

Согласно семиотической трактовке, утвердившейся в гуманитарных науках, с помощью ритуала в традиционной культуре организуется передача социально значимой информации, «ядерных фрагментов памяти коллектива», в синхронии и диахронии. При этом знаковость в процессе фиксации, хранения и переработки информации имеет всеобъемлющий характер и включает в себя элементы ландшафта, материальной культуры, языковые тексты, музыку и др., а сам механизм трансляции ориентирован на воспроизведение уже известных текстов и действует по принципу образцов или «цитат». Специализация семиотических систем, и прежде всего появление письменности, знаменует переход к иному типу культуры. Последняя начинает ориентироваться на выработку новых текстов, а ритуал как главный механизм коллективной памяти утрачивает свои позиции (Байбурин, 1993, с. 11–16).

В ритуале конструируется особого рода реальность – семиотический двойник акта творения. С точки зрения архаического сознания она являет собой «единственно истинную реальность» (Там же, с. 17). Ритуал связывает «здесь и теперь» с «там и тогда», обеспечивая преемственность и позволяя человеческому коллективу выжить в условиях глобального катаклизма – распада мира в хаосе. К

ритуалу обращаются тогда, когда другие средства недейственны и безрезультатны. Именно он призван восстановить нарушенный порядок, интегрировать космос из распавшихся частей, уравнивая их по правилам тождества с частями приносимой жертвы (Топоров, 1988, с. 15–16).

Такова схема «главного» ритуала, разыгрываемого на стыке старого и нового года. К высшему уровню обрядов относятся обряды жизненного и календарного циклов, обеспечивающих нормальный ритм жизни человека и коллектива за счёт устранения возникающего несоответствия между их биологическим и социальным статусом (Байбурин, 1993, с. 18, 120).

Особое место в обрядах перехода занимает погребальный обряд. Через него проходит грань между двумя мировоззренческими плоскостями – миром живых и миром мертвых, и в зоне их контактного сорасположения четче вырисовываются наиболее характерные, сущностные свойства каждого из миров. К тому же погребальный обряд – единственный из обрядов жизненного цикла, равным образом доступный и для археологов и для этнографов. Поэтому неудивительно пристальное внимание к нему специалистов обеих научных дисциплин, затрагивающее вопросы теоретико-методологического и методического порядка.

В историографии утвердился подход к рассмотрению феномена погребальной обрядности на фоне соотнесения его с такими понятиями, как традиция и обычай. Философское определение трактует традицию как социально стереотипизированный групповой опыт, который аккумулируется и транслируется в различных человеческих коллективах (Маркарян, 1981, с. 80). Обряд и обычай исследователи рассматривают как способы проявления традиции, а их суть сводят к стереотипизированным формам поведения, деятельности. Согласно распространённой точке зрения, обычай есть стереотипизированное действие, направленное на достижение практического результата, а в обряде акцент смещён в символическую сторону. В вопросе о силе этого смещения мнения исследователей расходятся. Одни считают обряд/ритуал чисто символическим, знаковым воплощением обычая (Арутюнов, 1981, с. 97; Першиц, 1981, с. 71), другие включают в обряд и рациональное действие (Ольховский, 1986, с. 67–68; 1993, с. 85; Генинг и др., 1990, с. 9). Последнее мнение обнаруживает весомую аргументацию в этнографических данных и представляется

наиболее убедительным: в традиционной культуре проявления утилитарных и знаковых сторон действительности настолько «интимно» связаны между собой, что сколько-нибудь отчётливое противопоставление указанных аспектов просто невозможно. Обычай, в котором исследователь видит лишь практический смысл, в рамках изучаемой культуры может быть наделён и символическим значением (Байбурин, 1993, с. 30). Существует и компромиссная точка зрения, предлагающая трактовку обряда в узком и широком смысле. В первом случае понятие включает в себя лишь символическое действие, во втором – также и реальные (Мельник, 1990, с. 75; 2001, с. 90).

Гораздо меньше сторонников имеет противоположный подход к соотносимости понятий «обычай» и «обряд»: последний наделен здесь сугубо символическими действиями и является частью или внешней формой – «нарядом» обычая (Токарев, 1980, с. 28; Рычков, 1997, с. 153).

Исследование погребального обряда в структурном ключе восходит к французскому исследователю А. Геннепу, выделившему обряды перехода как особую разновидность обрядов и классифицировавшему их по трём категориям: обряды отделения (прелиминарные), в том числе и погребальный; промежуточные (лиминарные); включения (постлиминарные) (Геннеп, 2002, с. 15). Указанные три категории обрядов утвердились в этнографии в качестве внутренней трёхчастной схемы обряда перехода, ставшей классической: выделение из коллектива, «пограничный период», реинкарнация. Применительно к погребальному обряду речь идёт об отделении от живых (подготовительные обряды, вынос), о пути к месту погребения, включая и само погребение, о воскрешении к новой жизни в виде присоединения к предкам или возрождения в потомках (Дьяконова, 1975, с. 6; Байбурин, Левинтон, 1990, с. 68–69). Схема отражает процесс протекания обряда во времени и характеризует суть каждого из выделенных элементов структурной триады.

Подчеркнём два существенных обстоятельства. Во-первых, основной структурной характеристики погребального обряда в этнографии служит действие и его осмысление. Обрядовые действия классифицировал А. Геннеп, подчёркивая, что они не поддаются столь же строгому упорядочению, какое доступно, например, бота-

нике (2002, с. 16). Уровень действий и уровень их осмысления анализируют в погребальном обряде А.К. Байбури и Г.А. Левинтон (1990). Действие как основная единица ритуала присутствует и в лингвистических реконструкциях, основанных на семиотике. Характеризуя этапы индоевропейского обряда, Вяч. Вс. Иванов исходит именно из совершаемых действий: приготовление трупа к захоронению, начало оплакивания и трапеза, доставка трупа на повозке к месту захоронения и др. (1990, с. 5). Во-вторых, выявление несоответствия между уровнями действия и осмысления позволило А.К. Байбури и Г.А. Левинтону вскрыть специфику структуры погребального обряда по сравнению с прочими обрядами перехода: здесь ритуально не выражена третья фаза перехода – «новая жизнь». Ритуальный путь покойника завершается на кладбище, его дальнейшее существование лишь мыслится, но не получает ритуального выражения. Полная трёхчастная схема выражена в погребальном обряде только для живых (Байбури, Левинтон, 1990, с. 69, 73). Следовательно, этнографически фиксируются лишь две фазы погребального обряда, завершающиеся погребением усопшего и само погребение знаменует окончание ритуально оформленного обряда и финальный аккорд в его исследовании этнографами.

Теперь обратимся к методике археологических реконструкций. Здесь тоже утвердилась трёхчастная схема погребального обряда. Предложенные В.И. Мельником три этапа в осуществлении процесса захоронения: подготовка захоронения и умершего; транспортировка последнего; захоронение (1993, с. 95) – хорошо соотносятся с тремя рассмотренными выше фазами обряда. Согласно структуре, предложенной Ю.А. Смирновым, погребальный обряд предстает в виде двух компонентов: моросферы – сферы смерти (посмертное нахождение и распад органических соединений) и тафосферы – сферы погребения. Соответственно, исследователем вводится и понятие «тафологии» как суммы традиционных знаний о формах и способах обращения с умершими, а также науки, изучающей эту сферу деятельности (Смирнов, 1990, с. 216). Как видим, данная структура конкретизирует третью фазу погребального обряда.

Близок археологии и подход к погребальному обряду с разноплановых позиций – действия и его осмысления. Так, В.С. Ольховский (1986, с. 68) выделяет в рассматриваемом явлении два уровня.

Первый – идеологический, распадающийся, в свою очередь, на процессуальный (система предписаний, регламентирующих процесс захоронения) и семантический (религиозно-идеологическое содержание этих предписаний). Второй уровень – практический. В.И. Мельник (1990, с. 75–76) придерживается описаний структуры погребального обряда и очерчивает содержательные границы более широкого понятия – «некросфера», трактуя его как санитарно-гигиеническую деятельность в виде погребальной практики и включая в него, кроме обрядового и обычного уровней, третий – произвольно-ненормированные действия.

Специфическую черту археологических исследований погребального обряда объективно составляет доминирующая роль погребения, поскольку именно с ним имеют дело археологи. Исследователями погребение рассматривается как часть погребального обряда, его материализованный, вещественный результат. Наиболее основательное определение понятия, данное на фоне соотнесения явления с общественным бытием и сознанием, трактует «погребение» как «фиксированный в материальных остатках результат вычленения умершего из живого общественного организма, сохраняющийся в том или ином виде к моменту раскопок» (Леонова, Смирнов, 1976, с. 18).

Представляется, мнение И.С. Каменецкого (1983, с. 224) о том, что понятие «погребение» шире понятия «погребальный обряд», вряд ли оправданно противопоставлять общепринятому: в данном случае автор, видимо, стремился подчеркнуть возможности погребального памятника как информативного источника, перекрывающие погребальную обрядность как сакральную сферу культуры. Однако при этом не следует забывать, что и погребальный обряд, выступая в роли источника, также обладает разноплановостью, поскольку в традиционной культуре условна грань между сакральным и профанным. И если, согласно мнению И.С. Каменецкого, в погребении представлены четыре типа источников: технологические навыки, типы инвентаря, этнокультурные характеристики, собственно погребальный обряд, то В.А. Алекшин выделяет в погребальном обряде 6 информативных блоков: представления о потустороннем мире, проблемы культуругенеза, общественное положение полвоз-

растных групп, социальное расслоение, эволюцию форм семьи и брака, палеодемографию (1980, с. 3–8).

Разработка вопросов, касающихся структуры погребального памятника, утвердила представление о нем как о сложном многоуровневом объекте [см. (Леонова, Смирнов, 1976; Мельник, 1993; Боброва, 1992 и др.)]. Наиболее полно морфология погребения разработана В.С. Ольховским (1986, с. 70). Первичный, базисный уровень образует собственно погребение, в роли элементов которого выступают погребальное сооружение, останки погребенного и погребальный инвентарь. Второй уровень представлен погребальным комплексом, а его специфическими элементами служат надгробные сооружения, в том числе и курганные, и останки ритуальных действий. Третий уровень – погребальная группа – отражает метаструктуру погребального комплекса, включая такие показатели, как общая топография памятника, наличие святилища и др.

В области методики исследования погребального обряда особо следует отметить работы И.С. Каменецкого (1983, 1986). Автор создал всеобъемлющий комплекс признаков и их градаций. Этот комплекс пронизывает все уровни погребального памятника и позволяет давать максимально полное на сегодня системное описание погребения, а следовательно, анализировать его под разными углами зрения с помощью методов прикладной статистики.

Из перечисленных элементов погребального памятника особую значимость при археологических реконструкциях имеет сопроводительный погребальный инвентарь. Исследование способов обращения с умершими, предпринятое Ю.А. Смирновым, показало ограниченность морфологических признаков погребения как этнокультурного источника. «Погребальный обряд представляет собой настолько жестко детерминированную систему, имеющую крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов, что вне культурно-исторического (археологического) контекста морфология отдельного погребения (особенно если оно безынвентарно) не может быть использована в качестве культуроразличительного признака, – одни и те же формы погребений встречаются не только в разные исторические периоды или в пределах одной эпохи, но у разноэтнического и/или разнокультурного населения; за одними и теми же формами погребений скрываются разные формы общественных отноше-

ний и, наоборот, сходные формы общественных отношений порождают различные формы погребений» (1990, с. 218). При этом следует подчеркнуть, что для реконструкций мировоззренческих универсалий морфология погребального обряда предоставляет в распоряжение исследователя содержательный материал, что блестяще продемонстрировано в работе И.Л. Кызласова (1993, с. 98–111).

Совершенствование методики археологических исследований применительно к погребальному инвентарю заключается в разработке его дробных классификаций, уточнении содержания устоявшихся понятий и введении новых, например «прижизненный инвентарь», «сопутствия», «сателлиты», «обрамление», «сопровождение» и др. [см. (Леонова, Смирнов, 1976, с. 20; Каменецкий, 1983, с. 158–161; Мельник, 1993, с. 97)]. Практикуется применение системного подхода, когда фиксируются элементы погребального инвентаря [см. (Леонова, Смирнов, 1976, с. 21)]. Более тщательно, требовательно и взвешенно исследователи стремятся подойти к мировоззренческой и социальной трактовке закономерностей, выявленных в структуре и содержании погребального инвентаря, предостерегая от интерпретации их с позиций обыденного сознания и разоблачая сложившиеся «интерпретационные стереотипы» [см. (Алексин, 1980, с. 6; Смирнов, Тендрякова, 1991; Генинг и др., 1990, с. 18–19)]. Вывод проблемы интерпретации погребального инвентаря на теоретико-методологический уровень ознаменовало осознание необходимости в разработке общей «теории опредмечивания социальной жизни», которая позволила бы осуществлять переход от эмпирического знания, содержащего сведения о «предметных остатках жизнедеятельности древних обществ», к теоретическому (Генинг и др., 1990, с. 16).

Таким образом, из ритуально выраженного перехода в мир мёртвых археологически фиксируется лишь вторая фаза погребального обряда – «путь», и то лишь частично, в виде погребения. С него в археологии начинается изучение погребального обряда и вокруг него это изучение постоянно вращается. При этом в центре внимания археологов оказываются материализованные формы проявления обряда, в том числе и сопроводительный инвентарь.

Сложности, возникающие при проведении комплексного археолого-этнографического исследования погребальной обрядности, неоднократно освещались в литературе. На методическом уровне они

состоят в различной текстовой наполненности источников: этнографы, изучая погребальный обряд, главное внимание уделяют действию и гораздо меньше – форме погребального сооружения, практически ничего не сообщая о погребальном инвентаре. Для археолога же два последних элемента наиболее информативны (Алексин, 1986, с. 11). Сложности междисциплинарной стыковки, обусловленные методологически, состоят в различных подходах к изучению одного и того же предмета: этнограф изучает «живую культуру», идя от человека, через его душу и мысли, археолог – материализованные останки некогда живого культурного организма [см. (Корякова, Кулемзин, 1994, с. 10)]. Добавим, что с точки зрения системного метода археология имеет дело с вещью-элементом, фиксируемой в статичной композиции, которая результирует процесс погребения, а этнография сосредоточивает свои усилия на мировоззренческих связях, пронизывающих процесс в его динамике. Обеим наукам недоступны для фиксации все три фазы погребального обряда, и в круг взаимопересекающихся возможностей входит собственно погребение. Следовательно, плодотворный междисциплинарный синтез методологически должен предполагать реконструкцию ментальных (осмысленных и неосмысленных) блоков на основе выявления закономерностей в структурировании и функционировании вешного мира. Применительно к погребальному обряду следует исходить из понимания вещи как материально воплощённого действия, осмысляемого через ритуал. При этом в центре внимания оказывается погребальный сопроводительный инвентарь.

Вешное поле погребения, созданное им, обладает мощнейшим символическим зарядом, ведь сакральная значимость каждой вещи приближается здесь к своему максимуму. Речь идёт о вещах, сопровождающих человека в иной, загробный мир. Исключена случайность как в подборе самих вещей, так и в общей картине их расположения. Вещная композиция погребения уже в силу функциональности сопроводительного инвентаря – обеспечивать условия для существования в ином мире – призвана отражать представления о том, другом мире. Благодаря символизму вешного окружения конструируются наиболее характерные черты потустороннего мира и определяется его место в общей структуре мироздания. Вещь и её место в общей структуре погребального инвентаря – вот те ключе-

вые признаки, которые позволяют археологу и этнографу вести диалог при изучении погребального обряда. Остановимся подробнее на каждом из них.

Онтологический статус вещи в научной историографии XX в. был присущ семиотике, поставившей во главу угла знак. Интересно, что предтеча семиотики швейцарский лингвист Ф. де Соссюр определил языковой знак как связь между «означающим», т.е. «акустическим образом», или звучанием, и «означаемым», т.е. понятием, удалив из этой связи вещь [см. (Соссюр, 1999, с. 69–70)]. Однако левое полушарие, управляющее звуковой речью (акустическими образами), по своему происхождению оказывается более молодым, чем правое, связанное с передачей информации посредством зрительных и пространственных образов, прежде всего образов предметов, свойств и признаков, позднее – действий (Иванов Вяч. Вс., 1978, с. 34). Следовательно, предмет в роли означающего предвосхитил слово и соединял знак и понятие, что и нашло отражение в классической схеме знаковой ситуации [(см. (Шафф, 1963, с. 226)].

Символы как разновидность знака, согласно взглядам Ю.М. Лотмана, представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума и не дают ему распасться на отдельные хронологические пласты. Эту «функцию механизма единства» символ выполняет благодаря двум своим свойствам. Во-первых, он способен сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты, являясь памятью культуры, ее архаикой. Во-вторых, символ легко вычленяется из семиотического окружения и входит в новое; он не принадлежит какому-либо одному синхроническому срезу культуры, а пронзает ее, «проходя из прошлого и уходя в будущее» (Лотман, 1987, с. 11–12).

Концентрируя в себе архаику, знаки-символы становятся привлекательным объектом для этнологии, исследующей традиционные общества. Имея дело прежде всего с наблюдаемыми или зафиксированными фактами, действиями, явлениями, этнограф объективно ранжирует элементы знаковой ситуации следующим образом: вещь – символ – понятие. Знаковость в этнологии начинается с вещи. В этнографии признана условность деления культуры на мир вещей и мир знаков и выделен класс объектов, относимых к «квази-семиотическим явлениям», занимающим промежуточное положение между миром фактов и миром знаков: при вхождении в определен-

ную семиотическую систему такие объекты осознаются знаками, при выпадении из нее – вещами. Соотношение «вещности» и «знаковости» в объекте выражено через понятие «семиотический статус» вещи (Байбурин, 1981, с. 216).

Семиотический статус вещи в контексте ритуала активно изучается в этнографии. Укажем лишь на актуальное в контексте методики данной монографии положение А.М. Сагалаева о глубинном смыслообразующем содержании предметов из разряда утилитарно-бытовых, погруженных в мифологическую или ритуальную сферу: ложек, ковшей, лопаток, черпаков, выполнявших функцию орудий творения. «Их обманчивая простота и обыденность оборачиваются в плане семантики богатством мифопорождающих ситуаций» (Сагалаев, 1991, с. 48–50). Реконструируя функции вещи как знака, исследователи пытаются найти результирующий их вектор, определить то, что П.Г. Богатырёв назвал «функцией структуры функций». Исследователь понимал под ней «нечто целое, обладающее своей особой функцией, отличной от тех отдельных функций, которые как отдельные элементы составляют всю структуру» (Богатырёв, 1971, с. 357). Нахождение результирующей функции позволяет выйти на подсознательный уровень в интерпретации культуры, связанный с «классифицирующей деятельностью универсального характера» [см. (Байбурин, 1981, с. 217)]. Из разработок в указанном направлении несомненный интерес представляет концепция А.Л. Топоркова, трактующего «глубинную семантику» вещей с точки зрения выполнения ими медиативных функций. На уровне символического осмысления быта посредничество вещей ориентировано на оппозицию «своего» и «чужого» мира, а на уровне осмысления ритуала – на оппозицию «человек – природа» (Топорков, 1989, с. 95).

Процесс изготовления вещи интерпретируется исследователями как ритуал, порождающий технологию, как ритуально-производственный процесс, воспроизводящий правильность исходной схемы (Байбурин, 1989, с. 68; Балакин, 2002, с. 46–47). Изготовление вещи в традиционной культуре – процесс индивидуальный, поэтому и связь, возникающая между человеком и вещью, глубоко личностна, через эту связь в вещь переходит частичка ее создателя. Так, нгансаны считают, что «жизненность» каждого конкретного человека в первую очередь присуща ему самому, а также всем предметам и существам, с которыми он соприкасается (Грачёва, 1983, с. 53). В дан-

ном контексте применима теория Л. Леви-Брюля о партиципации первобытного мышления – сопричастности человека окружающим его вещам, способности одновременно пребывать в себе и вне себя (Леви-Брюль, 1994, с. 62). Более того, В.М. Кулемзин считает, что «когда речь идет об отношениях человек – вещь, то правильнее говорить о субъект-субъектных отношениях, чем о субъект-объектных», ведь когда человек работает над вещью, то и вещь «работает» над человеком, совершенствуя его умения и характер (Мифология хантов, 2000, с. 52). Покидая мир людей, человек уносит с собой и свою «жизненность», и, очевидно, с этим мировоззренческим постулатом связан обычай класть в погребение личные вещи покойного – сопроводительный погребальный инвентарь.

Его анализ позволяет проникнуть в «философию», закодированную в предметах. Для этого важно выявить закономерности в общей композиции погребального инвентаря. «Каждая сакральная вещь должна быть на своем месте». Эту фразу туземного мыслителя К. Леви-Строс прокомментировал следующим образом: «...именно пребывание (вещи. – *О.Р.*) на своем месте делает ее сакральной, поскольку при нарушении, хотя бы даже мысленном, этого оказался бы нарушенным весь мировой порядок; следовательно, вещь, занимающая принадлежащее ей место, способствует поддержанию его» (Леви-Строс, 1999, с. 121). Представляется, что методической матрицей, позволяющей вскрыть композиционные закономерности в расположении погребального инвентаря и перевести их интерпретацию в плоскость мировоззрения, может послужить принцип «гомологической партиципации». По мнению К. Леви-Строса, он заключается в том, что «система социальных отношений, в целом солидарная с системой универсума, может быть спроецирована в анатомический план» (1999, с. 246). Объяснение принципа сходства частей применительно к вещам содержится в работе В.Н. Топорова. Он выделяет «внутренние вещи» (органы чувств), благодаря которым человек «впускает» в себя мир, и «внешние вещи» (собственно вещи), посредством которых он вторгается в этот мир. Части тела выступают как вещи, образы, предвосхищающие «первовещи», поэтому части тела «вещественны», а вещи действуют в пределах того функционального пространства, которое определяется возможностями человеческого тела. Это делает возможной операцию двухстороннего

перехода – представление частей тела в «вещном» коде и вещей – в «квазителесном» (Топоров, 1995, с. 13–14).

Авторы данной монографии поставили во главу угла вещь и подошли к её исследованию с позиций археолого-этнографического синтеза, что потребовало корректировки существующих методик. Вещь рассматривается в монографии в единстве её вещности и знаковости, т.е. с точки зрения семиотического статуса. Подходы к изучению «вещности» хорошо разработаны в археологии, они базируются на типологическом и сравнительно-историческом методах. С их учётом погребальный инвентарь анализировался по следующим направлениям. Во-первых, разработка типологий для определённого класса предметов с учётом материала, способов его обработки, в том числе и орнаментальной, формы, конструктивных особенностей. Во-вторых, соотнесение полученных результатов с археологическими и историческими данными по Западно-Сибирскому региону и выявление культурных связей и временной вариативности признаков. В-третьих, реконструкция утилитарных функций вещей при обращении к этнографическому материалу по системе жизнеобеспечения народов Западной Сибири.

Вещь как знак изучалась с опорой на этнографические данные. Во-первых, определялась семантика данного класса вещей (стрела, топор, табакерка и др.) при обращении к обрядовой практике, мифологии, фольклору этноса, оставившего некрополи, а также материалам по другим народам Западной Сибири; использовались и разработки в изучении культуры народов Сибири с точки зрения символического подхода, т.е. выявления и интерпретации центральных символов, вокруг которых эти культуры организованы. Во-вторых, полученные выводы верифицировались на материалах конкретных хантыйских некрополей. Для этого устанавливались закономерности в размещении погребального инвентаря относительно тела погребённого и композиционные характеристики вещного сопровождения соотносились с космологическими схемами этноса, их пространственно-временными координатами. В-третьих, по мере возможности определялись результирующие функции определённого класса предметов, выводящие интерпретацию на уровень мировоззренческих обобщений, философских дефиниций, охватывающих мировидение хантов.

Избранная методика, на наш взгляд, позволяет предельно сблизить язык археологии и этнографии, сделать его взаимоприемлемым и избежать довольно стандартной ситуации общения представителей двух дисциплин с помощью различных знаковых систем, что неизбежно ведёт к непониманию и существенно обедняет ресурс обеих наук. Делая акцент на выявлении смыслов вещного мира в традиционной культуре хантов, авторы монографии пополняют уже довольно многочисленный круг литературы, посвящённой изучению символических форм этнической культуры. С полным правом можно присоединиться к высказыванию известного американского антрополога К. Гирца: «Значение, эта неуловимая и неясная псевдоматерия, которую мы с готовностью отдали на растерзание философам и литературным критикам, теперь вернулась в самый центр нашей дисциплины» (2004, с. 39).

Глава 1. НЕКРОПОЛЬ

1.1. Общая характеристика

Источники, к которым относятся полевые материалы антропологических экспедиций В.А. Дрёмова, до недавнего времени были почти не востребованы исследователями, хотя несомненная ценность их очевидна и состоит в том, что они являются овеществленным связующим звеном между данными археологии и этнографии. Специфичность им придаёт то обстоятельство, что они имеют «не археологическое» происхождение (XVIII – первая половина XX в.) и в силу этого не становились объектом изучения для археологов. Материалы не были востребованы и этнографами, так как представления о смерти, потустороннем мире, об отношении к умершему у коренного западносибирского населения реконструируются ими на основе полевых этнографических данных и достаточно полно отражены в специальной литературе. Привлечение указанного источника особенно перспективно и важно при реконструкции различных сфер духовной культуры аборигенного населения, к одной из которых относится погребальная обрядность – явление достаточно консервативное и менее всего подверженное инновациям.

В.А. Дрёмов, занимаясь в 1960–1980-х гг. исследованием проблем антропо- и расогенеза коренных народов Западной Сибири, неоднократно подчёркивал необходимость комплексного изучения источников по истории не только отдельных этносов, но и групп одного этноса. Для сбора этнографических данных при раскопках поздних кладбищ им были разработаны опросники и схемы описания погребений. Большое внимание он уделял изучению восточной группы хантов, проживающих на территории Салымского края.

Представления о Нижнем мире, его географии и обитателях у обских угров достаточно противоречивы и скудны. Менее всего они исследованы как раз у салымских хантов, о чём пишет и

Е.Г. Фёдорова, освещая состояние данной проблемы (2000, с. 225). В связи с этим представляются важными публикация и анализ материалов по погребальной обрядности данной этнической группы, полученных в результате раскопок поздних кладбищ XVII–XX вв.

В 1984–1987 гг. В.А. Дрёмовым были проведены раскопки в Нефтеюганском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа. В 1984–1985 гг. на р. Большой Балык – Усть-Балыкское*, Каркатеевское (Старое Каркатеево I) и Мамонтовское кладбища XIX–XX вв., в 1987 г. на р. Салым – Кинтусовское I, Кинтусовское II, Соровское, относящиеся к XVII–XX вв.

Судя по полученным материалам, необходимым условием в выборе места для кладбища было наличие поблизости водоёмов и естественных возвышающихся объектов, а начиная с XVIII в. – жилых посёлков. Приблизительно с этого времени кладбища стали устраивать рядом с жилым поселением, недалеко от воды: на берегу реки, ручья – Кинтусовское I, Кинтусовское II, Соровское, на мысах между ручьями – Каркатеевское, на возвышающихся террасах или гривах – Усть-Балыкское. Место расположения кладбища выбиралось согласно представлениям хантов о «верхе» и «ниже». Кладбище не могло располагаться выше жилого посёлка по течению реки, по отношению к нему оно всегда находилось вниз по течению реки (Фёдорова, 2000, с. 228). Около одного населённого пункта могло быть несколько кладбищ. Так, в юртах Кинтусовских в XVII в. оно находилось на древнем городище у озера Емин-тув. Современным населением это кладбище до сих пор осознаётся как первоначальное место погребения народа «Ар-ях». В XVIII в. новое кладбище было основано на р. Вандрас неподалеку от древнего городища (Вандрасовского I). Третье, ныне действующее кладбище, возникло в XX в. и расположено на том же берегу реки, что и поселение (Там же, с. 228).

Основные составляющие погребального обряда хантов, проживавших на р. Салым, проанализированы по материалам конкретных памятников.

Кинтусовское кладбище I (кол. № 7626) находилось на правом берегу р. Вандрас у пос. Салым (прежнее название – Кинтус),

* Данное кладбище территориально не тождественно могильнику Усть-Балык, раскопанному В.И. Семёновой [см. (Семёнова, 2001, с. 15)].

неподалеку от впадения р. Айеги в Вандрас. Кладбище занимало участок мыса, поросшего сосновым лесом, на нём, судя по информации местной жительницы Е.И. Качаловой (в девичестве Земцова), не хоронили с 1941 г. (Дрёмов, 1983, с. 30–32).

Могилы концентрировались в небольшие группы, внутри которых прослеживались ряды. Внешние признаки захоронений хорошо различались: в дневниковых записях отмечено наличие продолговатых западин разной глубины и размеров, ориентированных преимущественно по линии северо-восток – юго-запад, реже запад–восток. Всего было вскрыто 33 объекта: 28 грунтовых могил и 5 впадин, оказавшихся естественными углублениями.

Над некоторыми могилами под дерновым слоем были выявлены остатки деревянных конструкций в виде брёвен или жердей, продольно уложенных вдоль краёв ям (могилы 4, 15, 22, 24, 25, 26). Над одной из могил (могила 11) над гробом было устроено перекрытие, сверху застланное берестой. Ориентированы намогильные конструкции так же, как могилы.

Берестяные полотнища при погребении на этом кладбище использовали довольно редко, в отличие от Усть-Балыкского (Боброва, 2003, с. 211). Отмечено всего два случая: в одном – полотнищем был покрыт гроб (могила 4), в другом – тело погребенного (могила 7).

Умерших хоронили преимущественно в дощатых гробах прямоугольной или трапециевидной формы (20 случаев). Иногда погребения совершали в выдолбленных колодах (3 случая). Одно захоронение выполнено в распиленной пополам долблёной лодке (могила 12): покойный был уложен в ней головой в зауженную часть, ногами – в обрезанную сторону лодки. В остальных случаях тип сооружения не выявлен.

Максимальная длина внутримогильных конструкций колебалась в пределах 195–210 см, ширина – 30–50 см. Лодка имела размеры 175 × 45 см; колоды – 210 × 30, 115 × 90 см. Глубина могил варьировалась от 20–30 до 130 см, в среднем составляя 60–70 см. В дневниках не указано, от какого уровня определялась глубина могил. Вероятнее всего, измерения проводились от уровня современной дневной поверхности.

В засыпях пяти могил обнаружены отдельные предметы: железное ведро небольших размеров (могилы 6, 16), фаянсовая

чашка и топор (могила 7), шкатулка-сундучок (могила 13), топор, воткнутый лезвием в гроб (могила 8), блюдо (могила 14). Вещи были найдены на разной глубине над гробом в области ног погребённых. Наличие сопроводительного инвентаря свидетельствует о существовании обычая оставлять для умершего посуду, орудия труда и вместилища для хранения предметов. Вещи клали на могилу или внутри неё, над погребальным сооружением.

Захоронения произведены в вытянутом положении, на спине. Отмечено неустойчивое расположение рук: вдоль тела; кистями «на животе» или в области тазовых костей; правая – вдоль тела, левая – в области таза; правая – на груди, левая – под тазовыми костями.

Покойных ориентировали головой на юго-запад (23 случая), запад (3), юг – юго-запад (1).

Хоронили в нижней и верхней тёплой одежде. В четырёх случаях на руки покойным были надеты варежки или перчатки; на ногах некоторых из погребённых сохранились шерстяные чулки или носки. В одной из могил около головы была положена пара зимней обуви типа унтов. В трёх могилах на крышках гробов была сложена одежда.

В погребениях женщин зафиксированы бисер, бусы, оловянные и бронзовые бляшки, многочисленные литые и полые подвески, перстни, колокольчики, которыми могла быть расшита их одежда. Находки концентрировались в виде скоплений в области головы, плеч и грудного отдела, иногда в области колен.

В гроб с покойным ставили разнообразную кухонную утварь: туески и небольших размеров коробочки из бересты, железные коробочки, фаянсовые и фарфоровые чашки и блюда (6 случаев), деревянную и глиняную посуду, медные и чугунные котлы (5), эмалированные кружки (1), стеклянные бутылочки (1) и пр. Предметы помещали преимущественно в области ног погребённых, у колен или стоп, реже – в области пояса, тазобедренного отдела. Довольно редко встречалось иное местоположение посуды. Так, в одной из могил глиняная чашка была поставлена около головы покойного, в другой – котёл с железной поварёшкой стоял около левого плеча.

Орудия труда – ножи и ножницы – обычно клали в области пояса, бёдер, голени справа (5 случаев) или слева (6) от покойного. Нетрадиционное положение ножа – около правого плеча – отмечено

в одном случае. Топоры клали вдоль тела покойного справа в области бедра, колена, голени.

Монетный материал позволяет датировать захоронения на этом кладбище началом XIX – первой половиной XX в. (Дрёмов, 1987, с. 181; кол. № 7627).

Кинтусовское кладбище II (кол. № 7627). Расположено на правом берегу р. Вандрас, вниз по течению, недалеко от пос. Салым.

На поверхности хорошо различались могильные западины, сгруппированные в два ряда. Вскрыты все видимые объекты: 6 из них содержали остатки захоронений, 1 оказался могилкой, грабительно раскопанной.

Намогильное бревенчатое сооружение фрагментарно сохранилось только над одним погребением. Оно было обнаружено на глубине 50 см от уровня современной дневной поверхности в виде жердевого перекрытия (диаметр жердей 10–12 см, длина 250 см), которое располагалось над гробом и было покрыто берестой. На крышке гроба лежали плахи, возможно от полатей, под ними тоже была проложена береста.

В засыпи одной из могил, под дёрном, в области ног погребённого были найдены глиняный горшок и топор, а в области грудного отдела – икона небольших размеров и медная монета достоинством 5 копеек 1870 г.

Традиционным способом погребения у этой группы населения был грунтовый. Хоронили в могильных ямах глубиной от 40 до 130 см (в среднем 65–70 см), в вытянутом положении, на спине, в дощатых гробах трапециевидной и прямоугольной формы (размеры: 195 × 35; 180 × 55–35, 160 × 80, 110 × 25 см), ориентируя головой на юг (2), юго-запад (2 случая), юго-восток (1), северо-восток (1). Положение рук, как и ориентация, неустойчивое: кисти обеих рук в области «живота» или тазовых костей; левая рука – вдоль тела, правая – в области бедра.

Умерших хоронили в верхней одежде. Она сохранилась в виде фрагментов зимнего пальто, шерстяных носков, головных уборов. Украшением последних, вероятно, служили бисер, бусы, бляшки, кольцо, перстень, обнаруженные в области головы.

Посуду – фаянсовую и фарфоровую (блюдец, чашка, заварной чайник) – клали в гроб в области ног: слева и справа от колен или

около стоп. Берестяную, имевшую округлую крышку с крестообразной прорезью, – чаще в области головы.

Ножи располагались в области тазобедренного отдела.

На правой руке одного из погребенных сохранилось обручальное кольцо, на левой – перстень. В одном из мужских захоронений в области пояса, слева от тазовых костей, лежала курительная трубка с медным кольцом для подвешивания.

Время появления погребений определяется нумизматическим материалом в пределах 1828–1870 гг.

Кладбище у Соровского озера (кол. № 7625). Расположено на берегу одного из ручьёв, впадающих в озеро с запада. Находится на гриве, поросшей сосновым лесом. Могилы обозначены хорошо различающимися на поверхности западинами, размещёнными вдоль берега по направлению северо-запад – юго-восток. Западины ориентированы длинными сторонами на северо-восток – юго-запад (63 случая), север – юг (15), северо-запад – юго-восток (1).

Могилы, ориентированные в направлении север – юг, занимали южный и преимущественно юго-восточный окраинные участки кладбища (могилы 1, 8, 9, 13, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 37, 38, 41, 73). Захоронения с ориентацией северо-восток – юго-запад концентрировались на северном участке кладбища и один их ряд – на юго-западной оконечности некрополя. Эти могилы с «основной» для всего кладбища ориентацией выстраивались в несколько рядов вдоль берега, остальные занимали промежуточное положение между ними.

Всего на памятнике раскопано 87 объектов, 7 из которых оказались не могилами, 5 имели следы разграбления. По возрасту в группе погребённых определены 59 взрослых (24 мужчины, 28 женщин, пол 7 не определен) и 21 ребёнок. Количество детских захоронений в действительности могло быть намного больше, так как во время раскопок детские могилы старались не вскрывать из-за их плохой сохранности и малой информативности (Дрёмов, 1987, с. 35).

Диапазон возраста смерти, по предварительным краниологическим данным, у детей – от 1 года до 12 лет, у мужчин – от 30 до 55, у женщин – в тех же пределах. Средний возраст продолжительности жизни у детей составил 4 года, у мужчин 42, у женщин

46 лет. Отмечен значительный процент детской смертности в возрасте до 5 лет.

Глубина могильных ям и на этом кладбище не превышает 130 см. Выявлена определенная её зависимость от возраста погребённых: глубина могил детей в возрасте до 1 года меньше, чем у более старших по возрасту. В среднем она составляла 50 см.

Детей хоронили в дощатых гробах, соответствующих их росту: 80 × 35, 105 × 40, 120 × 40 см при высоте стенок 20–25 см. В одном случае захоронение произведено в долблёной колоде. Ориентировали головой на юго-запад (14 случаев), юг (2), запад (1). В пяти могилах детей, имевших возраст до 3 лет, не было сопроводительного инвентаря. Двое детей (до 1 года и 4–5 лет) похоронены с нательными крестами. Бисер, бусы, оловянные бляшки, которыми обычно украшали одежду женщин, а также серьги встречались в меньшем количестве, чем у взрослых. Они являются своеобразными маркерами погребений девочек.

В целом детям вообще клали меньше вещей, чем взрослым. Однако чем старше был ребенок, тем ближе к группе взрослых оказывался сопровождавший его инвентарь. Так, с подростками 10–12 лет уже были положены топоры; в ногах одного из них был поставлен деревянный сундук, у другого в засыпи могилы оставлены фарфоровые блюдце и чашка.

В пяти могилах найдены монеты 1801–1869 гг. – времени, в которое и были похоронены эти дети.

Материалы, полученные в ходе раскопок на р. Большой Балык, представлены *Усть-Балыкским* (29 погребений), *Каркатеевским* – *Старое Кракатеево I* (4) и *Мамонтовским* (1) кладбищами. Их описание сделано в обобщенном виде из-за неравнозначности проведенных на них раскопок (см. табл. 1). Всего вскрыто 34 погребения: 27 – из группы взрослых (14 мужских, 12 женских, 1 – не определено), 3 – подростков и 4 – детского возраста. Пол детей и подростков не определен.

Традиционным для хантов, проживавших на р. Большой Балык, также был грунтовой способ погребения при глубине могильных ям от 60 до 125 см, среднее значение – 60–90 см. Соблюдался принцип рядности могил, хорошо различимый визуально. Ряды включали по 3–7 могил и концентрировались в небольшие группы. В одном ряду

Таблица 1

Характеристики ии разбавной иириды чингис ул. калыпши багчак.

№ п/п	Материалы изготовления		Материалы изготовления		Вспомогательные материалы		Материал	Материал	Материал	Материал		Материал		Материал		Материал	Материал	Материал	Материал
	Легированный	Резина, ст	Орматин	Халик	Промы	Под				Материал	Материал	Материал	Материал	Материал	Материал				
1																			
2																			
3																			
4																			
5																			
6																			
7																			
8																			
9																			
10																			
11																			
12																			
13																			
14																			
15																			
16																			
17																			
18																			
19																			
20																			
21																			
22																			
23																			
24																			
25																			
26																			
27																			
28																			
29																			
30																			
31																			
32																			
33																			
34																			

* - ИШЛКНЕ
№0 - не определен

хоронили взрослых и детей, лиц мужского и женского пола, что отражало принцип семейно-родственных отношений.

Внутримогильные сооружения – гробы – имели трапециевидную (Усть-Балык – 29 случаев) и прямоугольную форму (Каркатеево – 4). Их делали из толстых плах (5–8 см), сколоченных по углам четырёхгранными коваными или круглыми фабричными железными гвоздями. Крышки тоже изготавливали из толстых, довольно широких плах, обычно из двух; в одном случае – из пяти досок. Крышку и стенки гроба сверху накрывали берестяным полотнищем, сшитым из нескольких листов. По своим размерам оно всегда превышало величину гроба и на момент раскопок по-прежнему оставалось очень прочным. Полное обёртывание гроба берестяной тиской зафиксировано в погребении ребёнка на Усть-Балыкском некрополе (могила 20).

Размеры внутримогильных сооружений в основном соответствовали росту и комплекции покойных и у взрослых достигали $1,50 \times 0,58$ – $0,50$ – $1,98 \times 0,68$ – $0,60$ м. В других возрастных группах соответственно $1,25 \times 0,55$ – $0,50$ – $1,68 \times 0,50$ – $0,47$ м.

Специальных деревянных конструкций на дне могильных ям не устраивали. В одной из могил Каркатеевского некрополя найдены остатки травы, которой были присыпаны дно и крышка гроба.

Могильные ямы перекрывали на уровне современной дневной поверхности жердями или берестяным полотнищем, не засыпая землёй гроба, поэтому между ним и перекрытием оставалось пустое пространство. На перекрытии возводили небольшой могильный холмик. В настоящее время его высота колеблется от 10 до 30 см. По прошествии времени в результате естественного разрушения перекрытий пустое пространство затягивалось землёй, образуя над могилами хорошо заметные провалы. Аналогичным образом устраивали захоронения селькупы р. Тым в XV–XVII вв. (Березовская, Боброва, 2001, с. 31).

Возможно, наличие такого способа возведения могил у хантов отражает относительную хронологию погребений: ямы не засыпали в более древних захоронениях, а появление нового обычая – засыпания могилы землёй – могло быть связано с влиянием христианской традиции. В последнем случае между засыпью ямы и могильным холмиком расстилали берестяную тиску, которая маркировала как естественную границу между ямой и уровнем

современной дневной поверхности, так и символическую – между Нижним и Средним мирами. На некоторых могилах Усть-Балыкского кладбища такие берестяные полотнища сохранились и были хорошо видны под дёрном до начала раскопок.

После предания покойного земле над могилой в изголовье устанавливали дощатый (19 случаев) или бревенчатый (8) дом, на торцевой стенке которого, в нижней доске или бревне, вырезали специальные оконца размерами 8×8 или 11×11 см для общения с покойным. Крыши некоторых сооружений сверху накрывали берестой (могила 27 Усть-Балыкского некрополя).

Намогильные сооружения превышали по размерам внутримогильные конструкции и ямы и зависели от возраста покойного. У взрослых они варьировались от $1,80 \times 1,05$ до $2,80 \times 1,20$ м. У детей имели меньшие размеры: $1,60 \times 0,75$; $2,10 \times 0,95$ м.

В засыпях 18 могил в пространстве от уровня современной дневной поверхности до крышки гроба на различной глубине обнаружены топоры (7 случаев), медные чайники (4), котлы (2), наконечники стрел с древками (1), железное ведёрко или котелок (1), деревянный сундучок (1), эмалированная кастрюля (1), изделия из фарфора (2) и стекла (1), обувь (1).

Вещи из цветных металлов (чайники и котлы), как отмечал В.А. Дрёмов, часто имели следы намеренной порчи: пробитое дно, рассечённое топором устье, погнутые ручки; отсутствующие дужки котлов. В могиле 15 Усть-Балыкского некрополя котёл был поставлен вверх дном.

Покойных хоронили в вытянутом положении, на спине. Зафиксирован лишь один случай в Усть-Балыкском некрополе (могила 15), когда костные останки оказались частично смещены. Возможно, имело место повторное захоронение. На Усть-Балыкском некрополе головой ориентировали «на восточную сторону», преимущественно на северо-восток (20 случаев), юго-восток (6), север – северо-восток (2) и восток (1); на Каркатеевском и Мамонтовском – на северную. Никаких различий в ориентации по полу и возрасту не выявлено.

На основе описанных В.А. Дрёмовым случаев зафиксировано неустойчивое положение рук погребённых, хотя их чаще укладывали вдоль тела, скрещивая в области тазовых костей: «на лобке» (21 случай); «на животе» или «на бедрах» (4). Иные

варианты – правая рука вытянута вдоль туловища, левая на тазовых костях (3); левая положена вдоль туловища, правая в области живота (1). Не отмечено случаев положения рук по христианскому канону – скрещенно на груди.

По сохранившимся остаткам тканей на костных останках и на стенках гробов можно предполагать, что существовал обычай покрывания покойного специальной материей или головным платком. Видимо, когда-то эта традиция строго соблюдалась, однако при раскопках на неё не было обращено должного внимания. Не исключено, что имело место и выстилание гроба тканью, которое совершенно точно зафиксировано лишь в одном случае.

Под голову покойным в гроб клали перовые подушки (Каркатеевское кладбище) или свёрнутую одежду – кофту, пиджак (Усть-Балыкское кладбище).

Все погребённые, за одним исключением, похоронены с многочисленным инвентарём – украшениями, орудиями труда, предметами быта, посудой и личными вещами. По количеству и набору инвентаря отчётливо различаются погребения детей и взрослых. У первых инвентаря меньше, но по его набору и украшениям на одежде безошибочно выделяются могилы девочек: на их одежде всегда много бисера, мелких пуговиц, а в изголовье или в области ног обязательно установлена большая берестяная коробка для рукоделия, которая маркирует захоронения лиц женского пола.

Практически в каждом погребении зафиксированы коробки из квадратного куска бересты с прорезью («сосуд уха»), фарфоровая посуда – чашка, блюдце, бокал, а также иная посуда – железное ведёрко, эмалированная миска, берестяной туесок.

В могиле 22 Усть-Балыкского некрополя внутри эмалированного чайника лежала деревянная скульптура оленя, возможно, игрушка. В одном из детских погребений того же кладбища (могила 6) обнаружен нательный крест на цепочке и только в одном случае – железный топор.

Из датирующих предметов встречены монеты конца XIX – начала XX в., жестяная консервная банка XX в.

К группе детских отнесены и погребения подростков (3). В них зафиксирован аналогичный набор предметов. По наличию ножа, топора, наконечников стрел в могиле 16 Усть-Балыкского некрополя можно уверенно отнести покойного к лицам мужского пола. В могиле

28 того же некрополя, вероятно, похоронена девочка, что определяется по инвентарю и украшениям одежды. Её одежда расшита бисером, ей поставлена берестяная коробка для рукоделия с кусочками материи, кожи, нитками, пластмассовым гребешком, гребнем без зубьев, стеклянным флаконом из-под одеколона, рюмкой без ножки. В той же коробке лежали монеты (1925–1952 гг.), резиновый мяч, заводная игрушка, автомобиль без колес, бутылочка, тюбик с кремом, 4 простых карандаша, фабричная брошь и пр.

Женских захоронений насчитывается 13. Женщина в хантыйской среде оценивалась в зависимости от её социальной роли – как сестра, жена, мать. В отношении к ней подчёркивались такие качества, как способность к воспроизведению потомства, материнство, умение обращаться с иглой, напёрстком, шить одежду из звериных шкур. Эти представления нашли отражение и при «отправлении» в Нижний мир. Различия в отношении к женщинам разного возраста проявляются в количестве и подборе сопроводительного инвентаря. Так, при погребении взрослых женщин на могилах были оставлены медный чайник, котёл, перевернутый вверх дном, топоры, а на одном из перекрытий – медный чайник, железный топор и две пары обуви.

Женщинам и мужчинам ставили в гроб металлическую, фарфоровую, берестяную посуду. Маркёром женских погребений были берестяные коробки для рукоделия (8 экземпляров). По форме и размерам они стандартны: диаметр не превышает 24–28 см, высота стенок – 8–15 см. Коробки для рукоделия, как и при жизни, являлись своеобразными хранилищами различных предметов, отражавших состоятельность, характер, индивидуальные привязанности владельцев. Бисер и бусы, хранящиеся в них, обычно были распределены в разные ёмкости – берестяные туески, коробочки, железные баночки. В одной из коробок найдены кусочки различной материи и кожи, простые и шерстяные нитки, красители для них, крепитки из костей птиц для нитей, игольницы, напёрстки, коробки со спичками, ножи, монеты. Иногда стандартный набор дополнялся человеческим зубом или человеческими волосами. В двух коробках хранились стеклянные флаконы из-под духов, стеклянная пробирка с лекарствами, остатки свечи, просверленный клык небольшого хищника и даже точильный камень (Усть-Балык, могила 4).

Обнаруженные предметы не только отражали прижизненные умения своих владельцев, но и социальный статус погребённых женщин, о чём свидетельствует и остальной сопроводительный инвентарь из погребений: нательные кресты, монеты, фарфоровые чашки и блюда, бокалы, эмалированные большие миски, железные ведёрки-котелки, медные котлы и чайники, берестяные туеса и берестяные коробки, изготовленные из цельного куска квадратной формы, деревянные ложки, ножи, топоры и пр. В одних случаях инвентарь был скромным и насчитывал не более 10 предметов, в других – очень разнообразным и включал до 100 и более предметов.

Покойных хоронили в вытянутом положении, на спине, ориентируя головой в основном на восток: северо-восток – 9 случаев, юго-восток – 2, север – 2 (?). При хорошей сохранности костных останков зафиксировано неустойчивое в целом расположение рук покойных: кисти рук «на лобке» (7–8 случаев); «на животе» (1); правая – вдоль туловища, левая – в области живота (1); левая – вдоль туловища, правая – на груди (1).

На основании вышесказанного можно заключить, что погребение умерших сопровождалось определёнными действиями, выполнявшими символические функции, часть из которых удаётся восстановить при обращении к этнографическому материалу.

По отношению к жилому поселению у восточных хантов кладбища находились вниз по течению реки, чаще на противоположном берегу, который назывался «сторона мёртвых». Это соответствовало традиционным представлениям обских угров о мире мёртвых как о мире, находящемся в нижнем течении реки. Одновременно его расположение мыслилось под землёй. Низовья рек, в свою очередь, отождествлялись с Севером, стороной холода и мрака, располагавшейся за устьем Оби (Карьялайнен, 1994, с. 139; Фёдорова, 2000, с. 226–227; Попова, 2003, с. 75). По этой причине использовались дополнительные преграды, отделявшие места захоронений от поселений живых людей, – лог, ручей, старица. Кладбища устраивали и устраивают до сих пор неподалёку от воды: на мысах, образованных протекавшими рядом ручьями, на берегу озёр и рек, на достаточно высоких местах, недоступных паводковым водам. Около одного населённого пункта их могло быть несколько, как, например, в окрестностях юрт Кинтусовских.

Судя по материалам, на кладбищах Салымского края с середины XVIII в. стали возводить намогильные сооружения – специальные домики из брёвен, жердей или плах. На момент раскопок они сохранились в виде полусгнивших жердей, лежавших над впадинами могильных ям. Захоронения XIX–XX вв., визуально различимые и сегодня, предстают в виде целых или полуразвалившихся домиков с окошком на одной из торцевых сторон. Надгробное сооружение считалось жилищем покойного с момента погребения (Кулемзин, 1994, с. 371).

Обычно могилы на кладбище располагаются рядами или небольшими группами. Рядность и их группировка небольшими скоплениями отражают семейно-родственные отношения погребённых. Проявление особой заботы об умершем – погребение его на родовом кладбище, где он будет находиться вблизи от своих промысловых угодий и близких родственников, всегда сможет рассчитывать на их помощь и заботу (Карьялайнен, 1994, с. 136). Попадая в Нижний мир, человек становился живым. Жизнь эта мыслилась сходной с реальной земной, только время там течёт вспять и круг общения определён сообществом родственников, связей с чужими там нет, поэтому так важно было доставить на родовое кладбище умерших на чужбине (Кулемзин, 1994, с. 379). Могилу копали в одном ряду с ранее умершими родственниками для того, чтобы дать покойному возможность общаться с ними в Нижнем мире (Там же, с. 370).

Умерших хоронили в грунтовых ямах, средняя глубина которых равнялась 50–100 см и, следовательно, не отражала зависимости от роста погребённых. По этнографическим материалам, для хантов р. Балык даже моховая подстилка могла служить границей между Средним и Нижним мирами. Снятие мха означало перемещение в Нижний мир (Кулемзин, 1994, с. 366). На р. Салым, по мнению В.М. Кулемзина, возник компромиссный вариант: умершего клали в неглубокую яму (40–50 см), но на моховую подстилку, и это означало, что он «оставался» всё-таки в Среднем мире, среди своих, хотя христианский обычай требовал опускания тела в могилу (Там же).

В далёком прошлом салымские ханты хоронили покойных без гроба, на доске, обернув умершего берестой, а в начале XX в. использовали гробы-колоды (Фёдорова, 2000, с. 228).

Судя по материалам раскопок, в XVIII–XX вв. большого разнообразия в устройстве внутримогильных погребальных конструкций не существовало: хоронили только в гробах, трапециевидной и прямоугольной формы, сделанных из толстых и широких остроугольных плах. Гроб сверху покрывали или полностью обертывали берестяными полотнищами. Иные типы сооружений (распиленная часть лодки, колода) единичны, хотя известно, что захоронение в лодках широко практиковалось у северных хантов (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 28, 30, 31, 33 и пр.) и являлось своеобразным способом попадания в Нижний мир. На р. Казым в распиленной лодке хоронили только рыбаков (Кулемзин, 1994, с. 367).

Заворачивание тела (или гроба) в берестяное полотнище, видимо, можно рассматривать и как один из способов перехода в иной мир (Кулемзин, 1994, с. 367). Применение бересты при погребении на Усть-Балыкском кладбище было равносильно использованию моховой подстилки на р. Салым. То и другое намечало границу между двумя мирами.

В погребальном обряде манси гроб сверху тоже покрывали берестой, объясняя её использование способностью не пропускать влагу. С.А. Попова считает, что накрывание гроба берестой является репликой более древнего способа захоронения – погребения тела покойного в бересте (Попова, 2003, с. 71).

Покойных хоронили в вытянутом положении, на спине. Отмечено неустойчивое размещение рук (обе вдоль тела или в области тазобедренного отдела; одна – вдоль тела, другая – в области груди или пояса и т. д.). Различна и ориентация погребённых: на Усть-Балыкском некрополе – головой на восток (северо-восток, юго-восток), на Каркатеевском – на север, на Кинтусовском I и Соровском – на юго-запад, на Соровском – также и на юг.

Судя по обрядам погребения, очевидцем которых был А.А. Дунин-Горкавич, существование человека со смертью не прекращалось. И после смерти, в глазах соплеменников, он продолжал жить и в загробном мире нуждался в тех же предметах, которые были необходимы ему при жизни на земле, поэтому многие из них клали в могилу (Дунин-Горкавич, 1904, с. 94–95). В засыпях могил обнаружен разнообразный инвентарь, среди которого важное место занимали фарфоровая и металлическая посуда, топоры. Какой-либо закономерности по глубине их залегания не отмечено,

традиционным местоположением предметов являлась область ног погребённых. В гроб с покойными клали большое количество предметов, по набору которых различаются захоронения мужчин и женщин, их общественное положение и род занятий. Так, только в погребениях мужчин обнаружены железные и костяные наконечники стрел и инструменты – тёсла, стружки, свёрла. В погребениях женщин найдены нитки, иглы, напёрстки; на их одежде всегда присутствовало много бисера, бус, металлических украшений. К универсальным для погребального инвентаря типам изделий относятся ножи, кресала, посуда, топоры, которые были положены практически каждому умершему взрослому человеку.

Покойника одевали в зимнюю одежду, которую он носил при жизни. Надевали нижнюю и верхнюю одежду, иногда несколько рубаш, платьев (Дунин-Горкавич, 1904, с. 94–95; Соколова, 1980, с. 127). На голову мужчине надевали шапку, женщине – платок. Даже если хоронили в летней одежде, то зимнюю клали рядом. Такой обычай, вероятно, связан с представлениями о Нижнем мире как холодной стороне (Фёдорова, 2000, с. 226–227). Наличие фрагментов зимней одежды, обуви, носков, рукавиц и перчаток в погребениях свидетельствует о том, что эти представления сохранялись у населения до XIX – первой половины XX в. По одежде можно было судить и о достатке погребённых.

Сравнительный анализ археологических и этнографических источников подтверждает сохранение у хантов Салымского края в XVIII–XX вв. традиционных представлений о смерти как о переселении умершего человека в мир, по устройству аналогичный земному. Кладбище воспринималось как посёлок мёртвых, где покойному отводили определённое место, обязательно рядом с родственниками. Умерший после погребения становился хозяином части кладбища в определённых границах, близких к его могиле, и эту территорию он охранял (Фёдорова, 2000, с. 233). Отправление в Нижний мир воспринималось буквально: для умершего выкапывали могильную яму, в ней возводили «дом» (гроб, колоду, лодку), в который его и помещали в одежде, сопровождая предметами быта и орудиями труда, необходимыми для дальнейшей жизни и деятельности. Вещи, как правило, соответствовали роду занятий покойного при жизни.

В гроб вместе с покойным клали одежду и запас пищи – калачи, хлеб, орудия труда и другие необходимые предметы: топор, нож, чайник, лыжи, ружьё, лук. Возможно, наличие кедровых орехов в одном из погребений Соровского кладбища объясняется тоже «кормлением» покойного [см. (Кулемзин, 1994, с. 371–373)]. Все вещи были хорошего качества, исходя из того убеждения, что на том свете предстоит дальний путь, где нет ни дорог, ни земских подвод, ни купцов. Количество инвентаря свидетельствовало об имущественном положении покойного (Дунин-Горкавич, 1904, с. 94–96).

У обских угров, как и многих других западносибирских народов, существовали представления о множественности душ человека. Судьбы и пути их после смерти были различны. Одна из них возрождалась в новорождённом, другая после смерти человека превращалась в призрак «урт», который уходил в загробный мир. На кладбище в могиле конкретного человека продолжала жить «душатень». Крайне опасными у хантов и манси считались души детей, шаманов, трагически погибших людей. Души близких родственников были более опасны, чем чужаков, так как они «тянутся» к живым родичам. Покойник был опасен и тем, что мог вернуться (Карьялайнен, 1994, с. 61; Соколова, 1980, с. 125–143; Фёдорова, 2000, с. 226). Умершего боялись, так как он обладал способностью забирать души присутствующих во время обряда с собой, а человека, лишившегося её, ждала смерть (Карьялайнен, 1994, с. 76; Кулемзин, 1994, с. 365).

Обряды, связанные со снаряжением умершего в последний путь, вплоть до положения в гроб, были многообразны. С одной стороны, они представляли собой сборы и проводы, с другой – меры предосторожности.

Противоречивость представлений об умершем демонстрируют описательные термины, связанные со смертью:

гроб – «дерево», «злое дерево»;

кладбище – «святая деревня», «место плача, скорби, печали», «место страданий»;

могила – «из земли вырытый песок»;

намогильное сооружение – «хижина, предохраняющая от воды», «дерево призрака»;

умереть – «попасть в беду», «предаться мучению»;

похоронить — «сделать исчезнувшим», «уложить в убежище»; умерший родитель — «потухший», «исчезнувший из поля зрения», «схидивший впустую, неудачник»;

загробный мир — «тёмная сторона» и т.д. (Карьялайнен, 1994, с. 73; Соколова, 1980, с. 126).

По мнению В.М. Кулемзина, надевание рукавиц на умершего и наложение на его лицо ткани объяснялись боязнью покойника, а не заботой о нём (Кулемзин, 1994, с. 365).

Однако основным мотивом заботы об умершем было не только предотвращение возможного вреда, но и обеспечение возрождения его души. В Нижнем мире душа находится определённое время, занимаясь там тем же, чем человек занимался в реальной жизни, а потом возвращается в мир живых, возрождаясь в потомках (Фёдорова, 2000, с. 230). Поэтому участники похорон стремились строго выполнять все прижизненные пожелания покойного, что, вероятно, находит отражение в различиях их ориентации, помещении того или иного набора предметов (Соколова, 1980, с. 125–143). Все ритуальные действия родственников покойного с момента его смерти были направлены прежде всего на его возрождение. В этом плане иной мир выступал как место временного пребывания умершего человека, а не постоянного обитания (Попова, 2003, с. 79). Конец земного пути человека, его физическое исчезновение не означали полного угасания жизненного начала, смерть и рождение являлись не более чем «входом» и «выходом» — двумя точками одного замкнутого цикла (Сагалаев, 1992, с. 78).

1.2. Сопроводительный инвентарь

Важным элементом погребального обряда является сопроводительный инвентарь. Значимость его усиливает то обстоятельство, что третья фаза обрядов перехода — переход в новое качество — здесь, как отмечалось выше, лишь осмысливается, но ритуального выражения не получает [см. (Байбурин, Левинтон, 1990, с. 69)]. Материализованным намёком на проходимость «путь» и служит погребальный инвентарь. При этом важны как принципы отбора вещей,

перемещаемых в иные измерения бытия, так и принципы их расположения. В последнем случае особую роль играет принцип «гомологической партикуляции» [см. (Леви-Строс. 1999, с. 246)], позволяющий выявить вещный код погребения на основе соотнесения предметов с частями тела, т.е. с антропологическим кодом. Исходя из указанных признаков – категория предметов и их расположение относительно тела погребённого, были проанализированы предметы из хантыйских некрополей, раскопанных В.А. Дрёмовым на рр. Большой Балык и Салым.

Представительность анализируемой выборки характеризуется следующими показателями: на р. Большой Балык описано 33 погребения (28 – Усть-Балыкское кладбище*, 4 – Старое Каркатеево I, 1 – Мамонтовское кладбище), на р. Салым – 105 (73 – у юрт Соровских, 26 – на кладбище Кинтусовское I и 6 – Кинтусовское II; всего с учётом ограбленных могил и западин на р. Салым было заложено 126 раскопов).

Источники, на основе которых изучался погребальный инвентарь, условно можно разделить на 3 вида: описания погребений в дневниках В.А. Дрёмова; коллекционные описи предметов, поступивших в МАЭС ТГУ; применительно к Соровскому кладбищу, самому крупному из раскопанных некрополей, – список найденных и переданных в МАЭС ТГУ предметов. Самым информативным видом для проведённого исследования стали дневниковые записи В.А. Дрёмова, поскольку именно в них содержатся сведения о местонахождении предметов в захоронении. Следует указать на выявленные несоответствия в трёх упомянутых видах источников, что несколько затруднило их анализ. Так, согласно записям в дневниках, в могиле 22 Соровского кладбища найдены ткань и кожа с нашитыми на них оловянными отливками. В следующей ниже дневниковой описи эти предметы не указаны вовсе, а в коллекционной описи МАЭС ТГУ значатся лишь отливки. Из описания погребения 56 этого же некрополя не ясно местонахождение вещей, что вызвало особое сожаление ввиду обильного предметного сопровождения погребённого. Несовпадение данных касается погребений 73, 81 и др.

* Общее число погребений, раскопанных на Усть-Балыкском кладбище, составляет 29, но в описании могилы 7 отсутствуют данные о сопроводительном инвентаре.

В общем виде алгоритм исследования был таков. Устанавливалась структура вещного сопровождения для каждой из 138 могил, описанных В.А. Дрёмовым. Для этого составлялись таблицы, в строки которых заносились все зафиксированные предметы, а графы заполнялись в соответствии с антропологическим кодом, упорядочивающим их расположение – область головы, груди, живота, тазобедренного сустава, ног. На основе рабочих таблиц составлялась сводная, характеризующая композицию сопроводительного инвентаря в некрополях на рр. Большой Балык и Салым. При сопоставлении табличных данных, указывающих число фиксации предмета в определённом месте захоронения, с общим количеством проанализированных погребений вычислялась частота встречаемости тех или иных предметов в могильных комплексах на указанных реках. Полученные данные позволили провести сравнение погребального инвентаря некрополей на рр. Большой Балык и Салым и выявить общие и специфические черты в вещных композициях погребений.

Сопроводительный инвентарь некрополей на р. Большой Балык представлен разнообразно. Для примера приведём описание захоронения 2 на кладбище Старое Каркатеево I (Дрёмов, 1984, с. 184–185). Слева от головы была поставлена берестяная коробочка с подпрямоугольной крышкой, справа – чашка и блюдо из фарфора. В области груди находились 2 табакерки со штампованным орнаментом, на груди – ожерелье из крупных бусин, 6 колец, укрепленных на кожаном ремешке, медная монета и медный крест. Оригинальный предмет помещён у плеч – кожаный кошелек, в нём хранились коробок спичек, 2 кольца, 2 монеты и обрывок железнодорожного билета. Область тазобедренного сустава маркировали 3 ножа, один из них помещён в берестяные ножны, и деревянная ложка. В ногах размещалась орнаментированная берестяная коробочка, где лежали мотовильце для ниток, игольница, напёрсток, иглы, три металлические коробочки, одна из них – с пуговицами, две – пустые.

Несмотря на обилие и разнородность сопроводительного инвентаря в некрополях на р. Большой Балык (см. табл. 2), по репрезентативности чётко выделяются 3 категории предметов, технологически связанных с определённым материалом, а композиционно – с антропоморфным кодом.

Первая категория представлена традиционными изделиями из бересты. Берестяные коробочки подпрямоугольной формы с крышкой

локализованы в области головы. Круглые берестяные коробки, маркирующие женские погребения, размещены в ногах. Здесь же располагались и туески. Табакерки обычно фиксировались в области груди, что согласуется с традицией их ношения хантами за пазухой.

Среди изделий из металла, составляющих вторую категорию предметов сопроводительного инвентаря, лидирует нож в области тазобедренного сустава, что также объяснимо обычаем подвешивать его к поясу на цепочке. Однако чаще нож фиксируется в ногах, что нельзя истолковать, опираясь лишь на утилитарные традиции культуры. В ногах чаще всего размещали топоры, здесь же преимущественно локализованы и стрелы. Исключительно возле ног размещены полые сосуды – ведра, котлы, чайники. Здесь же встречаются и монеты, но чаще они отмечены в области груди.

Третья категория единообразна и представлена фарфоровой и фаянсовой посудой – чашками и блюдами. Они располагались на всём пространстве вокруг тела, но наибольшая концентрация посуды наблюдалась в ногах.

Как видим, изделия из бересты, металла и фарфора/фаянса доминируют среди сопроводительного инвентаря, а область их преимущественной локализации связана с ногами.

Встречаемость предметов в погребениях на р. Большой Балык представлена следующими показателями:

- фарфоровая/фаянсовая посуда – 75,7 %;
- подпрямоугольные берестяные коробки – 72,7 %;
- ножи – 69,7 %;
- монеты – 54,5 %;
- круглые берестяные коробки – 42,4 %;
- топоры – 42,4 %;
- табакерки – 36,3 %;
- стрелы – 18,1 %;
- ведра/котлы/чайники – 18,1 %;
- туески – 15,1 %.

Обращает на себя внимание высокий процент встречаемости указанных предметов: первые три позиции (фарфоровая/фаянсовая посуда, подпрямоугольная коробка из бересты, нож) соответствуют значениям, приближающимся к 70 % или превышающим их. Почти в каждом втором погребении зафиксированы монеты, круглые берестяные коробки, топоры, табакерки из бересты. Это свидетельствует

об устойчивости воспроизведения хантами р. Большой Балык в начале XX в. такого элемента погребальной обрядности, как сопровождение усопшего определёнными вещами. Более того, вещи образуют весьма стабильную композицию, и её основные черты могут быть реконструированы в виде следующей схемы. Область головы соотносится с подпрямоугольной берестяной коробкой, груди – с берестяной табакеркой и монетами, области живота и тазобедренного сустава в предметном плане выражены слабо, а ног насыщена максимально – фарфоровая и фаянсовая посуда, круглые берестяные коробки, ножи, топоры, стрелы, вёдра/котлы/чайники.

Вещи, сопровождавшие умершего в иной мир, в хантыйских некрополях на р. Салым не менее разнообразны, чем на Балыке. Для примера приведём описание захоронения 56 (Дрёмов, 1987, с. 110–111). Возле головы найдены бусы и каплевидные подвески. В области пояса зафиксирован нож, рядом с руками – крестик. В пространстве от пояса до ступней ног размещены колокольчики, монеты, оловянные пластинки, бусы и бисер, что, очевидно, следует связывать с украшением женской одежды на поясе, полах и подоле. Наиболее оригинальные элементы сопроводительного инвентаря, расположенные вне гроба в области ног, – глиняный горшок и сундук. В последнем лежали два туеска из бересты. В одном из них находились напёрсток, бляшка, бисер, бусы, крест, папироса и табакерка, в другом – бисер, бусы и нашивки из них. Завёрнутыми в тряпочку лежали монеты, раковины каури, серёжка, перстни, стеклянный флакон, табакерка. Набор предметов в сундуке соответствует содержанию круглых берестяных коробок в некрополях на р. Большой Балык: атрибуты женского рукоделия и личные вещи.

Если обратиться к сопроводительному инвентарю из салымских погребений, то он распределяется по тем же трём категориям, что и на р. Большой Балык, но различна их ранжированность (табл. 3). На Салыме доминируют изделия из металла. Нож и топор чаще всего расположены в области ног и тазобедренного сустава. Монеты фиксируются вдоль всего тела, но наибольшая их концентрация отмечена в зоне груди. Здесь главным образом сосредоточены и металлические нашивки и подвески, кресты, что связано с традицией ношения нагрудных украшений. Двукратная фиксация деталей металлических украшений вдоль всего тела обусловлена убранством пол на женских халатах. Котёл явно локализован в ногах, как и кресало.

Редкие экземпляры стрел находятся в области груди и живота. Металлическая посуда (ведра, кружки, тазы, поварёшки) чаще обнаруживалась в ногах.

Вторую категорию образовали изделия из сходных материалов – фарфор, фаянс, стекло. Она включает в себя бисер и бусы, расположенные вдоль всего тела, но чаще в области головы. В категорию входит и фарфоровая и фаянсовая посуда, размещённая преимущественно в ногах.

Третью категорию составили немногочисленные в захоронениях на Салыме изделия из бересты – табакерки, туеса и коробки. Они сконцентрированы в ногах. Местную специфику составило хранение берестяных коробок в сундуках, размещаемых в ногах.

Сравнивая вешный круг погребений на рр. Большой Балык и Салым, следует указать на несколько моментов. На обеих реках традиционными были изделия из одинаковых материалов – береста, металл, фарфор/фаянс/стекло. Вместе с тем есть различие в предпочтительности указанных материалов: на Балыке доминируют изделия из бересты, на Салыме – из металла. Чертой, сближающей обе разновидности обряда, стало активное использование фарфоровой и фаянсовой посуды. Обе традиции предполагали также максимальное насыщение предметами области ног и выделение области головы.

Встречаемость предметов в погребениях на Салыме представлена следующими показателями: ножи – 51 %, топоры – 40, бисер – 38, монеты – 36, котлы, ведра, ковши... – 28,6, фарфоровая/фаянсовая посуда – 26, бляшки/подвески – 21, сундуки – 16, кресала – 15, кресты – 11, табакерки – 10, туеса – 7, берестяные коробки – 7, стрелы – 6 %.

Пытаясь выделить инвариантные черты, составляющие общую схему, приходится жертвовать интересными специфическими чертами локального свойства. Инвариантная схема сопроводительного инвентаря на Салыме включает следующие элементы. Область головы, груди и живота имеет вешную маркировку только в женских захоронениях – бисер, бусы, металлические отливки как сохранившиеся детали украшений. Основная вешная нагрузка приходится в погребении на область ног. Здесь размещены орудия из металла – нож, топор, кресало, а также посуда, металлическая (котёл, ведро, таз и др.) и фарфоровая/фаянсовая (чашка, блюдо). Эпизодически представлена утварь из бересты. Часто вместилищем вещей служит сундук.

Таблица 3

Расположение ветвей в местностях крайних на р. Сальце (108 местностей)

Ветвь	Область головы				Область груди				Местонахождение				Область ног			
	Слева		Справа		Слева		Справа		Слева		Справа		Слева		Справа	
	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела	Слева	Не-отдела
Нога	-	-	2	-	2	-	7	1	1	8	3	3	9	4	4	4
Полоса	2	1	-	-	-	-	-	2	2	5	3	3	6	2	2	2
Молот	-	-	1	-	-	15	-	-	-	-	-	4	-	-	-	3
Копытца/позв	-	-	-	-	1	-	1	-	3	2	1	1	3	1	-	14
Наметки/подвески	-	1	14	-	-	5	-	-	2	-	-	-	-	-	-	3
Кресло	-	-	-	-	-	-	1	1	2	-	-	-	1	-	-	8
Кресты	-	-	-	-	-	9	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2
Среды	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	2	-	-	2
Экстр. бусы	-	1	18	-	-	-	12	-	11	-	-	1	1	-	-	7
Фигурки/фигурки/фигурки	-	1	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	8	5	1	6
Позв	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Столбы	-	-	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	10
Таблетки	-	1	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	4
Узлы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	6
Короба	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3

1 Местности зафиксированы 1 раз

2 Местности 2 раза отмечены

3 Местности 3 раза отмечены

4 Местности 4 раза отмечены

5 Местности 5 раз отмечены

6 Местности 6 раз отмечены

7 Местности 7 раз отмечены

8 Местности 8 раз отмечены

9 Местности 9 раз отмечены

10 Местности 10 раз отмечены

11 Местности 11 раз отмечены

12 Местности 12 раз отмечены

13 Местности 13 раз отмечены

14 Местности 14 раз отмечены

При сравнении табличных и статистических показателей с представленными на Балыке нетрудно заметить, что наборы наиболее часто встречающихся вещей на двух реках во многом совпадают. Это как традиционные для хантыйской культуры XIX в. вещи: утварь из бересты (коробки, табакерки, туески), орудия и посуду из металла (ножи, топоры, стрелы, котлы, украшения из бисера), так и массово внедрившиеся в результате процесса модернизации, охватившего Сибирь после присоединения к России (фарфоровая, фаянсовая, металлическая посуда, монеты, кресты).

Вместе с тем обращает на себя внимание меньшая устойчивость вещной схемы погребения на Салыме по сравнению с Балыком. Отчасти данное обстоятельство можно объяснить большей репрезентативностью выборки на Салыме, что чревато и большим разбросом значений. Представляется, что ограничить объяснение одним указанным обстоятельством явно недостаточно. Канон создают традиции, а расшатывают новации, на их пересечении и попытаемся выявить своеобразие вещного мира салымских погребений.

Как уже отмечалось выше, в салымских некрополях больше, чем на Балыке, представлены изделия из металла. Рассмотрим их подробнее. Специфической чертой женской погребальной одежды на Салыме стали металлические подвески и нашивки. Данный вид украшений принадлежал к числу традиционных для всех групп хантов – южной, восточной и северной (Рындина, 1995, с. 107–108), следовательно, его фиксация только у салымских хантов может свидетельствовать либо об определённой локальной «специализации» в области общехантыйской традиции, либо о лучшей трансляции последней, либо о том и другом одновременно. То же самое можно утверждать и применительно к женским украшениям, изготовленным из бисера. Судя по локализации находок, украшения относились главным образом к категории налобных, нагрудных и поясных.

Оригинальность салымских погребений подчёркивает и наличие в погребениях кресала, что расширяет круг традиционных изделий из металла.

Среди различных категорий металлических изделий в салымских некрополях представлены и те, что можно отнести к разряду новаций, обусловленных влиянием русской культуры, прежде всего содержащимися в ней элементами модернизации. Влиянием христианской символики определено появление в захоронениях нательных

крестов. Расширением в традиционной культуре салымских хантов сферы изделий фабричного производства можно объяснить осязаемое присутствие металлической посуды. Внедряясь в погребальную обрядность, она занимала места традиционных предметов. Судя по сходству в расположении и подобию формы, символическими эквивалентами котла стали не только ведро и чайник, как на Балыке, но и ковш, таз, поварёшка, а тарелка и кружка заменили фарфоровую и фаянсовую посуду.

Как видим, примат металла среди изделий, маркирующих переход человека в иной мир, у салымских хантов предопределён, с одной стороны, сохранением традиционных черт. В данном случае правомерно вести речь об отражении в погребальном сопроводительном инвентаре этнокультурной специфики на уровне локальной группы. Граница между хантами прошла по сфере декоративно-прикладного искусства: на Салыме его выражением в похоронной обрядности стали украшения из металла и бисера, на Балыке – орнаментированные берестяные коробки и табакерки. С другой стороны, большой удельный вес изделий из металла на Салыме связан с активным внедрением новаций – изделий фабрично-заводского производства, замещавших традиционные. В этой связи следует упомянуть о таком оригинальном элементе сопроводительного инвентаря, как сундук. В него клали вещи, служившие маркерами гендерного свойства, и личные вещи. В женских погребениях, очевидно, сундук выполнял функцию берестяной коробки, где хранились предметы женского рукоделия. Этим, возможно, и объясняется плохая представленность берестяных коробок в женских захоронениях на Салыме.

Погребальный инвентарь салымских некрополей демонстрирует больше динамики, внедрения новационных черт, чем на Балыке. Поскольку в зону предметного тождества, выявленного на двух реках, попадают все вещи, характерные для Балыка, именно здесь хантыйская традиция сопровождения умершего погребальным инвентарём зафиксирована в своём наиболее устойчивом варианте.

Завершая характеристику погребального инвентаря в обрядности двух групп хантов, проживавших на рр. Большой Балык и Салым, можно заключить, что он во многом определён посудой из фарфора и фаянса, утварью из бересты, орудиями труда из металла. Именно эти категории предметов несли основную смысловую нагрузку вещного мира хантыйских некрополей. Рассмотрению указанных категорий вещей в утилитарном и знаковом плане и посвящены следующие главы.

ляется среди прочих и по количеству, и по качеству. Практически все предметы относятся к разряду чайной посуды: 14 чашек, 16 блюдц, 1 десертная тарелочка и 1 заварочный чайник. Чашки и блюдаца, лидирующие в этой коллекции, различаются по форме, декоративной отделке, а также по времени и месту изготовления.

В 11 могилах чайная посуда располагалась комплектно, т.е. одновременно присутствовали чашка и блюдце, при этом только в четырех случаях они принадлежали к одному набору и составляли так называемую чайную пару, у которой стилевые, декоративные и маркирующие особенности предметов полностью совпадают. Численно низкий показатель первичной парности, вероятно, свидетельствует о её необязательности в погребальном ритуале, что обусловлено, видимо, аналогичным отношением к комплектности и в быту.

Ценились сами предметы, их качество, красота, но не их комплектность. Фактор красоты предмета, видимо, мог определять отношение к нему. Важность баланса декоративности и функциональности в изделиях хантыйской культуры тонко подмечена О.М. Рындиной. В связи с этим она пишет: «Покупная металлическая посуда не требовала физических и временных затрат на её изготовление, экономя энергетические ресурсы этноса. Однако её внедрение обеднило предметное окружение человека в эстетическом плане. Сохранение в активно действующей форме больших коробов для хранения одежды, туасов, набирок для сбора ягод, коробок для швейных принадлежностей и других ёмкостей из бересты не в последнюю очередь обусловлено отсутствием равноценного заменителя в той фабрично-городской культуре, которая активно внедрялась в традиционную на протяжении всего XX в. (1995, с. 353).

Декор фабричной посуды отличался от традиционных орнаментов, понятных своей семантикой, что определяло родственное к ним отношение. На этой основе и отношение к декоративной стороне фабричной посуды могло быть иным, чем к традиционной.

Привычные к инаковому осмыслению «чужой» красоты, ханты, видимо, не предъявляли особых требований к комплектации фарфоровой и фаянсовой посуды. Этим может объясняться то обстоятельство, что большая часть чайных пар в могилах сборные: чашка и

блюдец от разных наборов, часто изготовленных на разных фабриках и, естественно, различающиеся по форме и декору.

Однако несмотря на столь низкие требования к стилистике комплектации, почти равное количество чашек и блюдец указывает на искусственное поддержание числового равновесия, чем подтверждается одинаковая значимость тех и других как в ритуале, так и в реальной жизни. И если интерес к чашкам, как к ёмкостям, куда наливался чай, вполне закономерен, то сохранение равного им численного баланса блюдец может объясняться лишь одним обстоятельством. Вместе с русской чайной посудой к хантам пришёл русский простонародный способ употребления горячего чая не из чашки, а из блюда, куда горячая жидкость порциями переливается из чашки. Только в таком случае блюдо становится существенно важным атрибутом процедуры чаепития, а не сервировки стола. Яркой иллюстрацией бытования подобного способа употребления чая среди сибирских автохтонов кетов является фотография из Красноярского краевого краеведческого музея под названием «Чаепитие. Село Подкаменная Тунгуска. 1925 г.». На ней запечатлено несколько человек, расположившихся у самовара на низком столике, установленном на земле, и распивающих чай из блюдец. Чашки стоят на столике (Макаров, Баташев, 2007, с. 203).

В одном из погребений найден заварочный чайник, в другом блюдец от кофейного набора, а ещё в одном случае встречены вместе чайное блюдо и десертная тарелочка.

Особняком стоит миниатюрная чайная чашка из детского сервиза, к сожалению не отмеченная фабричной маркой. Однако особенность декоративной отделки сближает её с маленьким маркированным блюдцем из могилы 22. Сходство в декоративном оформлении этих предметов позволяет предполагать если не их принадлежность к одному набору, то, по крайней мере, их изготовление в одно время и, вероятно, на одной из фабрик «Товарищества М.С. Кузнецова», маркой которого помечено блюдо.

Преобладающая часть посуды из коллекции кладбища на р. Большой Балык выполнена из фарфора. Из фаянса изготовлено лишь 4 предмета, два из которых составляют чайную пару, а два других – блюдо без парной чашки и десертная тарелочка.

К отличительным особенностям фарфоровых и фаянсовых изделий, способствующих их разделению, относятся несколько факторов, часто позволяющих дифференцировать изделия даже без применения специальных аналитических средств.

Следует заметить, что фарфор и фаянс одинаково относятся к разряду керамических продуктов, тесто (масса) которых чаще всего составлено из разнородных глин или из глин и дополнительных материалов, таких, например, как полевой шпат, кварц и пр. Значительно реже массу составляют из одной глины, и ещё реже создаются так называемые искусственные массы, приготовленные без участия глины из одних дополнительных материалов. Подбор материалов и их пропорции при составлении масс зависят, с одной стороны, от поставленной цели – получить тот или иной продукт (фарфор, фаянс или терракоту), а с другой – от свойств самих материалов, используемых в производстве (Салтыков, 1952, с. 20; Иманов, Косов, Смирнов, 1985, с. 7–8, 22–30). Различают разновидности фарфора: твёрдый фарфор, или просто фарфор, мягкий фарфор, или полуфарфор, костяной фарфор. Специалисты делят фарфор на три основные группы: восточный фарфор, европейский твердый фарфор и европейский мягкий фарфор (Голлербах, 1993, с. 10–11).

В соответствии с технологией изготовления определённого предмета, его внешний вид приобретает характеристики, позволяющие в той или иной мере судить о показателях качества и эстетических достоинствах. Одним из них является глазуровка предметов.

Все без исключения фарфоровые и фаянсовые находки из кладбища на р. Большой Балык глазурованы. Глазурь, помимо придания изделиям декоративности, защищает их от внешних воздействий, снижает влагопроницаемость и увеличивает механическую прочность (Иманов, Косов, Смирнов, 1985, с. 31). Глазури делятся на бесцветные прозрачные и цветные глухие непросвечивающие. Первые используются для покрытия изделий, не требующих фоновой окраски. Обычно глазурь наносят на чисто белый фарфоровый бисквит. Цветная, как правило, используется для покрытия разновидностей фаянса и терракоты. Так, белая глазурь, окрашивая предметы, сближает их по виду с фарфором. Вместе с тем качество глазури бывает разное, а на серийной продукции, представленной в анализируемой коллекции, оно чаще низкое, чем высокое. Особенно это за-

метно по чистоте и яркости глазури. Покрытие невысокого качества часто даёт разноцветные разводы и оттенки, как это видно на блюде из могилы 20. Здесь на светлом голубовато-сером фоне наблюдаются голубые и желтоватые разводы, голубые точки, серо-бирюзовые пятна, местами вскипание в виде мелких пузырьков.

Высококачественная глазурь, в свою очередь, улучшает внешний вид предметов, придает им дополнительный блеск как в прямом, так и в переносном смысле. К таким немногочисленным образцам из нашей коллекции следует отнести чайную пару из могилы 29. Чистая и блестящая глазурь подчёркивает глубину и цветовую насыщенность подглазурного кобальта, его декоративность и красоту.

О достоинствах изделия можно судить также по толщине, прозрачности и весу, а иногда, когда имеются разломы или сколы, по структуре черепка, диагностирующей достоинства или недостатки его теста и одновременно устанавливающей принадлежность к фарфору или фаянсу. Эти показатели у анализируемых изделий тоже разные: наряду с низкокачественными образцами в коллекции присутствуют предметы, имеющие высокие сырьевые и технологические показатели. В целом низкие или высокие показатели качества по разным технологическим характеристикам обычно соотносятся друг с другом – низкосортная продукция, как правило, по всем позициям уступает высокосортному аналогу.

Анализ технических и стиливых особенностей росписи на посуде из захоронений с кладбища на р. Большой Балык показал, что они полностью соответствуют технологическим приёмам, известным во второй половине XIX – середине XX в.: подглазурная, надглазурная или комбинированная на базе двух этих техник. Палитра подглазурной росписи, как известно, весьма бедна в силу того, что при высоких температурах глазуровки твёрдого фарфора (1350–1410 °C) не выгорают и сохраняют цвет только оксид кобальта и оксид хрома, дающие синие, голубые, зелёные и серые цвета. Для варьирования тонами и придания цвету большей или меньшей глубины в состав красок вводят разные порции глинозёма и оксида цинка, за счёт которых можно менять тональность, например получать более светлые тона (Французова, 1991, с. 148). Все другие краски при таких температурах практически сгорают. Кобальтовые поверхности и изображения (цветы, листья) на следующем надглазурном этапе росписи

доводились творёным или «жидким» золотом, известным под названием «глянцгольд» и представляющим собой раствор органического соединения золота, так называемого харца, в эфирных маслах, в серном бальзаме, со скипидаром, нитробензолом и хлороформом (Салтыков, 1952, с. 37; Иманов, Косов, Смирнов, 1985, с. 31).

Декорируемые поверхности у разных категорий предметов сильно различаются. Так, если у предметов с высокими стенками, например у чашек и чайников, декорированы внешние поверхности, то у низких блюд и тарелок, наоборот, орнаментировались внутренние. При этом существовали и исключения. Очень часто по верхней кромке чашек краской или золотом обводили декоративную полосу, которая иногда заходила на внутреннюю сторону. Все эти особенности в полной мере присутствуют и на предметах балыкской коллекции.

Надглазурные рисунки обычно наносились в несколько красок, но их набор довольно однообразен и стандартен. Вероятно, небольшой выбор и низкое качество красок были обусловлены теми технологическими и ценовыми рамками, которые определялись для массовой продукции невысокого художественного стиля.

При этом следует отметить, что роспись преобладающей части предметов XIX в. только ручная. Она характеризуется свободной быстрой манерой письма, наличием разнообразных отводов, достаточно стандартным набором форм и цветов. На изделиях конца XIX и начала XX в., кроме росписи, использовались печатные деколи (рисунки, переводимые с бумаги), существенно снижавшие, по сравнению с ручной росписью, себестоимость продукции. Но при этом фарфор и фаянс теряли своеобразие и индивидуальность, придаваемую им ручной росписью. Последнее было неизбежно, так как мастер, много раз повторяя один и тот же сюжет, тем не менее каждый раз вольно или невольно вносил в него мелкие изменения и детали, придающие изделию индивидуальность и привлекательность.

Интерес к фарфорово-фаянсовой посуде из хантыйского кладбища на р. Большой Балык объясняется несколькими причинами. Прежде всего тем, что фабричная посуда является достаточно надёжным хронологическим маркёром. Конечно, в этом отношении существует некоторая сложность, обусловленная тем, что многие марки фарфора и фаянса, существовавшие в конце XIX – начале

XX в., зачастую бытовали довольно долго, что не позволяет вносить узкие датировки. Наряду с этим есть достаточно много примеров, когда марка существовала непродолжительное время, после чего менялась на другую. Ещё большей удачей для датирования погребальных комплексов становятся случаи, когда вместе с маркированной посудой залегают другие надёжно датирующие находки, например монеты, которые в комплексе с другими предметами позволяют составить надёжную хронологическую шкалу захоронений.

Имена отдельных изготовителей или владельцев мастерских и фабрик, названия последних, обычно соотносящиеся с наименованием населённых пунктов, и другие сведения, скрывающиеся за фабричными марками, дают достаточно полное представление о географии распределения производственных центров и об ассортименте их изделий. Кроме того, данные сведения позволяют судить о географии, объёмах и времени реализации продукции тех или иных производителей и фабрик. Это, в свою очередь, предоставляет возможность судить об «инородческом» рынке, его динамике, направленности, номенклатурных пристрастиях, формах торговых отношений и других составляющих быта аборигенного населения Западной Сибири.

Номенклатура и количество предметов в захоронениях позволяют в определённой мере сформировать представление об имущественном положении умерших и в целом о благосостоянии общества, оставившего изучаемое кладбище.

В связи с появлением фабричной посуды в традиционной погребальной практике салымских хантов привлекает внимание проблема происхождения этого явления. Интерес представляет не только непосредственно наблюдаемый процесс замещения фарфором и фаянсом предметов традиционной посуды из дерева и бересты, но также причины, генезис и динамика данной замены, проявлявшейся как в утилитарном, так и в мировоззренческом аспектах.

Помимо проблем этнологического характера, изучение фарфоровой и фаянсовой посуды неизбежно выводит на вопросы искусствоведческого плана. Поскольку при выработке предметов из фарфора и фаянса в XIX – начале XX в. использовались преимущественно индивидуальное моделирование и ручная художественная отделка,

большинство вещей может рассматриваться в рамках декоративно-прикладного искусства.

Учитывая вышесказанное, проблемы, возникающие при изучении фарфоровой и фаянсовой посуды из погребений салымских хантов, требуют целенаправленной, многосторонней и детальной проработки. Настоящий раздел ограничивается более узкими задачами и, не претендуя на решение столь широкой гаммы вопросов, тем не менее многие из них затрагивает уже на описательном этапе исследования. Намереваясь прежде всего ввести в научный оборот новые материалы по истории салымских хантов, мы принимаем и некоторые шаги на пути интерпретации изучаемого материала и поиска подходов к решению отдельных проблем, обозначенных выше.

2.1.2. Прагматика и семантика

Посуда хантыйского кладбища, в соответствии с маркировкой, чётко разделяется на изделия двух периодов – досоветского и советского.

Практически все образцы первого периода, за исключением трёх экземпляров, изготовлены на фабриках двух производителей, или, как тогда их называли, товариществ – М.С. Кузнецова и Е.И. Кузнецова. Оба они были представителями двух ветвей одной фамилии, фактически поделившими к концу XIX в. в России сферы производства фарфоровой и фаянсовой продукции. Остальные частные производители были практически не способны составить серьёзную конкуренцию этим гигантам, и многие из них исчезли с рынка. Судя по статистике, количество частных производителей к концу XIX в. резко упало.

Первый из Кузнецовых занял центральный и западный районы, где сосредоточил 8 своих заводов, а второй – северный район европейской части России, разместив в Новгородской губернии 3 крупных предприятия. Вместе с тем в острой конкурентной борьбе за объёмы производства и сбыта продукции товарищество М.С. Кузнецова к началу XX в. во многом опережало товарищество Е.И. Кузнецова.

С приобретением нескольких новых фабрик, среди которых выделялся знаменитый завод Гарднера, основанный в XVIII в., в

1889 г. М.С. Кузнецовым было учреждено «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова». В 1903 г. оно включало 8 фабрик. Многократные поощрения и награждения товарищества на разного рода выставках достигли апофеоза в 1900 г.: на Всемирной выставке в Париже оно получило высшую награду, а сам М.С. Кузнецов был удостоен высшей награды Франции – ордена Почётного легиона (Бубнова, 1978, с. 41–42; Счетчиков, 1971, с. 115; Фарфор и фаянс... 1993, с. 5).

Наиболее ранние образцы посуды, обнаруженные в Усть-Балыкском могильнике, относятся к 1870-м гг., а самые поздние изготовлены в 1950-х гг. Привлекает внимание доминирование в могилах фарфоровых изделий над фаянсовыми. Это в одинаковой мере относится к досоветскому и советскому периодам. Разница в материале (фарфор или фаянс), определяющая стоимость, а следовательно, количество уложенных в могилы изделий, возможно, в какой-то мере характеризуют неоднородность имущественного состава умерших. При наличии 11 могил вовсе без чайной посуды или с недорогими фаянсовыми наборами (3 случая) имеются могилы, содержавшие до 3 единиц фарфора. Редкость такого рода изделий подчёркивает частое присутствие разнородных чашек и блюдец, взятых из разных «сервизов». К сожалению, мы не знаем, имелись ли в могилах без фарфора и фаянса предметы посуды традиционного чайного употребления из дерева.

Среди сопроводительного инвентаря ведущее положение, с точки зрения статистики, занимает утварь из бересты, место которой в погребениях закреплено традицией. В то же время фарфоровая и фаянсовая посуда распределена в могилах по тем же позициям, локализуясь по трём группам: в области головы; в средней части туловища, у пояса; в ногах у умерших. При этом преобладающее число предметов располагалось в нижней части могилы.

Рассматривая погребальный обряд с семантической позиции, вполне логично предположить, что круг фабричных вещей стал заместителем традиционных. К сожалению, установить, каких именно, опираясь лишь на инвентарь, доставленный антропологической экспедицией, весьма непросто. В полевой документации и в описи поступивших в музей предметов нет ни одного указания на вещь, которую можно было бы отнести к традиционной чайной посуде. Все

они русского фабричного производства. И это касается не только фарфоровых и фаянсовых изделий.

В могиле 4 был найден железный эмалированный заварочный чайник, а в могилах 16, 21, 22, 27 и 29 – большие медные чайники. В могилу 6 была положена эмалированная железная кружка, в шесть других – разные металлические миски, а еще в пяти найдены котлы. Самую представительную группу в разряде металлической столовой посуды составили ведёрки, которые найдены в девяти могилах. В могиле 3 находились парные стакан и блюдо из прозрачного цветного стекла. На обоих предметах растительный орнамент нанесён надглазурными красками. Кроме того, известны находки чайных ложек. И лишь один раз упоминается находка деревянного корытца, служившего у хантов традиционной посудой.

Можно предполагать, что замещение происходило по принципу подобия или аналогичности форм и функционального назначения. При этом сохранялся принцип, сформулированный аборигеном-информатором исследователя Флетчера: «Каждая сакральная вещь должна быть на своём месте» [см. (Левин-Строс, 1994, с. 121)].

Приблизиться к пониманию вещевого номенклатуры погребения, в котором имелись чайные чашки и блюда, позволяют несколько наблюдений из традиционной жизни обских угров конца XIX – начала XX в. По данным К.Ф. Карьялайнена, «северные остяки кладут в гроб... чайную чашку, деревянный столик... остяки Сургутского округа кладут одежду... котёл, чайник и деревянный столик» (1994, с. 81). Любопытно в данном контексте описание инвентаря, извлечённого в 1902 г. из могилы инородца Локосовской инородческой управы В.П. Курлыкина. В перечне посуды, кроме блюда и чайной чашки, отмечены также деревянная чашка и медный котёл (Дунин-Горкавич, 1996, с. 96). В данном случае особый интерес представляет деревянная чашка, видимо предназначенная для чая.

Подтверждением такого предположения служит наблюдение, сделанное во время путешествия по Оби С.И. Руденко. При перечислении обязательного для хантыйского жилища инвентаря и разного рода посуды он писал: «...из дерева делают плоские блюда – корытца, небольшие ковшички-чашки разнообразной величины и формы». Последние автор вполне определённо разделяет с «прямоугольными плоскими ковшками с ручкой» (1914, с. 10), тем самым

разграничивая по назначению предметы, напоминающие ковшик, на черпаки и чашки.

Со временем, очевидно, именно такие деревянные чашки заменяются на привозные фарфоровые и фаянсовые. Если данный вывод справедлив, то семантическое замещение в данном случае произошло по подобию. Чайные предметы из дерева были заменены на чайные предметы из фарфора и фаянса. С.И. Руденко отметил, что дополнением к традиционному укладу юрты остяка и вогула является низкий (высотой не более 20 см) столик и маленький окованный железом (тюменский) сундук с чайными чашками (1914, с. 10). Отдельное хранение чашек в русском сундуке, очевидно, не только обеспечивало их сохранность, но и семантически обособляло эти предметы, выказывая их особое значение.

Анализ литературных источников в целом подтверждается устной информацией, полученной от этнолога Н.М. Талигиной, хорошо знакомой с традиционным бытом народа, представителем которого она является. По её данным, чай ханты готовили из берёзового нароста «капа». Эта традиция существовала в старину, отмечена в недалёком прошлом и бытует местами до сих пор. Кроме заварки «чайного» напитка, «кап» стал незаменимым материалом для изготовления долблёных чайных чашек, замещённых со временем русской чайной посудой.

В продолжение к сказанному приведём интересные наблюдения путешественника П.П. Инфантьева, посетившего в 1892 г. «страну вогулов» – реку Конда. В одном месте он пишет: «Мы расклали костёр, сварили чай в чугунном котелке и занялись чаепитием, наливая чай в маленькие берестяные *чумашки*, которые заменяют у вогулов дорожную чайную посуду» (2003, с. 18, 102). Здесь путешественник даёт прямое указание на наличие у манси специализированной чайной посуды, а описанные им *чумашки* являлись, видимо, функциональными аналогами долблёных берестяных чайных чашек, отмеченных разными исследователями у хантов, которые, по сведениям Н.М. Талигиной, и были вытеснены из обихода русской привозной посудой.

Дополняя ряд сопоставлений, обратимся к посуде шорцев. Как видно из литературы, материальная культура многих таёжных народов, расселённых на значительном географическом отдалении, в ка-

ких-то её проявлениях оказывается довольно близкой. В нашем случае близость определяется схожим по ассортименту и исполнению набором посуды. Те же долблёные из корней берёзы и капа корытца, ложки, половники, ковши. И что особенно важно – это близкие по материалу и форме чайные чашки из капа с ручками, имеющими большое сходство с ручками фарфоровых чашек [см. (Кимеев, Добжанская, 2006, изображение 3 на с. 280)]. Сближение форм деревянной и фарфоровой посуды, видимо, произошло под воздействием культурного влияния недалекого прошлого, а вот сближение традиционных форм посуды у таёжных этносов уходит вглубь веков. По наблюдениям Г.И. Пелих, ряд западносибирских этносов имеет в своём генезисе единые корни (1972, с. 199, 200 и др.), которые, возможно, стали причиной близких культурных форм, отразившихся в том числе и в посуде.

Примерно тот же процесс замещения происходит со столовой посудой. Традиционные деревянные корытца, судя по находкам в могилах, были полностью заменены железными эмалированными мисками и низкими железными ведёрками. На Усть-Балыкском кладбище плоское деревянное корытце обнаружено рядом с деревянной ложкой только в могиле 2 (Дрёмов, 1985, с. 123).

Вполне вероятно, что отношение к чайной посуде приобрело особый характер, обусловленный бытовыми нормами. Известно, что таёжные жители имели своеобразный режим питания, в котором большое место отводилось употреблению чая. Плотно позавтракав, в течение всего дня, практически до самого позднего вечера, охотник в тайге обходился без еды, останавливаясь лишь для употребления чая и таким образом поддерживая водный баланс в организме. В связи с частым употреблением чая в культуре таёжного населения чайные «церемонии» заняли не менее важное место, чем другие бытовые ритуалы, что, в свою очередь, способствовало формированию особого отношения к аксессуарам чаепития – чашкам, блюдам, заварным чайникам, ложкам и, возможно, сахарницам.

Чай представители таёжных культур обычно готовили (варили) на открытом огне в металлических котлах и чайниках, где одновременно осуществлялась и заварка чайного порошка, чаги или ягодно-лиственно-травяного сбора.

В конце XIX в. у народов Северо-Западной Сибири получает распространение русский самовар. П.П. Инфантьев писал, что «самовар можно встретить везде по всей Конде». В то же время, судя по его описаниям, самоварами пользовались достаточно зажиточные манси и только в поселках, где проживали стационарно. В лесу и в дороге они, как и ханты, варили чай в котелках (2003, с. 18, 102). Другой исследователь манси, К.Д. Носилов, отметил, что в одних юртах его поили чаем, сваренным в чайнике на открытом очаге чума, а у зажиточного манси, владевшего даже работниками, чай ему подавали в медном котелке. В другом случае он пишет, что пользовался в путешествии дорожным чайничком (1997, с. 52, 223, 242). Из приведённых сведений вполне понятно, что для приготовления чая имелись разные варианты варочной посуды, которые использовались представителями разных групп народа вне зависимости от состоятельности, но в меру собственных вкусов.

Вместе с тем нами не встречено ни одного упоминания о приготовлении напитка в специальных заварочных чайниках. Видимо, это действительно было редким явлением. В захоронениях кладбища на р. Большой Балык найдено лишь два таких образца, один из которых фарфоровый. Присутствие в могилах нестандартных предметов чайной посуды, возможно, свидетельствует о внесении новых предпочтений, о попытке расширить ассортимент аксессуаров чаепития, придать новое качество самому процессу чаепития. Известно, что заваривание чая в фарфоровой посуде способствует выявлению его достоинств: утончает аромат и улучшает вкусовые ощущения. В таком случае появление заварочных чайников сигнализирует о замене ставших привычными, если не сказать традиционными, к концу XX – началу XXI в. металлических котлов, которые, судя по археологическим данным, внедрились в угорскую среду Нижнего Приобья в конце I – начале II тыс. н.э. (Чернецов, 1957, с. 138).

Яркой иллюстрацией к внедрению фарфоровых чайников в традиционный быт коренных народов Сибири может стать фотография, сделанная в 1913 г. Г.И. Ивановым во время его пребывания у шорцев. На ней изображены сам исследователь и его попутчик у палатки шорской семьи сидящими за столиком с самоваром, на вершине которого греется фарфоровый заварочный чайник. На столике постелена белая скатерть, уставленная фарфоровой посудой: сахарница,

чашки (Кимеев, Добжанская, 2006, с. 281). Вполне понятно, что чайная посуда, а также, видимо, самовар и прочие аксессуары снятой на фото «чайной церемонии» в этом случае принадлежат русским. Однако данная фотография важна в контексте отражения контактов, через которые происходило знакомство сибирского населения с предметами пришлой культуры. Зажиточная его часть очень быстро перенимала и усваивала модные русские вещи, превращавшиеся в фактор престижа. Примером тому могут быть указания П.П. Инфантьева о распространении на территории Северо-Западной Сибири в конце XIX в. русских самоваров, в частности у старшинной мансийской знати на р. Конда (2003, с. 18). Чуть позже А.В. Адрианов запечатлел на фото чаепитие возле богатой хакасской юрты. На столе стоят самовар и русская чайная посуда, в том числе и заварочный чайник, водружённый на вершину самовара (фотофонд МАЭС). Со временем самовары становятся, видимо, более доступными, о чём свидетельствует упомянутое выше фото, отмечившее в 1925 г. у кетов Покаменной Тунгуски чаепитие с самоваром (Макаров, Баташев, 2007, с. 203).

Что же касается котлов для варки чая у хантов, то, по имеющимся данным, на интересующей нас территории в XIII–XIV вв. медные котлы полностью вытеснили из хантыйского быта керамическую посуду, ранее в нем безраздельно господствовавшую, а первый котёл в захоронении могильника Усть-Балык был поставлен в XII в. (Семёнова, 2001, с. 95).

Необходимо учесть ещё один аспект, проливающий свет на вопрос о причинах замещения заводской посудой образцов традиционной утвари. Речь идёт о свойствах и качествах материалов, используемых для производства новационных изделий. Ответы на поставленные вопросы, вероятно, следует искать более в сфере традиционного мировоззрения, нежели в утилитарной плоскости. Фарфор и фаянс в традиционных культурах мыслились в качестве некоего камня, из которого непонятным образом творились, по существу, ритуальные чайные чашки и блюда. Таким образом, материал чайной посуды следует рассматривать с культурологических позиций.

Дж. Дж. Фрэзер, анализируя первобытные представления народов мира, отметил, что камень занимает необыкновенно большое место в сакральной сфере древних и традиционных обществ (1983,

с. 39). И.Г. Франк-Каменецкий объяснял такое отношение тем, что камень с древнейших времен почитается воплощением божества (1935, с. 574). В исследованиях М. Мосса множество идей, связанных с необыкновенными качествами камня, сконцентрировано в понятии «мана», включающем такие свойства, как колдовская сила, магическая вещь и сверхъестественное существо, обладание магической силой, подверженность колдовству, действия с помощью магии. Камень, наряду с другими вещами, в полной мере обладает «маной» (2000, с. 195). Сходную характеристику «мана» в камне даёт С.А. Токарев (1964, с. 55, 65). Л. Леви-Брюль писал, что обитатели Новой Гвинеи клали в ловчую яму «камень ямы», душа которого приманивала дичь (2002, с. 251). Чудодейственной силой обладал, по сути, не сам камень, а пребывающий в нём дух (Фрззер, 1983, с. 39). Культ камней, как отметил С.А. Токарев, известен у всех народов. Часто камень, как и гора, представляется предком, который, как правило, уходит под землю или превращается в скалу, дерево, камень [см. (Обряды... 2002, с. 98)]. Такое осмысление свойств камня поэтично отразилось в замечательной фразе М. Леенхарда, который отметил, что в традиционной культуре «камни – это окаменевшие души предков» [см. (Элиаде, 1999, с. 211)].

Об австралийских чурингах – вместилищах душ – написано так много, что один перечень работ займёт неоправданно много места, поэтому укажем лишь некоторые работы, содержащие, в свою очередь, более широкую библиографию данной темы (Осборн, 1924, с. 351; Штернберг, 1936, с. 308, рис. 9; Кабо, 1960, с. 157–160; Токарев, 1964, с. 27–28; Леви-Строс, 1994, с. 301–306; Мириманов, 1973, с. 20, 21, 60, 61, 62, 66, 312; Мелетинский, 1998, с. 30; Соколова, 1998, с. 20; Окладникова, 1999, с. 65).

Перейдём к сибирским примерам-аналогиям. Конечно, это не фигуральные аналоги, а некие подобия, которые дают представление об универсальности данного явления. В сибирском регионе поклонение крупным глыбам камня и скалам повсеместно отмечено у северных самодийцев – селькупов и ненцев (Дунин-Горкавич, 1996, с. 36; Пелих, 1972, с. 35; 1998, с. 48, 49; Тучкова, 1997, с. 2; Ожередов, 2003, с. 218–224). А.А. Дунин-Горкавич в своей работе отметил странный на первый взгляд факт: «У самоедов идолов нет. Пенатами для них служат камни, которые они берут с собою в особой нарте. Впрочем, в виде редкого исключения, встречаются у них небольшие

болванчики, как и у остяков» (1996, с. 47–48). Однако среди этих редких случаев позже были выявлены образцы кукол из камня. Ненцы и кеты для создания основы тела домашних духов (кукол) *хэхэ* и *алэлов* использовали мелкие камни (Хомич, 1995, с. 216–217; Алексеев, 1977, с. 54). Предполагалось, что в них живёт дух ушедшего из этой жизни предка. Селькупы наделяли камень способностью хранить тепло, т.е. жизнь (Тучкова, 1997, с. 29), что, по сути, означает хранить живую душу. Домашних идолов в аборигенном Нарымском Приобье «делал себе из дерева или камня каждый хозяин юрты», – писал А.Ф. Плотников (1901, с. 41).

В среде угорских народов Приобья отмечены практически аналогичные представления. А.А. Дуниным-Горкавичем среди обычных деревянных идолов описывается «остяцкий каменный идол, в виде куклы, одетой в чёрное суконное пальто, набитое внутри суконными и ситцевыми лоскутками, обертывающими плоский удлинённый камень, концом выступающий вместо головы и здесь покрытый шапкой в виде скуфейки...» (1996, с. 45). В шаманской практике нечто подобное отмечено у обитателей р. Вах. По данным В.М. Кулемзина, у ваховских хантов бытует представление об особых камнях, куда шаманы могли заключать своих духов (камни назывались *кох-лунг*, буквально «камень-дух») (2000, с. 74).

На северо-востоке Азии каменные человекоподобные фигурки делали палеоазиаты – чукчи и коряки, также наделяя их духовными силами (Кирыяк (Дикова), 2003, с. 119).

На основании вышеприведённых фактов становится понятным, что сакральное осмысление камня хантами полностью укладывается в универсальную картину представлений народов Северной Азии. Однако существуют факты, указывающие на аналогичное восприятие камня у южносибирских народов. В частности, в похоронно-поминальной обрядности бурят камень мог быть заместителем умершего, вместилищем души или вместилищем сакральности, то есть *сульдэ*. Камень как бы впитывает в себя сверхъестественную потенцию души и духов умерших, удерживая её в себе (Обряды... 2002, с. 98).

Наиболее ранний образец предмета, который называют «чуринга», обнаружен в памятнике мустьерского времени Тата, где найдена обработанная и окрашенная пластинка из зуба мамонта с гравиро-

ванными изображениями круга и креста (Семёнов, Фролов, 1983, с. 402). Принимая во внимание тот факт, что обычаи складываются на протяжении длительного времени, можно предполагать существование очень древней традиции, уходящей к истокам становления человеческого общества. Следует заметить, что реликты ранних представлений о сакральности камней обнаруживаются практически по всей земной ойкумене.

В современной сибирской и дальневосточной археологии имеется довольно много случаев находок «рисованных» камней, семантически интерпретируемых аналогично австралийским чурингам (Савинов, 1995, с. 110–119; 1996, с. 38–45; Леонтьев, 2001, с. 111–16; Бродянский, 1985, с. 35–36; Асеев, 1998, с. 109–114; Дьяков, 2001, с. 124–129; Кунгурова, 2003, с. 9–13).

Вполне вероятно, что собранные археологические образцы есть не что иное, как материальные свидетельства универсальной и некогда широко распространённой традиции анимистического одухотворения камня, одной из обрядовых форм которой стали гравированные камни. Однако, судя по отдельным находкам, хранящимся в МАЭС ТГУ, а также в других музеях и научных центрах, в Горном Алтае данная традиция сохранилась вплоть до этнографического времени (МАЭС, кол. № 6763).

Веской причиной сакрализации камня стала вера в его сверхъестественное апотропеическое могущество, которое может быть направлено против злых сил, и прежде всего против душ мёртвых. Для предотвращения выхода душ из тел мертворождённых и умерших сразу после рождения детей ханты клали камень на грудь или вкладывали его в рот (Карьялайнен, 1994, с. 96; Чернецов, 1959, с. 123; Семёнова, 2001, с. 154). Считалось, что душу необходимо было удержать до разложения тела (Кулемзин, 1984, с. 79). В тех же целях мертвому клали кремь или оселок (Карьялайнен, 1994, с. 96, 97). Такие примеры известны у многих народов Евразии и относятся к разряду универсалий с древним прошлым.

Сила камней всегда превалировала над силой деревьев, поэтому следует предположить, что каменная посуда сакрально сильнее деревянной, а следовательно, предпочтительнее не только в утилитарной, но и в символической сфере. На этом постулате может базироваться мировоззренческое обоснование замещения деревянной чай-

ной посуды на фарфоровую и фаянсовую. Но так как сакральные и профанные сферы жизни в традиционной культуре практически неразделимы, то они так же неразличимы и структурно. Контаминация в сознании обитателей тайги полусных и фронтирных миров, в свою очередь, закрывает возможность для прямого разделения материальных предметов на священные и утилитарные, так как они одновременно и одинаково пребывают в двух системах измерения традиционного мироустройства. Как образно выразился в частной беседе известный этнолог В.М. Кулемзин, «сферы бытия в мировоззрении традиционных культур различаются даже менее, чем научные термины, их характеризующие». По его же наблюдениям, при определенной ситуации «утилитарное – символическое и обыденное – сакральное мгновенно меняются местами» (Кулемзин, Зоркальцева, 1998, с. 8). Следовательно, в функциональном поле предмета вступают в силу все те многочисленные коннотации, которые обусловлены его внешними и внутренними качествами и признаками: форма, внешний вид, декоративность, материал и его физические способности – твёрдость, острота, хрупкость и т.п.

Не бесспорным, но вполне состоятельным может быть предположение о присвоении в таёжных обществах фарфору и фаянсу особого значения для придания и поддержания личного и социального статусов. В силу относительной редкости, а следовательно, и ценности заводская посуда, вероятно, являлась предметом престижа, отражала социальный и одновременно имущественный ранг умершего. В таком случае неудивителен тот факт, что отправка в потусторонний мир, место дальнейшего обитания, сопровождалась этим ценным с материальной и знаковой стороны имуществом, гарантировавшим обретение былого статуса и в новой жизни. Об этом же напоминает особое хранение чайной посуды в специальных сундучках, о чём, как указывалось выше, писал С.И. Руденко.

Следующий аспект погребального обряда, на котором следует задержать внимание, несёт более семиотический, нежели прагматический смысл, что обусловлено расположением фарфоровой и фаянсовой посуды в могиле. Как было сказано выше, её образцы распределены в могилах по трём позициям: в области головы, в средней части туловища, у пояса и в ногах умерших. Как показывает статистика, чаще посуда размещалась в ногах, т.е. там, где чаще всего и обильнее концентрировался сопроводительный инвентарь. Следует

отметить, что качинцы в ногах усопшей ставили деревянную коробку, в которой находились чашка, ложка и чайная чашка (Катанов, 2007, с. 22), а хакасы в такой же ящичек клали полный набор из чашки и блюдца вне зависимости от пола умершего (Майнагашев, 2007, с. 40).

Наблюдаемый в хантыйских могилах разброс местонахождения фарфоровой и фаянсовой посуды на первый взгляд указывает на неустойчивость представлений, связанных с нетрадиционным инвентарем. Однако многочисленные полевые наблюдения убеждают в обратном: то же самое происходило с расстановкой привычных категорий деревянных, берестяных и плетёных ёмкостей и сосудов, часть из которых впоследствии была замещена русским импортом. В чем же тогда смысл такой многосложной расстановки? Найти прямой ответ на этот вопрос из литературных источников пока не удастся. Но от Н.М. Талигиной нами получено необыкновенно важное в данном случае разъяснение, во многом проливающее свет на заданный вопрос. По её сведениям, умершему в могилу клали четыре берестяных корытца, формой напоминающих сосуды *чуманы* (*чумашки*), свёрнутые из единого листа бересты. Первый наполняли оленьим жиром, а когда жир застывал, по нему наносили чёрточки; сосуд ставили возле уха, он так и назывался «возлеушная чаша». Второй ставили на сакральную часть тела, на лобковую часть. Третий и четвёртый помещали под коленями, и их называли «подколенные чашки».

По мнению Н.М. Талигиной, олений жир предназначался грызунам, для того чтобы они не тревожили останки умершего. Представляется, что объяснение может иметь и более глубокую семантическую нишу. Если под грызунами подразумевать существа, наделённые злой силой, то жир мог быть приношением им для того, чтобы они оставили в покое тело умершего не только как физическую сущность, но и более важную духовную. Учитывая то обстоятельство, что в сакральных действиях реальное и ирреальное уподоблено, то поедание пищевого приношения в любом варианте (людьми, животными и т.д.) может быть обрядом кормления и тем самым умилостивания потусторонних существ, добрых или злых. Сюжет с грызунами, видимо, явление второстепенного значения. Вероятнее всего, приношения предназначались для существ более высокого ранга, более значимых для умершего в по-

тусторонней жизни. Персонифицировать их пока не удастся, но на первом этапе движения по этому пути важно определиться, правилен ли сам путь.

В поисках интерпретации собранной информации обратимся к более широкому культурному кругу источников, которые выводят на новые перспективы видения предмета исследования. Объяснение многих тёмных мест в погребальном обряде старосалымских хантов, на наш взгляд, может таиться в этнической многокомпонентности угорских этносов, одной из важных составляющих которой, по мнению ряда авторов, является наличие южного скотоводческого индоарийского, а затем индоиранского элементов. В исследованиях фиксируется целый ряд аргументировано доказанных культурных аналогий, которые замечены в культурах обских угров и представителей южного круга культур (Чернецов, 1947, с. 114–116 и др.; Мошинская, 1953, с. 96, 97, табл. XIV; Яшин, 1990, с. 13–18; 1997, с. 44–50). Такого рода наблюдения сделаны и на основе этнографических материалов, что, в свою очередь, показывает прочность и долговечность традиций юга в культурах севера. В частности, З.П. Соколова со ссылкой на большую группу специалистов пишет об индийских параллелях в угорских этнонимах *савыр*, *ситыр* (Соколова, 2001, с. 42–46).

На основании установленных сходств ощущается мировоззренческий контекст культурной контаминации у этносов, казалось бы, безнадежно разделённых временем и пространством. Наряду с уже известными в литературе параллелями в нашем случае неожиданно обнаруживается новая деталь, требующая внимательного отношения и изучения, – семантика расположения сосудов и ёмкостей в могилах обских угров. Основанием для подобного заявления и дальнейшего сопоставления стали данные индийского исследователя Р.Б. Пандея, почерпнутые им из погребальной традиции ведийской Индии. В качестве источника автор использовал описание ритуала расстановки сосудов в могиле, изложенное в VI главе «Хираньякешипитримедхасутра». Весьма полезно в этом сочинении то, что текст в отдельных случаях указывает ритуальное назначение того или иного из сосудов, отправляемых с умершим (Пандей, 1990, с. 280, 284).

В силу редкости подобного рода информации приведем несколько адаптированный под нашу тему отрывок из работы индийского автора, в котором описан порядок расположения различных предметов посуды в погребении, а точнее, на теле умершего. «На рот – жертвенный ковш... на ноздри – две ложки, на уши два сосуда для жертвоприношения или один, разделенный пополам, на челюсти – ступку и пестик, на голову – блюда «капала», на лоб – одно блюдо, на живот – сосуд для муки, на пупок – сосуд для топленого масла, на бока – две корзины или одну разрезанную пополам, на бедра – сосуды для жертвенной смеси, на ноги – сосуд для агнихотры и сосуд для «анвахарья», на затылок – сосуд для простокваши и для того напитка, который предлагается почётному гостю. Посередине – сосуд «чамаса»... Этот сосуд для Агни». Остальное – между колен. «Тот кто так вооружён для жертвоприношения, немедленно попадет в небесный мир – так известно (из вед) (Пандей, 1990, с. 284).

Как можно заметить, большинство сосудов устанавливалось на отверстия (углубления) в теле умершего (глаза, уши, пупок) или рядом с ними (на челюсти, бедра, лобок). Объяснение такому выбору местоположения, вероятно, кроется в представлениях о духовной опасности умершего для здравствующих. Считалось, что через отверстия в теле выходит дух умершего, способный вредить живым. Индийский текст показывает, что сосуды устанавливались с определенной целью. В одном случае – «этот сосуд для Агни», т.е. речь идёт о жертвоприношении божеству огня. Одновременно отмечено назначение посуды – «сосуды для жертвенной смеси устанавливались на бедра». Приведенные данные показывают, что каждая из ёмкостей служила местом жертвоприношения одному из многочисленных божеств, связанных с отдельной частью тела или органом и их духовным началом (духом-«хозяином»). Данная позиция вполне согласуется с мнением Л.Я Штернберга о том, что в традиционных обществах существовало архаическое представление о множественности души индивида, т.е. о том, что, кроме главной, имеется душа для каждой части тела, особенно она характерна для половых органов (1902, с. 267; 1936, с. 304–305.). Приведённая точка зрения хорошо иллюстрируется представлениями, отмеченными рядом исследователей у обских угров. Так, В.Н. Чернецовым были рассмотрены и объяснены причины и особенности множественности душ у чело-

века (1959). Кроме основных душ, о которых писал исследователь, по мнению хантов, человек обладает несколькими проявлениями души или душами, ответственными за разные части тела и органы. Например, пятая душа мужчины «суп» соотносилась с половым органом (Перевалова, 1992, с. 90; Головнёв, 1995, с. 137). При таком осмыслении каждая из душ, очевидно, по-своему принимала жертвы, благорасполагавшие их к живым людям. Древнеиранские корни в культуре хантов, о которых писали В.Н. Чернецов и другие исследователи, видимо, обнаруживают себя и в данном вопросе, семантически сближая расстановку сосудов в могилах обских угров с обрядовыми процедурами, запечатлёнными в ведийских источниках. Здесь вновь уместно вспомнить сакраментальную фразу из Флетчера о том, что каждая сакральная вещь должна быть на своём месте.

На основании приведенной аналогии следует предположить, что расположение сосудов и ёмкостей (корзины, коробки) в хантыйских могилах имело не столько, как считается, сопроводительный характер, сколько жертвенный, что в полной мере относится к фарфоровым и фаянсовым сосудам, постепенно заменявшим традиционные деревянные и берестяные образцы.

Завершая данный сюжет, следует отметить, что информация, полученная от этнолога Н.М. Талигиной, в плане интерпретации калькируется с древневедийских обрядов, а материалы хантыйского кладбища на р. Большой Балык стали овеществленным выражением этой кальки.

Как уже было отмечено выше, памятник оставлен старожилками края – старосалымскими хантами (Фёдорова, 1996, с. 103). С их пребыванием надёжно коррелируются наиболее ранние образцы посуды, которые обнаружены в могилах, возникших в 1870-е гг. и в последующие десятилетия вплоть до середины XX в. Самые молодые образцы маркированной посуды изготовлены в 1950-х гг. Как известно, с 1920–30-х гг. салымский район начинают заселять пришлые юганские ханты, получившие название новосалымские. В связи с этническими изменениями, внесёнными миграционным процессом, возникает ряд вопросов о полной или частичной смене населения, судьбе старосалымских обитателей и хронологии функциони-

рования кладбища на р. Большой Балык в новом этническом окружении.

Если предположить, что пришлые ханты не пользовались чужим для них старосалымским кладбищем, а основали своё собственное, то заполнение кладбища на р. Большой Балык до 1950-х гг. осуществлялось коренными обитателями. Сохранись старое население, кладбище, исследованное антропологами, не оказалось бы заброшенным столь рано. На основании находок можно считать, что прекращение похорон на кладбище относится к 1950-м гг. Такую дату дают чайное блюдо с марками ЗИК (57) и монета достоинством 3 копейки 1952 г. из могилы 28. Судя по дате, это захоронение на данном кладбище самое позднее.

По определению В.А. Дрёмова, приведённому в полевом дневнике, в данной могиле был захоронен подросток без указания на его половую принадлежность (1985, с. 182). Вместе с тем целый ряд предметов в сопроводительном инвентаре определённо указывает не только на молодость умершего, но и на его женский пол. Разгадка такого кажущегося противоречия может находиться в ранних браках. О брачных отношениях у надымских остяков Поляков писал следующее: «Наряду с многожёнством здесь обычно имеет место различие в возрасте между вступающими в брак. Зрелость женщин начинается с 12–13 лет...»; «...ни одна остяцкая девушка старше 13 лет не сохраняет девственности...» [см. (Алквист, 1999, с. 154)]. Девушка-подросток зачастую состояла в статусе взрослой замужней женщины задолго до своего физического взросления. Такое положение дел было свойственно не только надымской группе, а имело повсеместное распространение у хантов, в том числе и у салымской группы. Следовательно, в случае смерти столь юной женщины её сопроводительный инвентарь мог включать как ностальгические детские, так и взрослые предметы, окружавшие её в повседневной жизни.

К разряду предметов подросткового круга достаточно смело можно отнести резиновый мячик, заводную железную игрушку – автомобиль (без колес), 4 простых карандаша. Взрослые женские вещи составляют более представительный ряд: у головы стояла берестяная коробка с нитками, обрезками ткани, кожи и бересты, рядом лежали вязаные варежки небольшого размера и шапка под головой, пластмассовые гребень и гребешок, флакон из-под одеколона

«Сирень», брошка «цветок», тубик с кремом, бутылочка, а на черепе и у тазовых костей – скопления бисера и пуговичек, видимо, от украшений на головном уборе и ворупе. Все эти вещи – принадлежности статуса женщины – хозяйки дома. Особенно справедливо это утверждение по отношению к берестяной коробке. В таких коробках хантыйские женщины хранили предметы, связанные с их повседневными заботами по пошиву и ремонту одежды, её декорированию, работой по бересте и другие вещи сугубо женского хозяйственного обихода.

В следующую группу вошли предметы, свойственные одинаково для мужского и женского захоронений: спички, рюмка с обломанной ножкой, кость домино, железная эмалированная миска в районе живота, кастрюлька с известью и топор в ногах, а также четыре монеты, самая ранняя из которых (20 копеек) 1925 г. Заметим, что плотницкие топоры в женских захоронениях хантов далеко не редкость. В определенно женской могиле 28, так же, впрочем, как и в ряде других, в ногах умершей лежал топор. Интересно, что в области живота, слева от костяка, найдена медная иконка. Помимо вероятной, но не обязательной религиозной подоплёки, иконка могла быть просто украшением-оберегом, нашитым на одежду, как это часто случилось у приобских обитателей.

Подводя итог анализу захоронения 28, следует резюмировать, что комплекс находок в могиле с большей долей вероятности указывает на женский, нежели на мужской пол умершего. При этом женщина могла находиться в подростковом возрасте. На основании вышеизложенного допустимо предположить, что в могиле 28 была захоронена последняя представительница коренных обитателей края – старосалымских хантов и что данное погребение знаменует окончание бытования их на территории края в прежнем этнически «чистом» виде.

С точки зрения искусствоведения и истории русского фарфора и фаянса собранный материал также даёт достаточно много пищи для размышлений. Могилы иногда сохраняют образцы посуды с редкими или вовсе неизвестными в науке марками, знание которых необходимо, так как они во многом характеризуют историю отдельного предприятия и отрасли в целом.

Среди находок с кладбища на р. Большой Балык отмечены два блюда, одно из которых маркировано монограммой *МК*, второе – маркой *Бр. Чекановы*. Названные марки не обнаружены в публикациях, что затрудняет их интерпретацию: в первом случае в отношении фабричной принадлежности, во втором – периода использования. Вместе с тем первая могла принадлежать М.М. Куринову, чайная чашка которого, но с другой маркой, имеется в настоящей коллекции. Известно, что этими же, но печатными буквами маркировались отдельные его изделия. О фабрике Чекановых, созданной в Екатеринбурге, известно только то, что она некогда принадлежала наследникам Александра Кирилловича Чеканова и на ней вырабатывался фаянс. Их марка в литературе не представлена, поэтому полученный с Балыка экземпляр становится важным источником по истории данного заведения.

Первенство среди изделий второй половины XIX в. имеет продукция северных фабрик Е.И. Кузнецова, что свидетельствует о его первенстве в торговле с интересующим нас районом в 1880-е гг. Вместе с тем изделия, поступившие на рынок после 1880-х гг., принадлежат преимущественно фабрикам М.С. Кузнецова, который практически монополизировал российский рынок, наводнив его массовой продукцией невысокого качества, но относительно дешёвой и по цене доступной даже не слишком обеспеченным слоям населения, в том числе и коренным обитателям Сибири. У последних фарфоровые и фаянсовые предметы, помимо утилитарного назначения, вероятно, играли немалую роль в ритуальной практике, что и отразилось в погребальной обрядности салымских хантов. Таким образом, мы имеем дело не столько с денежной стоимостью этих изделий, сколько с символической, обусловленной магическими их свойствами. Следует указать и на особое осмысление количества товара, величина которого является маркёром состояния или богатства.

В силу того, что исследуемый материал, несмотря на его широкий количественный и информационный диапазон, довольно стандартен в номенклатурном или качественном выражении, нам показалось удобнее представить его в расширенном каталожном варианте, позволяющем дать, помимо простого описания, некоторые комментарии, доступные на данном уровне изучения.

2.1.3. Каталог фарфоровой и фаянсовой посуды с кладбища на р. Большой Балык

Могила 1. Глазурованная фарфоровая чайная чашка (рис. 3, б, 7). Глазурь тусклая матового оттенка.

Тулово цилиндрической формы со слегка отогнутым наружу краем, закруглённое книзу, на низкой подставке-донце. Подставка предназначена для того, чтобы предмет не ставился на поверхность всем днищем. В таком виде она присутствует на подавляющем большинстве фарфоровой и фаянсовой посуды. Диаметр устья 7,5 см, дна – 6 см, подставки – 4,3 см. Общая высота изделия 6,7 см.

Ручка в форме стилизованного растительного побега с завитками-отростками. По тулову вручную наведён растительный декор в технике подглазурной и надглазурной росписи с использованием кобальта и красок зелёного, малинового и красно-коричневого цветов. В основу декора положена композиция с двумя крупными листьями и двумя ягодами, прорисованными под глазурь. Поверх глазури дорисованы малиновые цветки с зелёными соцветиями. Цветы на стеблях красно-коричневого цвета, как и спиралевидные растительные «усы». Отдельные детали, например прожилки на листьях, проведены глянцево-голубым. Им же нанесены ободки с внутренней стороны по кромке устья и на подставке.

На донце чашки оставлена светло-синяя надглазурная фабричная марка (рис. 3, 7) с изображением аверса и реверса наградной настольной медали «Сельскохозяйственной и промышленной выставки», проходившей в Ростове-на-Дону в 1908 г. (Духин, 1985, с. 149). Поверх медалей дугообразная надпись: **ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ**, а ниже них в две строки: **ФАБРИКИ/М.КУРИНОВА** (все буквы печатные). Медаль выставки, которой была удостоена продукция М. Куринова, нанесена с рекламной целью. Этот прием широко практиковался в российской и зарубежной промышленности. Следует заключить, что чашка из погребения изготовлена не ранее даты проведения названной выставки, а в могилу она попала ещё позже.

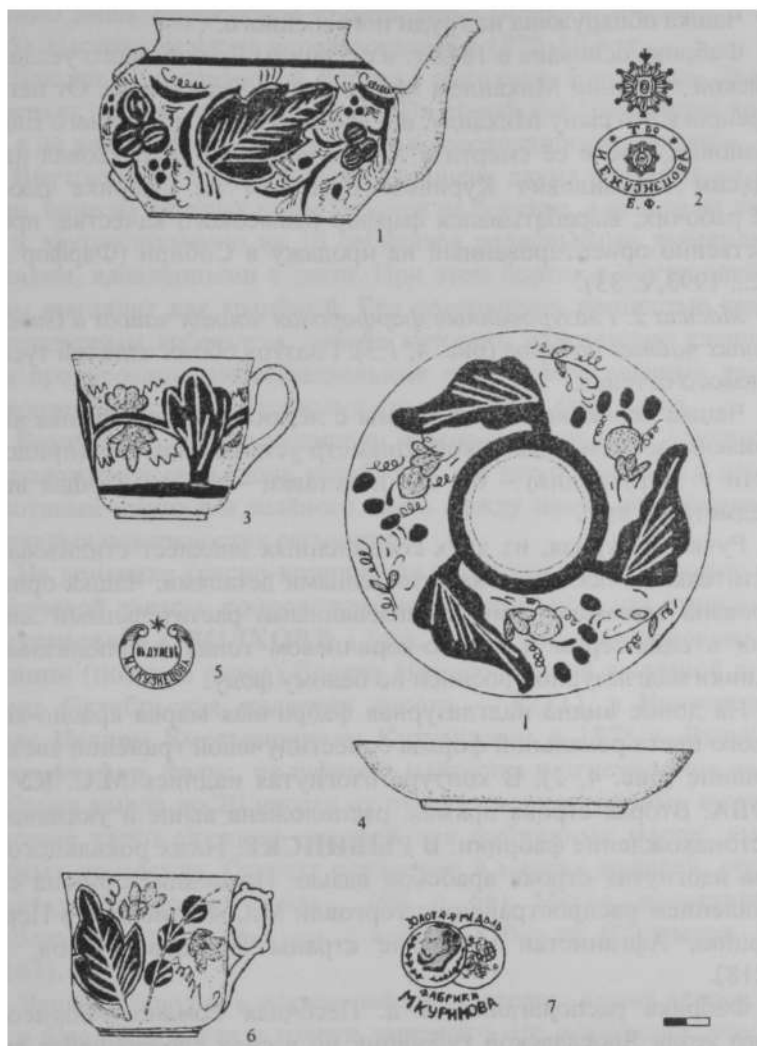

Рис. 3. Фарфоровая чайная посуда из некрополя на р. Большой Балык: 1 – заварочный чайник (могила 6); 2 – марка завода И.Е. Кузнецова в Броннице – производителя заварочного чайника (могила 6); 3–4 – чайная пара (могила 29); 5 – марка завода М.С. Кузнецова в Духове – производителя чайной пары (могила 29); 6 – чашка (могила 1); 7 – марка завода М.М. Куринова в Речицах – производителя чайной чашки (могила 1)

Чашка обнаружена на груди погребённого.

Фабрика основана в 1858 г. в с. Речицы Бронницкого уезда Московской губернии Михаилом Матвеевичем Куриновым. От него она перешла к его сыну Михаилу, а в 1882 г. к жене последнего Евдокии Ивановне. После её смерти в 1900 г. фабрику унаследовал их сын Максим Михайлович Куринов. При нём на фабрике работало 185 рабочих, вырабатывался фарфор невысокого качества, преимущественно ориентированный на продажу в Сибири (Фарфор и фаянс... 1993, с. 33).

Могла 2. Глазурованные фарфоровая чайная чашка и блюдце из разных чайных наборов (рис. 4, 1,3). Глазурь обоих изделий тусклого матового оттенка.

Чашка колоколовидной формы с лёгким изгибом тулова внутрь и низким донцем-подставкой. Диаметр устья 8,6 см, дна (придонной части у закругления) – 6,2 см, подставки – 4,5 см. Общая высота предмета 6,8 см.

Ручка фигурная, из двух соединённых внахлёт стилизованных растительных побегов с валутовидными деталями. Чашка украшена вертикальными стилизованными растительными элементами в сине-сером и красно-коричневом тонах с использованием техники надглазурной росписи по белому фону.

На донце видна надглазурная фабричная марка красно-коричневого цвета рокальной формы с шестилучевой гранёной звездой в вершине (рис. 4, 2). В контуре изогнутая надпись **М.С. КУЗНЕЦОВА**. Вторая строка прямая, расположена выше и указывает на местонахождение фабрики: **В РЫБИНСКЕ**. Ниже рокального контура изогнутая строка арабской вязью. Последняя обязана своим появлением распространению торговли М.С. Кузнецова в Персию, Турцию, Афганистан и другие страны Востока (Попов, 1980, с. 218).

Фабрика располагалась в д. Песочная Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии, но в силу сложившейся сырьевой и рыночной ситуации тяготела к г. Рыбинску, находившемуся в соседнем уезде. Основана в 1884 г. купцом Никитиным, в 1886 г. продана торговому дому «В. Карякин и В. Рахманов». На фабрике вырабатывался фарфор и фаянс. В 1894 г. приобретена товариществом М.С. Кузнецова, после чего выпуск фаянса был прекращён, ос-

тавлено лишь фарфоровое производство (Фарфор и фаянс... 1993, с. 65). Настоящая марка использовалась в 1870–80-е гг.

Блюдец подконической формы с высокими бортиками. Диаметр по устью 14,7 см, по донцу – 8 см. На стенке две поперечные трещины, а на дне две трещины с радиально расходящимися лучами.

Внутренняя сторона блюда украшена двумя рельефными кольцами, одно из которых располагается на бортике, а второе на днище. То и другое поделено на 16 сегментов радиальными лучевидными линиями, вдавленными в тесто. При этом бортик с внутренней стороны выглядит как гранёный. Его поверхность полностью закрыта подглазурным кобальтом, поверх которого надглазурно глянигольдом прорисованы две параллельные линии, пересечённые десятью чередующимися растительными стилизациями двух типов.

Внутреннее кольцо украшено красно-коричневыми «лучиками», расположившимися вдоль углублённых в тесто «лучей», и легкими короткими штрихами зелёного цвета между ними, нанесёнными на выпуклых поверхностях сегментов.

На донышке красно-коричневая заводская марка в форме восьмилучевой звезды, сопровождаемой надписью в три строки /и.Е./ /Кузнецова/НА ВОЛХОВЪ / (рис. 4, 4). Фабрика основана близ станции (позднее город) Волхов Нижегородской железной дороги (ныне Октябрьская железная дорога. – Ю.О.), в Новгородском уезде Иваном Емельяновичем Кузнецовым в 1878 г. Вырабатывался фарфор, фаянс, полуфаянс, майолика и огнеупорная посуда. Фабрика имела до 20 наград от русских и иностранных выставок, которые часто служили основой для фабричных марок, выставляемых на посуде. Отсюда появление в марках медалей, орденов и звёзд (Фарфор и фаянс... 199, с. 66). Марка, проставленная на блюдец, использовалась с конца 1870-х гг. (Салтыков, 1952, с. 183).

Чашка и блюдец в могиле найдены порознь: чашка лежала справа, а блюдец – слева у голени умершего. Не исключено, что изначально чашка и блюдец стояли на крышке гроба, но после ее разрушения и под давлением земли они оказались разрознены.

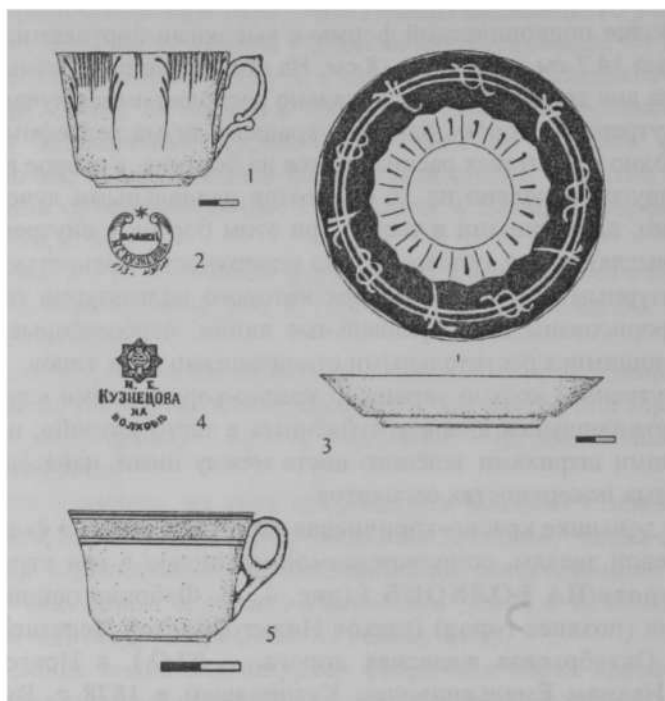

Рис. 4. Фарфоровая чайная посуда заводов М.С. Кузнецова и И.Е. Кузнецова из Усть-Балыкского некрополя: 1 – чашка завода (могила 2); 2 – марка завода М.С. Кузнецова в Рыбинске; 3 – блюдце завода И.Е. Кузнецова на Волхове (могила 2); 4 – марка завода И.Е. Кузнецова в Волхове; 5 – детская чайная чашка (могила 6)

Могила 4. Глазурованная фарфоровая чайная пара. Глазурь изделий тусклого матового оттенка.

Чашка колоколовидной формы на низком донце-подставке. Ручка утрачена. Диаметр устья 8,5 см, донца-подставки – 4,5 см.

Блюдце характеризуется как глубокое, с округлыми высокими бортиками, плавным расширением и слегка отогнутым наружу краем, на низком донце-подставке. По краю крупный скол. Диаметр устья 15 см, донца – 8 см.

Оба предмета декорированы в одинаковой манере надглазурным способом. По верхнему обрезу наведена узкая полоска коричневого тона (у чашки более тёмная с золотистым оттенком). Такая же узкая полоска с золотистым оттенком на подставке чашки. Тулово чашки снаружи и внутренняя часть блюда орнаментированы однородным узором, составленным из четырёх пучков стилизованных растений. Крайние в каждом пучке стебли коричневого цвета, внутренние – блёклого серо-синего. На обоих предметах проставлена марка фабрики М.С. Кузнецова в Рыбинске, идентичная описанной выше (см. могила 2 – чашка).

Оба предмета найдены справа, в ногах.

Могила 5. Глазурованное фарфоровое чайное блюдо. Глазурь невысокого качества, с сероватым оттенком.

Блюдец с округлым плавным расширением бортика, край прямой, без отгибов. Диаметр устья 14,5 см, донца-подставки – 7,8 см. Внутри декорировано тремя парами крупных ягод на стеблях с листьями. Роспись ручная надглазурная. Ягоды и стилизованные отростки выполнены в коричневых тонах, стебли и листья – светло-зелёные. На донце фабричная марка в виде перекрещенных серпа и молота, увенчанных пятиконечной звездой. Рисунок сопровождается круговая надпись, оконтуривающая эмблему: «Коминтерн», ст. Волхов окт. ж. д. В эмблеме располагается аббревиатура из четырёх букв Ц.Ф.Ф.Т. Марка указывает на завод «Коминтерн» в г. Волхов, расположенном на линии Октябрьской железной дороги. Аббревиатура означает, что завод входил в Центральный фарфорово-фаянсовый трест, основанный на базе дореволюционных товариществ И.Е. Кузнецова и М.С. Кузнецова.

Судя по маркировке, блюдо изготовлено в 1927–1932 гг. [см. (Бубнова, 1978, с. 64, 66, 67)] на бывшей волховской фабрике И.Е. Кузнецова, национализированной после революции и получившей название «Коминтерн».

Блюдец лежало слева у локтя умершего.

Могила 6. Глазурованные фарфоровые заварочный чайник (рис. 3, 1) *и миниатюрная чайная чашка* (рис. 4, 5).

Заварочный чайник уплощённой в вертикальной проекции формы. Глазурь прозрачная блестящая. Крышка и ручка утрачены, на носике и венчике сколы.

Декорирован растительным узором, под венчиком золотистая полоска, нанесённая жидким золотом (глянцгольд). Два крупных листа и четыре трилистника по периметру тулова выполнены кобальтом в технике подглазурной росписи. Поверх кобальта достаточно небрежно прорисованы золотые прожилки листьев, а на трилистниках им же подведены внешние контуры. Между кобальтовыми изображениями пространство заполнено надглазурной росписью из стилизованных зелёных листьев и розовых ягод. В промежутках спиралевидные растительные усики и две пары тройных золотистых полосок.

На донце бледно-серая надглазурная марка, состоящая из следующих знаков: овальная рамка, в которой по контуру нанесена надпись, разделённая 2 звездочками – *Т-во* И.Е. КУЗНЕЦОВА. В овале восьмиконечная звезда – наградной знак торгово-промышленной выставки. Под овалом две буквы – Б.Ф., а над ним двенадцатилучевая звезда, верхний из лучей увенчан государственной короной. Аббревиатура «Б.Ф.» означает «Бронницкая фабрика» (рис. 3, 2).

Фабрика находилась при д. Новая Мельница, близ с. Бронница, на границе Новгородского и Крестецкого уездов Нижегородской губернии. Основана в 1884 г. Петром Казимировичем Рейхелем. В 1892 г. приобретена Иваном Емельяновичем Кузнецовым (Фарфор и фаянс... 1993, с. 67). Марка относится к 1889–1900 гг.

Миниатюрная чашечка с фигурной ручкой и донышком-подставкой. Фарфор высокого качества, просвечивающий на просвет. Глазурь прозрачная блестящая. Диаметр устья 4,3 см, донышка – 2,5 см, высота – 3 см. Край имеет небольшой скол.

Тулово вдоль верхнего края украшено тремя узкими полосками глянцевого золота, между двумя из которых оставлена широкая полоса, закрашенная в бледно-розовый цвет. Узкая золотая полоска, аналогичная верхним, проведена внизу вдоль бортика подставки чашки.

Изделие не маркировано, поэтому изготовитель не установлен. Подобного рода миниатюрные изделия составляли детские наборы посуды, производившиеся до 1917 г. на некоторых российских фарфоровых фабриках.

Оба предмета найдены посередине могилы близ ног умершего.

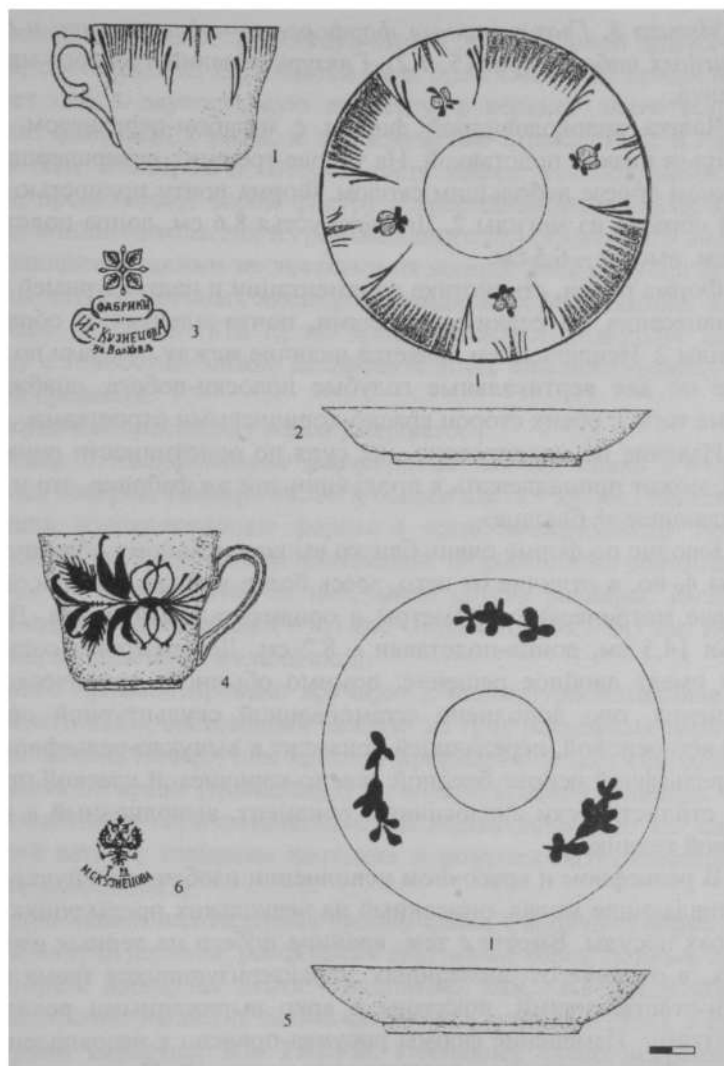

Рис. 5. Чайная фарфоровая посуда заводов И.Е. Кузнецова и М.С. Кузнецова из некрополя на р. Большой Балык: 1-2 – чайная пара завода И.Е. Кузнецова на Волхове (могила 8); 3 – марка завода И.Е. Кузнецова на Волхове; 4 – чашка товарищества М.С. Кузнецова (могила 26); 5 – блюдце товарищества М.С. Кузнецова (могила 26); 6 – марка товарищества М.С. Кузнецова

Могила 8. Глазурованные фарфоровые чайные чашка и блюдце из разных наборов (рис. 5, 1,2). Глазурь изделий тусклого матового оттенка.

Чашка колоколовидной формы с изгибом-перехватом тулова внутрь и низкой подставкой. На тулове трещина, завершающаяся на верхнем обресе небольшим сколом. Форма почти полностью повторяет образец из могилы 2. Диаметр устья 8,6 см, донца-подставки – 4.1 см, высота – 6,5 см.

Форма ручки, стилистика орнаментации и надглазурной способ её нанесения, за редкими деталями, почти идентичны образцу из могилы 2. Исключением является наличие между пучками по одной, а не по две вертикальные голубые полоски-побега, снабжённых, кроме того, с обеих сторон красно-коричневыми отростками.

Изделие не маркировано, но, судя по однотипности орнаментации, может принадлежать к продукции той же фабрики, что и сопровождающее её блюдце.

Блюдце по форме очень близко вышеописанному образцу из могилы 4, но, в отличие от него, здесь более крутые бортики, а также другие метрические параметры и орнаментальный мотив. Диаметр устья 14,5 см, донца-подставки – 8,2 см. Декоративная составляющая имеет двойное решение: помимо обычного графического наполнения, оно дополнено штампованной скульптурной орнаментальной основой, передающей орнамент в выпукло-рельефном виде. По рельефной основе бледной красно-коричневой краской прорисован стилистически аналогичный орнамент, выполненный в надглазурной технике.

В рельефном и красочном исполнении изображены пучки травы, составляющие мотив, описанный на нескольких предыдущих экземплярах посуды. Вместе с тем крайние побеги на лепных изображениях, в отличие от рисованных, характеризующихся тремя отростками-ответвлениями, показаны с ярко выраженными рокальными завитками. Изменение формы рисунка привело к несовпадению его с рельефным аналогом, послужившим основой. Пучки травы бледного жёлтого цвета дополняют двухлепестковые розовые цветки (ягоды?) с зелёными листьями на коротких стеблях. По краям донца – бледное красно-коричневое кольцо, окаймляющее вогнутую середину донца.

Блюдец помечено тёмно-коричневой надглазурной фабричной маркой, состоящей из двух частей (рис. 5, 3). Основная деталь представляет собой двусоставную виньетку, в верхней части которой надпись: **фабрики**, а ниже, в две изогнутые строки: **И.Е. КУЗНЕЦОВА /НА ВОЛХОВЪ**. Вторая часть марки, установленная над первой, представляет собой фигуру с крестообразным каркасом из прямых линий, исходящих из ромбовидного стилизованного листа и завершающихся такими же листками на концах. Между лучей креста вписаны четыре крупных листа ромбовидной формы. Данная марка появилась не ранее 1878 г., но просуществовала довольно долго, поэтому с точностью можно датировать лишь нижнюю границу бытования предмета.

Посуда найдена между колен умершего.

Могила 9. Глазурованные фарфоровые чайные чашка и блюдце из разных наборов. Глазурь чистого белого цвета с ярким блеском.

Чашка колоколовидной формы с изгибом-перехватом тулова ниже центра внутрь и низкой подставкой. Форма близка образцам из могил 2, 4. Но в отличие от них, здесь другие размеры. Диаметр устья 8 см, донца-подставки – 4,1 см. Общая высота – 6,7 см. Ручка утрачена, на подставке мелкий скол.

Тулово орнаментировано вручную в надглазурной технике четырьмя мотивами, состоящими каждый из трёх рельефных горизонтальных линий. Поверх них краской прорисованы полосы золотистого цвета по краям (глянцгольд) и голубой краской в центре. Между названными горизонтальными мотивами вставлено по одной цветущей ветке с зелёными листьями и розовым пятилепестковым цветком (шиповник?).

На дне чашки надглазурная бледно-синяя фабричная марка, состоящая из трёх деталей: российский двуглавый коронованный орёл, под которым изогнутая лента с надписью: **М.С. КУЗНИЦОВЪ** (в марке ошибочно написана латинская буква «I» вместо «E»), а ниже в фигурной виньетке: **ВЪ ТВЕРИ**. Последнее слово целиком не прочитывается, но форма виньетки полностью соответствует образцу, применявшемуся на тверской фабрике (Фарфор и фаянс... 1993, табл. XVIII-12). Марка относится к 1872–1889 гг. (Бубнова, 1978, с. 51).

Фабрика находилась в с. Кузнецово Корчевского уезда Тверской губернии. Приобретена Матвеем Сидоровичем Кузнецовым в 1870 г.

у помещика Андрея Андреевича Ауербаха. С этого момента она стала именоваться Тверской фабрикой (Бубнова, 1978, с. 39). Первоначально на ней вырабатывался только фаянс, но позже стали выпускать изделия из фарфора, фаянса, майолики и полуфаянса (чайная и столовая посуда, облицовочные плиты, санитарные принадлежности, эмалевые церковные иконостасы, майоликовые вазы и украшения, фигуры и пр.) (Фарфор и фаянс... 1993, с. 62–63).

Блюдец с плавным крутым изгибом стенки и прямым краем, на низком донце-подставке. Диаметр устья 13,5 см, донца-подставки – 8,2 см. На стенке две трещины, одна из которых расходится в стороны по дну блюда.

Поверхность декорирована надглазурной растительной стилизацией. Внутри в круговую по стенке нанесен орнамент из растительного побега и усиков, изображённых тонкой ломаной линией. И тот и другой прорисованы в виде бегущих и пересекающихся на каждом изгибе волн. В местах их пересечений изображены в чередовании розовые цветки шиповника и светло-зелёные бутоны из трёх полураспушенных листьев. Внутри на днище тонкий кружок коричневого цвета, окаймляющий круглое углубление. На дне блюда марка фабрики И.Е. Кузнецова на Волхове. По форме марка идентична вышеописанной из могилы 8 (рис. 5, 3). Единственным отличием стал лишь более тёмный коричневый тон краски.

Оба предмета находились слева у плеча умершего.

Могилы 10. Фарфоровая глазурованная чайная чашка. Колоколовидная чашка с лёгким перехватом-изгибом внутрь, на низком донце-подставке. Ручка фигурная, в виде стилизованного растительного побега с выступающими-отростками. Глазурь бледная, сероватого оттенка.

Декорирована четырьмя растительными пучками подобно вышеописанным образцам из могил 2, 4, 8. Стебли в пучках бледно-розового цвета, крайние длинные побеги прорисованы жидким золотом. То же самое наблюдается на маленьких пучках, перемежающихся с крупными. В отличие от названных аналогов, между пучками, ниже малых разделительных пучков, светло-зелёной краской нарисованы три стилизации в форме горизонтально уложенной буквы Ф. Возможно, они символизируют плоды.

Чашка отмечена бледно-синей маркой фабрики И.Е. Кузнецова в Броннице. Местами синяя краска потеряла изначальный цвет и выглядит бледно-серой. В отличие от аналогичной по форме марки на

блюдец из могилы 6, данная марка имеет иную надпись. Здесь отсутствует наименование «т-во» (товарищество). Как и в первом случае, под выставочной наградной звездой поставлена в три строки надпись: **И.Е./КУЗНЕЦОВА/Б.Ф.** Фамилия прописана в изогнутую линию. Марка относится к 1899–1900 гг.

Чашка находилась в берестяной коробке, установленной у колёной погребённого.

Могилы 11. Глазурованные фарфоровая чайная чашка и блюдце из разных наборов. Глазурь на обоих изделиях тусклого оттенка, блеск слабый.

Колоколовидная чашка с легким перехватом-изгибом внутрь, на низком донце-подставке. Ручка в форме стилизованного растительного побега с отростком (виноградная лоза), раздваивающимся у верхнего окончания в месте крепления к тулову чашки. Концы верхних окончаний побега и нижняя его часть, примыкающие к тулову, оформлены в виде виноградных листьев. Диаметр устья 7,5 см, донца-подставки – 4 см. Общая высота 6,6 см.

Тулово декорировано растительным узором из двух мотивов. Основной занимает большую часть в лицевой зоне и представляет собой уложенный на бок букет из двух жёлтых пшеничных колосьев с усиками, обрамлённых с двух сторон длинными светло-зелёными листьями (трава?). Среди последних на стеблях показано по два полураспустившихся цветка насыщенного сине-голубого цвета. В нижней трети букет перехвачен тесно прижатыми друг к другу крупными круглыми «ягодами». Одна из них бледно-розового цвета с теми же оттенками, другая – насыщенного сине-голубого цвета с жёлтой сердцевинкой. В стороны от них отходят по три светло-зелёных листка, а вниз от места перехвата букета спускается пучок расходящихся в стороны длинных светло-зелёных листьев. Колоски, их усики, стебли травы и цветов прорисованы тонкими серо-чёрными линиями. Вторая часть орнамента представлена одиночным цветком бледного розового цвета с более насыщенными цветовыми участками, выделяющими лепестки. Цветок нарисован в профиль и напоминает шиповник. Он находится на ярко-зелёном круто изогнутом стебле между двух пар листьев, расходящихся в стороны. Верхнюю пару венчает лист, устремлённый вверх.

Блюдце с плавно изогнутым бортиком, перпендикулярным днищу, на низком донце-подставке. Диаметр устья 13,8 см, донца-подставки – 8 см. На дне трещина, расходящаяся тремя лучами.

Декорирована в подглазурной и надглазурной техниках. Тёмно-синий подглазурный кобальт образует четырёхконечную розетку, отдаленно напоминающую крест, с фигурными лучами, концы которых оформлены овальными вырезами внутрь. В них же вписаны крупные С-образные фигуры с «рогами»-отростками наружу. По кобальту прослеживаются остатки надглазурной растительной росписи золотом. Центральная часть «креста», захватывающая большую часть днища, не закрашена и представляет собой белый глазурованный круг. В промежутках между лучами надглазурным способом нанесены слабо различимые изображения в виде розового цветка с отходящими в стороны зелёными ветками и листками. Кроме того, поле заполнено спиралевидными и штриховыми фигурами красно-коричневого цвета.

Блюдце отмечено сильно затёртой маркой бледно-серого цвета, которая состоит из четырёх строк текста: **Фабрики/ М.С./ Кузнецова/В ДУЛЁВЪ/**. Такие марки ставились на продукции дулевской фабрики в 1870–1872 гг. (Бубнова, 1978, с. 45).

Фабрика находилась в с. Дулёво Покровского уезда Владимирской губернии. Основана в 1832 г. Терентием Яковлевичем Кузнецовым. После его смерти заводом заведовали сыновья и племянники. После раздела имущества завод достался сыну – Сидору Терентьевичу, а после его кончины в 1864 г. перешел к его сыну Матвею Сидоровичу. В последующем Дулёвский завод стал самым крупным в России, специализирующимся исключительно на производстве фарфора. Продукция завода многократно награждалась на российских и зарубежных выставках. С 1872 г. М.С. Кузнецов получил право употреблять на своих изделиях и вывесках государственный герб (Бубнова, 1978, с. 39–41; Фарфор и фаянс... 1993, с. 5).

Блюдце найдено справа у левой голени, а чашка стояла на нём вверх дном.

Могила 16. Глазурованные чайные чашка и блюдце из разных наборов.

Находки не были доставлены в музей, поэтому краткое описание даётся по полевому дневнику В.А. Дрёмова.

Предметы «фарфоровое блюдо и стакан» найдены в медном чайнике (Дрёмов, 1985, с. 153). Далее «стакан» назван чашкой (Дрёмов, 1985, с. 154). Разночтение в наименовании, видимо, обусловлено близкой или аналогичной стакану формой. Размеры и особенности декора посуды не отмечены.

Указано, что на блюде марка стёрта, но на чашке прочитана фабричная марка – *МК* (Дрёмов, 1985, с. 154). Марка, составленная из такого набора букв, вполне определённо приписывается заводу М. Куринова (Салтыков, 1952, с. 187, рис. 341, 342; Фарфор и фаянс... 1993, с. 167, табл. XXVII – 20; Фарфор и фаянс. Указатель... 1993а, с. 58). Известен не атрибутированный вариант её написания (Фарфор и фаянс. Указатель... 1993а, с. 59).

Посуда была найдена поверх погребального сооружения (гроба) на границе 1-й и 2-й трети от ЮЗ конца могилы, что может соответствовать примерно уровню таза.

Могила 17. Глазурованное фаянсовое чайное блюдо.

Предмет не сохранился, поэтому описание не детализировано. Внутренняя поверхность полностью занята геометрическим рисунком в виде сетки серого цвета. В центре крупный медальон в форме цветка такого же цвета. Марка чёрного цвета в две строки: **БР. ЧЕКАНОВЫХЪ.**

В могиле блюдо находилось между ног, ближе к стопам.

Могила 20. Глазурованные фарфоровые чайные чашка и блюдо из разных наборов.

Колоколовидная чашка на низком донце-подставке. Тулово почти цилиндрической формы с легким расширением кверху. Ручка в форме стилизованного растительного побега, раздваивающегося в нижней части. На внешней стороне ручки три выступа-отростка. Диаметр устья 7,3 см, донца – 4,1 см. Высота изделия 7 см.

Глазурь сероватого цвета с небольшими дефектами в виде лунок от лопнувших воздушных пузырьков. По всей поверхности технологический брак – чёрные точки. На внутренней стороне четыре звездообразных развода серого цвета. Тулово декорировано надглазурным растительным орнаментом, нанесённым коричневой с золотым отливом краской: почти по всей его поверхности располагается горизонтальный бутон из листьев и колоса (?), перевязанных лентой. Далее – наклонённая одиночная ветка. Под обрезом устья с внешней стороны и на подставке наведено по

одиночной полоске. Марка на изделии не проставлена, поэтому производитель не установлен.

Блюдец со слабоизогнутой стенкой на низком донце-подставке. Диаметр устья 15 см, донца – 8 см. Глазурь сероватого оттенка с бледно-зелёными разводами и пятнами на обеих сторонах. Блюдец было разбито на 8 частей, но и после их склейки недостаёт некоторых крупных фрагментов бортика и днища. Кроме того, по кромке имеются мелкие сколы глазури, а на днище множество трещин, утраты крупных фрагментов глазурного слоя и фаянсового теста на разрушенных участках.

Внутренняя поверхность декорирована вдоль бортика накладной полосой деколя из красно-коричневых арабесок в форме стручков с широкими листьями по сторонам, прикреплённым к сплошному кольцу-побегу, охватывающему блюдец вдоль бортика. Полоса наклейки наложена на поверхность блюдца не точно: с одного края она сдвинута наружу и выходит за кромку блюдца, противоположный же смещен к центру, оставляя свободное пространство вдоль края.

Чашка в могиле находилась слева, а блюдец справа от головы погребённого.

Могилы 22. Глазурованное фарфоровое блюдец.

Блюдец со слабоизогнутой стенкой на низком донце-подставке. Диаметр устья 11,2 см, донца – 6,5 см. Судя по малому размеру, данное блюдец скорее принадлежало к кофейному, чем к чайному набору.

Декоративная отделка проста. На внутренней части доньшка по кругу нанесено 14 рельефных сегментов, напоминающих дольки цитрусовых плодов. Декоративная роспись выполнена в надглазурной технике. Центр доньшка оконтурен тонкой красно-коричневой линией, внешняя сторона которой служит опорой для нижних концов рельефных «долек». Такой же краской проведена линия по обрезу устья. Под ней располагается полоска (0,7 см) бледно-розового цвета, которая снизу ограничена ещё одной узкой коричневой линией.

Блюдец отмечено красно-коричневой маркой с надписью в две изогнутые строки: Т-во/М.С. КУЗНЕЦОВА., которую венчает крупный государственный герб Российской империи. Марка применялась с 1889 по 1917 г. (рис. 5, 6).

Найдено справа от головы погребённого.

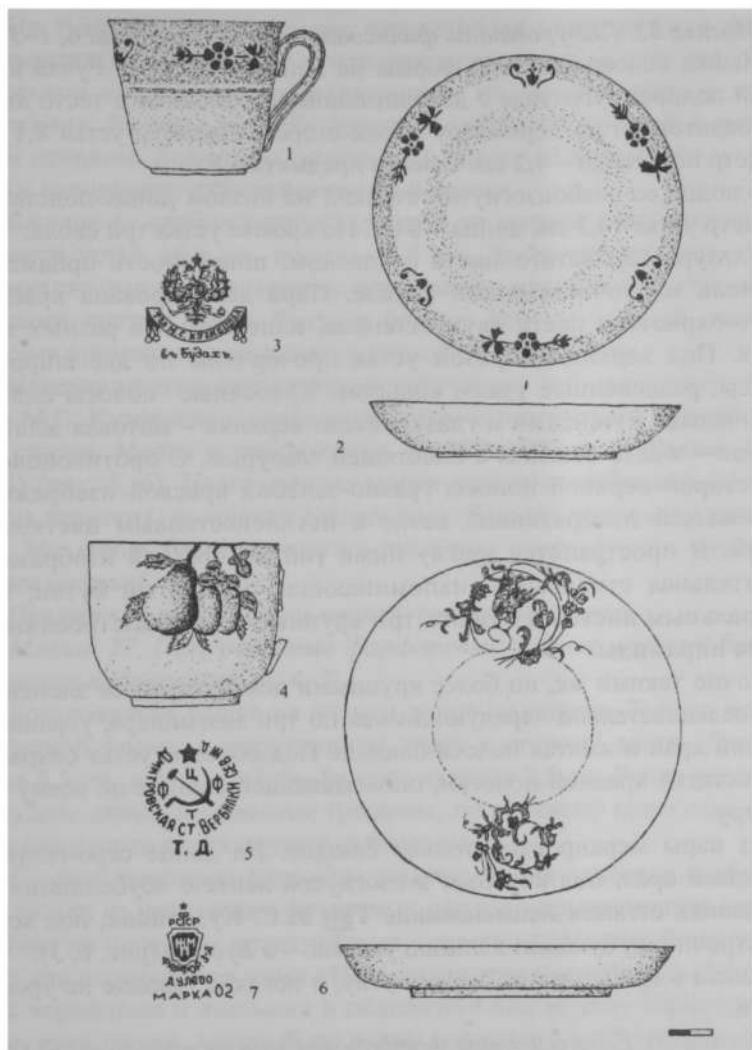

Рис. 6. Чайная посуда из фаянса и фарфора из Усть-Балыкского некрополя: 1–2 – фаянсовая посуда товарищества М.С. Кузнецова в Будах (могила 23); 3 – марка завода в Будах товарищества М.С. Кузнецова; 4 – чашка Центрального фарфоро-фаянсового треста (могила 27); 5 – марка Центрального фарфоро-фаянсового треста; 6 – блюдце фарфорового завода в Дулёво (могила 27); 7 – марка фарфорового завода в Дулёво

Могила 23. Глазурованная фаянсовая чайная пара (рис. 6, 1–3).

Чашка колоколовидной формы на донце-подставке. Ручка в сечении подпрямоугольная с декоративной углублённой в тесто двойной окантовкой по периметру обеих сторон. Диаметр устья 8,1 см, диаметр подставки – 4,2 см. Высота предмета 6,8 см.

Блюдец со слабоизогнутой стенкой на низком донце-подставке. Диаметр устья 14,3 см, донца – 8 см. По кромке устья три скола.

Глазурь сероватого цвета с блеском, поверхность предметов иссечена многочисленными кракле. Пара декорирована краской жёлто-охристого цвета двух оттенков, нанесённых в разных техниках. Под верхним обрезом устья прочерчены по две широкие полосы, разделённые узким кольцом. Красочные полосы сильно различаются оттенками и глазуровкой: верхняя – матовая жёлтая, нижняя – жёлто-бежевая с блестящей глазурью. С противоположных сторон верхней полосы грязно-зелёной краской изображено по лежащей декоративной ветке с пятилепестковым цветком в центре. В пространстве между ними той же краской изображена растительная стилизация, напоминающая раскрытый бутон, над центральным листом которого три крупные точки, выстроенные в форме пирамиды.

Точно такими же, но более крупными декоративными элементами, последовательно чередующимися по три экземпляра, украшены верхний край и жёлтая полоса блюда. Под обрезом устья сохранились остатки красной полоски, опоясывающей блюдо по всему периметру.

Из пары маркировано только блюдо. На донце серо-голубой двуглавый орёл, под которым в изогнутой ленте с «бубенцами» на окончаниях оттяжек наименование **Тва М.С. Кузнецова**, под которым строчными буквами в линию указано – *в Будахъ* (рис. 6, 3).

Чашка в гробу стояла слева в углу, в ногах, а блюдо на уровне голени.

Могила 26. Глазурованная фарфоровая чайная пара (рис. 5, 4,5).

Чашка колоколовидной формы на донце-подставке. Ручка в сечении подпрямоугольная с декоративной углублённой в тесто двойной окантовкой по периметру обеих сторон. Диаметр устья 8 см, подставки – 4,3 см. Высота предмета 7 см.

На туловище монохромная декоративная композиция в форме горизонтально уложенного стилизованного пучка из трёх стеблей с колосьями и листьями, перехваченного по центру узлом с двумя «бантами». Рисунок нанесён вручную сиреневой краской с золотистым отливом. Возможно, золотистый блеск сохранился от выцветшей и наполовину стёршейся золотой краски.

Блюдце со слабоизогнутой стенкой на низком донце-подставке. Диаметр устья 14,9 см, донца – 8,5 см. Декор представлен тремя примитивными по исполнению веточками с цветком в центре, нанесёнными кистью вдоль бортика блюда той же краской, которая описана применительно к декоративной отделке чашки.

Изделия маркированы краснокирпичными эмблемами товарищества М.С. Кузнецова с двуглавым орлом и изогнутыми надписями в две строки. Марка использовалась в 1889–1900 гг. (Бубнова, 1978, с. 54) (рис. 5, 6). Надглазурные марки нанесены небрежно, изображения нечеткие, инициалы владельца на блюде приведены с ошибкой. На донце блюда имеется тиснёное подглазурное клеймо в форме цифры 6.

Предметы располагались слева у головы умершего.

Могила 27. Глазурованные фарфоровые чайные чашка и блюдце из разных наборов (рис. 6, 4–7).

Бокаловидная чашка на низком донце-подставке. Тулово цилиндрической формы с закруглением книзу в сторону донца. Диаметр устья 8,5 см, донца – 4,7 см. Высота изделия 7,5 см. Ручка утрачена, на тулове длинные сквозные трещины, по верхнему краю скол. Глазурь сероватого цвета с тусклым блеском.

С одной из сторон способом деколирования нанесено изображение грозди из нескольких фруктовых плодов, скрывающихся один за другим: на переднем плане жёлтые с румяно-красными боками груша и два персика, а за ними тёмно-синяя гроздь винограда. Все плоды с черешками и листьями в положении «на ветке». Черешки уходят в край чашки, который по всему периметру оконтуривает узкая полоска красно-коричневого цвета.

На донце бледно-красная марка, состоящая из круговой надписи **Дмитровская ст. Вербилки сев. ж. д.** Вверху кольцо надписи замыкает пятиконечная звезда, а внутри него помещены прекрещенные серп и молот, между концами которых крест-накрест нанесена аббревиатура **ЦТ ФФ**. Ниже кольца еще две буквы с точками – **Т.Д.**

(рис. 6, 5). Марка относится к концу 1920-х – началу 1930-х гг., когда бывшая фабрика Гарднера-Кузнецова входила в Центральный фарфорово-фаянсовый трест.

Блюдец с круто изогнутой стенкой на низком донце-подставке. Диаметр устья 14,9 см, донца – 9 см. По краю небольшой скол. Глазурь, как и у чашки, сероватого цвета с тусклым блеском.

Декор представлен двумя противостоящими на краях композициями, переведёнными с деколей. Обе представляют собой растительно-цветочную подборку с закрученным в кольцо виноградным побегом, листья которого рокально заворачиваются на концах. Вокруг цветы и листья побегов других растений. Композиции различаются размером. В более крупное кольцо-побег вписана прихотливо изогнутая фигурка пёстрой птицы. Блюдец маркировано бледно-красной маркой в форме сужающегося вниз щита, в котором на красном фоне белым проступают буквы НКМШ. Над щитом пятиконечная звездочка, под которой буквы РСФСР. Под щитом дугой надпись ФАРФОР.З-Д, а ниже в две строки ДУЛЕВО и МАРКА 02 (рис. 6, 7). Марка фарфорового завода в г. Дулёво относится к 1930-м гг., когда он входил в Народный комиссариат местной промышленности.

Предметы располагались: блюдец на животе, чашка слева у ног погребённого.

Могила 28. Глазуванная фаянсовая тарелка и фарфоровое чайное блюдец из разных наборов.

Тарелка с низким слегка выгнутым наружу бортиком на подставке-донце. Общий диаметр 18,2 см, диаметр донца 10,3 см. Глазурь сероватого цвета. Поверхность покрыта царапинами, на донце паутина трещинок, расходящихся из одной точки.

Орнаментальный декор состоит из трех фигур, нанесённых переводным способом с деколи. На равном удалении друг от друга на бортике три трёхлистные зелёные ветки томатов. Вплотную к одной из них, как бы продолжая её, примыкает ветка с красным уплощённым томатом.

На донце проставлена марка кирпичного цвета, идентичная отмеченной на блюдец из могилы 27 (рис. 6, 7). На основании такой маркировки можно считать, что тарелка, так же как упомянутое блюдец, изготовлена в 1930-е гг.

Блюдце относится к той особенной по форме группе фаянсовых изделий, которые характеризуют относительно большая глубина и высокие наклонные борта без выгиба. Профиль данного блюда близок образцу из могилы 2 (рис. 3, 3). Отличием является отсутствие выделенной подставки. Здесь, наоборот, донце «утоплено» внутрь, а выделившийся в результате бортик заменил собой подставку. Диаметр по верхней кромке 13,8 см, по донцу вместе с бортиком-подставкой – 8,5 см. Глазурь сероватого цвета, неяркая. Поверхность местами покрыта частой сеткой кракле. Имеются мелкие сколы на днище и по краю бортика.

Орнаментация поверхности скомпонована из тёмно-зелёных полос по периметру бортика, где центральная широкая (3 мм) полоска сопровождается по сторонам двумя узкими (1мм). Такая же узкая тёмно-зеленая полоска украшает дно блюда изнутри.

На донце зеленая марка ЗИЖ в кольце, ниже которого в изогнутую линию слово **КОНАКОВО**, а под ней – 2- (видимо, сортность). В стороне от основной марки зелёным цветом пропечатано – 57 (год изготовления?). Марка на блюде идентифицирует его как продукцию 1950-х гг. завода в г. Конаково.

Предметы располагались под берестяной коробкой на голених погребённого.

Могилы 29. Глазурованная фарфоровая чайная пара (рис. 3, 3–5). Глазурь прозрачная яркая, хорошего качества.

Чашка колоколовидной формы на донце-подставке. Ручка в сечении подпрямоугольная. Диаметр устья 7,8 см, диаметр подставки 3,9 см. Высота предмета 7 см.

Декорирована подглазурной и надглазурной росписью и золотой (глянцгольд) отделкой. Золотом подведены внутренняя сторона верхней кромки и узкой полоской донце-подставка чашки. Подглазурным кобальтом задан основной мотив орнамента, представленный композицией из трёх крупных трёхчастных растительных «бутонов», установленных вертикально на жирную черту, проходящую вдоль днища. По кобальту сделана золотая прорисовка контуров и деталей, напоминающих стебли и листья. Тримя такими же жирными дугообразно изогнутыми линиями кобальта бутоны соединены между собой. Над каждой из этих дуг в надглазурной технике прорисован розовой краской четырёхлепестковый цветок шиповника (?) с отходящими по сторонам красными зигзаговидными «усиками».

Под каждой из дуг изображено по одному висящему пятичастному листу светло-зелёного цвета с красными зигзаговидными «усиками» по сторонам.

Блюдец с округлым плавным расширением бортика на подставке-донце. Диаметр устья 14,8 см, донца-подставки – 8,6 см. Декорировано подглазурной и надглазурной росписью, вдоль кромки золотая отводка. Декорировано растительным мотивом, напоминающим роспись чашки. Внутри на донце прорисовано толстой линией кобальтовое кольцо, от которого влево против часовой стрелки отходят три крыловидных «листа» с золотой прорисовкой контуров и прожилок. Пространство между листьями занято одинаковыми по содержанию рисунками: по четыре расположенных наклонно через бортик крупных кобальтовых мазка (ягоды?), с одной стороны от которых помещено по одной ветке с усиками-побегами красного цвета и двумя листьями на стебле – зелёным и розовым. По другую сторону от линии кобальтовых мазков располагается распускающийся крупный розовый цветочный бутон на голубом стебле с листом и усиками-побегами по сторонам. Вплотную к нему светло-зелёный лист (?).

Рисунок на обоих предметах нанесён вручную энергичными движениями кисти.

Чашка и блюдец отмечены блеклой серо-голубой маркой М.С. Кузнецова в Дулёве (рис. 3, 5), датирующей изделия 1870–90-ми гг.

2.2. Утварь из бересты

2.2.1. Символика бересты

Как отмечалось выше, различные приоритеты в вещном содержимом некрополей, расположенных на Салыме и Большом Балыке, явствуют уже из первого знакомства с коллекциями. В салымских захоронениях предпочтение отдано различного рода металлическим украшениям, дополненным бусами, а в балыкских – утвари из бересты и фарфоровой посуде. Подобный дуализм в предметной избирательности, безусловно, не случаен и свидетельствует о несхожести культурных традиций у населения, оставившего кладбища. Обра-

тимся к обрядовым стереотипам юганских хантов, проживающих на р. Большой Балык.

Чтобы понять орнаментальное богатство хантыйской бересты, нужно осмыслить её мировоззренческую содержательность в традиционной культуре этноса. Для этого необходимо прикоснуться к фундаментальным основам – принципам мироздания.

Трёхчленная мировоззренческая вертикаль – всеобщая универсалия, обусловленная нейрофизиологическими механизмами пространственной ориентации человека [см. (Раевский, 1999, с. 122)]. В культуре хантов её образом служит берёза как мировое дерево в целом и одна из её сфер – Верхний мир. Так, в мифологии запечатлен символ в виде «семи берёз из одного пня», ведущих в «священную землю, изогнутую в виде круга» (Мифы... 1990, с. 115). Сама «священная земля» – Верхний мир – также неотделима от берёзы. Главным обитателем Верхнего мира считался Торум – создатель всего сущего и гарант благополучия, порядка. Представления о нём тесно связаны с белым цветом: сам он – седовласый, белоголовый старец, облачённый в белые одежды; ему в жертву посвящаются белое животное и белая ткань, а сами жертвы приносятся в священных берёзовых рощах (Кулемзин, 1984, с. 166). В данном случае берёза выступает в качестве одного из элементов общего семантического ряда, связанного с белым, светлым, добрым началом, благополучием. Показательно, что в хантыйском языке понятия «белый» и «светлый» обозначаются одним словом – *нови*, а слово «свет» буквально означает «белый огонь» (Скамейко, Сязи, 1992, с. 5, 234).

Являясь частью берёзы, береста ведёт и собственную сюжетную линию в мифопоэтических и обрядовых жанрах бытия. Её стержневая мировоззренческая функция – очерчивать Средний мир, мир людей, от иных миров и форм существования, служить рубежом, разграничивающим их. У хантов сохранились представления о лесном народе. У его представителей – человеческий облик, они ведут образ жизни, аналогичный людям, встреча с ним сулит удачу на охоте. Однако пообщаться с ним удастся далеко не каждому: лесные люди невидимы для обычных людей. Объясняя причину своего невосприятия людьми, лесная девушка – фольклорный персонаж – говорит охотнику: «Я много видела ваших людей и охотников. Они нас не видели, а я к ним подходила очень близко. Нас не видят потому, что

пользуются берестой. Если бы вы отказались от берёзы, то стали бы нас видеть» (Мифы... 1990, с. 194).

В другой версии женщина, уведённая лесными духами, решает сбежать от своего мужа-духа и вернуться к людям. С собой в дорогу она берет кулёк из бересты, в котором варят клей, да в пути снимает наполовину бересту с берёз. Муж бросается в погоню, но «когда видит кульки или же недоснятую бересту, то её боится» (Земля... 2003, с. 100–101). Так благодаря бересте женщина добирается до своего стойбища.

Избирательность в пользу бересты как разграничителя миров нашла отражение в сюжетах фольклора и культовой практике не только у хантов. Мансийское название духов означает «народ, живущий за берестяной плёнкой» (Чернецов, 1959, с. 121). Кеты мир злых духов отделяли от мира людей наклонно расположенной перегородкой, в роли которой выступал «прозрачный верхний слой коры берёзы», туман, бумага (Алексеев, 1976, с. 103).

Исходя из очерчивающе-разграничительной мировоззренческой функции бересты, становится понятным её присутствие там, где речь идёт о связи с иным миром. Одним из способов хранения духов у обских угров являлось вывешивание их на дереве в берестяных сосудах. Ребёнка, находящегося в первые дни жизни в ведении Анки-Пууос – подательницы жизни, ханты помещали на это время в специально изготовленную колыбель из старой бересты (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 134, 150).

Очерчивая, ограничивая координаты мира людей со свойственными ему закономерностями в организации пространства, времени и самой жизни, береста одновременно и предохраняет этот мир от непредсказуемого и потому опасного воздействия извне. Охранительная функция бересты явно проступает в медвежьем празднике обских угров. Глазные отверстия на медвежьей шкуре закрывались круглыми берестяными пластинками, которые позднее заменили монеты. Актёры, задействованные в юмористических сценках, в том числе и по отношению к медведю, надевали берестяные маски, чтобы замаскироваться, спрятаться на случай гнева со стороны виновника праздника (Каннисто, 1999, с. 5–6). Вполне закономерно, что исполнители священных «медвежьих» песен не нуждались в подобной защите и обходились без неё [см. (Источники... 1987, с. 216–219)].

В свете изложенного становится понятным и обилие бересты в погребальной обрядности хантов, ориентированной на создание необходимых условий для перехода человека в иной мир, иную форму существования. Чтобы обезопасить себя от возможного вредоносного воздействия умершего, его тело оборачивали берестой, ею же накрывали гроб, могилу и крышу погребального домика.

В роли оберега, охранителя выступает и орнамент, а потому орнаментированная береста обладает двойной защитной силой в культуре хантов. Разнообразие орнаментированной берестяной утвари насыщает всё окультуренное человеком пространство и наполняет его охраняющей аурой.

Береста символизировала мир людей, поэтому неудивительно, что орнаментированная береста послужила и той гранью, что пролегла между человеком и родственным ему миром животных. Согласно мифологии хантов и манси, выделение человека из животного царства ознаменовала собой именно орнаментация бересты – видовой признак человека. Береста, причем орнаментированная береста, служит гранью между человеком и природой, она разводит человеческое рукотворно-окультуренное начало и звериное природное. Фольклорная трактовка данной темы выглядит следующим образом.

Медведица родила медвежонка и человеческую девочку. Устроив на зиму берлогу, принесла в неё надранной бересты и дала девочке со словами: «Человеческая доченька, эту бересту слюнями помажь и какой-нибудь рисунок начерти... Там дальше Городской Богатырь-старик живет. Трёх сыновей имеет. В лес придут. Тогда Городского Богатыря-старика собаки дверь нашей берлоги укажут. Ты, человеческая доченька, когда с нами двоими что-то делать будут – жердь срубят, внутрь засунут, ты эту бересту возьми, на конец жерди наколи. В то время Городской Богатырь-старик с тремя сыновьями будет. Он жердь наружу вытянет. На конце жерди бересту заметят. Городской Богатырь-старик скажет: «Человеческая девушка там есть. Один – её ребенок, одна – человеческая девушка». Доченька, я что говорю, чему учу – не забудь, помни» (Мифы... 1990, с. 328–329). Пророчество медведицы сбылось: охотники убили её и медвежонка, но пощадили девочку, узнав в ней человека по указанному символу – «бересте с рисунками».

Ведя речь о результирующей функции бересты в хантыйской культуре, следует отметить следующее. Береста очерчивала, оформляла, придавала видимость миру человека и одновременно отделяла его от «заглазного», невидимого мира – обиталища духов, умерших, а также от природной нерукотворной стихии. При подобном толковании символика бересты наполняется глубоким философским звучанием – она несёт в себе идею культуры. Однако идея эта оформлена не в виде лаконичной вербальной дефиниции, а разлита в многочисленном вещном окружении человека. Культура, выражаемая через «философию вещей», оказывается даже многограннее, чем её понятийный эквивалент, поскольку она не замыкается на грани человек – природа, а включает в себя и соотношение с иными, параллельными формами бытия. Это – первый план символического содержания бересты, предельно обобщённый, философский.

Наряду с ним существует и второй план, в котором отражены узловые связи в человеческом обществе – социуме. Для реконструкции этих связей нужно обратиться к значимости конкретных орнаментированных изделий из бересты. В захоронениях, оставленных хантами на р. Большой Балык, берестяная утварь представлена четырьмя основными разновидностями: подпрямоугольными и круглыми коробками, туесками и табакерками.

2.2.2. Подпрямоугольные коробки

Подпрямоугольные коробки (рис. 7) обладают широким диапазоном размеров: минимальный у дна – 8 × 8 см, максимальный – 32 × 32 см; высота чаще колеблется около 6 см. По причине деформации большинства изделий трудно судить об их форме, однако некоторые хорошо сохранившиеся экземпляры являют собой в плане овальную и круглую. Такие же контуры имеют и крышки, которыми снабжены коробки. Размеры последних на 1,5–3,5 см перекрывают размеры изделия в устье.

Различие в габаритах сочетается с постоянством в конструкции и технике изготовления коробок. Заготовкой для них служит квадратный или подпрямоугольный кусок бересты. Технология его обработки подробно описана у ваховских хантов. Стороны берестяной пластины нагревают под огнём и загибают в направлении продоль-

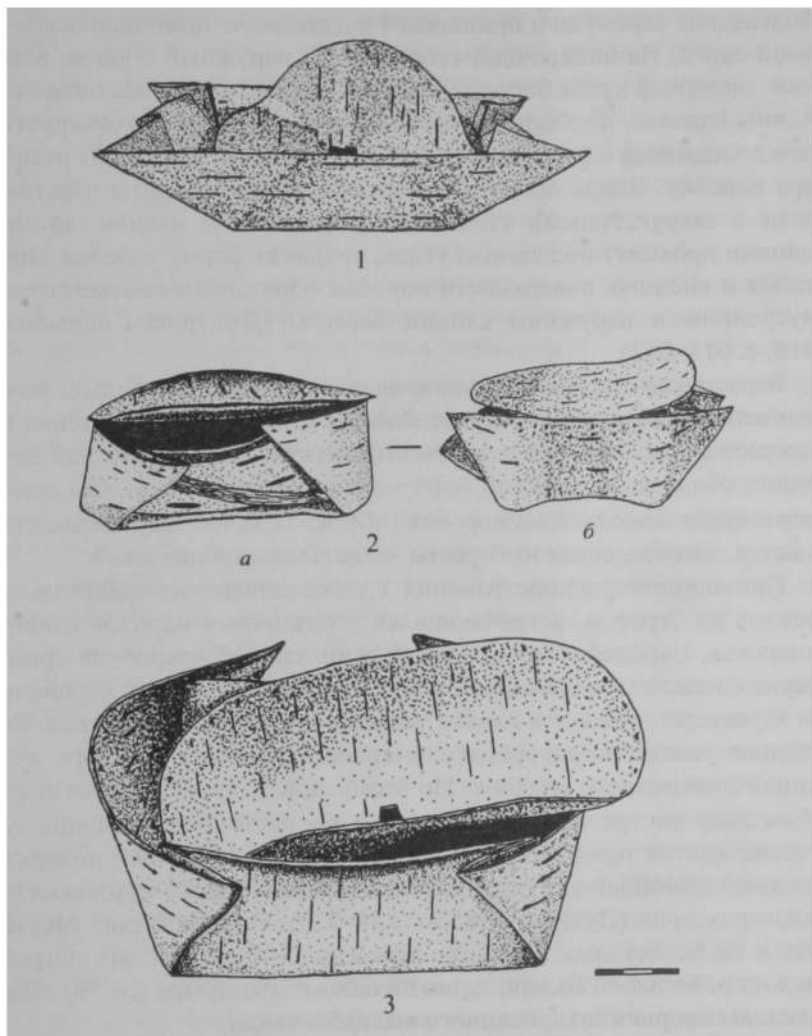

Рис. 7. Подпрямоугольные берестяные коробки. Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 1; 2 – могила 2; 3 – могила 12

ных боков. Края с наружной и внутренней сторон обводят двумя ободками из черёмухи и пришивают к изделию с помощью черёмуховой сарги. На поперечной стороне, под наружный ободок, вставляют овальный кусок бересты, нижний край которого достигает середины изделия. Функциональное назначение данного конструктивного дополнения – утолщать сторону, которую захватывают руками, беря коробку. Вдоль продольных сторон также пришиты пластины, но не с закруглёнными углами. На них нашиты планки, которые концами проходят под загибы углов, сохраняя форму изделия. Внутренняя и внешняя поверхности коробки образованы соответственно внутренним и наружным слоями бересты (Дмитриев-Садовников, 1916, с. 011–012).

Берестяные коробки, привезенные с р. Большой Балык, почти полностью соответствуют приведённому описанию. Различия наблюдаются в замене сарги суровыми нитками да в отсутствии внутренних ободков, по крайней мере можно говорить о том, что они не сохранились. На одной из коробок (МАЭС ТГУ, № 105)^{*} наличествует петля, изготовленная из бересты, со вставленной палочкой.

При широте распространения плоскодонных четырёхугольных сосудов из бересты, встречающихся у различных народов Сибири, Поволжья, Европейского Севера России, способ крепления кромки сосуда с помощью пришивной планки ареально довольно ограничен. Он характерен лишь для хантов, манси и нарымских селькупов. Ещё большая узость территориальных границ отмечена у декора внутренней поверхности изделия. По этому признаку наблюдаются различия даже внутри одной группы хантов – восточной: традиции сургутских хантов предполагают орнаментацию внутренней поверхности дна с помощью выскабливания, а для васюганско-ваховских она малохарактерна (Лукина, 1985, с. 238–239). Орнаментация отсутствует и на берестяных коробках, найденных в хантыйских погребениях на р. Большой Балык; лишь на одном экземпляре (№ 76) заметны следы неорнаментированного выскабливания.

Интересной конструктивной чертой описываемых коробок являются крышки. Они не принадлежали к обязательным атрибутам

^{*} Поскольку все приводимые материалы относятся к коллекции МАЭС ТГУ № 7605, далее дается лишь внутренняя нумерация данной коллекции.

бытовых четырёхугольных коробок, однако предполагались в случае хранения в дороге дневных запасов пищи. Характерной чертой крышек служило наличие у них широких стенок, почти полностью скрывающих коробку и орнаментированных в технике аппликации по зачернённой бересте [см. (Дмитриев-Садовников, 1916, с. 011–013; Лукина, 1985, с. 66)]. На образцах с р. Большой Балык крышка – обязательная часть изделия, но при этом отсутствуют вещественные указания на наличие стенок. Правда, у всех крышек по краю видны следы прошива, но никаких остатков от стенок не сохранилось.

Специфическим признаком крышек у балыкских подпрямоугольных коробок служит квадратное отверстие в середине. Размер его сторон составляет около 1 см. Существенно то, что отверстие на крышке – признак именно тех коробок, что находились с левой стороны от головы погребённого. Нетипичные случаи размещения подпрямоугольных коробок в иных местах гроба, например у правого бедра (№ 81), связаны с видоизменением крышек: они – без отверстия. Выявленная корреляция таких признаков, как конструктивные особенности изделия и его местоположение в погребении, не связана с половой дифференциацией погребённых и поэтому может рассматриваться как универсальная для погребального обряда хантов, проживавших на р. Большой Балык.

Утилитарное назначение коробки даёт ключ к реконструкции её семантической функциональности и объясняет отмеченную связь черт в погребальном инвентаре. В подпрямоугольных коробках из бересты найдены остатки органики, т.е. в них хранили пищу для умерших. Точно в таком же качестве, как указывалось выше, использовались коробки и в мире живых. Отличие состоит в том, что в обыденной жизни пользовались крышками без отверстия, а в обрядовой практике – с отверстием. И это весьма существенный момент.

Он свидетельствует о том, что умершему предлагалась не сама пища в её вещественном варианте, а слабо выраженные, едва воспринимаемые, бестелесные формы её проявления – пары и запахи. Аналогичного принципа придерживались обские угры и при кормлении куклы – изображения умершего: во время еды пищу передвигали к столу и оставляли здесь до тех пор, пока от неё шёл пар (Чернецов, 1959, с. 150). Подобным же образом происходило и кормление духов. Перед их материализованным воплощением ставилась

пища, но духам предназначался лишь её «секрет» – видимый или незримо поднимавшийся пар, в котором заключалась сила пищи. В фольклоре обских угров духи приглашаются к «дымящейся чашке; дымящейся берестяной коробке» (Карьялайнен, 1995, с. 108, прим.). Вероятно, единые требования, предъявляемые к специфике пищи, которая предназначалась для умерших и духов, можно рассматривать как частный случай их отождествления. Об этом свидетельствуют лингвистические данные; об умершем ханты говорят: «Духом стал, богом стал» (Молданова, 2001, с. 159–162). Согласно К.Ф. Карьялайнену, местные духи ведут свою родословную от умерших героев – богатырей (1995, с. 159–162).

Сближение мира духов и мира мертвых в мировоззрении хантов и манси особенно ошутимо на фоне их подчёркнутого дистанцирования от мира людей. И грань здесь пролегает через понятийную оппозицию видимый – невидимый. Ханты о родившемся говорят: «На глаза выпал (попался)», а об умершем – «За глаза выпал»; мансийское название духа буквально означает «заглазный» (Чернецов, 1959, с. 121).

Мир людей и мир умерших существуют параллельно. Об этом свидетельствуют многочисленные фольклорные сюжеты. Они построены по единой схеме, хотя и встречаются у широкого круга народов: хантов, манси, селькупов, ненцев, нганасан, нивхов, звенков [см. (Мифы... 1990, с. 543; Прокофьева, 1976, с. 127; Попов, 1976, с. 43; Таксами, 1976, с. 208; Анисимов, 1958, с. 73)]. Герой – живой человек – попадает в мир мёртвых, где его не видят и не слышат, речь воспринимают, как треск огня, боятся, как злого духа, способного причинить вред и даже смерть, и избавляются от него с помощью собственного шамана, возвращающего героя назад, т.е. в мир живых людей.

Как видим, мир мёртвых представляет собой зеркальную копию мира живых, а точнее, они тождественны друг другу, но это – тождественность с противоположным знаком, тождественность лишь по модулю, т.е. по абсолютному значению. И в этом смысле формы проявления жизни-бытия совпадают в различных мирах. Воплощением противоположной знаковости миров служит субстанция духов, при этом их абсолютное значение равнозначно может включать в себя обе формы – живые или мёртвые. Другими словами, духи есть

представители мира с иным знаком, зарядом: в мире живых – это мёртвые, а в мире мёртвых – живые; важна лишь точка отсчёта.

Противоположная знаковость миров, передаваемая с помощью понятия «духи», может быть определена различно: как «качественно противоположная субстанция», «иная порода», «иное состояние», «инобытие», «четвёртое измерение» жизни (Анисимов, 1958, с. 73; Прокофьева, 1976, с. 121; Иванов С.В., 1976, с. 187–188; Вдовин, 1976, с. 246–247; Чернецов, 1959, с. 1200), но в любом случае она определена качественно. Речь идёт об антимирах как универсалии традиционного мировоззрения. Их качественно различная природа исключает необходимость пространственного дистанцирования; возможно сосуществование рядом, параллельно. Может быть, поэтому координаты мира мертвых неоднозначны и не исчерпываются определениями «нижний», «подземный» мир [см. (Алексеенко, 1976, с. 103)].

Таким образом, с точки зрения живого человека, смерть есть переход в иное качество, свойство, иную форму бытия, а понятия «мёртвый» и «дух» тождественны. Материальным же воплощением этого философского тезиса, свойственного традиционному мировоззрению, у хантов салымского края служила подпрямоугольная берестяная коробочка, которая имела крышку с отверстием. Её расположение в изголовье вряд ли можно назвать случайным. Согласно верованиям обских угров, в голове человека помещалась душа, уходившая после смерти вниз по реке (Чернецов, 1959, с. 126).

Представляется важным подчеркнуть, что невидимый, невоспринимаемый антимир так же реален, как и воспринимаемый мир людей, и их разделение по принципу реальный – ирреальный не вполне корректно с точки зрения традиционного мировоззрения. Архаика последнего, согласно В.Н. Чернецову, исходит из «чистого материалистического, эмпирически усвоенного положения, что существует не только то, что мы видим, но и то, что мы по той или иной причине видеть или разглядеть не можем» (Чернецов, 1959, с. 120).

2.2.3. Круглые коробки и туески

Ещё одной разновидностью погребальной утвари, представленной из бересты, являются круглые коробки. Их место в общей вещной композиции захоронения строго определено и связано с областью ног. Канонизация этого правила практически абсолютна. Другое непреложное правило погребальной обрядности предписывало именно круглой берестяной коробке функцию маркера женщины: она присутствует лишь в женских захоронениях. Более того, наличие круглой коробки в ногах подростка, чья половая дифференциация не поддается антропологической реконструкции, очевидно, сигнализирует о его женской природе (могила 28).

К сожалению, круглые коробки сохранились крайне фрагментарно: главным образом это крышки и лишь в одном случае остатки стенок. Круглая форма крышки свидетельствует о круглой форме самой коробки. Размер детали в диаметре составляет примерно 24,5–27,5 см.

Орнаментация не является обязательной чертой крышек, однако если она присутствует, то характеризуется развитыми розетчатыми формами с симметрией 4-п (рис. 8, 2б). Технически розетка представлена выскабливанием. Её структура задана перекрестьем, в трёх секторах которого расположены витиеватые фигуры с Г-образной вершиной, а в четвёртом – элемент, образованный из параллельных уголков. В орнаментальную композицию включены фоновые элементы в виде вертикальных полос и шестиугольника. Возможно, они имеют знаковый характер, так как фигура шестиугольника составляет основу стилизованного изображения птицы (рис. 19, 2а), а также медведя. Эту мысль подтверждает наличие на внутренней поверхности одной из крышек знака в виде сросшихся полуovalов, нанесённого чёрной краской (№ 160).

Стенки по всей ширине сохранились лишь у одного экземпляра (рис. 9, 3а). По этим остаткам можно реконструировать примерную высоту коробки – 18 см, что при сравнении с размерами крышек свидетельствует о горизонтально вытянутых пропорциях изделия. Стенки описываемого экземпляра отделаны выскобленным широко-контурным орнаментом сложной конфигурации. Его композиционную основу составляет зигзаг, изломы которого заполнены витиева-

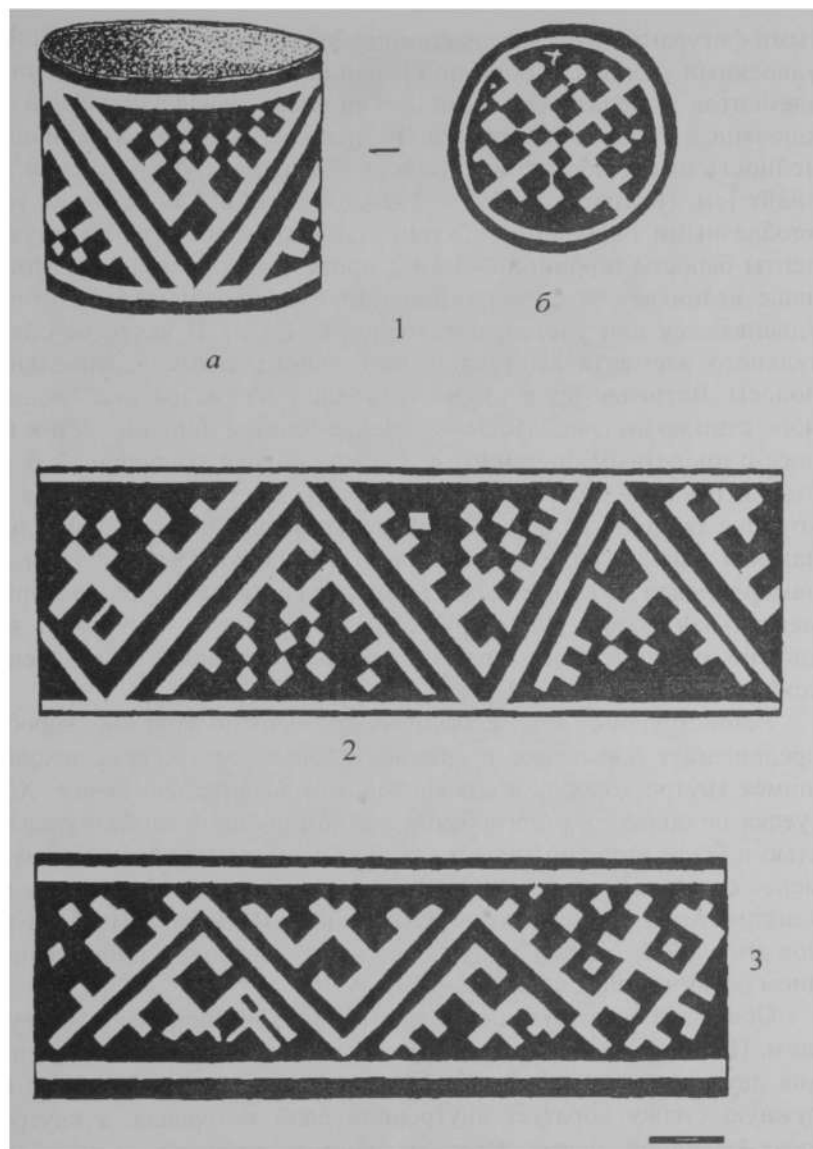

Рис. 8. Орнамент, выскобленный на берестяных туюсках. Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 27; 2 – могила 5; 3 – могила 27

тыми фигурами, представляющими собой декоративно разросшийся удвоенный уголок с Г-образной вершиной. В качестве отделочных элементов используются ромбы. Орнаментальная специфика заключена в криволинейной манере исполнения, причём криволинейность имеет восточнохантыйский, а не северохантыйский вариант [см. (Рындина, 1995, с. 359–265)], так как образована усикообразными окончаниями. Атрибутами круглых коробок служат ленты бересты шириной 2–3 см с прорезным орнаментом. Мотив чаще возникает за счёт комбинаций из треугольников, которые удваиваются или учетверяются (рис. 8, 1, 2а). В качестве обязательного элемента выступают разграничительные вертикальные полосы. Встречаются и узоры, состоящие из квадратика, сросшего с зигзагом (рис. 10, 3а–б). Непременным дополнением к полосе с прорезным орнаментом служит полоса зачернённой бересты, играющая роль фона. Определить место расположения на коробке ажурной резьбы с подкладным фоном сложно, поскольку изделия в целом виде не сохранились. Коробке с уцелевшими орнаментированными стенками принадлежит и своеобразная орнаментальная полоса. Её ширина достигает 6 см; узор имеет вид сложно оформленного прямолинейного меандра и выполнен в технике выскабливания (рис. 9, 3б).

Реконструкция архитектурных качеств круглой коробки предполагает обращение к орнаментированным туескам, находившимся внутри коробок и сохранившимся значительно лучше. Хотя туески не обладали в погребении композиционной самостоятельностью и были вторичны по отношению к круглым коробкам, тем не менее составляли с последними единый комплект. Уместность реконструктивных параллелей подтверждается отнесением обоих видов изделий к одному типу берестяных коробок с примитивным дном (Лукина, 1985, с. 68, 242–243).

Основные конструктивные черты туесков сводимы к следующим. Цилиндрическая форма предметов достигается за счёт сшивания двух прямоугольных пластин бересты таким образом, что наружную стенку образует внутренний слой материала, а внутреннюю – внешний, белый. Следует отметить тщательную обработку используемой бересты. С внутренней стороны, сверху и снизу, к

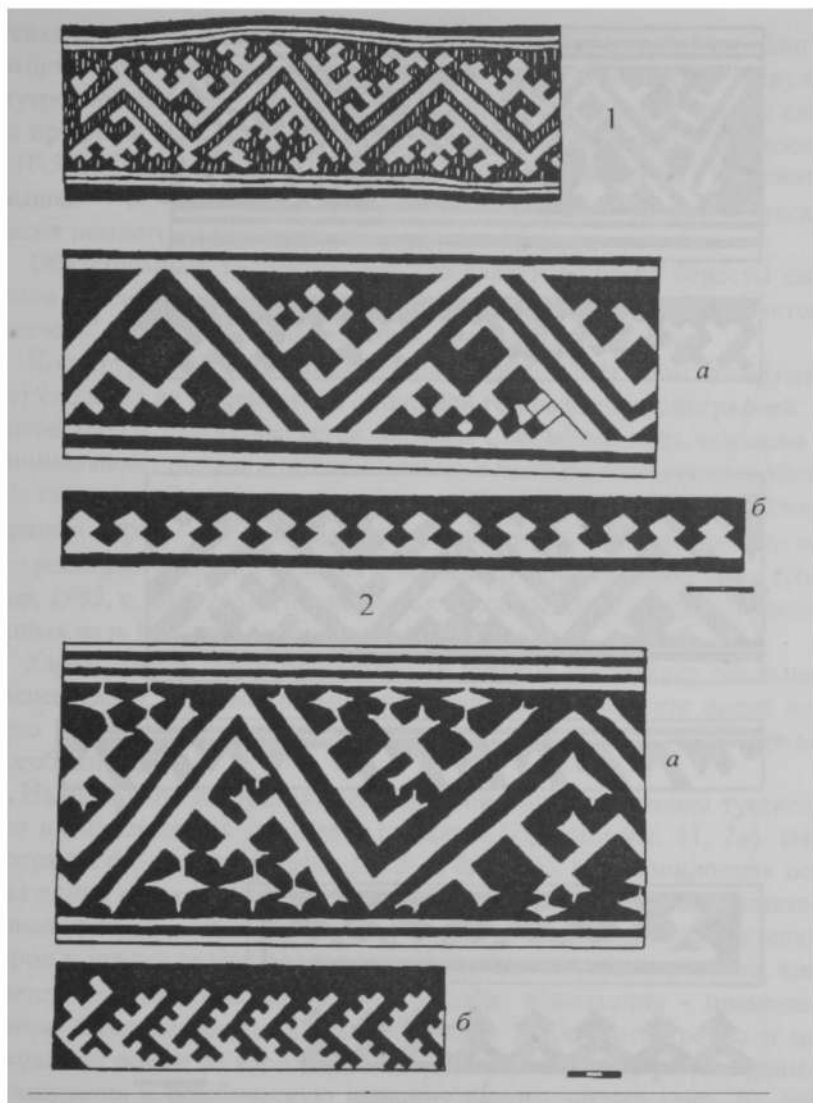

Рис. 9. Узоры на стенках туесков (1–2) и круглых коробок (3) из бересты. Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 9; 2 – могила 5; 3 – могила 29

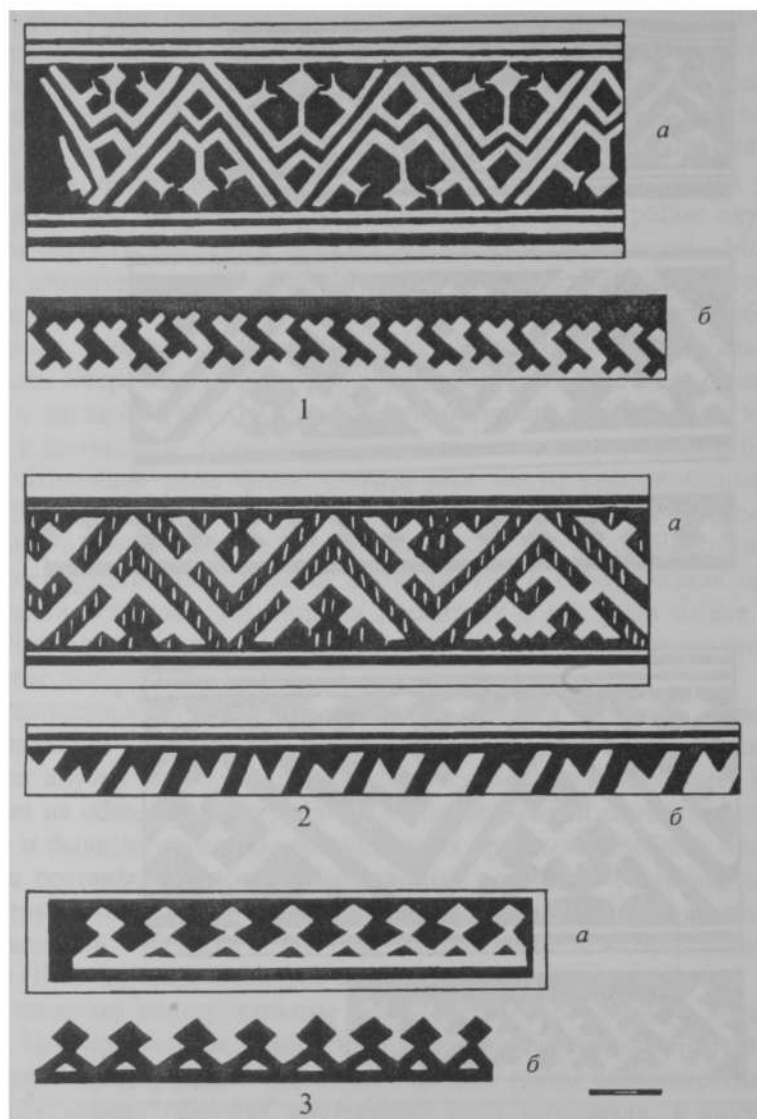

Рис. 10. Орнамент на боковой поверхности тусков (1-2) и круглых коробок (3) из бересты. Некрополь на р. Большой Балык: 1 – могила 25; 2 – могила 4; 3 – могила 10

стенке пришиты две полоски бересты шириной около 1,5 см. Дно и крышка образованы однослойной берестой, обращённой наружу внутренней поверхностью. По всему периметру крышки видны следы прошива. Высота стенок представлена значениями в диапазоне 9–10,5 см (лишь у одного предмета она составляет 7,7 см), а диаметр крышки – 8,5–9,5 см (единожды – 7 см). Таким образом, туески имеют немного удлинённую по вертикали форму.

Обязательным элементом туесков является полоса бересты шириной около 3 см. Однако её конструктивная связь с предметом утрачена, поскольку распались швы, соединяющие детали.

Конструктивно берестяная утварь с пришитым дном обнаруживает сходство на территории с обширной географией и этнографией: у хантов, манси, селькупов, кетов, эвенков. Специфика здесь выявлена в минимальной степени и применительно к хантыйской традиции касается главным образом нюансов формы. Пожалуй, единственная своеобразная черта – вертикальные перегородки из черёмуховых прутьев – рельефно выделяет изделия северной группы хантов и манси (Лукина, 1985, с. 242–243). На предметах из хантыйских кладбищ, раскопанных на р. Большой Балык, она отсутствует.

Характерную черту описываемых туесков составляет обильная орнаментация. Орнаментальная композиция на предмете имеет хорошо выраженные локальные зоны, отличающиеся устойчивым своеобразием.

Наибольшим декоративным эффектом обладают стенки туесков. Всю их поверхность заполняет сложный бордюр (рис. 11, 1а). Несмотря на его варианты (рис. 11, 2–3; 9, 1, 2а), композиционная основа едина и создана зигзагом, в изломы которого вписана разветвлённая фигура с Г-образной вершиной. Художественная отделка сторон у уголка заключается в присоединении к ним отростков, как правило дополненных ромбиками. Манера исполнения – прямолинейная. Отклонения от описанной схемы встречаются редко и не выходят за рамки её вариаций: Г-образная вершина у уголка трансформируется в ромбическую вершину самого зигзага (рис. 10, 1а) или место характерного уголка занимает популярный среди мозаических узоров мотив «заячьи ушки» (рис. 10, 2а). Конфигурационные импровизации в одном случае сопровождаются обращением к

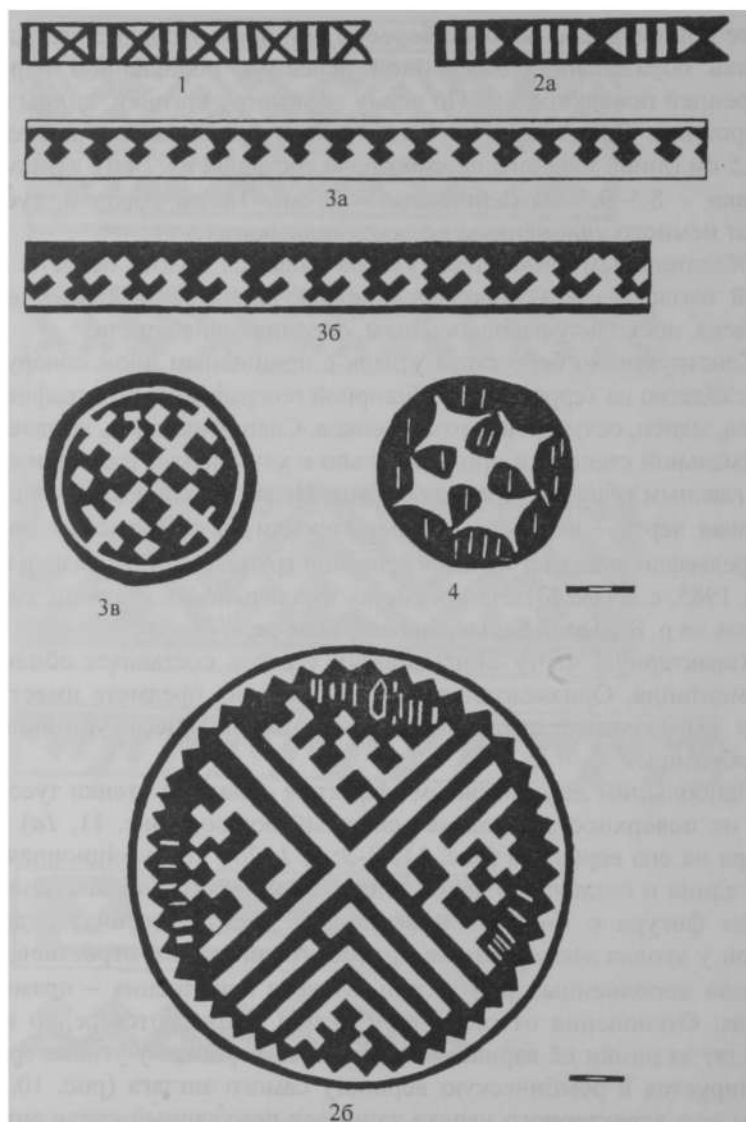

Рис. 11. Орнаментация боковой поверхности и крышек у круглых берестяных коробок (1–2) и туюсков (3–4) из бересты. Некрополь на р. Большой Балык: 1, 4 – могила 25; 2–3 – могила 27

криволинейности. Техническая сторона орнаментации остается неизменной – выскабливание на бересте.

Узоры на берестяных полосках, относящихся к туескам, также представлены выскобленными бордюрами, но мотивы здесь полностью аналогичны мозаичным орнаментам с их зеркальностью фона и узора и созданы полосками с отрезками, квадратиками на основании из ряда, образованного треугольниками, Г-образными фигурами (рис. 9, 2б; 10, 1б, 2б, 3а–б). Поскольку на некоторых экземплярах видна потёртость орнамента в верхней части стенки на уровне, совпадающем с размерами орнаментальных лент, то логично предположить, что эти ленты прикрывали часть боковой поверхности и, скорее всего, являлись стенками крышки. Это объясняет и следы прошива на последних. Видимо, полосы с ажурным резным орнаментом, принадлежащие большому круглым коробкам, также располагались по их устью и пришивались либо к верхней части стенки, либо к стенкам крышки.

Орнаментация поверхности крышек у туесков встречается далеко не на всех экземплярах, и тем не менее можно вести речь о её стилевом единстве. Орнамент на круглой крышке имеет розетчатое строение, период вращения равен 4. Композиция розеток задана крестом; мотив создаётся двойными перекрестьями на каждой из его сторон (рис. 8, 3в; 11, 1б); дополнительными элементами выступают ромбики. Прямолинейность и ширококонтурность характеризуют изломы узорной линии; техника определена выскабливанием. Ещё один узорный образец, несмотря на кажущееся своеобразие, отличается лишь тем, что перекрестье образовано ромбами с криволинейными очертаниями (рис. 8, 4).

Перекрестье, как отмечалось выше, составляет структурообразующий элемент и в розетке, выскобленный на крышке у большой коробки (рис. 8, 2б). Данный орнамент служит звеном, которое соединяет в единый стиль розетчатые и бордюрные узоры, украшающие большие коробки и туески. Сквозной мотив предстает в виде удвоенного уголка с Г-образной вершиной, помещённого в треугольное пространство, которое очерчено зигзагом или крестом. Прямолинейность, ширококонтурность узорных изгибов и выскабливание как техническое средство их воплощения также характеризуют описываемый орнаментальный стиль. Розетки в виде креста с

двойными перекрестьями выступают в качестве упрощённого стилового варианта.

Черты, которые присущи орнаментальной отделке берестяных коробок, входящих в сопроводительный инвентарь захоронений на р. Большой Балык, оказываются весьма информативными в плане определения этнолокальных параллелей. Хотя орнаментальная композиция на берестяных коробках и туесках имеет однотипичный разброс значений у северных и восточных хантов [см. (Рындина, 1995, с. 101–102)], всё же специфика именно последних сильнее ощущается на балыкских экземплярах. На них хорошо представлена орнаментальная отделка стенок у крышек, правда выполнена она в технике выскабливания или ажурной резьбы с подкладным фоном, а не аппликации по зачернённой бересте, как у восточных хантов. Однако фоном для ажурной резьбы у хантов р. Большой Балык служила также зачернённая береста, и это обстоятельство несколько сглаживает отмеченные различия в области орнаментальной технологии.

Ещё более определенные связи выявляются при обращении к орнаментальным мотивам. Их оригинальная конфигурация: раздвоенный уголок с Г-образной вершиной, дополняющий зигзаг, обнаруживается далеко не во всём орнаментальном массиве обско-угорской бересты. Аналогичные мотивы обладают небольшой количественной представительностью, но заметной конфигурационной устойчивостью, фиксируемой с рубежа XIX–XX вв., и узостью локальных границ бытования. Декоративные уголки с Г-образной вершиной, в сочетании с зигзагом или без него, встречаются на реках Юган и Аган, Тромъёган. На первых реках мотивы выполнены в технике раскраски и нанесены на коробки из коры, на последней – в технике выскабливания на берестяной утвари [см. (Лукина, 1979, рис. 129, 3; 150, 2; 167, 1–2)]. Явное сходство обнаруживается и в исполнительской манере, которую характеризует прямолинейность и ширококонтурность.

Следовательно, серия орнаментальных мотивов, которая устойчиво повторяется на балыкских коробках, связанных с погребальной обрядностью, обладает узколокальной этногеографией и, очевидно, может рассматриваться как знак, отражающий границы бытования определённого этносоциального коллектива в определённой географической среде.

Однако конкретизировать те черты социального устройства, что запечатлены в виде орнаментального символа на берестяных коробках и туесках, представляется затруднительным. Проблемы, касающиеся социальных институтов в целом и рода в частности, остаются остро дискуссионными применительно к обско-угорскому обществу. В литературе встречаются данные, свидетельствующие о реке как о пространственном разграничителе отдельных социальных объединений внутри этноса. Так, по правилам автохтонной васюганской системы «большие рода» (племена) получали свои названия по реке обитания, а «малые рода» – из различных областей жизни, в том числе и из мира животных (Карьялайнен, 1996, с. 40–41). Род (или генеалогическая группа) имел свой знак, который ставился на местах угодий, домах, личных вещах, изображался в виде орнамента на одежде, в татуировке (Соколова, 1983, с. 138). Однако в рассматриваемом случае серия аналогичных мотивов присуща группам хантов, проживающих на разных реках: Агане, Югане, Тромъёгане, что выводит её маркирующие свойства за пределы одного рода.

Орнамент на берестяных лентах, относящихся к коробкам и туескам, выполнен в технике ажурной резьбы с подкладным фоном и выскабливания. Первая техника связана с бордюрами, построенными на основе симметрических комбинаций с треугольниками (рис. 8, 1, 2а). Ареал их бытования очень широк: ханты, манси, селькупы и кеты; область применения включает в себя берестяные коробки и наддверные полосы. Данные узоры имеют древние местные корни, связанные с исконной западносибирской традицией – орнаментальной трёхгранно-выемчатой резьбой по дереву, а время их перенесения на бересту исчисляется по меньшей мере со второй половины I тыс. н.э. (Рындина, 1999, с. 160).

Выскобленные узоры на берестяных лентах (рис. 8, 3а, 3б; 9, 2б, 3б; 10, 1б, 2б) почти все принадлежат к числу простейших и в силу этого весьма распространённых форм обско-угорского меандра. Выявить субэтнические зоны их предпочтения не представляется возможным. Как отмечалось выше, берестяные полосы, крепившиеся к крышкам коробок, составляют специфику восточных хантов. Сходны с балыкскими и орнаментальные мотивы на полосах – несложные меандровые формы. Однако технические показатели различны,

поскольку у восточной группы этноса описанные узоры бытовали в технике аппликации.

Таким образом, конструктивные и декоративные характеристики берестяных коробок и туесков, найденных в погребениях на р. Большой Балык, обнаруживают ряд черт (наличие орнаментированных стенок у крышек для коробок с пришитым дном; серия зигзагообразных мотивов, выскабливаемых на стенках собственно коробок и туесков), которые сближают их с восточнохантийскими традициями.

Теперь обратимся к функциональной сфере рассматриваемой утвари из бересты. Она обозначена содержимым коробок и туесков, представленным различными категориями предметов. К ним относятся прежде всего вещи, связанные с женским рукоделием: кусочки кожи, ткани, бересты, игольник с иголками, напёрсток, катушки ниток и даже красящие таблетки, завёрнутые в узелок. Универсальность описанного вещного ряда и его прочная связь с круглыми берестяными коробками, очевидно, и послужили причиной отождествления последних с важнейшим занятием женщины – изготовлением одежды, что отражает распространенное в литературе определение: «коробки для хранения швейных принадлежностей».

Однако предметное содержимое коробок гораздо шире указанных прикладных рамок. В него входят и универсальные вещи, необходимые при различных хозяйственных занятиях: спички, нож, точильный камень. В одном случае зафиксирована дробь.

Представлены в наборе предметов и бисер, бусы, кольца, пряжки, которые можно трактовать как украшения, определявшие внешний облик и социальный статус хозяйки и изначально обладавшие свойствами оберегов [см. (Рындина, 1998, с. 221–224)]. Видимо, новационным продолжением этой традиционной предметной связки стали шпилька, заколка, гребень, брошь. Заманчиво было бы подключить к данной связке и флакончики из-под духов, однако у них может быть и иной семантический эквивалент. Плоские металлические коробочки, например, заменили собой берестяные табакерки, и оба предметных варианта обнаружены в берестяных коробках.

Несомненно, сакральными свойствами наделены клыки небольших хищников и косточки птиц, положенные на хранение в погребальные коробки. Возможно, их присутствие связано с промысловой магией или охранительной функцией. К магической сфере принадлежат и узелки с прядями волос. Присутствие монет отражает традиционные взгляды на металл как на защитное средство и более новационные представления о его престижной знаковости.

Кроме общих функциональных линий, связанных с хозяйственной, социальной и сакральной сферами и выраженных набором определенных вещей, в круглых коробках содержатся предметы сугубо индивидуальные. Они отражают ту неповторимость, что свойственна каждому человеку и его жизненному пути. Игрушки, карандаши, пробирка с таблеткой, косточка домино и даже билет на транспорт – всё это также было помещено в берестяные коробки.

Таким образом, в круглой берестяной коробке и в находящейся в ней туесках оказывается сконцентрированным вещный ряд, отражающий мир женщины в его различных ипостасях – хозяйственной, социальной, сакральной. Эта же знаковость обнаруживается у круглой берестяной коробки при обращении к фольклорным и обрядовым сюжетам [см. (Рындина, 2001, с. 62–63)].

Возможность продолжить семантические реконструкции и извлечь качественно новую информацию из сопроводительного погребального инвентаря предоставляют композиционные особенности последнего. Как уже отмечалось выше, круглые берестяные коробки располагались в ногах у погребённых женщин. Весьма примечательная черта – рядом с ними находились котлы, вёдра, кастрюли, чайники. Представляется, что за данной пространственной близостью вещей кроются глубинные мировоззренческие мотивы.

Согласно представлениям восточных хантов, существует персонаж, выполняющий функцию профилактики болезней, – «землястаруха». Для этого ей жертвуют 7 котлов, которыми она закрывает отверстие, ведущее из Нижнего мира в Средний, и тем самым преграждает путь духам – болезням. На р. Васюган, на озере Тух-Эмтор, ещё до сравнительно недавнего времени хранились в земле котлы «для здоровья» (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138).

Как нетрудно заметить, практически полностью совпадают основные элементы сюжета, запечатлённые в мировоззрении, культовой практике и погребальной обрядности, правда, выражены они с помощью различных знаковых систем. Представлениям о Нижнем мире соответствует расположение в ногах погребённой котла, маркирующего в обрядности вход в этот мир. Берестяная коробка, также помещённая в ногах погребённой, символизирует в погребальной обрядности женщину; мировоззренческая параллель задана образом «земли-старухи», и её функция – ограждать людей от злых духов, духов болезни – реализована в культовой практике. Мир женщины, таким образом, оказывается тесным образом связанным с Нижним миром – пристанищем злых духов и умерших. И эта связь отчетливо выражена в погребальной обрядности хантов Салымского края.

Связь признаков: Нижний мир / мир мертвых – мать / земля-старуха – дыра как вход в Нижний мир присутствует в модели мира у различных сибирских народов. По представлениям нганасан, умерший уходит в «дыру земли» – рот Земли-матери (Грачёва, 1976, с. 61). Селькупы помещали вход в подземный мир на земле, в «дыре», а обитательницей этого мира видели старуху-мать, покровительствующую всем женщинам (Прокофьева, 1976, с. 112). Эвенки также веряли в обязанность женщине охранять «дыру» в мир мёртвых. Подобные представления выявлены у долган, нанайцев, нивхов (Анисимов, 1958, с. 65–66). Как видим, есть веские основания вести речь о мировоззренческой универсалии, соединяющей в себе мир живых с миром мертвых через «дыру», с одной стороны, и мир мёртвых с женщиной – с другой. Котёл как один из символов Нижнего мира слабее представлен в этой универсалии.

Следует оговорить одну примечательную деталь: в двух мужских захоронениях встречены изделия, сплетённые из сарги. Одно из них сохранилось довольно хорошо и представляет собой прямоугольную коробку с крышкой (рис. 19, 1). Оба изделия располагались в ногах, примерно в том месте, где в женских погребениях расположены круглые берестяные коробки. Содержимое у плетёных коробок не отмечено. Рядом с ними лежали нож и топор.

2.2.4. Табакерки

Переходим к рассмотрению последней из категорий берестяной утвари, представленных в хантыйских погребениях. Это – берестяные табакерки, найденные в могильниках на р. Большой Балык и р. Салым, однако в первом случае они зафиксированы значительно чаще. Табакерки встречаются как в женских, так и в мужских погребениях, и место их расположения приходится, главным образом, на область груди и живота. Оба варианта вполне объяснимы в свете традиции ношения табакерок за пазухой.

Рассмотрим балыкские образцы. Конструктивно табакерки с р. Большой Балык демонстрируют единообразие. Их стенки образованы двумя слоями бересты, наружу обращена внутренняя поверхность материала. Концы стенок обычно скреплены «в замок», причём сцепляющая края профилировка имеет флажкообразную форму с двумя язычками (рис. 12, 1а). Случаи сшивания стенок единичны (№ 20, 30). Овальные дно и крышка изготовлены чаще из дерева, редко – из коры. В центре крышки расположена петелька или пластинка из ровдуги для удобства при открывании табакерки. Дно прикреплено к стенке с помощью миниатюрных штырьков из дерева или приклеено. Табакерки имеют горизонтально вытянутые пропорции: высота их стенок колеблется от 3,3 см до 6 см, а продольный диаметр дна – от 6 до 9,4 см. По своим основным характеристикам описываемые табакерки соответствуют типу, выявленному у хантов и широко распространённому у других народов [см. (Лукина, 1985, с. 246)].

Характерной чертой хантыйских табакерок в целом и балыкских в частности является сплошная орнаментация стенок. На первый взгляд декор балыкских изделий однотипен, однако при более пристальном рассмотрении в нём обнаруживаются два разряда орнаментальной композиции.

Первый разряд заключается в создании замкнутой композиции. Она задаётся контурными линиями, прочерченными ножом. Эти линии членят поверхность на полосы, в которых располагаются фигуры, выполненные штампом. Замкнутый характер придает композиции окаймляющий бордюр, идущий по периметру стенки.

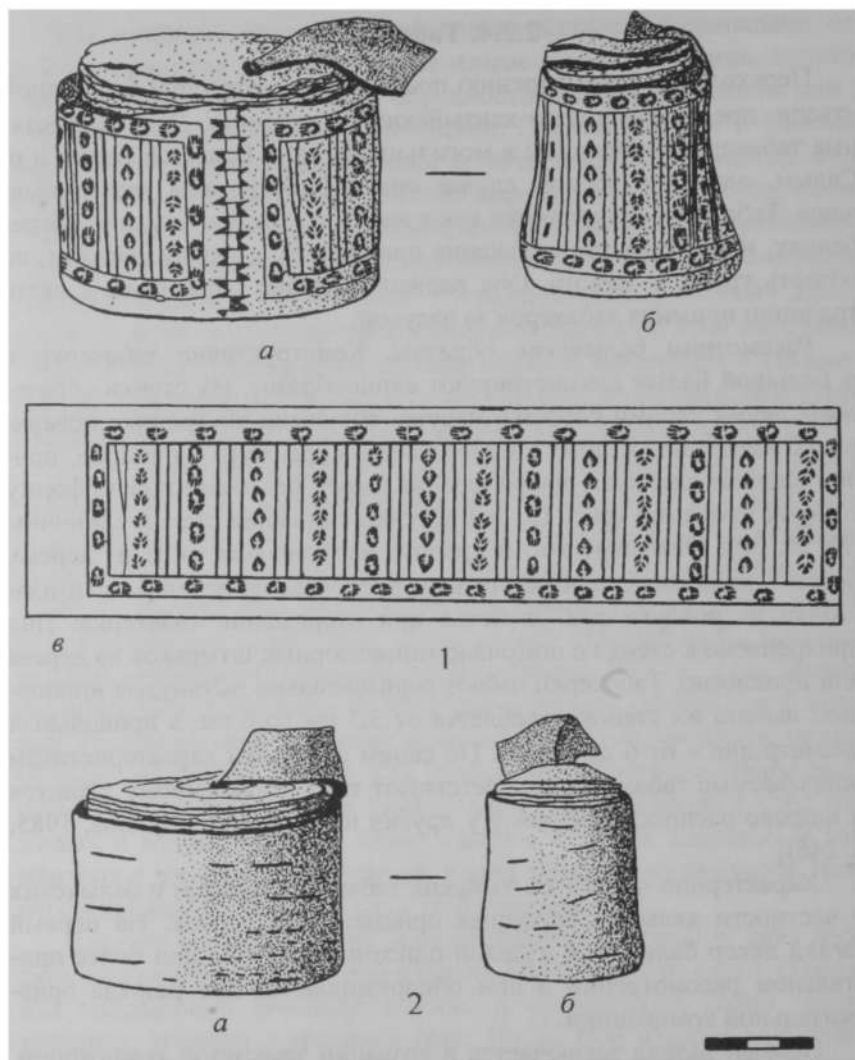

Рис. 12. Берестяные табакерки. Усть-Балыкский некрополь:
1-2 - могила 4

В зависимости от организации внутреннего пространства в замкнутой композиции выделяются два варианта.

Первому принадлежит явно доминирующее положение (рис. 12, 1в; 13, 2г; 14, 1в). При нём окаймляющее поле разбивается двумя-тремя линиями на зоны, вытянутые пропорции которых предопределяют бордюры с вертикальным ритмом. Уловить какую-либо закономерность в чередовании мотивов, вписанных в вертикальный ритм, не удалось: иногда их конфигурация тождественна, поскольку выполнена одним и тем же штампом (рис. 15, 1а, 2а), иногда мотивы попеременно чередуются (рис. 16, 1а), но чаще наблюдается хаотичное чередование мотивов (рис. 12, 1а; 13, 1а, 2а, г; 14, 1а, в, 2а; 17, 1а).

Второй вариант замкнутой композиции представлен внутренним полем с ярусно расположенными бордюрами, имеющими горизонтальный ритм. В техническом отношении орнаментация тождественна первому варианту (рис. 17, 2а) или узоры исполняются в технике ажурной резьбы с подкладным фоном из зачернённой бересты (рис. 16, 2а).

Второй разряд компоновки орнамента на табакерках характеризуется открытой композицией. Её создает один горизонтальный бордюр, опоясывающий стенку во всю её ширину (рис. 18, 2а, в). Структура мотива задана зигзагом, в его изломах размещены удвоенные уголки с Г-образной вершиной. Техника представлена выскабливанием. Как видим, по своим техническим, композиционным и конфигурационным чертам данный орнамент аналогичен узорам, украшающим берестяные коробки и туески. Сходство усиливает то обстоятельство, что табакерка также находилась в женском погребении. Отражением открытой орнаментальной композиции в примитивной форме служит небрежно прочерченный на табакерке зигзаг (рис. 18, 1а). Образец интересен наличием крестообразной фигуры, прочерченной в изломе зигзага и расположенной напротив места соединения стенок.

Фигуры, нанесенные на табакерки штампом, в большинстве своем восходят к изображениям следов животных – лисицы, оленя, медведя, что свойственно обско-угорским штампованным узорам в целом (Иванов С.В., 1963, с. 116). Чаще всего представлен «след лисицы» в его декоративных вариантах, напоминающих цветочные формы: цветок из 4 или 7 лепестков-овалов, из 4 или 5 треугольни-

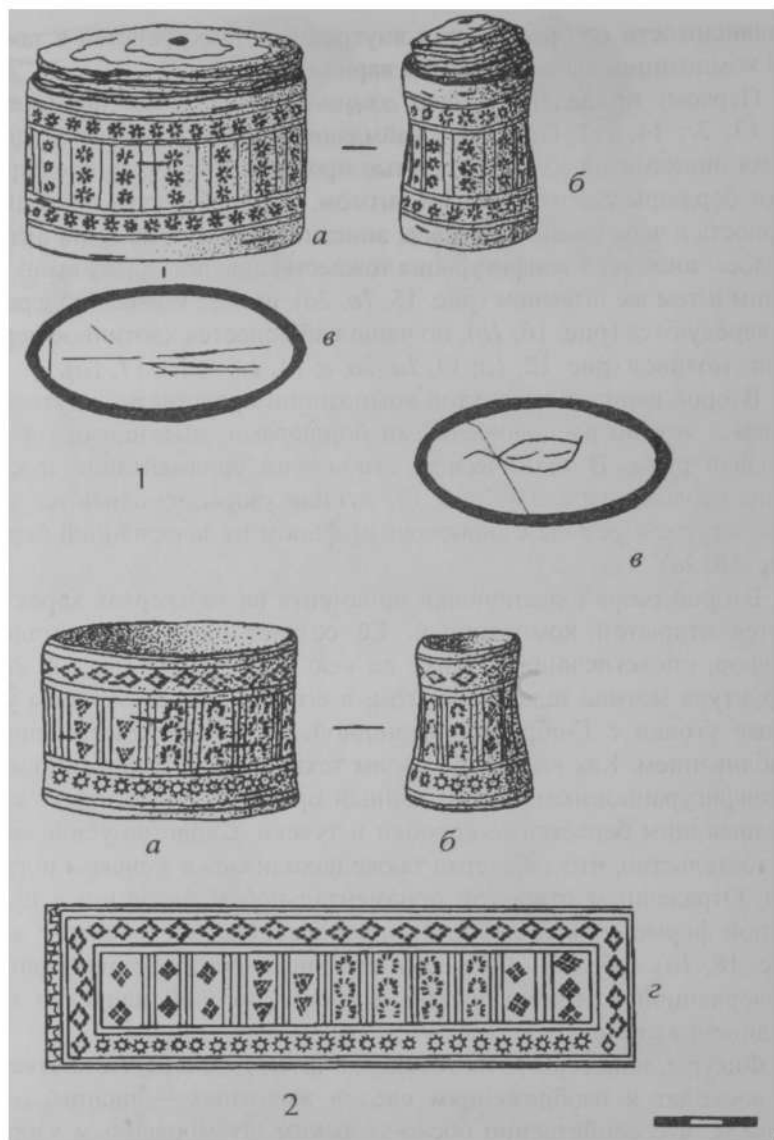

Рис. 13. Узоры на стенках (1а–б, 2а, в–г) и знаки на дне (1в, 2б) у табакерок. Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 17; 2 – могила 19

ков; ромб из 4 ромбиков; Ж-образная фигура как «сдвоенный след лисицы» (рис. 13, 1а; 14, 1в, 2а; 15, 1а, 2а) [см. (Иванов С.В., 1963, рис. 67, 1–3, с. 118)]. Штампы листьевидной формы с фоном в виде ёлочки, вероятно, восходит к изображению следа оленя, фоновая часть которого позволяет сконструировать ёлочку (рис. 12, 1а; 14, 1в, 2а; 17, 2а). Реже всего встречается штампованный вариант «следа медведя», зато он в наибольшей степени приближен к оригиналу (рис. 12, 1в; 17, 2а) (Иванов С.В., 1963, рис. 64, 45).

Другая группа штампованных узоров создана геометрическими мотивами, которые сложно напрямую выводить из зооморфной тематики. Это различного вида полуovalы; ромбы, контурные и плоскостные, составленные из ромбиков; треугольники, образованные из треугольников и ромбиков; круг с лучами; косой крест (рис. 13, 2г; 16, 1а; 17, 1а, 2а). Эти фигуры также не оригинальны на обско-горском фоне [см. (Иванов С.В., 1963, рис. 64, 30, 42; 67, 4)].

Выявить дифференциацию штампованной орнаментики по признаку мужская-женская не удалось. Замкнутая орнаментальная композиция в равной мере свойственна мужским и женским изделиям. Мотивы, пронизанные охотничьей тематикой и генетически связанные с изображением следов животных, встречаются на женских (рис. 12, 1а; 15, 2б) и мужских (рис. 14, 1а, 2а; 15, 2а; 17, 2а) табакерках. Это же положение применимо и к геометрическим мотивам: рис. 13, 2а; 17, 1а – мужские вещи, рис. 16, 1а – женская. Узоры, оригинальные в техническом плане (ажурная резьба с подкладным фоном и выскабливание) и с точки зрения конфигурации (мотивы из учетверённых треугольников с крестообразным фоном; сложно-оформленный зигзаг), относятся к женской предметной сфере (рис. 16, 2а; 18, 2а). Очевидно, что они проникли на табакерки из иной предметной области – с круглых берестяных коробок и туесков, для которых весьма показательны (рис. 8, 1, 2а; 9, 1, 2а; 11).

Случаи фиксации неорнаментированных табакерок весьма редки (рис. 12, 2а, б; 19, 2а, б). Последний экземпляр весьма интересен своими размерами, значительно превышающими стандартные нормы: высота – 10 см, продольный диаметр – 16 см. Изделие найдено в женском погребении, где располагалось в области бедер, что также нетипично для табакерок.

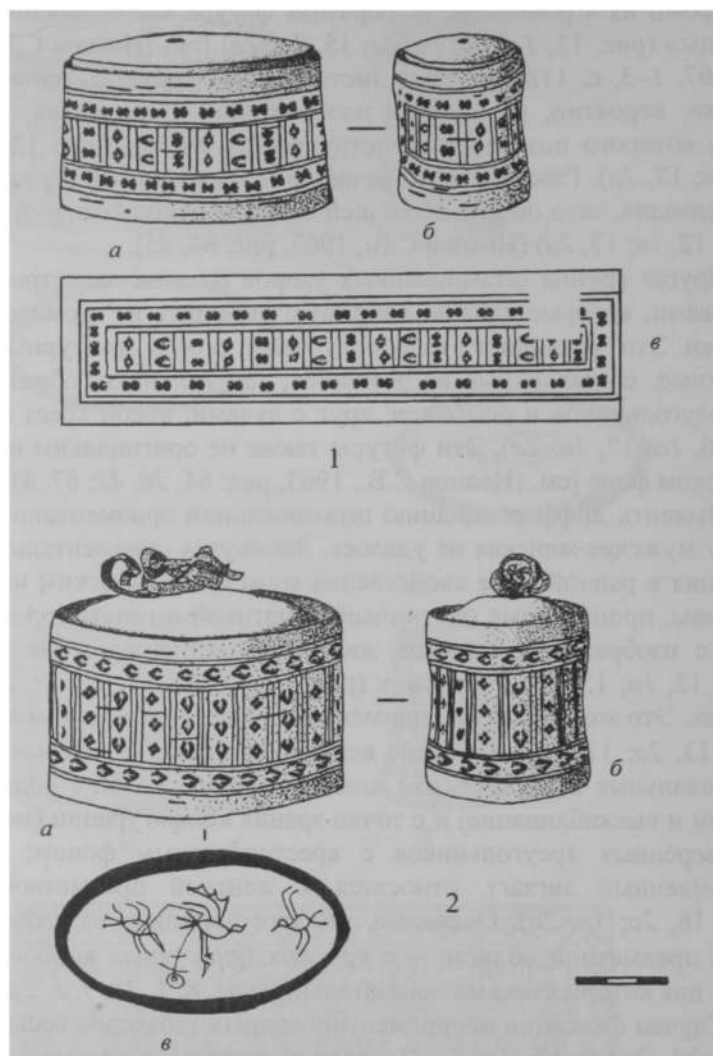

Рис. 14. Штампованный орнамент и прочерченные изображения на табакерках. Некрополь на р. Большой Балык: 1 – могила 12; 2 – могила 14

Значительный интерес представляет оформление дна у многих табакерок: здесь прочерчены изображения птиц и знаки. Манера исполнения такова, что наряду с основными изобразительными линиями наличествуют и дополнительные, отличающиеся меньшей толщиной и поэтому незаметные с первого взгляда. С учетом последних изображение выглядит как цельная композиция.

Более половины всех изображений – зооморфны (рис. 13, 2б; 14, 2в; 16, 1в; 19, 2в). Стилистика в изображении птиц обладает довольно устойчивыми характерными чертами: профильность изображения; чаще овальное туловище; голова оформлена в виде самостоятельного элемента, обычно контурно; две близко расположенные ноги-чёрточки; акцентированный хвост – развилка из 2–3 линий; крылья в положении взмаха, намеченные кривыми.

Наложение балыкских материалов на родовые и личные знаки, исследованные Ю.Б. Симченко (Симченко, 1965, с. 133, 161, 170), даёт следующие результаты. Единственное профильное изображение птицы у обских угров относилось к «тетёрке». Род тетёрки расселился в XVII в. на р. Юган, в месте впадения Иртыша в Обь, на р. Казым, в междуречье Сосьвы и Пельма. Именно среди юганских тамг распространено изображение тетёрки, причём его стилистика близка балыкской, хотя и обладает значительно большей долей реализма: профильность; чётко обрисованные плоскостные туловище, шея и голова; две близко расположенные ноги – черты с развилками; плоскостное крыло в положении взмаха; хвост в виде 3–4 чёрточек (Симченко, 1965, рис. 76, 2–4). Юганские тамги-«тетёрки» принадлежали князю В. Лахчакову – выходцу из Подгородней волости. В последний род тетёрки также имел соответствующую тамгу, но манера профильного изображения была здесь отличной от юганской: голова, плавно переходящая в дугообразное туловище; значительно дистанцированные ноги; крыло из 3 дуг; не акцентированный хвост (Там же, рис. 77, 2–4). Следовательно, именно юганский вариант «тетёрки», бытовавший в качестве тамги в XVII в., обнаруживает наибольшее сходство с изображениями птиц на балыкских табакерках.

Знаки на доньшках табакерок, которые воспринимаются как абстрактные, не поддаются классификации. Один из них имеет вид

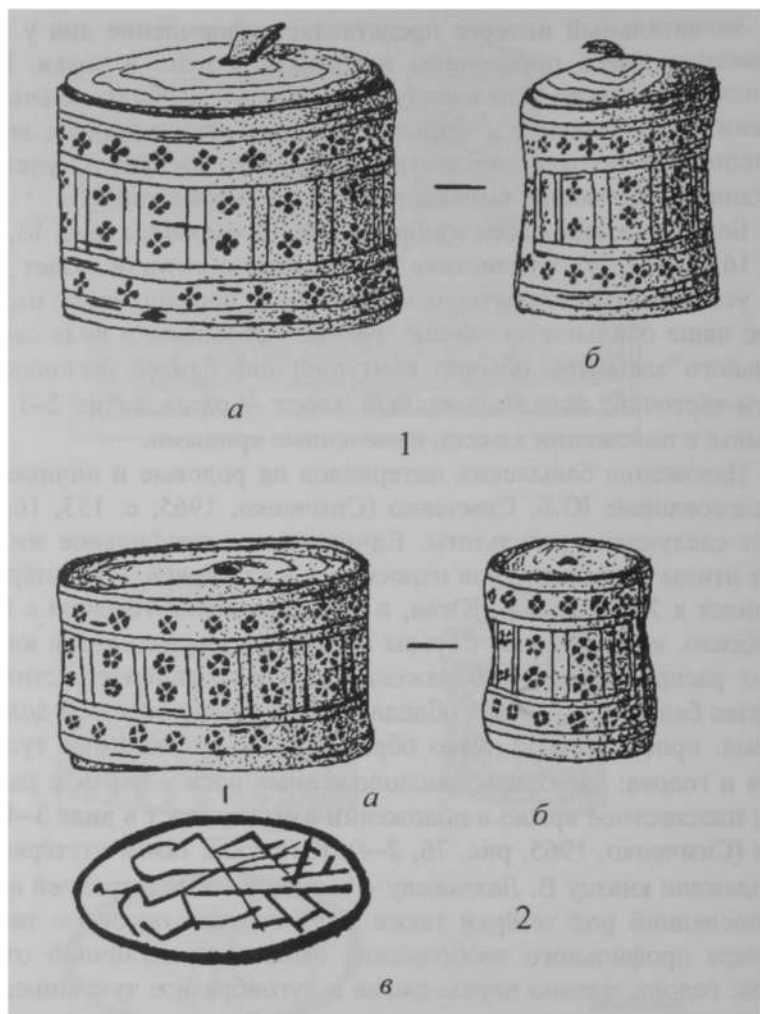

Рис. 15. Орнаментальная отделка табакерок.
 Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 21; 2 – могила 29

двух чётко выраженных параллельных полос и смещённой третьей, которая намечена слабо (рис. 13, 1в). С определённой натяжкой знак можно трактовать как тамгу «шайтанская рожа». Однако с учётом стилистики исполнения его можно рассматривать и как две параллельные линии. В таком варианте тождественные символы обнаруживаются среди тамг самоедских и обдорских остяков, сосьвинских вогулов (Алквист, 1999, с. 168–169, 171). Согласно Ю.Б. Симченко (Симченко, 1965, с. 77), знак имеет сакральное значение и именуется «двумя чертами».

Своеобразная композиция, представленная на рис. 15, 2в, не имеет сколько-нибудь существенных изобразительных параллелей среди тамг. С большой долей риска её можно сопоставить с обско-угорским стилизованным изображением медведя в распластанной позе, в котором туловище, хвост и голова теряются на фоне декоративной витиеватости лап [см. (Рындина, 1995, рис. 22, 2; 28, 1–3)]. Фигура, образованная из полуovalов и динамичной кривой (рис. 17, 2в), не имеет даже близких аналогов среди обско-угорских тамг. Можно лишь указать, что в качестве последних у обдорских остяков зафиксированы единичные полуovalы (Алквист, 1999, с. 167).

В берестяную погребальную утварь усть-балыкских погребений вошла и своеобразная коробочка, зафиксированная в единственном экземпляре. Её внешняя стенка изготовлена из полосы бересты с профилированными зубчатыми краями, трижды обёрнутой вокруг изделия (рис. 19, 3а). Посередине расположен скрепляющий обруч. Коробочка находилась в изголовье погребённой. На дне изделия процарапаны оригинальные знаки. Подобная разновидность берестяной утвари зафиксирована лишь на р. Васюган и определена этнографами как заимствование из культуры тюркоязычных народов (Лукина, 1985, с. 245).

Теперь обратимся к табакеркам, распорванным в погребениях на р. Салым. Степень их сохранности не позволяет составить их полную характеристику: отсутствуют дно и крышка, а уцелевшие стенки в значительной мере разрушены и деформированы. По указанной причине информация, которую можно извлечь из находок, касается общих размеров изделия, конструкции стенок и их орнаментальной отделки. Остановимся на каждом из указанных признаков.

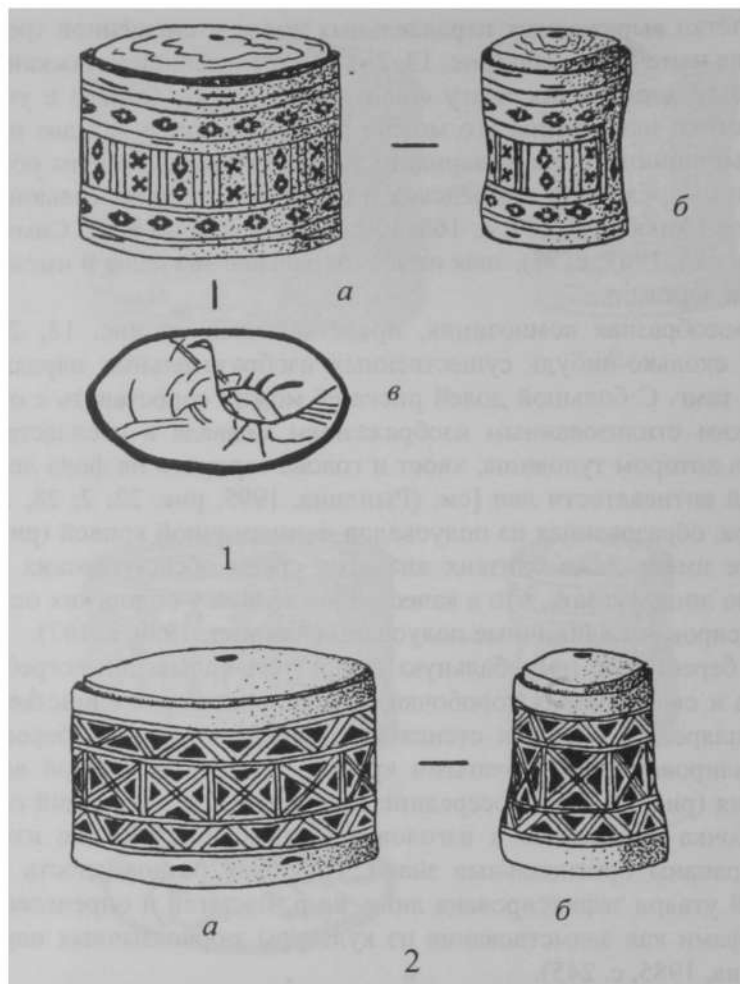

Рис. 16. Штампы (1а-б), прочерчивание (1в) и ажурная резьба с подкладным фоном (2а-б) в декоре табакерок. Некрополь на р. Большой Балык: 1-2 – могила 9

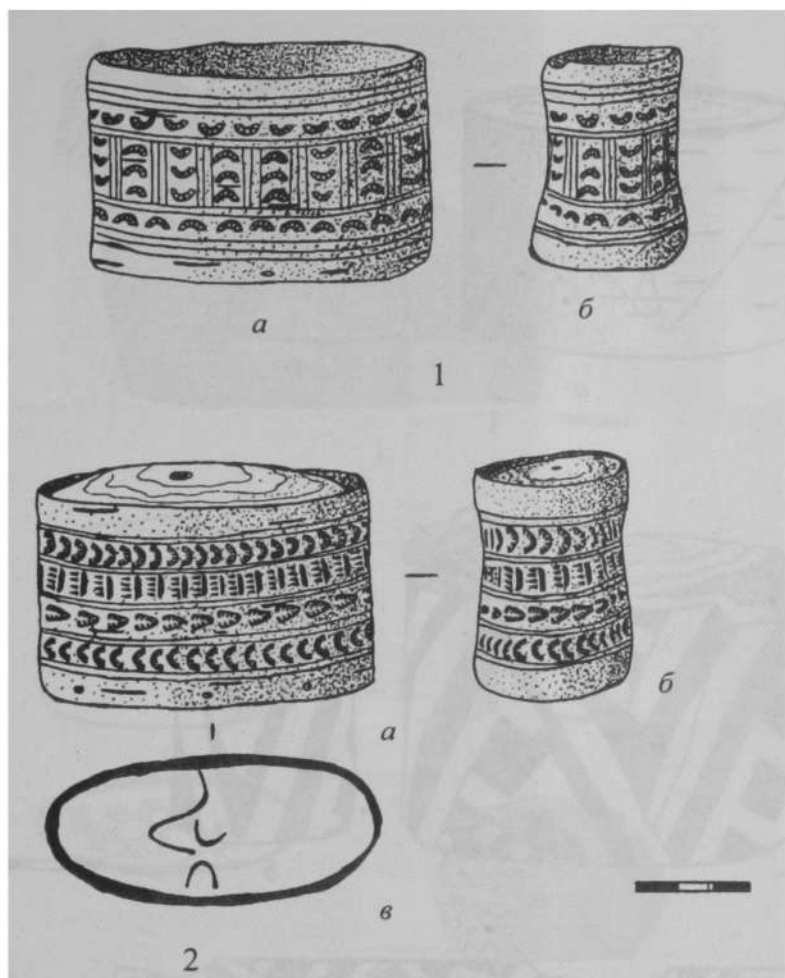

Рис. 17. Орнаментированные табакерки. Усть-Балыкский некрополь:
 1 – могила 8; 2 – могила 11

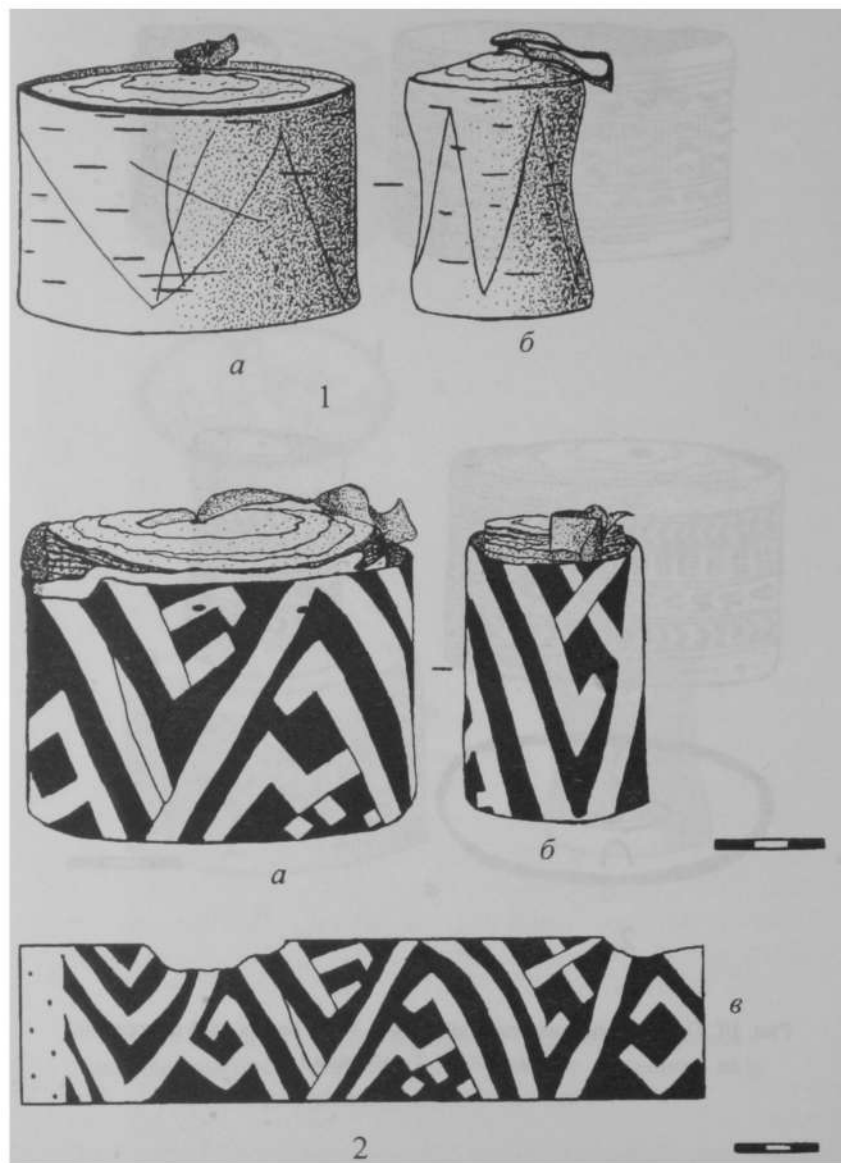

Рис. 18. Оригинальная орнаментация табакерок. Усть-Балыкский некрополь:
1 – могила 3; 2 – могила 4

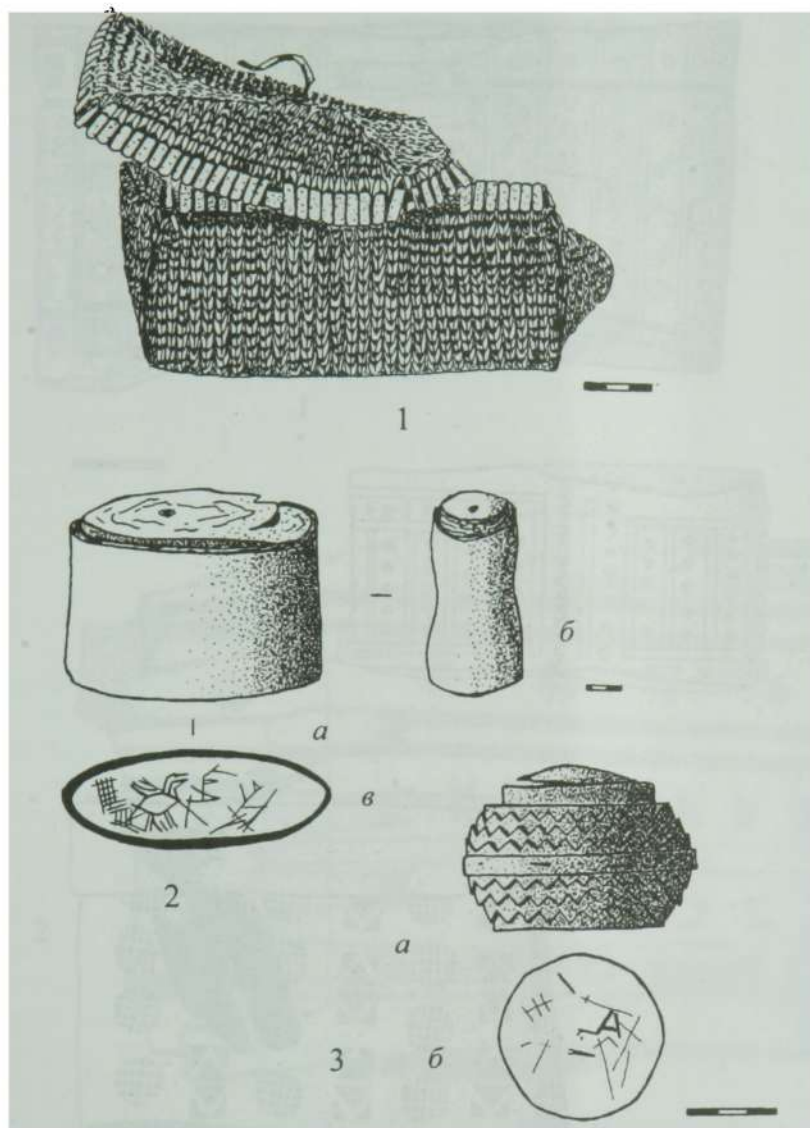

Рис. 19. Сопроводительный инвентарь из коры (1) и бересты (2–3). Некрополь на р. Большой Балык: 1 – могила 3; 2 – могила 10; 3 – могила 28 или 29

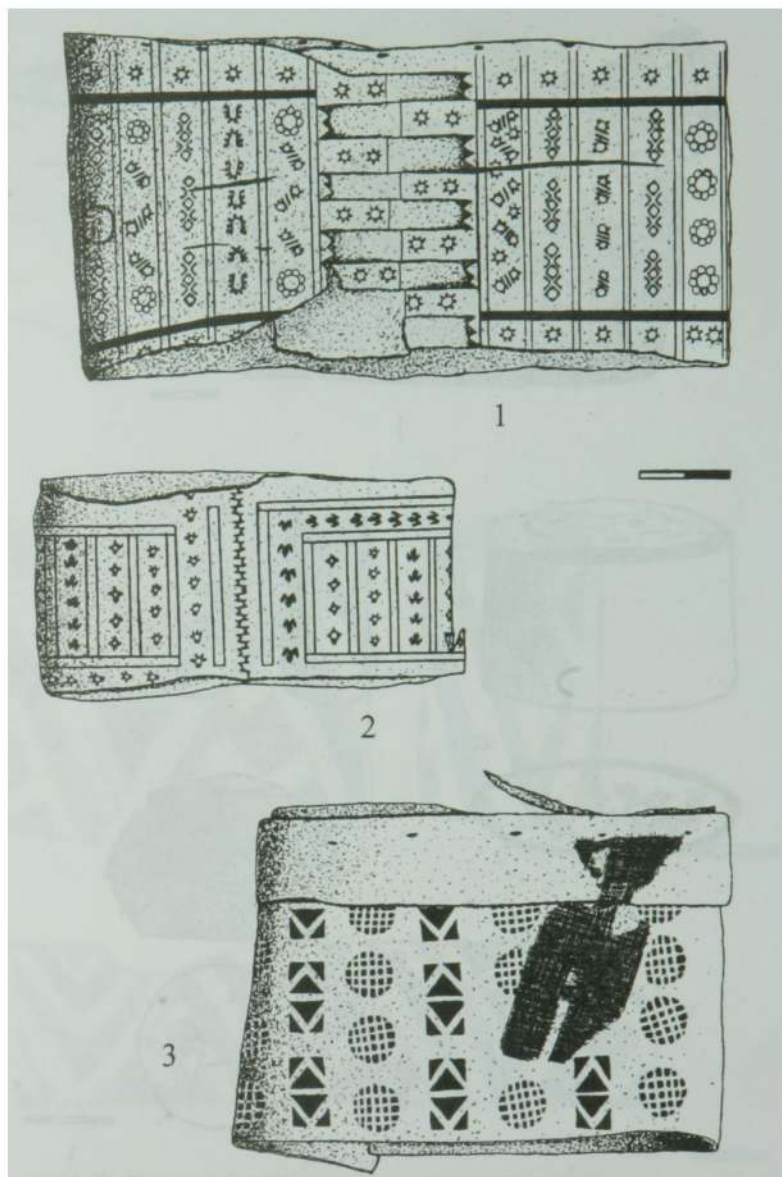

Рис. 20. Берестяные табакерки. Кинтусовский I (1) и Соровский (2-3) могильники: 1 – могила 24; 2 – могила 24; 3 – могила 83

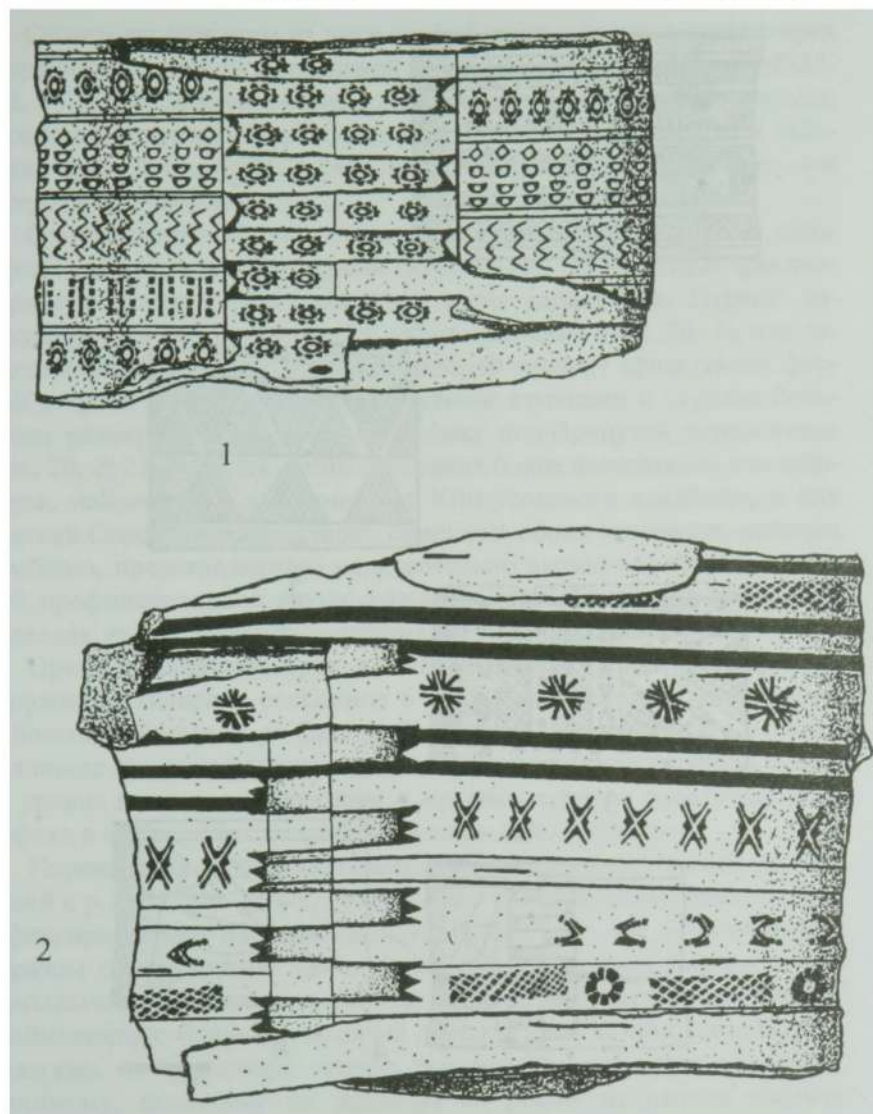

Рис. 21. Табаakerки из бересты. Соровский (1) и Кинтусовский I (2) некрополи: 1 – могила 31; 2 – могила 10

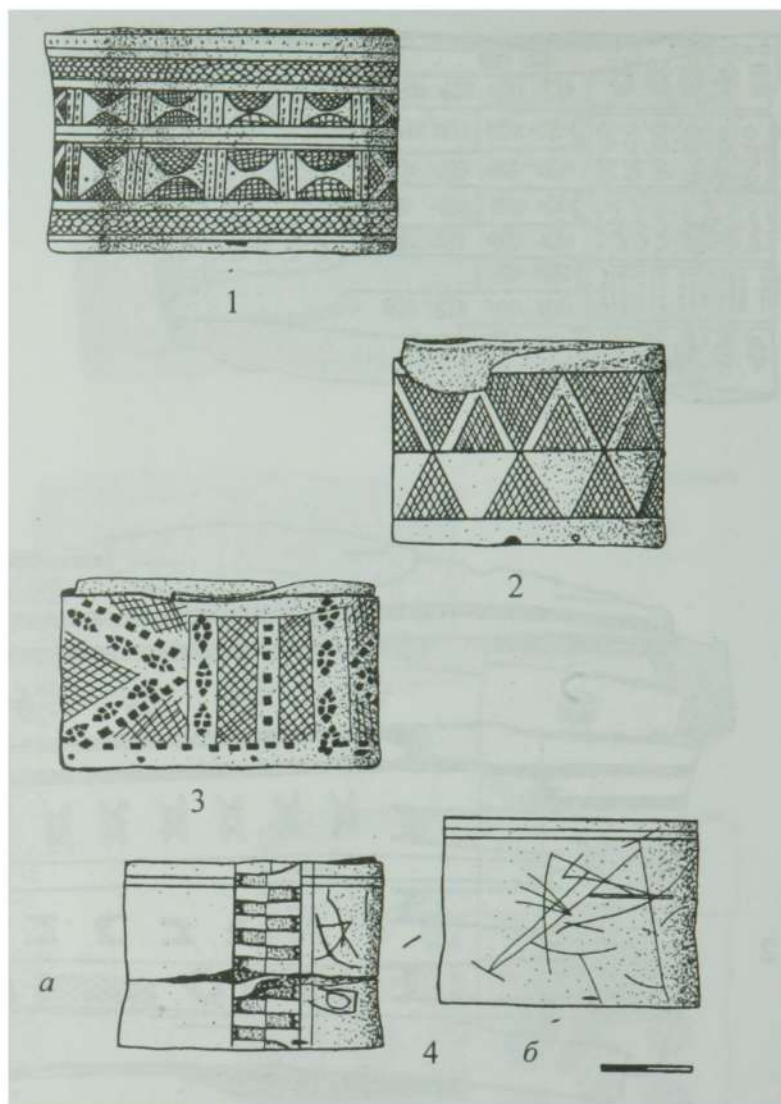

Рис. 22. Берестяные табакерки. Кинтусовский I (1–3) и Соровский (4) некрополи: 1 – могила 10; 2 – могила 75; 3 – могила 43; 4 – могила 185

Стенки изготовлены из двух слоёв бересты, на двух экземплярах сохранились остатки пришивной полосы сверху и снизу (№7625-242, 7626-14). За исключением двух случаев (№7626-43,75), хорошо прослеживается характер соединения стенок. Лишь на одной табакерке края сшиты (№7625-242), на всех остальных экземплярах они скреплены «в замок».

Отмечу одну примечательную микродеталь: на салымских табакерках фигурная профилировка скрепляемых краёв имеет флажкообразную форму, представленную двумя вариантами. Первый характеризуется конфигурацией с двумя язычками (рис. 20, 1), что тождественно балыкским образцам. Второй вариант представлен формой с тремя горизонтально вытянутыми язычками и гораздо большими размерами, создающими эффект подчёркнутой горизонтали (рис. 20, 2; 21, 1; 22, 4). Данный вариант более показателен для табакерок, найденных в захоронениях Кинтусовского кладбища, а для изделий Соровского характерно смешение обоих вариантов, наличие симбиоза, представленного горизонтально вытянутой флажкообразной профилировкой с двумя язычками (рис. 21, 2). На балыкских изделиях второй вариант сцепления стенок не зафиксирован.

Орнаментация табакерок, а точнее стенок у табакерок, также обнаруживает общее и особенное в традициях, зафиксированных на р. Большой Балык и р. Салым. К общим чертам следует отнести сплошное заполнение орнаментом всей поверхности стенок. Однако на уровне композиции, техники и мотивов заметно проступает специфика в оформлении балыкских и салымских табакерок.

Первый разряд орнаментальной композиции, типичный для изделий с р. Большой Балык, представлен единственным экземпляром, зафиксированным на Соровском кладбище (рис. 20, 1). Салымские образцы обнаруживают явное тяготение ко второму разряду орнаментальной композиции, т.е. к открытой. Даже в случае присутствия окаймляющего бордюра, который замыкает собой композицию, располагаясь по периметру стенок, его декоративная роль сведена к минимуму, поскольку он представлен рядом из редких насечек (рис. 22, 1). В рамках данного разряда представлены два варианта компоновки узоров.

Первый, преобладающий прежде всего среди табакерок, найденных в захоронениях Кинтусовского кладбища, характеризуется ярусным расположением бордюров с горизонтальным ритмом. Яру-

сы намечены одной или двумя контурными прочерченными линиями, внутри ярусов членение пространства на зоны-секции, как правило, отсутствует (рис. 20, 1–2; 22, 2). Исключение составляет самый изысканный образец орнаментированной табакерки (рис. 22, 1). Второй вариант орнаментальной композиции включает в себя бордюры с вертикальным ритмом, иногда разграниченные контурными линиями (рис. 20, 1, 3).

Особняком в предложенной систематизации орнаментальных композиций стоит табакерка с крупномасштабной ковровой композицией (рис. 22, 3). К сожалению, реконструировать орнамент в полном объёме не представляется возможным из-за плохой сохранности вещи. Восстановлению подлежат лишь три вертикальные орнаментальные полосы, очевидно служившие декоративным центром всей композиции, и отходящие от них углообразные фигуры. По существу, данная композиция должна быть выделена в особый разряд, однако это вряд ли оправданно по причине единичности, исключительности явления.

Своеобразие салымских табакерок по сравнению с балыкскими хорошо заметно и с точки зрения орнаментальной техники. Специфика воплощена в узорах, выполненных тиснением, т.е. оттиском ножа, причём нагляднее всего она отражена в материалах Кинтусовского некрополя. Роль указанного технического приема в общем декоре изделия тройственна: тиснёные узоры всецело господствуют в орнаментации (рис. 22, 1–2), сочетаются со штампованными (рис. 22, 3), в прямом и переносном смысле накладывают свой отпечаток на характер самого штампа (рис. 20, 3; 22, 2). В первом случае узорное тиснение сопряжено с показательной именно для салымских хантов орнаментальной композицией, т.е. с горизонтальными бордюрными ярусами (первый вариант второго разряда).

При сопоставлении орнаментальных мотивов на балыкских и салымских изделиях также обнаруживается своеобразие, касающееся четырёх признаков.

Во-первых, наблюдается расхождение в конфигурации мотивов. Балыкским табакеркам, как было показано выше, свойственны разновидности штампа, восходящие к изображению следов животных, и прежде всего лисицы. Подобные фигуры входят и в состав салым-

ских мотивов. Здесь встречаются изображения, напоминающие следы оленя и лося с характерной для этих следов раздвоенностью, верхней овальной и нижней подтреугольной частями (рис. 20, 2; 21, 2), а также лисицы, чей отпечаток лапы ассоциируется с цветковидной пятичленностью (рис. 20, 2). Однако степень репрезентативности описанных мотивов невелика применительно к балыкским образцам.

Явно доминирующее положение занимают здесь строго геометрические формы. Среди них преобладают криволинейные: круги, полукружия, овалы с лучистой или дугообразной окантовкой, напоминающие солярные или цветочные розетки (рис. 20, 3; 22, 1). Заметно присутствие мотивов, составленных из треугольников: элементы выстраиваются в ряд, попадают под воздействие плоскости скользящего отражения, группируются по четыре, создавая в фоновой части косой крест (рис. 20, 3; 22, 1). Прямоугольники представлены среди орнаментальных форм главным образом в качестве структурной основы, упорядочивающей расположение элементов: треугольников, квадратиков, полосы (рис. 20, 3; 21, 1). В этой же двойственной функции выступают и уголки. В качестве усложнённого элемента: удвоенные, утроенные, с вершиной в виде ромба – они komponуются в мотив, попарно удваиваясь (рис. 21, 2) либо выстраиваясь в ряд вместе с ромбами (рис. 20, 1). Интересен мотив в виде вертикального зигзага (рис. 21, 1), три его зубца воспроизводят конфигурацию скрепляющей края профилировки и, очевидно, имеют технологическую основу.

Второе специфическое свойство салымских орнаментальных мотивов касается их внутренней компоновки. Они часто образованы из нескольких самостоятельных элементов – ромбика и полуovalов, полосы и квадратиков, ромбиков и уголков, ovalов и трёх параллельных наклонных полос (рис. 20, 1; 21, 1) и т.д. Повторяющаяся часть орнамента сама состоит из чередования нескольких хорошо вычленяемых элементов, т.е. мотивы на салымских табакерках можно определить как «составные». Для описания балыкских мотивов больше подходит понятие «наборные» – составленные из мелких частей, образующих одно целое и теряющих свою значимость вне этого целого.

Третьей отличительной чертой салымских узоров служит использование различных симметрических преобразований при построении узора. Фигуры, создающие орнаментальный ряд, не только переносятся параллельно друг другу, но и преобразуются с помощью плоскости симметрии или плоскости скользящего отражения, создавая зеркальное подобие или зигзагообразную линию (рис. 20, 1; 21, 2). Для балыкских бордюров характерен лишь параллельный перенос.

И наконец, четвёртый специфический признак орнаментации салымских табакерок заключается в сетчатой проработке узорного поля, создаваемого мотивом. Прямоугольники, круги, полукружия обладают внутренней декоративной отделкой, чаще в виде ромбической сетки (рис. 21, 2; 22, 2;), однако встречается и прямоугольная (рис. 20, 3), а также своеобразное чешуйчатое оформление внутренней поверхности узора (рис. 22, 1). Данный стилистический приём в построении орнамента теснейшим образом связан со спецификой орнаментальной техники – нанесением узора с помощью тиснения. При этом узорное поле очерчивается контурными линиями, а затем заполняется мелкими фигурами – оттисками ножа. Помимо салымских образцов, хранящихся в МАЭС ТГУ, описанную стилистику демонстрируют все образцы тиснёных узоров, приведённые в обобщающей монографии С.В. Иванова (1963, рис. 68).

Специфические черты салымских орнаментированных табакерок нагляднее всего представлены на образцах, найденных в Кинтусовских погребениях. Соровским изделиям присуща двойственность: с одной стороны, среди них имеются экземпляры, тождественные балыкским образцам (рис. 20, 2; 22, 4), с другой – на них прослеживается влияние черт, родственных кинтусовским и сказывающихся на общей орнаментальной композиции, построении мотивов и специфике их декоративной проработки (рис. 20, 3; 21, 1).

Подытоживая сравнительный анализ орнаментированных берестяных табакерок, бытовавших у хантов на р. Большой Балык и р. Салым, можно заключить следующее. С точки зрения технологии следует вести речь о значительном сходстве, включающем в себя специфику материала, конструктивные особенности, технику соединения деталей. Однако на уровне технологических микродеталей заметны расхождения, свидетельствующие о наличии некоторой

специфики в изготовлении табакерок. Это касается прежде всего конкретной формы флажкообразного сцепления стенок: на Салыме она имеет вид трёх язычков, на Балыке – двух.

При обращении к орнаментальным характеристикам табакерок на первый план выходят различия. Композиционно декор салымских изделий подчёркивает горизонтальную ось предмета с помощью открытости орнаментальной структуры, горизонтального ритма мотивов, горизонтально вытянутых соединительных деталей. Орнаментальная композиция на балыкских табакерках, наоборот, гасит, сглаживает конструктивную горизонталь вещи, усиливая при восприятии эффект округлённости изделия. Это достигается посредством вертикального ритма узоров, замкнутости композиции и коротких сцепляющих краёв. Различна техника орнамента: штамп на р. Большой Балык и тиснение на р. Салым, что сказывается в несхожести конфигурации мотивов и общих принципах их построения. В основе балыкского орнамента лежит простое повторение целостной штампованной фигуры, а салымские узоры построены на игре симметрии с простейшими элементами в мотиве (уголками, треугольниками, кругами, полукружиями) и мотивами в узоре.

Следовательно, несмотря на несомненное сходство изделий и принадлежность их к одному классу, есть веские основания для выделения двух типов орнаментированных табакерок – балыкского и салымского. Типологические различия обусловлены несхожестью культурных традиций, которые канонизировали процесс изготовления вещей. При этом нужно отметить, что салымский тип табакерок более наглядно представлен в материалах Кинтусовского кладбища, а Соровское демонстрирует смешение обоих типов.

Берестяные табакерки, сходные с описанными хантыйскими, встречались у многих народов Евразийского региона: манси, казахов, бурят, венгров, эстонцев и др. (Лукина, 1985, с. 246). Их происхождение связывается с японской традицией – лаковыми коробками-табакерками, овальными в плане, с плоской крышкой, снабжённой петлёй из шнурка, которые крепились за пояс. Распространение в XVII в. на Азиатском континенте табака сопровождалось внедрением в местную традицию китайской и японской атрибутики, свя-

занной с курением, – трубок и табакерок (Купина, 1995, с. 88, 90, 100–101). Однако при этом инновации были существенно скорректированы каноном: материал, техника его обработки, орнаментация, а также способ ношения предмета отмечены печатью сибирской архаики. Так, традиция соединения у берестяных табакерок стенок «в замок» с помощью профилировки краёв отразила контакты между предками угров и племенами юга Сибири, а её возраст может быть соотнесён по меньшей мере со второй половиной I тыс. н.э. (Рындина, 1999, с. 161). В хантыйской культуре табакерки принято было носить за пазухой или в кармане одежды, но не прикреплять к поясу, как в японской. Орнаментация хантыйских табакерок также впитала в себя местные мировоззренческие и социальные нормы.

Функциональная заданность табакерок теснейшим образом связана с их содержимым – табаком. Это отражено уже в самом описательном названии предмета. Васюганско-ваховские ханты называют табакерку *тэмяк мынь* – ‘табак ящик’, сургутские – *чакым туяс* – ‘табак туяс’, сынские – *шар онат* – ‘табак рог’ (Лукина, 1985, с. 245; Могутаев, 1996, с. 290; устное сообщение Н.М. Талигиной). Приведённая терминология отражает вариативность табакерок в хантыйской культуре: у южных и восточных групп практиковались изделия из бересты, у северной – из бересты и рога.

Потребление табака превратилось в прямом смысле слова в жизненно важную черту традиционной культуры сибирских аборигенов. Одержимую страсть к табаку у алтайцев отмечал В.В. Радлов: «...мужчины, женщины, молодые люди, даже дети не могут и часа прожить без табака и проводят полжизни за курением», следуя собственному девизу: «Нет табака, нет и жизни» (Радлов, 1989, с. 171). Сходную картину применительно к чукчам нарисовал В.Г. Богораз-Тан: они легче обходятся без еды, чем без табака, во время его недостатка близки к сумасшествию, и по этой причине у народов Северо-Восточной Сибири широко распространён сюжет о ссоре между мужем и женой, отцом и сыном, нередко заканчивающейся убийством из-за отказа поделиться табаком (Богораз-Тан, 1934, с. 83, 99, 100, 102). При этом исследователи рубежа XIX–XX вв. отмечали поголовное увлечение табаком у коренных народов Сибири: мужчины, женщины и дети – буквально все возрасты были покорны этой страсти.

Невольно возникает вопрос, по какой причине табак, будучи сравнительно поздней новацией, смог так глубоко укорениться в традиционную культуру всех народов Сибири. Чтобы разобраться в этом, следует обратить внимание на способы потребления табака и характер воздействия последнего на человека.

В литературе описаны три способа обращения с табаком: курение, жевание и нюхание, характеризующиеся этнической избирательностью. Чукчи, эвенки и юагиры предпочитали курение, ительмены – жевание, коряки чаще нюхали и жевали табак (Купина, 1995, с. 93–94).

У хантов в начале XX в. зафиксированы все три способа, и приоритеты здесь, согласно А.А. Дунину-Горкавичу, определены следующим образом: остяки курят табак «сравнительно мало, более кладут за губу... Некоторые остяки нюхают, но таких встречается мало» (Дунин-Горкавич, 1996, с. 87). О казымских хантах, табакерки которых анализируются в настоящей статье, этим же автором замечено: «Табаку они не курят, но лишь нюхают, и редкие из них кладут табак за губу» (Там же, с. 86). Применительно к васюганским хантам М.Б. Шатилов отмечал иную ситуацию: табак «нюхает и курит старшее поколение, а курят все, начиная с детей 3–4 лет» (Шатилов, 1931, с. 49). Следовательно, хантыйская традиция потребления табака, зафиксированная этнографией, не была единообразной и на локальном уровне отдавала предпочтение различным способам.

При нюхании табака его насыпали на ладонь или ноготь большого пальца, ямку между большим и указательным пальцем, подносили к носу и вдыхали. Под встречающимся в литературе определением «жевание» табака скрывается не совсем адекватное содержание. Ханты клали табак за нижнюю губу и сверху прикрывали берёзовыми стружками, очевидно, чтобы избежать раздражения слизистой оболочки рта. Табак держали во рту всё время, даже ночью во сне, меняя порции по мере уменьшения крепости табака. Перед едой табак выплёвывали изо рта (Дунин-Горкавич, 1996, с. 87; устное сообщение Н.М. Талигиной). Способы курения табака претерпели у хантов существенные изменения во времени. В источниках XVII–XVIII вв. сообщается о курении как о «вдыхании», «глотании» дыма через рот, в который набрана вода, без после-

дующего выдыхания дыма (Избрант Идес и Адам Бранд, 1967, с. 103; Новицкий, 1884, с. 36). Предположительно для этой цели пользовались специальными приборами с водяными фильтрами, издревле известными на Востоке для курения конопли (Купина, 1995, с. 95). Применительно к началу XX в. процесс курения у восточных хантов описан следующим образом: «...мальчик лет четырёх курил по всем правилам искусства, пуская кольцами дым и сплёвывая с языка, как и большие; покуривши, он медленно вычистил трубку, положил её, подошёл к матери и начал сосать грудь» (Шатилов, 1931, с. 49). Таким образом, курение в культуре хантов видоизменилось от «глотания» дыма до его вдыхания – выдыхания. Подобная эволюционная линия универсальна: эскимосы процесс курения определяли понятием «сосать, всасывать», юкагиры – «пить дым», в Европе до XVII в. в ходу также были выражения «табакопитьё», «дымопитьё», обозначавшие процесс как форму принятия пищи (Купина, 1995, с. 88).

В зависимости от способа употребления различалось и приготовление табака. Для жевания и нюхания у хантов предназначался исключительно листовой табак. Его сушили, крошили с помощью ножа или толкли в ступе, смешивали с небольшим количеством таловой золы или золы из берёзового гриба, опрыскивали смесь водой и высыпали в табакерку (Дунин-Горкавич, 1996, с. 87; Шатилов, 1931, с. 49). Основные элементы описанной технологии: сушка листьев, толчение в ступе, использование добавок – встречаются у многих народов Сибири и могут быть причислены к категории универсалий [см. (Купина, 1995, с. 96–97)]. Культурная специфика проявляется на более дробном уровне, например в характере добавок.

В этом плане интересно более детальное описание процесса приготовления табака у северных хантов^{*}. Листья табака подсушивали на старой сковороде и клали в ступу, изготовленную из берёзы. В ней листья толкли до порошкообразного состояния с помощью деревянного пестика или рукояти скребка, аналогичного тому, что применяли для обработки шкур. Затем в полученную массу добавляли заранее приготовленную золу из берёзового гриба. В качестве

^{*} Сведения по северным хантам приведены на основе информации, любезно предоставленной Н.М. Талигиной, за что выражаем ей признательность.

добавки к табаку использовали лишь особую разновидность гриба: его верхняя часть должна иметь тёмно-серую окраску и поверхность, покрытую бороздками, а нижняя – тёмно-коричневый цвет. Этот гриб называется *шар ошат* 'табак гриб'. «Табачный гриб» клали в чугунный котелок, поджигали и оставляли прогорать на улице в течение суток. Зола добавляли в растолчённые листья табака и высыпали всё в чугунный котелок, добавив предварительно немного воды и водки или одеколона. При перемешивании содержимого получалась рассыпчатая смесь.

Приготовление табака обязательно включало в себя угощение им духов. Для этого женщина, готовившая табак, брала его на кончик пестика и, созывая духов прищёлкиванием языка, протягивала им табак. Присутствующие при этом дети или внуки оглашали помещенные громким чиханием, поскольку в воздухе витала табачная смесь. После подношения табака духам он раскладывался по пустым табакеркам впрок. У женщины их могло быть более десятка, а самая любимая всегда находилась под рукой, в кармане платья.

Описанный процесс приготовления табачной смеси по своим наиболее существенным чертам может быть соотнесён с разрядом обрядовых действий. Во-первых, он предполагает строгую регламентацию лиц и их действий: женщина и производные от неё поколения. Во-вторых, канонизированную предназначенность предметного круга, задействованного в изготовлении табака. Чугунный котёл, деревянная ступа, деревянная лопаточка-пестик – этот предметный ряд составлен из универсальных предметов, однако, будучи вовлечёнными в процесс изготовления табака, они уже не могли использоваться в иных функциональных качествах, что резко повышало сакральное начало в предмете. Завершают этот ряд табакерки, изначально предназначенные лишь для хранения табачной смеси. Поэтому их сакральное поле оказывается максимально насыщенным и определённой сакрализации подлежит всё, попадающее в это поле. В-третьих, в процессе приготовления табака активно присутствует ментальная сфера. Здесь отчётливо ощутимо пограничье двух миров, соприкосновение людей и духов.

Сакральная наполненность процесса неизбежно предполагает сакрализацию результата. Табачная смесь, приготовленная ритуально, проявляет свои особые свойства в переломные моменты жизненного цикла: её ставят на стол во время свадебного пира и поминок, ею же угощают умерших и духов.

Табак, который курили, первоначально не обладал такими свойствами. Его приобретали уже в готовом виде и далеко не всегда подвергали дальнейшей частичной переработке – подсушиванию. В общении с духами он не фигурировал в качестве подношения. Следовательно, табак, предназначенный для курения, не является ритуальным ни по своему происхождению, ни по функциям. Способы его хранения также отличались спецификой. Вместилищем для покупного табака служили мешочки-кисеты. На р. Салым они назывались *кошаль*, на р. Васюган – *мусня*, и оба термина, по мнению исследователей, имеют русское происхождение (Лукина, 1985, с. 255).

Как видим, в культуре хантов хорошо различимы две традиции, связанные с табаком. Одна предполагает прямой выход в сакральную сферу и представлена ритуалом изготовления табачной смеси и табакерками, другая не отмечена ритуальной значимостью, и её материализованным выражением служат покупной табак и кисет. Различные способы хранения для нюхательного (табакерки) и курительного табака (кисеты) отметила у манси Е.Г. Фёдорова и поставила вопрос о различных источниках происхождения традиции нюхания и курения (Фёдорова, 1994, с. 238). Решение его не входит в задачу настоящей статьи, нам важно лишь подчеркнуть, что двухуровневая функциональность табака, очевидно, наличествовала и в культуре манси.

Для определения символического статуса берестяных табакерок следует выяснить семантические функции табака, сакральные и профанные. При этом важно проследить характер воздействия табака на человека и оценку этого воздействия, содержащуюся как внутри этнической культуры, так и во взгляде на неё со стороны.

В описании последствий, наблюдаемых у различных народов Сибири при употреблении табака, чаще акцентировалось состояние потери сознания, причём достигалось оно с помощью «дымопития», реже – диаметрально противоположное ему состояние неистовства,

исступления. В самой ранней информации о курении у хантов содержится и наиболее подробная характеристика производимого им эффекта. Вдохнув дым, остяки «падают на землю и лежат по полчаса без сознания, как мёртвые, с закатившимися глазами и дрожью в руках и ногах. На губах у них появляется пена, кажется, что у них припадок падучей, и совсем незаметно, куда девается дым» (Избрант Идес и Адам Бранд, 1967, с. 103). Аналогичное изложение, но в более лаконичной форме, принадлежит Гр. Новицкому: «"дымопитиё" у остяков сопровождалось состоянием, когда человек, весь трепеща, трясётся и бледнеет, иногда падает аки неистовством и чёрною поражён немощью, пока не придёт в себя» (Новицкий, 1884, с. 36). «Наркотическим самозабвением» или даже «одурением» сопровождалось курение у нганасан (Миддендорф, 1887, с. 675). Об ительменах сказано, что они любят очень сильный табак, такой, чтоб, «выглотав» его, упасть на землю. Иные старички так закурят, что минут 15–25 лежат без памяти (Крашенинников, 1949, с. 707). Иногда «глотание дыма» было сопряжено с состоянием крайнего возбуждения. Подобное явление у нивхов отмечал Л.Я. Штернберг (1933, с. 73).

В ритуальном контексте, создаваемом камланием шамана, курение табака выполняло ту же функцию – обеспечение перехода в иное психическое состояние: крайнего возбуждения или, наоборот, сонной заторможенности. Шаман у хантов, готовясь к предстоящему действию, сидит у костра и выкуривает трубку за трубкой, сильно затягиваясь (Шатилов, 1976, с. 156). Подготовка эвенкийского шамана к камланию включала в себя длительный пост, после чего следовало непомерное курение, употребление наркотиков, заканчивающееся сном «нервнобольного», во время которого происходило общение с духами. В перерывах самого камлания шаман, бледный и обессиленный, жадно курил одну трубку за другой (Анисимов, 1958, с. 192–193, 209). Якутский шаман перед камланием также жадно курил, «глотаю дым» (Харузин, 1905, с. 425). «Глотание дыма» служило средством приведения шамана в иступлённое состояние и у народов Амура: нивхов и орочей (Штернберг, 1933, с. 73–74, 434).

Как видим, употребление табака обеспечивало выход за грань обычного ощущения, существования и погружение в пространство с иными измерениями, в котором вполне реально то, что невозможно в

обычном мире и в обычном состоянии, например общение с духами. В данном контексте эффект от употребления табака уместно сравнить с дионисийским экстазом, который, согласно М. Элиаде, являл собой преодоление человеческой ограниченности, достижение полного освобождения, обретение свободы и непосредственности, не характерных для человеческого существования (Элиаде, 2001, с. 332).

Обратимся к функциональным заменителям табака, предшествовавшим ему в традиционной культуре коренных народов Сибири. В обрядовой практике хантов роль природного галлюциногена выполнял мухомор. У хантов р. Васюган существовала особая категория гадателей – *панкал-ку* (*панкал* – ‘мухомор’), которые размачивали в воде гриб, выпивали настой, оказывающий снотворное и дурманящее действие, и в бредовом состоянии излагали присутствующим свои сны (Кулемзин, 1976, с. 60). Ворожей у южных, иртышских, хантов постился, затем съедал на пустой желудок 3 или 7 сушёных, реже сырых мухоморов и засыпал. Проснувшись, он выкриками извещал о том, что открыл ему дух (Карьялайнен, 1996, с. 227). На Иртыше же было составлено подробное описание гадания: остячка поставила свечи у икон, положила на стол каравай хлеба и сделала на нём 7 надрезов, упоминая при этом имя духа, съела мелкими кусочками 3 сушёных мухомора, запивая каждый кусок глотком воды. Через 3–4 минуты с ней сделалась икота, переходящая в выкрики наподобие песни, которые для присутствующих переводил старик-остяк, исполняющий роль жреца. По мнению остяков, устами старухи вещал дух мухомора (Шульц, 1913, с. 16). Остяцкие сказители перед началом исполнения былины, длившейся иногда целую ночь, для воодушевления и повышения тонуса съедали число мухоморов, кратное 7 (Патканов, 1891а, с. 5).

В качестве обобщающих приведём сведения И.Г. Георги, относящиеся не только к социально-избранным категориям лиц, но и ко всем хантам в целом. «Они приводили себя в пьяное состояние табаком и мухоморами. Если съедят один мухомор или выпьют отвар трёх грибов, то сначала становятся разговорчивыми, затем резвыми: скачут, поют, слагают любовные, охотничьи и богатырские песни, а после ничего не помнят, засыпают, а проснувшись, не чувствуют такой тяжести, как после вина» (Георги, 1776, с. 72).

Использование наркотических свойств мухомора известно в традиционных культурах многих народов Сибири: ительменов, чукчей, коряков, нганасан и др. В зависимости от дозировки при употреблении мухоморов получали два противоположных эффекта: либо временный прилив сил, либо дурманящий сон [см. (Дэвлет, 1998, с. 16–19)]. Сами носители культурных традиций оценивали роль мухомора как универсального проводника в особый мир духов: «...мухомор – средство для того, чтобы просто человек, не шаман, получил шанс пообщаться с иным миром через посредника – мухомора... Мухомор – это шаман для всех» (Там же, с. 19). Проанализировав мифологию различных народов мира, В.Н. Топоров пришёл к выводу, что именно грибы, и прежде всего мухоморы, служили лучшим материалом для приготовления галлюциногенного напитка, открывавшего возможности общения с другим миром (Топоров, 1979, с. 285).

Функциональным эквивалентом мухомора в культуре народов Амура и Сахалина служил багульник. Ульчи ставили перед шаманом железную плиту с раскалёнными углями, на которые кидали сухой багульник, чей запах действовал одуряюще на всех присутствующих, но особенно на склонившегося над клубами дыма шамана (Шренк, 1903, с. 126). У сахалинских нивхов шаманка перед камланием натирала своё тело багульником, который бросала и в очаг, выливая 10 чашек настоя растения, а также курила трубку и ела саранку перед тем, как «как пуститься в пляс» (Штернберг, 1933, с. 323–324).

Перекидывая мостик от мифологического сознания и обрядовой сферы традиционной культуры к современности, можно утверждать, что потребность в раскрепощении человеческих чувств и эмоций, выхода за границы повседневности и обыденности, перехода в особое состояние не утратила своей актуальности. В этом смысле современным эквивалентом табака, мухомора и багульника стал экзотический напиток абсент, употребление которого предполагает специальную церемонию, включающую в себя и огонь. Употребление абсента вызывает спутанное сознание и умственную заторможенность, галлюцинации и эпилептическое состояние, но в умеренных дозах ассоциируется с вдохновением, эйфорией [см. (Бейкер, 2003, с. 176, 178)].

Возвращаясь к табаку, подчеркнём, что его «дымопитиё» и интенсивное курение с глубокими затяжками обеспечивали возможность перехода человека в иное состояние и благодаря этому способствовали созданию условий для его общения с духами. Поскольку ритуальный табак, предназначенный духам уже с момента своего приготовления, хранился в табакерках, следовательно, и они становились символом преодоления грани между возможным и невозможным, знаком приобщения к другим формам и измерениям бытия.

Глотание и курение табака идеально соответствовало описанной символической функции не только эффектом своего воздействия, но и спецификой самой процедуры. Пищей духов, согласно традиционным воззрениям хантов, служит не сама материализованная субстанция предлагаемого им угощения, а едва уловимые, почти бестелесные формы её проявления – пары и запахи. Следовательно, вдыхание табачного дыма символически равнозначно вкушению пищи духом, таким образом, сближение с ним человека происходит уже в самом процессе курения. Благодаря логике традиционного сознания символические функции табакерки оказываются продублированными ещё в одном вещном атрибуте курения – трубке. Очевидно, их семантическое сходство послужило причиной особого почитания предметов. Они часто передавались из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери и бережно хранились (Шатилов, 1931, с. 49).

Кроме посреднической функции в общении с духами, табак выполнял и другие. Одна из них обладала статусом особой социальной важности, поскольку регулировала отношения в человеческом коллективе на основе строгого соблюдения традиционных норм даже в экстремальных условиях. В основе данной функции лежит успокаивающее воздействие табака. На обыденном уровне оно сказалось в раннем приобщении к табаку детей и его практически ежеминутном употреблении взрослыми, мужчинами и женщинами.

Обрядовые формы реализации данной функции материализуются в курительной трубке. В традиционной культуре народов Сибири она символизировала мир, гостеприимство и согласие. Так, у нивхов перемирие враждующих сторон достигалось посредством переговоров между «ораторами» – наиболее красноречивыми сородичами.

Непременным элементом переговоров являлась трубка, закуренная «своим» огнём (Штернберг, 1933, с. 105).

В гостевом этикете трубке отводилась первостепенная роль. При встрече в ненецком чуме «трубка обходит всех сидящих в кругу, что продолжается до тех пор, пока они не разойдутся» (Белявский, 1833, с. 162). Аналогичная сцена наблюдалась и среди нивхов: «...хозяин и гости садятся у пылающего огня потолковать о событиях дня, в чём принимают участие и женщины. Небольшая трубка ходит из рук в руки, и степенная беседа затягивается далеко за полночь» (Шренк, 1903, с. 38–39). У алтайцев «приветственный церемониал» также включал в себя поочерёдный обмен трубками между вошедшим гостем и всеми присутствующими. Проходило много времени, прежде чем заканчивалась эта церемония (Радлов, 1989, с. 167–168). У эвенков, наоборот, она была весьма быстротечна: брали трубку изо рта у первого встречного, что по нормам европейской цивилизации соответствовало угощению папиросой (Миддендорф, 1887, с. 711).

Обмен трубками и совместное курение в рамках свадебного ритуала означали достижение согласия между родственниками жениха и невесты. Согласно фольклорной традиции нивхов у них эта процедура сводилась к минимуму: единственной церемонией во время сватовства и следующего сразу же за ним брака были совместное курение или еда (Штернберг, 1933, с. 261). У шорцев, наоборот, по случаю свадьбы существовал специальный праздник – табачная байга, на котором родственники молодого супруга преподносили в дар родственникам невесты пачки табака (Радлов, 1989, с. 208).

Трубка как неотъемлемый компонент общения между людьми в различных социально значимых и потому ритуализованных ситуациях превратилась в вещный эквивалент самого человека. Очевидно, отсюда проистекает ряд интересных примет, зафиксированных у нивхов. Поломка трубки у них ассоциировалась со скорым уходом её хозяина в подземный мир, мир мёртвых, а внимание к женской трубке со стороны мужчины означало проявление его тайных желаний (Штернберг, 1933, с. 490, 504).

Помимо ритуальных функций, потребление табака выполняло и утилитарные, практические. «Жевание» табака служило стимулятором при тяжёлой физической работе (Купина, 1995, с. 96). Этот же эффект достигался курением. По сведениям А. Миддендорфа, у нганасан при переколёвках вожак указывает направление пути сме-

нюющему его лицу, а сам «скачет на возвышение, выкуривает трубку, посмотрев во все стороны, и, подобно полководцу, пропустив мимо себя весь караван, вслед затем опять отправляется во главу шествия» (Миддендорф, 1887, с. 674).

Литературой отмечена ещё одна функция табака, весьма существенная в условиях суровых сибирских зим. Описывая быт хантов, П.С. Паллас подчеркнул такую его интересную особенность: «от холода и голода» курят и нюхают табак, затыкая при этом нос стружками. Для крепости в табак добавляют золу от берёзового нароста; от едкого табака так разгорается лицо, что становится не опасен «великий» мороз (Паллас, 1772–1773, с. 65). Почти через 200 лет современные ненцы так лаконично определили описанные свойства табака: «Как возьмёшь табак, так сразу становится тепло» (Харючи, 2001, с. 69).

Анализируя роль табака в традиционной культуре народов Северо-Восточной Сибири и Аляски, Ю.А. Купина отметила фрагментарность фактологической базы как затрудняющий исследование фактор и на основе собранного материала сделала вывод, что табак стал «слагаемым формулы общения людей между собой и с духами» (Купина, 1995, с. 111, 115). Материалы, приведённые в настоящей монографии, позволяют конкретизировать этот вывод.

Уровень общения человек – духи был связан с ритуальным (листовым) табаком, который символизировал возможность перехода человека в иной мир. Эта же символика распространялась и на табакерки как вместилища табака. Уровень социальной коммуникации, т.е. общение в мире людей, был связан с покупным табаком (махоркой). Символом этой социальной связи в целом и отдельной личности как элемента общения в частности стала трубка. Кроме ритуально оформленных функций, пронизывающих мировоззренческие и социальные сферы жизни, табак выполнял и сугубо прагматические, способствуя приспособлению к суровым природным условиям и напряжённым хозяйственным ритмам. Это назначение табака также сказалось на отношении к его вещной атрибутике – табакерке и трубке, однако их ведущими темами в семантическом тексте являлись две вышеперечисленные.

Подытоживая анализ берестяной утвари, представленной в погребальной обрядности прежде всего хантов с р. Большой Балык,

следует отметить разноплановость информации, вскрытой в утвари. Эта разноплановость касается исторической, социальной и мировоззренческой сфер.

Конструктивные и декоративные свойства подпрямоугольных и круглых коробок, туесков и табакерок свидетельствуют о близости культурных традиций рассматриваемого субэтноса с северным ареалом восточных хантов. Аналогии нагляднее всего отражены в специфическом устройстве крышек у круглых коробок, орнаментации туесков, знаках на дне табакерок. Схожесть предметных характеристик отражает тесные этнокультурные контакты: часть салымских хантов, как было указано выше, составляют выходцы с р. Юган, причём непрерывность традиций, запечатлённых в погребальной обрядности с конца XIX в., позволяет удревнить время исхода до указанной хронологической границы.

Берестяная составная погребального инвентаря несёт в себе сведения и об общественном статусе личности с учётом внутренней иерархии социума. Универсальные видовые свойства человека отражены в подпрямоугольной берестяной коробке, поскольку именно она символизирует грань между миром живых и миром мертвых. Гендерными данными наделена круглая берестяная коробка – знак мира женщины, причем этот мир благодаря орнаментации имеет конкретно очерченные локальные границы, соответствующие определённой форме социальной организации. Отражением личных свойств человека, в прямом смысле слова печатью – тамгой, которой он скрепляет свое присутствие в этом мире, служит табакерка. Однако личное в данном случае – это и частное проявление общего – определённых норм регламентации родственных отношений.

Простые формы берестяных изделий оказываются пронизанными философским осмыслением окружающей действительности. «Примитивная» подпрямоугольная коробка, поставленная в изголовье усопшего, вобрала в себя представления об иных, по сравнению с человеческими, формах бытия. Круглая коробка символизирует пространственную близость мира мёртвых (Нижнего мира) с миром женщины. Берестяная утварь оказывается востребованной при маркировке несущих конструкций мироздания: мира видимого / человеческого и невидимого / мира духов, частным случаем которого является Нижний мир / мир мёртвых.

Как видим, суммирование преимуществ, представляемых, с одной стороны, археологическими источниками (жёсткая фиксация вешней композиции в пространстве) и, с другой – этнографическими (отражение в мифотворчестве и культовой практике мировоззренческих универсалий) позволяет извлекать из исследуемого материала качественно новую информацию и выходить на новый уровень обобщений и интерпретации.

Глава 3. ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ

3.1. Топоры

3.1.1. Типология

Одной из важнейших составляющих археолого-этнографических исследований в Западносибирском регионе является изучение процесса взаимодействия аборигенных и русской культур. К существенным его проявлениям относится включение в предметный комплекс аборигенных культур изделий русского ремесленного производства, которые применялись в самых различных сферах деятельности: военном деле, хозяйственных занятиях, быту, погребальной обрядности и т.д. (Худяков, 2002, с. 182).

Топоры оказались наиболее востребованными изделиями материальной культуры русского ремесленного производства. Начиная с XVI–XVII вв. они получили широкое распространение у коренных народов Сибири, ими пользовались и русские первопроходцы и переселенцы. Исследованию археологических источников начального этапа освоения русскими западносибирских земель посвящена обширная литература, при этом в поле зрения исследователей попали и топоры (Молодин, Соловьёв, 1977, с. 105–120; Молодин, 1979, с. 63–71; Соловьёв, 1987, с. 90–98; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с. 38–43; Семёнова, 1995, с. 78–79 и др.). Достаточно полное освещение эта категория предметов получила при анализе инвентаря со становища русской полярной экспедиции у острова Фаддея и в заливе Симса, где обнаружено 4 топора (Станкевич, 1951, с. 167, табл. VIII, 2–4, IX, 1), с Мангазейского городища – 9 целых предметов и около 10 фрагментированных (Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 81).

Публикации и классификации новой коллекции топоров, а также рассмотрению их применения в хозяйственной, военной, бытовой и сакральной сферах у дорусского населения Западной Сибири посвящён данный раздел. Коллекция (№ 7605) хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного универ-

ситета и была сформирована в результате раскопок В.А. Дрёмовым в 1984–1985 и 1987 гг. шести поздних некрополей восточных хантов на р. Большой Балык и р. Вандрас, протоке Горной и у оз. Соровское. По нумизматическим материалам памятники датируются XVIII – серединой XX в. Более точные даты имеют лишь Усть-Балыкское кладбище – XIX – первая половина XX в. (Дрёмов, 1985, с. 121, 157, 170, 174, 186, 187.) и Соровское – XVIII–XIX вв. (Дрёмов, 1987, с. 139).

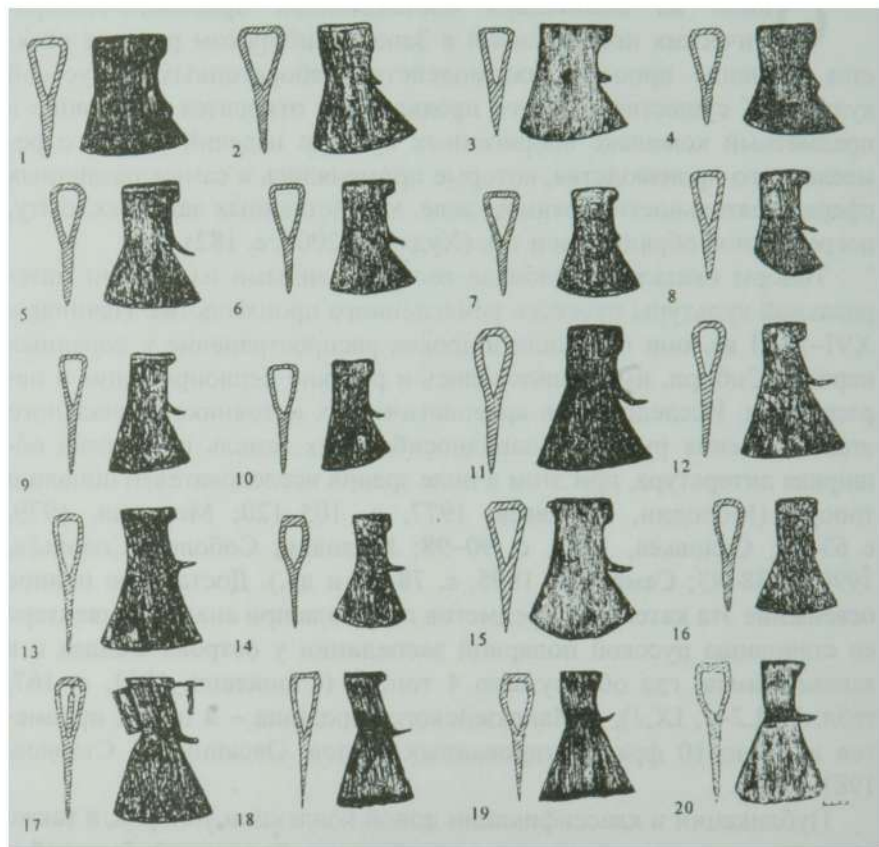

Рис. 23. Классификация топоров салымской серии

В результате проведённых работ было обнаружено 55 изделий; в фонды МАЭС поступило только 20 из них: 18 – из Усть-Балыкского и 2 из Соровского (рис. 23). Остальные были оставлены на месте раскопок. По этой причине при статистической обработке и выявлении места положения топоров в могилах, а также при половозрастной характеристике последних использованы полевые дневниковые записи В.А. Дрёмова.

Таблица 4

Соотношение раскопанных могил и топоров на некрополях восточных хантов XVIII – первой половины XX в.

№ п/п	Название Некрополя	Количество раскопанных могил	Количество топоров из раскопанных могил
1	Усть-Балыкское	29	19
2	Кинтусовское I	28	8
3	Кинтусовское II	6	1
4	Мамонтовское	1	1
5	Соровское	80	26
6	Каркатеевское	4	0
<i>Итого</i>		<i>148</i>	<i>55</i>

Соотношение вскрытых могил и топоров, обнаруженных на некрополях, иллюстрирует табл. 4, из анализа которой можно сделать некоторые статистические выкладки.

Во-первых, очевидна неравномерность распределения топоров в погребальном инвентаре: в Каркатеевском могильнике они не найдены совсем, в Соровском каждый третий умерший (33 %) сопровождается топором, а в Усть-Балыкском – уже двое из трёх (66 %). В целом топоры обнаружены примерно в трети раскопанных могил (37 %) и по частоте встречаемости вместе с монетами они занимают четвёртое место после фарфоровой посуды, берестяных коробок и ножей. Во-вторых, совершенно отчётливо проявляется закономерность класть в могилу только один топор. Единственным исключением является погребение Соровского некрополя, в котором этот предмет представлен в двух экземплярах.

Распределение топоров внутри погребений не обнаруживает абсолютной зависимости от какого-либо признака. В 25 могилах Соровского кладбища топоры были помещены рядом с погребёнными и в одном случае – ещё и в засыпи могильной ямы. На Усть-Балыкском кладбище это соотношение составило 12 : 7, на Кинтусовском I и Кинтусовском II – 5 : 4, на Мамонтовском – 0 : 1. Учитывая более ранний возраст Соровского могильника, можно ставить вопрос о сравнительно позднем появлении в погребальной практике салымских хантов традиции помещения топора в засыпь могилы, хотя делать такой вывод на основании только имеющихся данных преждевременно.

Относительно погребённого топор мог занимать самое разнообразное положение. Например, из 25 экземпляров Соровского кладбища 15 лежали около ног (11 – слева, 4 – не определено), 7 – в области тазобедренного отдела (4 – справа, 3 – слева) и 3 – у черепа (1 – справа, 1 – слева, 1 – не определено). Внутри могил 5 топоров из Кинтусовских некрополей были распределены следующим образом: 3 – в ногах, 2 – у тазобедренного отдела. Нетрудно заметить, что большинство изделий локализовано в «нижней» части захоронения, занимая пространство между стенкой гроба и погребённым, от уровня тазобедренного отдела до стоп ног. Топорище расположено по направлению к голове похороненного человека.

Не выявляется наличие корреляции между топором как компонентом погребального инвентаря и полом умершего. Так, если в Усть-Балыкском некрополе он тяготеет к женским погребениям (9 экз. – у женщин, 6 экз. – у мужчин, 4 экз. – у подростков и детей), то в Соровском – наоборот (15 – у мужчин, 7 – у женщин, 1 – у ребёнка, 3 – не определено). Зато совершенно отчётливая связь прослеживается в распределении топоров по возрастным категориям: во взрослых могилах он попадает чаще, чем в подростковых или детских.

Если же обратиться к качественным характеристикам топоров из хантыйских могильников на р. Большой Балык XVIII – первой половины XX в., то их можно представить в виде табл. 5.

Таблица 5

**Основные параметры топоров Соровского кладбища,
поступивших в музейное собрание**

Параметры топора	№ могилы	
	6	11
Общая длина, см	12,5	15,0
Ширина лезвия, см	12,0	11,8
Длина проуха, см	5,5	6,0
Ширина проуха, см	3,0	3,2
Длина обуха, см	8,0	6,0
Ширина обуха, см	4,0	4,6
Длина бородки, см	1,5	3,5
Вес, г	900	1000

Итоговая характеристика всего собрания выражается следующими параметрами:

Длина общая	12,5–18,5 см
Ширина лезвия	8,5–13,8 см
Длина проуха	4,5–7,5 см
Ширина проуха	2,0–3,9 см
Длина обуха	4,7–8,7 см
Ширина обуха	2,2–5,2 см
Длина бородки	0,5–4,0 см
Вес	440–600 г (8 экз.), 700–1000 г (7 экз.), 1001–1200 г (5 экз.)

Корреляция этих данных с полом и возрастом погребённых в Усть-Балыкском некрополе, единственном корректно представленном в музейной коллекции, отражена в табл. 6.

Хорошо видно, что небольшие по размерам и более лёгкие по весу экземпляры тяготеют к детским и подростковым погребениям, а крупные и тяжёлые – к взрослым. По распределению их в могилах взрослых видно, что наиболее лёгкие (до 600 г) и наиболее тяжёлые (свыше 1000 г) топоры были положены в могилы женщин. Вес инструментов в мужских захоронениях, за единственным исключением, колеблется в пределах 700–910 г, что соответствует среднему по всей коллекции.

Таблица 6

Корреляция половозрастной принадлежности погребённых и физических параметров сопровождавших их топоров в Усть-Балыкском могильнике

Параметры топора	Половозрастные признаки погребённых		
	Женщины	Мужчины	Подростки / дети
Общая длина, см	14,8–16,5	13,0–18,5	13,2–14,6
Ширина лезвия, см	8,5–13,0	10,5–13,8	8,5–10,5
Длина проуха, см	4,5–7,0	5,6–7,5	4,6–6,6
Ширина проуха, см	2,0–3,9	2,5–3,4	2,3–2,5
Длина обуха, см	4,8–8,7	6,2–7,4	4,7–5,7
Ширина обуха, см	2,2–5,2	4,0–4,6	3,3–3,9
Бородка, см	0,7–3,5	2,0–4,0	0–2,8
Вес, г	500–600 (4 экз.) 1050–1150 г. (4 экз.)	700–910 (5 экз.) 1200 г (1 экз.)	440–580 (4 экз.)

Проблемы классификации и типологии позднесредневековых топоров русского производства не раз освещались в научной литературе. Для одних исследователей источниковой базой служили коллекции, сформированные из находок на археологических памятниках Европейской России (Курганы... 1898, № 20; Гдовские курганы... 1903, № 29; Алешковский, 1960, с. 70–90; Кирличников, 1966, с. 26–46 и др.), для других – материалы Западной Сибири. Из последних публикаций особый интерес представляет разработка А.И. Соловьёва и его коллег, в основу которой положены морфологические и метрические признаки бойков. За критерий деления проушных топоров на группы взята конструкция обуха (шпеньковые и плоскообушные), а на типы – общие пропорции, форма щековиц и тыльной стороны полотна, наличие либо отсутствие бородки и конструктивные особенности последней (Молодин, Соловьёв, 1977, с. 107; Молодин, 1979, с. 64–65; Соловьёв, 1987, с. 92; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с. 38). В эту типологию укладываются и публикуемые материалы, которые можно представить следующим образом.

Отдел (по характеру соединения рукояти и рабочей части) – *проушные*.

Группа (по оформлению обуха) – *плоскообушные*.

Тип (по наличию или отсутствию бородки) – *топоры с бородкой*.

Коллекция обработана согласно схеме, в которой нашли отраженные такие признаки изделий, как общие параметры топоров, их длина, ширина лезвия, длина и ширина проуха и обуха; длина бородки, а также вес изделий.

По морфологическим и метрическим характеристикам анализируемые топоры близки современным. Они представляют собой железные клиновидные бойки с подтреугольным или каплевидным проухом и уплощенным обухом. Верхняя площадка обуха для лучшего крепления бойка с рукоятью имеет слабый или хорошо заметный выступ в сторону топорнища. В большинстве случаев лезвия топоров имеют приподнятый носок и оттянутую в сторону топорнища пятку. Лезвия обычно широкие, трапециевидной или сегментовидной формы, слабо закругленные. Найденные в проушной части нескольких топоров узкие железные пластины, а также раскованные четырёхгранные с широкой шляпкой или круглые фабричные гвозди использовали в качестве клиньев для придания большей прочности при насадке топора на топорнище.

Все инструменты несут на себе хорошо различимые следы обработки. Особенно бросаются в глаза два топора с сильно сточенными носками лезвия (рис. 23, 4, 8), что, по-видимому, можно объяснить их функциональным назначением.

Судя по смежным нумизматическим материалам, наиболее поздними изделиями серии являются некоторые топоры Усть-Балыкского некрополя: из могилы 2 (не ранее 1909 г. – рис. 23, 17), могилы 26 (не ранее 1911 г. – рис. 23, 13), могилы 29 (не ранее 1916 г. – рис. 23, 2), могилы 27 (не ранее 1940 г. – рис. 23, 20) и могилы 28 (не ранее 1952 г. – рис. 23, 19).

Более частные морфологические и метрические признаки – форма лезвия, изгиб передней и тыльной сторон полотна, длина выступа обуха в сторону топорнища, размеры бородки – позволяют выделить в типе топоров с бородкой несколько вариантов.

Вариант 1 (рис. 23, 1–3). Массивные топоры трапецевидной формы с асимметричным, слабо закруглённым широким лезвием и небольшим выступом верхней обушной площадки в сторону топорика. В сечении – клиновидные. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Носок приподнят, пятка оттянута назад. Бородка имеет длину от 0,7 до 2,0 см и утолщённость у основания. По критерию изгиба передней стенки полотна можно выделить 2 подварианта.

Подвариант А (рис. 23, 1, 2) – 2 экз. Топоры из могил 15 и 29 Усть-Балыкского кладбища. Выделяются чётко выраженным носком, выступающим от нижней части проуха.

Подвариант Б (рис. 23, 3) – 1 экз. Из могилы 6 Соровского кладбища. Имеет плавный дугообразный изгиб передней стенки.

Таблица 7

Основные параметры топоров Усть-Балыкского и Соровского кладбищ, поступивших в музейное собрание (вариант 1)

Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 1	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина, см	12,5–15,6	14,8–15,6	12,5
Ширина лезвия, см	12,0–13,0	12,8–13,0	12,0
Длина проуха, см	5,5–7,0	6,4–7,0	5,5
Ширина проуха, см	2,8–3,5	2,8–3,5	3,0
Длина обуха, см	6,7–8,7	6,7–8,7	8,0
Ширина обуха, см	4,0–5,2	4,6–5,2	4,0
Длина бородки, см	0,7–2,0	0,7–2,0	1,3
Вес, г	900–1150	1050–1150	900

Наиболее древним в публикуемой серии топоров является экземпляр из могилы 15 Усть-Балыкского кладбища – вариант 1, подвариант А (рис. 23, 1). Он имеет слабо выраженную бородку, расположенную почти параллельно тыльной стороне изделия и отделённую на конце небольшим пропилом. Аналоги этому экземпляру известны со становища русской полярной экспедиции у острова Фаддея и в заливе Симса (Станкевич, 1951, табл. VIII, 2–4, IX, 1). Хронологический рубеж появления таких топоров в конце XVI – начале XVII в. определён А.В. Арциховским [см. (Белов, Овсянников,

Старков, 1981)]. В XVII в. топоры с бородкой на обухе становятся господствующим типом бойков как на Руси, так и в Сибири (Там же, с. 82).

Вариант 2 (рис. 23, 4) – 1 экз. Обнаружен в могиле 14 Усть-Балыкского кладбища. Топор с широким асимметричным лезвием. В сечении – клиновидный. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Верхняя часть обуха незначительно выступает в сторону топорща. Носок приподнят и выдаётся вперёд, сточен. Место бородки срезано и при переходе к тыльной стенке полотна образует ступеньку. Пятка сильно оттянута назад.

Параметры изделия:

Длина общая	13,5 см
Ширина лезвия	12,6 см
Длина проуха	5,7 см
Ширина проуха	2,8 см
Длина обуха	7,4 см
Ширина обуха	4,6 см
Длина бородки	0,5 см
Вес	910 г

Аналогичный топор найден в межмогильном пространстве Окуневского могильника VII в Прииртышье (Матюшенко, 2003, рис. 10, 1).

Вариант 3 – 6 экз. Широколезвийные, с асимметричным лезвием. Тыльная сторона полотна сильно оттянута назад. Верхняя грань обуха уплощена, имеет хорошо заметный выступ в сторону топорща. В сечении – клиновидный. Проух обладает подтреугольной формой и толстыми стенками. В пяти случаях бородка чётко профилирована, в одном (могила 21) – сломана или намеренно спилена почти до основания. По морфологии передней стенки полотна и оформлению носка различаются 3 подварианта.

Подвариант А (рис. 23, 5–7) – 3 экз. Материалы происходят из могил 10, 19, 21 Усть-Балыкского кладбища. Носок чуть приподнят или равен по высоте пятке. Близкое по форме и пропорциям изделие происходит из сборов с местонахождения Тат-ягун XXXI в верховьях р. Тляттыягун (Труфанов, Поплевин, 2003, с. 80, ил. 2, 6).

Подвариант Б (рис. 23, 9, 10) – 2 экз. Найдены в могилах 16 и 20 Усть-Балыкского кладбища. Носок опущен вниз. Аналог одному из топоров известен из сборов Я.А. Яковлева на р. Тым с Неготского грунтового могильника (кол. 7420-10).

Подвариант В (рис. 23, 8) – 1 экз. Обнаружен в могиле 17 того же Усть-Балыкского кладбища. Носок сточен и закруглён.

Таблица 8

Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища, поступивших в музейное собрание (вариант 3)

Параметры топора	Суммированные показатели			
	Вариант 3	Подвариант А	Подвариант Б	Подвариант В
Общая длина, см	13,0–15,5	13,0–15,5	13,2–14,6	13,0
Ширина лезвия, см	8,5–11,6	10,5–11,6	8,5–10,0	8,5
Длина проуха, см	5,3–7,0	5,6–7,0	5,3–5,4	6,3
Ширина проуха, см	2,3–3,9	3,0–3,4	2,3–2,5	3,9
Длина обуха, см	5,1–6,8	5,5–6,8	5,1–5,7	5,6
Ширина обуха, см	2,2–4,6	4,4–4,6	3,3–3,4	2,2
Длина бородки, см	1,8–3,5	2,0–3,5	1,8–2,8	3,3
Вес, г	440–1060	700–1060	440–550	550

Вариант 4 – 4 экз. Широколезвийные, с асимметричным лезвием. Верхняя грань обуха имеет выступ в сторону топорича. В сечении – клиновидные. Проух – подтреугольный, иногда в верхней части имеет грани, с толстыми стенками. Бородка чётко профилирована. У 3 топоров сохранились остатки деревянных рукоятей с железными гвоздями, использованными в качестве клиньев. По изгибу передней стенки полотна различаются 2 подварианта.

Подвариант А (рис. 23, 11, 12) – 2 экз. Происходят из могил 3 и 9 Усть-Балыкского кладбища. С тупоугольной передней стенкой.

Подвариант Б (рис. 23, 13, 14) – 2 экз. Были положены в могилы 5 и 26 Усть-Балыкского кладбища. Передняя стенка имеет дугообразную форму.

Широкий диапазон показателей, имеющийся в некоторых случаях, объясняется принадлежностью топоров к разновозрастным группам погребённых.

Таблица 9

Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища, поступивших в музейное собрание (вариант 4)

Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 4	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина, см	13,5–18,5	16,5–18,5	13,5–17,5
Ширина лезвия, см	8,5–13,8	12,8–13,8	8,5–12,5
Длина проуха, см	4,5–7,5	5,9–7,5	4,5–6,8
Ширина проуха, см	2,0–2,8	2,2–2,8	2,0–2,5
Длина обуха, см	4,9–7,0	5,7–7,0	4,9–7,0
Ширина обуха, см	3,7–4,4	4,2–4,4	3,7–4,0
Длина бородки, см	2,0–4,0	3,5–4,0	2,0–2,5
Вес, г	580–1200	1100–1200	580–800

Вариант 5 (рис. 23, 15, 16) – 2 экз. Найдены в могиле 11 Соровского кладбища и в могиле 22 Усть-Балыкского. С симметричным округлым лезвием: носок и пятка приподняты в равной степени. Верхняя грань обуха уплощена, имеет хорошо различимый выступ в сторону топорика. В сечении – клиновидные. Проух имеет подтреугольную форму и толстые стенки. Бородка хорошо выражена, приподнята в сторону топорика. В одном случае она намеренно обрублена или спилена (рис. 23, 16).

Суммированные параметры топоров варианта 5:

Длина общая	13,5–15,0 см
Ширина лезвия	10,0–11,8 см
Длина проуха	6,0–6,6 см
Ширина проуха	2,5–3,2 см
Длина обуха	5,7–6,0 см
Ширина обуха	3,8–4,6 см
Длина бородки	3,0 см
Вес	580 и 1000 г

Вариант 6. Топоры с симметричным лезвием и подчеркнуто выступающим носком, начинающимся от нижней оконечности проушного отверстия. В сечении – клиновидные. Проух – подтреугольной формы. Бородка чётко выраженная. Верхняя часть обуха уплощена и имеет выступ в сторону топорища. В одном из наиболее поздних топоров, обнаруженном в могиле 2 Усть-Балыкского кладбища, обух искусственно удлинён за счёт железной пластины, крепившейся к топорищу (рис. 23, 17). В ней сохранилась железная пластина-клин. В варианте 6 различаются 2 подварианта.

Подвариант А (рис. 23, 17, 20) – 2 экз. Найдены в могилах 2 и 27 Усть-Балыкского кладбища. Со слабо закруглённым лезвием. Аналог известен из сборов на могильнике «Тунгусское кладбище» с р. Кенга (Кирюшин, 1973, с. 33).

Подвариант Б (рис. 23, 18, 19) – 2 экз. Из могил 25 и 28 Усть-Балыкского кладбища. С прямым лезвием.

Таблица 10

Основные параметры топоров Усть-Балыкского кладбища, поступивших в музейное собрание (вариант 6)

Параметры топора	Суммированные показатели		
	Вариант 6	Подвариант А	Подвариант Б
Общая длина, см	13,7–17,8	15,0–17,8	13,7–15,5
Ширина лезвия, см	8,5–12,0	8,5–12,0	10,0–10,5
Длина проуха, см	4,6–6,0	5,5–6,0	4,6–5,0
Ширина проуха, см	2,4–3,0	2,4–3,0	2,5
Длина обуха, см	4,7–6,2	4,9–6,2	4,7–4,8
Ширина обуха, см	3,5–4,5	3,5–4,5	3,9–4,0
Длина бородки, см	2,0–3,0	2,0–3,0	2,0–2,1
Вес, г	500–880	500–880	500–600

В трёх могилах (женских – 25, 27 и подростковой – 28) топоры сохранились вместе с топорищами, длина которых колеблется в пределах 35–50 см.

3.1.2. Исторические параллели

Ближайшие по месту и времени аналоги основной массе салымской серии топоров происходят из Юганского Приобья: из погребений (2 экз.) и межмогильного пространства (4 экз.) грунтового мо-

гильника Усть-Балык. В.И. Семёновой они объединены в тип 3 (подтип 1) и датируются XIX–XX вв. (Семёнова, 1995, с. 78–79; 2001, с. 44–45). Топоры с бородкой фабричного производства, датируемые второй половиной XX в., были обнаружены В.А. Дрёмовым при раскопках хантыйских кладбищ: Лемпиных у пос. Лянторск и на р. Лямин около д. Дарко-Горшково. Топор, найденный на р. Лямин, имел рукоять длиной 70 см (Дрёмов, 1989, с. 72, 210).

По раскопкам С.И. Руденко (Руденко, 1914а, с. 37) и Д.Т. Яновича [см. (Могильников, 1964, с. 266)] в литературе давно известны топоры, подобные салымским, из ненецких и хантыйских погребений в районе Нижнего Приобья, возле Салехарда. В некрополе, исследованном С.И. Руденко, они являлись обязательным элементом погребального инвентаря: «Топоры – необходимая принадлежность каждого погребения; в некоторых могилах их встречается по два...» (Руденко, 1914а, с. 37). На других кладбищах они сопровождали каждого третьего покойника (Мурашко, Кренке, 2001, с. 42).

«Исправные топоры» оставались после погребения в надмогильных домиках на старинных остяцких кладбищах XX в. на р. Кеть (Дульзон, 1956, с. 189, 195). Топоры с бородкой несколько иных форм и пропорций уже в XVII в. получили распространение у нарымских селькупов и чулымских тюрков. Обнаружены они также в погребальных комплексах, хотя и не в таком большом количестве, как у восточных хантов Сургутского Приобья или у хантов и ненцев Нижней Оби. Топоры с бородкой зафиксированы в курганных могильниках: Остячком – на р. Обь (Дульзон, 1955, с. 109, 119–120; табл. VI), Лукьяновском I и Карбинском II на р. Кеть (Гребнева, 1977, рис. 5, с. 11, 13, 17; 1980, с. 12, 25; Боброва, 1991, с. 11, 14, 17), Чердатском, Улукольском, Тургайском I, Балагачевском, Тигалдатском на р. Чулым (Кренке, 1984, с. 138–140; Дульзон, 1952, с. 100–102; 1953, с. 208, 212, 222, 234, 245, 252, 265, 267–269, 272; Беликова, 2000, рис. 8, 4; Кренке, 1984, с. 138–140).

На позднесредневековых могильниках Нижнего Притомья топоры не обнаружены, зато далее на юг, в Барабинской степи, типологически идентичные салымским русские топоры стали популярной категорией погребального инвентаря аборигенного населения XVII–XVIII вв.

По классификациям, разработанным В.И. Молодиным для топоров из Кыштовского могильника II и им же вместе с В.И. Соболевым и А.И. Соловьёвым для всех позднесредневековых топоров из Барабы, публикуемая серия материалов соответствует типу IV, характеризующемуся широким выпуклым лезвием, уплощённой и вытянутой верхней гранью обуха, чётко профилированной бородкой (Молодин, 1979, с. 66; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с. 40). Если рассматривать всю западносибирскую совокупность этой категории материальной культуры, то, согласно классификации А.И. Соловьёва, топоры салымской серии соответствуют группе II, типу 5 (Соловьёв, 1987, с. 94).

Аналогичные топоры русского производства в XVII–XIX вв. получили широкое распространение не только в аборигенной среде Западной Сибири, но и в Южной Сибири (группа I, тип 1, по Ю.С. Худякову) (Худяков, 2002, с. 185–186), в Поволжье (марийцы, мордва, южные и особенно северные удмурты) (Шутова, 1992, с. 45–47) и в других «инородческих» регионах восточной части Российской империи.

Прежде чем обратиться к семиотическому статусу топора в культуре дорусского населения Приобья эпохи позднего Средневековья и Нового времени, необходимо охарактеризовать физические свойства изделия.

В культуре топор бифункционален и обычно выполняет производственные и/или военные задачи. При этом единых критериев для деления бойков на рабочие и боевые до сих пор не выработано. Дискуссия по поводу аргументации в пользу той или иной его функции насчитывает не один десяток лет. Одни исследователи предлагают за основу этого деления взять морфологические признаки. Например, считается, что клиновидное сечение свойственно производственным топорам или что обушковые и вислобушные топоры могут быть только боевыми. Важнейшим признаком для деления изделий на боевые и рабочие А.Н. Кирпичников считал размер и вес (1966, с. 281). Однако часто производственные и боевые топоры типологически не расчленимы. На это качество русских образцов указывали А.А. Спицын (Гдовские курганы... 1903, с. 37), М.Г. Рабинович (1947, с. 88), А.Н. Кирпичников (1966, с. 29) и др. При определении их функций для конкретного времени необходимо подходить с определённой долей осторожности.

Это относится и к серии топоров из Приобья, для территории которого вопрос о наличии специализированных военных топоров и широком их применении в бою в эпоху позднего Средневековья пока остаётся открытым. Зато бытование топоров в качестве орудий труда, предназначенных для использования в хозяйственных целях, не вызывает никаких сомнений.

Среди производственных топоров различают два вида. Одни предназначались для рубки леса и деревообработки. Они были достаточно крупными по размерам и более тяжелыми по весу. Их использовали обычно при заготовке дров. Устное творчество обских угров называет эти инструменты «плотничными». Поскольку у сибирских аборигенов заготовка дров считалась традиционно женским занятием, они и принадлежали преимущественно женщинам. Сам факт разделения топоров на мужские и женские у хантов общеизвестен (Материалы по фольклору хантов... 1978, с. 187). В связи с этим обстоятельством становится понятным отмеченное в Усть-Балык-ском некрополе тяготение крупно-размерных топоров к женским погребениям.

Другой вид традиционных топоров был ориентирован на промышленные цели, на работу в лесу и на водоёме. Они нашли широкое применение при установке ловушек и устройстве запоров. Для расчистки охотничьего путика и лесных переходов были нужны небольшие и более лёгкие топоры, чем те, которыми заготавливали и кололи дрова. Поэтому мужские инструменты отвечали именно этим требованиям. Обские угры называли их «охотничьими». У других западносибирских народов подобные специальные определения не зафиксированы, но функциональное различие подчёркнуто неоднократно. Так, в одном из текстов мифологической героини энцев Солда основными орудиями охоты называет лук и топор (Мифологические сказки... 1961, с. 44).

Следует отметить, что на производстве и широком применении собственных боевых топоров у приобского лесного населения эпохи железа вроде бы никто не настаивает, так как в археологических материалах не встречено специализированных форм такого оружия. Несколько обнаруженных образцов являются привозными. Более того, за редким исключением (Троицкая, 1979, с. 11–12, 23) исследователи не включают топор в основной оружейный комплекс жителей лесной зоны Западной Сибири ни в раннем железном веке, ни

в Средневековье (Чиндина, 1984, с. 36; 1991, с. 111). Только в период Средневековья, особенно с появлением на исторической арене во второй половине I тыс. кочевнических цивилизаций в Южной Сибири, в степном и лесостепном Приобье появляются небольшие боевые топоры проушного типа (Худяков, 1980, с. 68; Гемуев, Сагалаев, Соловьёв, 1989, с. 50). Проникли они и в Приуралье (Иванов В.А., 1987, с. 178–179), но в лесной зоне Западной Сибири эти изделия по-прежнему не имели боевой специализации и не получили широкого применения в военном деле, хотя и стали со второй половины I тыс. одной из распространённых категорий инвентаря и даже, вероятно, продуктом собственного производства (Молодин, Соловьёв, 1977, с. 112–114; Молодин, 1979, с. 68–69; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, с. 42).

Незначительное число импортных боевых топоров в средневековых археологических памятниках региона и отсутствие достоверных данных о применении их в качестве боевого оружия не мешает наделять этими функциями топоры обычных форм. Это относится прежде всего к изделиям, обнаруженным в погребениях. Однако аргументация при этом либо отсутствует вовсе (Соловьёв, Мыльникова, 1979, с. 121; Ожередов, 1992, с. 110–112; Конигов, 1993, с. 182, 184; и др.), либо строится на двух основных положениях.

Во-первых, военные формирования лесной полосы Западной Сибири эпохи Средневековья имели милиционный, а не профессиональный характер, что приводило к всеобщему вооружению мужской части населения. Последнее обстоятельство, с учётом охотничьей специализации местного хозяйства, обусловило появление универсальных типов оружия, годных и для производственных, и для боевых целей, – топора, ножа, пальмы. С этим трудно не согласиться, но сказанное лишь обосновывает возможность, а не служит доказательством применения топоров в военных целях.

Вторым положением в аргументации существования боевых топоров является обращение к фольклорным текстам, особенно к героическому эпосу, где эта категория оружия действительно фигурирует. В этнографических работах устное народное творчество стало единственным источником и единственным доказательством нали-

чия оружия такого типа у селькупов (Пелих, 1981, с. 146), эвенков (Максимова, 1992, с. 100), хакасов (Бутанаев, 1981, с. 190) и др.

Однако фольклор слишком специфический вид источника для таких прямолинейных выводов, а топор слишком сакральный предмет для однозначного прочтения его образа в тексте. Не случайно знаток обско-угорского фольклора С.К. Патканов написал: «Топоры редко употреблялись в битвах. Они были скорее орудием для домашнего употребления... но также применялись для разрушения вражеских палисадов и во время охоты на зверя» (Патканов, 1891, с. 114). Отмеченное исследователем разрушение осаждавшими деревянных заграждений и прикрывание защитниками бойниц – вот и вся сфера употребления топора в фортификационных сражениях. При этом «кажется, не все простые люди имели топоры, и большая часть из них была обречена на бездействие» (Патканов, 1891, с. 103). В боевых действиях топор в качестве оружия обычно использовался для поединка главного героя с разного рода нечистью, и в этом находит своё выражение сакральная, а не физическая прагматика данного оружия. Топор для боя между людьми упоминается в фольклорных текстах крайне редко (Там же, 1981, с. 53).

Следует обратиться к одному из наиболее распространённых сюжетов обско-угорского фольклора (Материалы по фольклору хантов... 1978, с. 42), используемому археологами, этнографами и исследователями военной истории дорусской Сибири в качестве источника информации. Речь идёт об известном способе оборонительных военных действий: защитники крепости закрывают бойницы в стенах своими топорами, и вражеские «стрелы обратно улетают». Трудно себе представить более неэффективное поведение бойцов во время штурма, и совершенно невозможно объяснить подобную баллистику стрел. В данном сюжете скорее нашла выражение не реалья военной тактики, а вера в магически-охранительную силу топора, которая превратила его из категории материальной культуры в благоденствующий символ.

Эта же вера, скорее всего, обусловила и то обстоятельство, что положительные фольклорные герои, небожители или люди, в схватках с силами зла предпочитают биться топором. Таким образом был убит великан-людоед в ненецком эпосе (Эпические песни ненцев, 1965, с. 691–692) и медведь из чёрного камня, спущенный с небес в

наказание людям, в хантыйской сказке (Зенько, Шарапов, Криницкий, 1995, с. 106). С одним топором выехал на встречу с вражеским войском селькупский мифологический герой Тыссия (Сказки народов Севера, 1959, с. 153). В энецких текстах топоры часто упоминаются среди воинского снаряжения, причём не только у них самих, но и у их соседей – ненцев, зырян и т.д. (Мифологические сказки... 1961, с. 130, 131, 139, 204). Иногда и сверхъестественные зловредные существа (например, энецкие Сихю и Амуки) тоже были вооружены исключительно топорами (Там же, с. 74, 146), что свидетельствует об амбивалентности и древности этого сакрального образа.

Исходя из сказанного, вряд ли правомерно включать топор в основной оружейный комплекс средневекового населения Приобья и приписывать ему ту активную роль в боевых действиях, которая бесспорно существовала у южносибирских кочевников, в Европе или на Руси. Можно лишь предполагать, что топор, специализированный на выполнении охотничьих задач, входил в разряд вспомогательного оружия и эпизодически мог использоваться в боевых действиях.

Как было указано выше, топоры обычно находят при раскопках погребений, а не жилищ. Помимо археологических свидетельств, о сопровождении умершего топором повествуют этнографические и фольклорные источники по традиционной культуре коренного населения Приобья (Бытовые рассказы... 1962, с. 213; Кулемзин, 1994, с. 356, 368), а также описания исследователей и путешественников по Сибири (Шухов, 1915, с. 36).

Топор для коренного сибиряка еще и в XIX в. представлял огромную ценность. Во-первых, их было мало и они были дороги. Тот факт, что для многотысячной Сибири через Мангазею – главные ворота русского импорта в XVII в. – в год «проходило» всего 600–700 штук, достаточно красноречив (Белов и др., 1981, с. 91). Во-вторых, большая часть этой привозной продукции оседала в хозяйствах российских переселенцев, а не аборигенов. Если к этому добавить непостоянство импорта и периоды полного запрета на ввоз в Сибирь железных изделий, в том числе и топоров (Там же, с. 82; Демин, 1995, с. 98), то дефицит последних станет ещё более очевидным. Поэтому не удивительно, что даже в XIX в. они оставались для аборигенов большой редкостью. В этом отношении показательно свидетельство М. Кастрена, относящееся к 1846 г.: «На днях я пода-

рил пострадавшему от меня самоеду топор. Это был такой редкий и драгоценный подарок, что, принимая его, бедняга растерялся совершенно и не знал, как выразить свою благодарность. Он хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова; пытался упасть мне в ноги, но узкие штаны помешали. В отчаянии он напал, наконец, на странную мысль – креститься на меня, и принялся креститься... Крещенью его не было конца» (Жастрен, 1886, с. 345).

Топоры берегли, для их переноски шили специальные берестяные или кожаные чехлы (Скобелев, 1994, с. 39). В ответ на запрет приобретения железных изделий русского производства манси и татары писали царю Федору Ивановичу в конце XVI в.: «А нам, государь, без топоров и без ножей и без пшен прожить невозможно» (Белов и др., 1981, с. 82).

Тем не менее эти ценные и необходимые вещи изымали из реального мира и отправляли вместе с умершим. Не отрицая назначения топора в качестве орудия производства в «жизни после смерти», хотелось бы взглянуть на функции этой обыденной вещи шире, выходя за круг погребальных комплексов и идей.

3.1.3. Знаковость*

Начнём с того, что топор – атрибут не только мира людей, но и мира богов и героев. Топор имеют Тонья (Мифы... 1990, с. 178) – мифический «царь» хантов р. Юган и два главных мужских божества обско-угорского пантеона – Эква-Пыриш (Чернецов, 1935, с. 50) и его отец – Торум (Мифы... 1990, с. 41). Самым распространённым сюжетом сибирского фольклора является сюжет о перебрасывании богатырями топора через реку. Он зафиксирован у ненцев (Сибирские сказки, 1964, с. 164), васюганско-ваховских (Материалы по фольклору хантов... 1978, с. 34) и нижнеиртышских (Патканов, 1891, с. 75) хантов, кетских (Пелих, 1972, с. 319, 346) и тымских (Осокин, 1965, с. 9–10; Северная книга, 1993, с. 272–273) селькупов, карагасов с р. Шегарки (Лукина, Пелих, 1963, с. 172), русских старожилов Нарымского края (Парилов, 1948, с. 111) и т.д. В этом рас-

* Данный подраздел написан на основе статьи Я.А. Яковлева и А.И. Бобровой «К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор» (Яковлев, Боброва, 2004).

сказе нашла своё выражение всё та же вера в особые метафизические возможности топора, который на сей раз стал показателем сакральной силы фольклорных героев. Символика топора как атрибута богов, а также вера энцев в наличие топора у грома (Бытовые рассказы энцев... 1962, с. 110) позволяют вспомнить аналогичные представления у индоевропейских народов (Ш[тернбе]рг, 1901, с. 534). Именно топор был знаком-символом известных громовержцев: славянского Перуна, балтийского Перкунаса, германо-скандинавского Тора, древнегреческого Зевса, древнеиндийского Парджаньи, хеттского Пирвы... (Голан, 1994, с. 151). Истоки идейного параллелизма исследователи усматривают в общем для индоевропейских народов мифологическом пласте (Иванов В.В., Топоров, 1988, с. 306; 1987, с. 529–530). Этот вывод можно распространить и на причины сакральности топора в сибирских культурах. Подтверждением сказанному может служить, например, сибирская аналогия сюжету о даровании скифам небесным божеством некоторых предметов, среди которых Геродот называет плуг, ярмо, топор и чашу. В трудную минуту Торум дал земному богатырю хантов три вещи: кнут, топор и мешок живой воды (Мифы... 1990, с. 409).

Поскольку топор мог бытовать среди богов на небесах и среди людей на земле, ему и приписывали сверхъестественные способности свободного пересечения границ мифологического Космоса. Это его качество обусловило множество самых разных идей, например о локализации топора на рубеже между реальным и ирреальным мирами, особенно отчётливо проявляющуюся в ситуациях ухода души от человека или же её прихода. Так, согласно представлениям салымских хантов, душа умершего при перемещении из Среднего в Нижний мир преодолевает несколько препятствий, среди которых названы и два топора (Фёдорова, 2000, с. 230). В энецком мифе обречение души новорождёнными девочками происходит в результате прорубания топором половых органов жизнедательницей – старухой Дя-сой (Мифологические сказки... 1961, с. 110). Последний пример наиболее ярко выражает сакральную самодостаточность этого предмета, поскольку женское лоно – мифологема космической «дыры», а все обитатели последней в мифологическом сознании наделены особенно высоким священным статусом (Балакин, 1998, с. 216–217).

Живительная сила топора, способность его быть проводником из мира духов в мир людей распространяется не только на новорож-

дённому человеку, но и на новый социум. Вероятно, подобными соображениями руководствовались ханты после изгнания с р. Вахненцев. Вырубив на земле топором огромный крест и вдохнув с помощью топора в приобретённую территорию «свою душу», оживив её для себя, они слились с ней в единой сакральной сфере. Только с этого момента дотопе чужая земля стала считаться хантыйской (Материалы по фольклору хантов, 1978, с. 31).

Одной из причин сакрализации топора в мировоззрении сибирских аборигенов стала его способность к преодолению мифологического космоса. Топор наделён жизненной силой, имеет душу и способен к осмысленному действию, поэтому в мифологическом пространстве он служит не только орудием в руках богов или людей. В ненецкой сказке дух, превратившись в топор, покровительствует добру и наказывает зло (Терещенко, 1955, с. 68–78), выступая в виде ипостаси живого бога. Подобная мифологема универсальна. На гравированном рисунке месопотамских халдеев I тыс. до н.э. изображён установленный на троне топор, принимающий жертву от жреца, на древнеегипетском иероглифе – «бог» в виде топора (Ш[тернбе]рг, 1901, с. 534).

Живая сущность этого предмета не всегда осмысливалась настолько прямолинейно. В обыденной жизни она принималась как данность, не требующая объяснений. Вероятно в таком контексте и следует понимать замечание К.Ф. Карьялайнена о том, что «хант может разговаривать с купленным им топором как с разумным существом, желая ему долгой жизни...» [Цит. по: (Косарев, 1991, с. 158)].

Одним из проявлений и подтверждением анимистической сущности топора является изобразительное творчество жителей Приобья. Известно, что традиционные орнаменты обских угров часто имеют названия, многие из которых взяты из окружающего мира. Наряду с объектами фауны и флоры («оленьи рога», «заячьи уши», «ветка берёзы») в них вошёл и топор – «лезвие топора» (Фёдорова, 1992, с. 110–113), «с топором соболь» (Сязи, 1995, с. 102). Нанесение орнамента – процесс анимационный, отсюда следует не только одушевлённый, но и животворящий статус сакрализованного образа топора.

Наличие у топоров собственного имени тоже свидетельствует о включении их в сферу живого, причём это имя иногда оказывается

даже важнее антропонима, несмотря на высочайшую сакральность последнего. Так, божество высокого ранга в мансийской сказке поначалу именуется своим собственным именем Эква-Пыриш. По ходу сюжета оно обзаводится топором с личным именем Унтвос-Лайи-Мими-Хыли, которым заменяет свой собственный антропоним и под которым фигурирует во второй части текста (Чернецов, 1935, с. 50).

Исходя из вышеназванных ирреальных качеств этого предмета, в бытовой и ритуальной практике сибирских аборигенов за ним закрепились несколько функций.

Топор – оберег. В культуре разных народов миниатюрные подобию топоров призваны были охранять своих владельцев от потусторонних сил. Мини-копии привязывали на шею, подвешивали над колыбелью младенцев (Ш[тернбе]рг, 1901, с. 533), дарили на свадьбу (Рыбаков, 1987, с. 545–547). Ханты применяли топор для защиты жилища. Зафиксировано три способа обращения с топором-оберегом.

При первом способе местом его локализации был порог жилища. У хантов, манси, ненцев и нарымских селькупов топор должен был лежать у порога в особо важных случаях: при выносе из жилища шаманского бубна (Kannisto, 1988, S. 285) или покойника (Там же, С. 42; Соколова, 1978, с. 175; Головнёв, 1995, с. 205), при выводе просватанной невесты (Источники... 1987, с. 203), при внесении туши убитого медведя для празднества (Там же, с. 224), при отлучке хозяев из дома (Головнёв, 1995, с. 274), при оставлении ребёнка в одиночестве (Там же, с. 252). Положение топора при этом отличалось большим разнообразием. Так, манси на Верхней Конде клали топор снаружи у порога (остриём вверх) (Kannisto, 1988, S. 42), на Сосье – внутри жилища у порога (Там же, с. 43), в других местах – под порог (Там же, с. 285) и на порог (Соколова, 1978, с. 175). Последнее положение было обычным в практике северных хантов и ненцев (Головнёв, 1995, с. 205). У манси при сватовстве с топором в руках на пороге стоял человек из рода невесты, он выпускал просватанную только после выкупа (Источники... 1987, с. 203). Во всех этих вариантах ритуал наглядно маркировал совпадение границ между обжитым и необжитым пространством, мирами реальным и ирреальным. Вход в дом представлялся космической «дырой», и поэтому требовал особой магической защиты от проникновения злых сил. Топор выполнял эту функцию после каждого открывания «ды-

ры»: при погребении, сватовстве, манипуляциях с шаманским бубном, на медвежьем празднике и т.д.

Второй способ предполагает совершение с топором неких действий. Так, нижнекондинские манси ударяли одним топором о другой, изгоняли из жилища душу покойного после выноса тела умершего (Kannisto, 1988, S. 42).

Третий способ использования топора в качестве оберега жилища зафиксирован также у обских угров. В котёл с водой опускали раскалённый топор (или плескали на него), и через образовавшийся пар должна была переступить «нечистая» женщина при возвращении в общий дом из отдельной постройки, куда она отселялась на время родов или «критических дней» (Гемуев, 1990, с. 22; Перевалова, 1992, с. 94). Связь её в этот период с тёмными силами считалась безусловной и активной.

Топор защищал не только жильё, но и человека. На медвежьих праздниках манси он лежал позади исполнителей ритуальных песен уй эрыги (Источники... 1987, с. 244).

В погребально-поминальном обряде топору отводилась особая роль. Перед самой кончиной человека манси с р. Сосьва клали его около входа в жилище (Kannisto, 1988, S. 43), их сородичи с р. Верхняя Конда держали топор на пороге от момента смерти до погребения (Там же, с. 42). Многие группы обских угров совершали этот ритуал сразу после остановки дыхания у умирающего. Северные ханты после опускания крышки клали топор под гроб, в изголовье, а юганские ханты ставили на него гроб, когда останавливались отдохнуть во время траурной процессии (Фёдорова, 2000, с. 228). Манси Верхней Лозьвы один из топоров, используемых при погребении, бросали в могильную яму рядом с гробом (Kannisto, 1988, S. 34). Восточные ханты, возвращаясь с кладбища после погребения, клали на дороге топор остриём назад или же поперёк тропы, втыкали в снег или в землю, тем самым предохраняя себя от нежеланного попутчика – души покойника (Сирелиус, 2001, с. 229; Косарев, 1991, с. 158). На р. Юган во время траура топором нельзя было работать, а в случае необходимости его следовало поточить (Фёдорова, 2000, с. 236). Постукиванием топора по левому переднему углу надмогильного сооружения «будили» покойного в дни поминовения (Там же, с. 233).

Чулымские тюрки клали топор под ступни покойного (Дульзон, 1953, с. 208–209, 212; Пелих, 1972, с. 120). На юге Западной Сибири, у челканцев, топор как преграда между живым и мёртвым мирами фигурировал в шаманском ритуале: им шаман отгонял души живых сородичей, когда провожал в землю предков душу покойника (Кулемзин, 1994, с. 341).

Не только сам топор, но и его знак становился оберегом для всего, на что он наносился. В связи с этим можно вспомнить о тамгах – личных знаках сибирских инородцев, которые, по мнению специалистов, изначально «играли роль оберегов, имели сакральное значение» (Гемуев, Люцидарская, 1990, с. 168). Наличие в XVII в. среди них изображения топора у манси р. Пелым и татар на р. Тура (Оглоблин, 1889, с. 135–149; Симченко, 1965, с. 49; Гемуев, Люцидарская, 1990, с. 168, табл. 1–38) убеждает в магической силе этого предмета.

Особой заботой о сакральной чистоте оберега был вызван к жизни хантыйский запрет женщине переступить через топор мужчины (Материалы по фольклору хантов, 1978, с. 187).

Во всех указанных случаях охранительная роль топора обнаруживает самую тесную связь с его положением на границе реального и ирреального миров мифологического космоса.

Топор – посредник. Особенно ярко и многообразно эта функция топора проявилась в ритуалах жертвоприношения, клятвы, покаяния и гадания, призванных наладить коммуникацию между людьми и духами.

Вопрос о том, мог ли сам топор выступать в роли жертвы, пока остаётся открытым, хотя в записках Ф.И. Страленберга содержится интересная информация о сургутских хантах. В 1714 г. они «выставили около своих избушек длинные шесты, а на них в качестве жертвы вывесили топор, нож, стрелу, а на других – голову лошади, а также гриву с четырьмя ногами» (цит. по: Карьялайнен, 1995, с. 39). Как видим, среди перечисленных жертв назван и топор. С другой стороны, ни К.Ф. Карьялайнен, ни А. Каннисто в перечнях жертвенных предметов топоры не указали. Нет их и в описаниях более поздних жертвенных комплексов.

Зато топор использовался и используется обскими уграми при принесении в жертву оленей и лошадей. Животное умерщвляют ударом обуха по лбу, а на заключительном этапе применяются и

другие предметы (Kannisto, 1988, S. 227). Не случайно первый шаг в обитель духов посланник людей делает через топор. Здесь сакральная функция чистого, благонесущего, приближенного к миру духов топора проявляется со всей определённой.

Не исключено, что топор в роли инструмента жертвоприношения мог стать и источником образования топонима. Примеры названия географических объектов по священным местам известны в Приобье: в топонимике хантов р. Васюган есть гидроним Эймынгигай – Топориная речка (Калинина, 1962, с. 141).

Помимо жертвоприношения, связь с миром духов устанавливалась в ритуале клятвы. Боги и духи, как сильнейший языческий императив, тоже должны были участвовать в этих событиях, освящая их своим авторитетом и служа гарантом исполнения договорённостей. Вероятно поэтому топор стал одним из главных участников ритуала клятвы. В практике сибирских аборигенов только медвежья лапа могла сравниться с ним по уровню авторитетности и степени популярности. Судя по материалам, единого механизма принесения клятвы не существовало, следовательно, и роли топора были различны. Так, у обских угров в процедуре клятвы вместе с топором обязательно были задействованы отдельные части тела медведя. Л.Н. Гондатти писал, что приведённый к клятве должен был три раза замахнуться топором на висящий на дереве медвежий череп (Гондатти, 1888, с. 78). Бессловесная форма «медвежьей присяги» позднее была дополнена словесной, принятой на вооружение русскими служилыми людьми. Этот ритуал наблюдал и описал А.Ф. Плотников: «...прежде всего, на распротёртой коже медведя клались: нож, топор и другие орудия. Затем брали нож с кожи, клали на нож кусок хлеба и подавали присягавшим со словами: «Если лестию сию клятву утверждаете, будете неверно служить... то зверь сей отомстит вам, от него умрёт; хлеб сей и нож да погубит...» (Нарымский край... 1901, с. 42).

В этой процедуре топор участвует в пассивной форме, однако при мировом соглашении его роль становилась заглавной. У восточных хантов в ритуале примирения бывшие враги вставляли с топорами в руках перед жертвенником, где забивались лошадь или корова, а затем рубили на земле крест (Пелих, 1972, с. 275). Иногда топор был единственным свидетелем примиряющихся сторон. О. Финш и А. Брем так описывают «договор о мире и сотрудничестве», заклю-

чавшийся жителями Приобья в 1870-х гг.: «...двое мудрецов воткнут в землю палку, повесят на неё топор, сядут подле и с серьёзным, важным видом пьют водку. ...Эта церемония, называемая татибет, считается заключением вечного дружеского союза, а топор вместо клятвы символически означает, что он поразит того, кто нарушит этот договор» (Финш, Брем, 1882, с. 373). На судейскую и палаческую роль топора в процедуре клятвы прямо указывает заключительная часть текста. Северные самодийцы тоже верили в возможность топора изрубить клятвopреступника (Зуев, 1947, с. 51). Такое понимание, вероятно, возникло достаточно поздно, когда изначальная роль топора как посредника между людьми и духами отодвинулась на второй план, а более понятные функции судьи и палача стали доминирующими.

В мансийской «Медвежьей песне о городском богатыре» топор прямо выступает в качестве судьи. Он выявляет нарушение клятвы, за что следует мгновенное и жестокое наказание. Старик-богатырь города говорит:

... Если правда, что убил я священного зверя,
Если правда, что убил я хранителя клятвы,
То попробуй перекусить
Железный обух моего топора.
Перекусишь – признаю свою вину».
Перекусывает старший брат
Железный обух топора,
Перетирает железо
В крупинки мелкие, как песок,
В крупинки мелкие, как пыль:
Со страшным рёвом...
Набрасывается на богатыря
И разрывает его в клочья...
(Авдеев, 1936, с. 49–50; Мифы... 1990, с. 317).

У казымских манси в конце XIX в. топор участвовал и в покаянии – акте, требующем безусловного контакта человека с высшими силами. Профессор А.И. Якобий в своём докладе в Тобольском музее представил этот ритуал следующим образом: провинившийся тихо раскачивает подвешенный над ним топор лезвием вверх и «поёт священную формулу» (Такой далёкий... 2002, с. 29).

Важную роль в культуре обских угров топор играл и в гадании. Была даже особая категория шаманов – гадателей на топоре и сабле (Источники... 1987, с. 154; Калташ-Анки, 1995, с. 155, 147 (прим. 30). Манси называли их пенге-хум (Косарев, 1991, с. 188; Гемуев, 1990, с. 87). Их деятельность была связана с выяснением причин заболевания и предсказанием будущего (Kannisto, 1988, S. 281, 286, 292, 305, 306). Механизм гадания был достаточно прост: топор подвешивали на гвоздь в стене или на руку, и по его колебаниям шаман объявлял результат гадания. Для подобных действий годился не всякий топор, а лишь «охотничий» (т.е. более лёгкий) (Там же, с. 306).

У северных самодийцев тоже были гадатели с помощью топора и ножа (тундровые ненцы звали их *сабодэ*, ненцы Обь-Енисейского междуречья – *самбона*). Их главной целью было общение с душой покойного. После смерти сородича, за которой следовала обязательная откочёвка на новое место, устраивали гадание, которое один из участников описывает так: «Сабодэ взял кусок чурки, на которой рубят дрова, и сел к двери с той стороны, в которую уходит покойник^{*}. Чурку перед ним положили. Теперь он топор в руки взял. Кладёт топор на чурку, конец топорнища у него на коленях. Ещё кусок земли чёрной, взятой в мэро^{**}, положили на конец чурки. Эта земля называется дюбо... Теперь сабодэ взял старухин^{***} ножик в руку. Теперь ножом постукал по топору, потом стал пихать нож под лежащий на чурке топор. Подпёр голову рукой и стал этим ножом поднимать топор. Конец рукоятки на колене несколько не поднимается, как приклеен, а топор поднимается вместе с чуркой, будто она к нему прилипла. Вот говорит сабодэ: «Слушайте! Ты, старуха! Где-то муж твой оставил свою постелю. Он хотел из неё малицу под парку шить, а ты её оставила?». «Хоу! – старуха говорит. – я хотела шить ему малицу, уж дошла до половины, но не оставила ему». «Что же, унесёшь ты её туда к покойнику? Он-то просит её, говорит: пусть её мне оставят». «Унесу, завтра же унесу», – старуха говорит. Теперь стал поднимать топор, чурка осталась на земле, а топор от неё отделился. Опять ножом постукал по топору... опять стал ножом топор

^{*} С северной стороны. Любопытно, что в этом случае топор помешался в дверном проёме – на пограничье миров.

^{**} Мэро – сооружённый над покойником чум.

^{***} Старуха – жена умершего.

поднимать, опять чурка поднимается вместе с ним. Это земля дубо из мэро говорит, и оттого топор то прилипал к чурке, то отделялся» (Бытовые рассказы энцев... 1962, с. 76).

Подобный обряд гадания на топоре перед погребением известен северным хантам и манси. По тяжести поставленного на топор гроба они определяли причину смерти, последнюю волю умершего по поводу наследства и числа жертвенных оленей, будущее родственников (Соколова, 1980, с. 13).

По всей видимости, топор использовался не только при гаданиях, но и в шаманских камланиях. У ненцев отрывочные сведения об этом сохранились в фольклоре (Пушкарёва, 1980, с. 106), у эвенков зафиксирован строжайший запрет касаться кому бы то ни было топора шамана (Воскобойников, 1980, с. 41).

Таким образом, в мифологическом пространстве аборигенных культур Приобья топор не ограничивал своё назначение физической прагматикой реального мира – инструмента деревообработки или боевого оружия. Его образ, будучи наделённым сверхъестественными способностями к преодолению границ космических миров и самостоятельному действию, был полисемантичен, а его функции достаточно разнообразны. Поэтому и в состав погребального инвентаря он включался не только в качестве орудия или оружия, но и оберега, посредника между людьми и духами, социального и сакрального знака.

3.2. Стрелы

3.2.1. Конструктивно-функциональная характеристика

Настоящий раздел касается только одной категории находок, полученных экспедицией В.А. Дрёмова в Нефтеюганский район Тюменской области, – стрел для ручных и самострельных луков (ловушек). К сожалению, не все находки были доставлены к месту музейного хранения, так как после выемки из могил инвентарь произвольно сортировался, после чего предметы, не прошедшие «отбора», захоранивались. В результате комплекс полученных материалов утратил свою изначальную полноту, а «вычищенные» артефакты стали недоступны для детального изучения. Восполнить пробелы не могут

даже дневниковые записи, подробно фиксировавшие весь собранный инвентарь, в том числе и перезахороненный.

Стрела, как известно, состоит из нескольких функциональных частей – древка, наконечника и хвостового оперения. Элементы из органических материалов представлены главным образом фрагментами древков, полностью сохранились лишь два их экземпляра. По этой причине основным материалом для исследования стали металлические наконечники, которыми были оснащены хантыйские стрелы. Это наиболее функционально важные и информативные элементы древкового оружия, которые позволяют судить о функциональной специализации стрел. Остатки стрел или наконечники от них были найдены в могилах четырёх кладбищ – Усть-Балыкского, Кинтусовского I, Соровского и Старого Каркатеево-I. Общее количество находок составило 21 единицу, в числе которых 2 полностью снаряжённые стрелы (древко с наконечником), 17 наконечников (16 железных, 1 костяной) и 5 фрагментов древков. Так как 3 железных наконечника из Соровского кладбища были оставлены на раскопе, то реально изучено 18 образцов, не отличающихся разнообразием типов. В настоящей работе не ставится задача полной публикации всех материалов раскопок, поэтому ограничимся суммарным описанием однотипных экземпляров из разных кладбищ.

На четырёх вышеназванных кладбищах была вскрыта 151 могила. При таком количестве вскрытых объектов статистика демонстрирует крайне невыразительные показатели распространённости стрел. И это при устоявшемся в науке мнении, что стрелы входили в состав инвентаря, предназначенного для жизнеобеспечения умершего в потустороннем мире. Вполне приемлемыми для обнаруженного факта могли бы стать, по крайней мере, два объяснения. Первое базируется на христианских канонических правилах, воспрещающих «языческие приклады» в могилы. На фоне возрастания роли христианской религиозности в среде коренных обитателей Сибири следовало бы ожидать и сокращения случаев языческих прикладов умершим. Однако анализ погребального ритуала показывает, что христианские позиции едва прослеживаются. Ориентировка умерших головой по сторонам света, архитектура погребальных сооружений, разнообразный и обильный сопроводительный инвентарь – всё это указывает на доминирование в обряде прежних языческих представлений.

Второе обстоятельство подразумевает степень утилитарной востребованности предмета. Считается, что у большинства традиционных обитателей Азии луки и стрелы к началу XX в. выходят из обращения, вытесняясь огнестрельным оружием. Например, по сведениям Б. Адлера, «уже во времена Норденшильда самоеды перестали пользоваться стрелами и луками» (1903, с. 182). По отношению к культуре хантов, как, впрочем, и некоторых других этносов Западной Сибири, данные объяснения вступают в противоречие с погребальными реалиями и со сведениями наблюдателей XIX – начала XX в. – Ф.Р. Мартина (Martin, 1897), У.Т. Сирелиуса (2001), Г. Дмитриева-Садовникова (1915), Н.И. Шухова (1915), М.Б. Шатилова (1931), В.Н. Чернецова (Источники... 1987) и др., отметивших множество стрел и наконечников к ним, оставленных в качестве жертвы на священных местах, используемых в обрядах, а самое главное – их обилие в охотничьей практике этого периода. По некоторым данным, на западносибирской территории луком как орудием охоты пользовались вплоть до 1930-х гг. По материалам обследования в 1929 г. в некоторых районах Томского округа на каждого охотника-аборигена приходилось 0,2 лука, а у северных селькупов, по данным на 1924 г., лук имелся в каждой семье [см. (Гемуев, Соловьёв, 1984, с. 39)].

По другим сведениям, лук у северных селькупов не терял своего значения вплоть до середины XX в., несмотря на широкое распространение огнестрельного оружия. В какой-то мере это утверждение может иллюстрировать фото, полученное в 1927 г. в поселке северных селькупов Фарково. На нём запечатлён мальчик-подросток с натянутым луком в руках, заряжённым стрелой с наконечником типа томар (Макаров, Баташев, 2007, с. 166, 174). Не исключено, что селькупский лук значительно продлил своё существование во времени благодаря высоким эксплуатационным качествам, которые отмечались в специальных исследованиях (Пелих, 1972, с. 19–23; Гемуев, Соловьёв, 1984, с. 47).

Вместе с тем предпочтение у коренных обитателей Сибири в пользу огнестрельного оружия, несомненно, было. Иначе и быть не могло, так как его преимущества вполне очевидны. Известно, что в конце XIX – начале XX в. народы Северо-Восточной Сибири получали огромное количество нарезного оружия от европейских и особенно американских зверобоев и купцов в обмен на пушнину. Тер-

ритории, расположенные к западу, в большей мере оснащались оружием русского производства. Так, на фото 1905 г. изображён охотник-долган с пистонным ружьём в руках, а на фото 1938 г. показаны нганасаны – охотники на диких оленей, вооружённые пятизарядными карабинами (Макаров, Баташев, 2007, с. 53). Последние находятся в более выгодном положении при охоте на открытых тундровых пространствах, нежели охотники, оснащённые старыми «кремнёвками» и «пистонками», а тем более луками, не способными к поражению зверя на дальней дистанции с той же степенью точности, что нарезное оружие.

К сожалению, статистика умалчивает, как часто пользовались владельцы своими луками в охотничьей практике. Известно лишь, что с луками охотились женщины и дети, но насколько лук и стрелы были конкурентоспособны по отношению к огнестрельному оружию, не очень понятно. По сравнению с дульнозарядными кремнёвыми и пистонными ружьями хороший лук выигрывает в скорострельности и беззвучности. Вместе с тем он теряет все эти преимущества при сравнении с казнозарядным оружием, особенно нарезными винтовками магазинного типа. В силу того, что нет документированных сведений об использовании лука в охотничьей практике, сложно установить, насколько интенсивно он использовался в обрядовых мероприятиях. Если стрелы перестали изготавливать в практических целях, то их использование в жертвенных целях также могло быть ограниченным в силу постепенного, невосполнимого уменьшения имеющихся запасов. Возможно, именно это стало со временем причиной приношений на священные места очень примитивно изготовленных вотивов, являющихся слабой имитацией настоящих наконечников стрел. Идея или символ стали заменять фигуративность и вещьность.

Исходя из сугубо этнографических сведений о многочисленности луков у населения, якобы не способного по финансовым причинам приобретать огнестрельное оружие, остается открытым вопрос, чем вызвана малочисленность стрел в могилах хантов вышеобозначенного периода. Предваряя попытку решения данного вопроса, обратимся к конкретному материалу, полученному из указанных кладбищ.

В ходе раскопок некрополя на р. *Большой Балык* было вскрыто 29 могил. Только в четырёх из них находились стрелы для самострела, фрагменты стрел для ручного лука и отдельные наконечники от

обоих видов названных стрел. Остатки самих луков и самострелов в могилах не зафиксированы, хотя, учитывая достаточно хорошее состояние других изделий из дерева, в том числе древков стрел, следует предположить, что остатки кибтей должны были бы сохраниться. Их отсутствие убеждает в том, что в сопроводительном инвентаре луков не было изначально. Можно предположить, что либо стрелы символизировали лук, либо они исполняли самостоятельную семантическую роль.

Наконечники, фрагменты стрел и целая стрела обнаружены в могилах 2, 12, 16, 26 – пять железных наконечников разной формы и назначения, пять обломков стрел и одна целая. В могилах 2, 12, 16 лежали стрелы для ручного лука, а в могиле 26 найдены две стрелы для охотничьей ловушки – лука-самострела, одна из которых была снаряжена наконечником (рис. 26, 1–3).

Наконечники для стрел ручного лука (рис. 24–26) по форме поперечного сечения пера относятся к группе плоских (иногда с легким линзовидным утолщением в центре). Внутри группы по форме пера выделяются два типа – вильчатые срезни (2 экз.) и треугольный вытянутый на коротком черешке (1 экз.).

Вильчатые наконечники (рис. 24, 2–3) имеют небольшие размеры, вес, а также длинные заточенные по внутренним сторонам тонкие лезвия (длина 11–11,5 см; ширина 3–3,1 см, толщина в пределах 2–3 мм), что указывает на использование их для поражения малогабаритных целей с ограниченным ресурсом живучести. По сведениям Ф.Р. Мартина и У.Т. Сирелиуса, посетивших салымских, юганских, ваховских и васюганских хантов в период ещё активного употребления ими лука и стрел на рубеже XIX–XX вв., вильчатые наконечники указанных габаритов служили для охоты на водоплавающую птицу, прежде всего на утку, а также на зайцев и лис (Martin, 1897, Taf. 1, 9–1; Taf. 1. Fig. 40–43; Сирелиус, 2001, с. 265, 271, 280, 296, 297, 298). Аналогичные наконечники известны в селькупских и ненецких колчаных наборах. Так, у селькупов они именовались *сипаль-тище* (сипа – утка; тище – стрела) (Гемуев, Соловьёв, 1984, с. 41–42, рис. 2, 4, 5, 7, 11).

Второй тип представляет наконечник удлинённо-треугольной формы (рис. 24, 1). Он также относится к разряду «легких» проникателей. Особенность формы пера обеспечивала более сильные, чем у

срезней, проникающие возможности. Стрела, оснащённая таким наконечником, при прицельной стрельбе по жизненно важным органам была способна поражать даже крупных животных. По свидетельству вышеназванных исследователей, в хантыйской среде данный тип наконечников применялся для добычи как водоплавающих птиц (уток), так и более крупной дичи – зайцев, лисиц, песцов, оленей и медведей (Martin, 1897, Taf. 1, 5, Taf. 1. Fig. 48, Taf. 2. Fig. 50; Сирелиус, 2001, с. 307). Наконечник аналогичной формы использовали и селькупы, у которых он известен под названием *охэ*. Применяли его для поражения разных видов животных и в качестве боевого орудия (Гемуев, Соловьёв, 1984, с. 45, 47, рис. 3, 1–4).

Стрелы для ловушки-самострела представлены двумя экземплярами, обнаруженными в могиле 26. Древки обоих образцов изготовлены из древесины хвойной породы. Одна из стрел сохранилась полностью – древко с наконечником. Стрелы для самострелов, как известно, выстреливали на короткие дистанции, поэтому их не оснащали хвостовым оперением, служившим для балансировки стрелы в полете по длинной траектории.

Общая длина стрелы 82,3 см. Особенностью данного экземпляра является поперечное сечение древка в форме прямоугольника со скруглёнными углами, стороны которого варьируются от $1 \times 1,9$ см в верхнем до $1,2 \times 2,2$ см в нижнем окончании. В верхней части древка прорезана круговая выемка шириной 6 мм для укладки в неё обмотки, фиксирующей путём круговой стяжки наконечник в теле древка. В нижнем торце пропилена крупная выемка для установки стрелы на тетиву. Стрела оснащена железным наконечником плоской кинжаловидной формы. Общая длина наконечника 15,2 см, максимальная ширина 2,8 см, толщина 1,5–2 мм. Несущая часть наконечника выполнена в форме длинного черешка, слегка сужающегося к нижнему концу.

Вторая стрела без наконечника, по форме древка близка первой. Древко подпрямоугольного поперечного сечения со сторонами $1 \times 1,3$ см у нижнего и $1 \times 1,15$ см у верхнего его окончания. Внизу точно так же пропилена крупная выемка под тетиву.

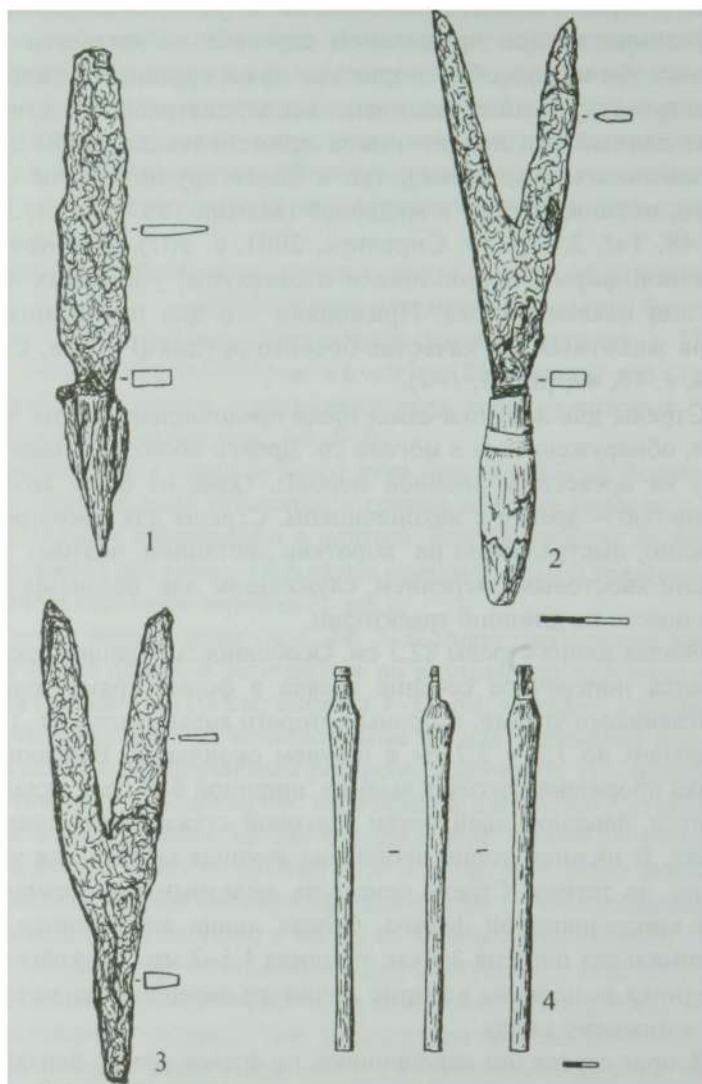

Рис. 24. Наконечники и древки стрел для ручного лука из некрополя на р. Большой Балык: 1 – треугольный вытянутый наконечник (могила 16); 2–3 (могилы 2, 12) – вильчатые срезни; 4 – древки стрел (могила 2)

Коллекция предметов с *Кинтусовского кладбища* состоит из 3 экземпляров наконечников стрел для лука, найденных в могиле 8. Все они относятся к группе плоских, но разделяются по форме на два типа – срезень вильчатый (1 экз.) и удлинённо-подтреугольный (2 экз.).

Срезень вильчатый – с двумя короткими лезвиями, заточенными с внутренней стороны (рис. 25, 1). Наконечник относится к разряду тяжёлых: длина 15,6 см, размах лезвий вилки 3,6 см, максимальная толщина 5 мм, значительный вес. Массивность наконечника придавала стреле большую ударную силу, способную поражать крупных обитателей тайги с толстой шкурой, покрытой густым мехом. В хантыйской промысловой практике такие наконечники предназначались для стрельбы по крупным животным. Аналогичную функцию они выполняли у селькупов, именовавших их *эттэ*, служили для охоты на крупного зверя – лося, оленя (Гемуев, Соловьёв, 1984, с. 41).

Удлинённо-треугольные наконечники на длинных черешках также относятся к тяжёлым проникателям универсального типа (рис. 25, 2–3). При длине 12,3 и 14,3 см их толщина достигает 4–4,8 мм. Ширина рабочей части – 2,1 и 2,9 см. Длинные черешки-носители служили для более эффективного поражения боевой цели, так как такого рода наконечники были способны наносить глубокие раны, повреждая жизненно важные органы объекта. Чаще чем другие они служили для боевых действий с целью поражения как незащищённого, так и легко защищённого противника.

Коллекция стрел, найденных на Соровском кладбище, включает два совершенно разных экземпляра железных наконечников.

Первый из них удлинённой подромбической формы с плавным переходом в короткий черешок. Общая длина 12,1 см, длина черешка 2,4 см, толщина пера 0,3 см. Наконечник средних размеров и по общим параметрам весьма близок типу удлинённо-треугольных.

Второй наконечник представляет собой образец бронебойного назначения с выделенной удлинённо-треугольной боеголовкой на длинном, круглом в сечении стержне-носителе. Черешок не выделен, но примерно от середины длины носитель уплощён с постепенным сужением к окончанию в одной плоскости и небольшим расширением в другой, перпендикулярной первой. Параметры оконча-

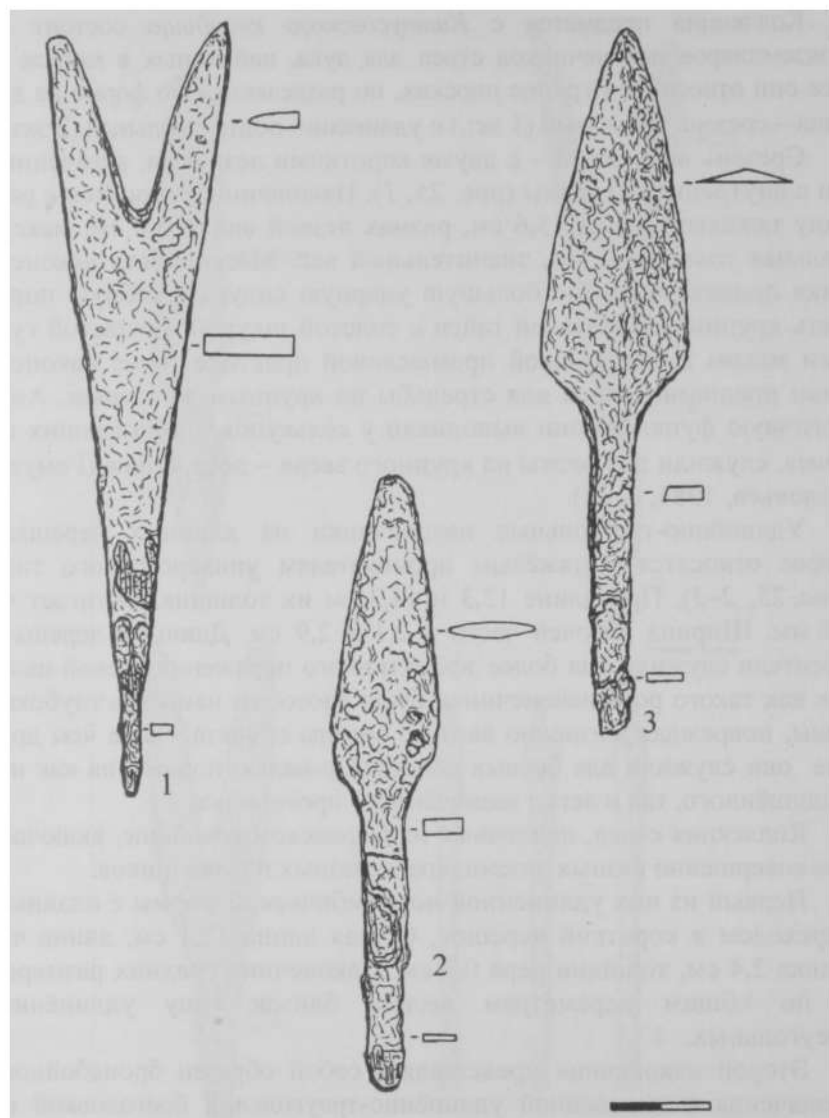

Рис. 25. Наконечники стрел для ручного лука из некрополя Кинтусовский I:
1 – вильчатый срезень (могила 8); 2–3 – удлинённо-треугольные наконечники
(могила 8)

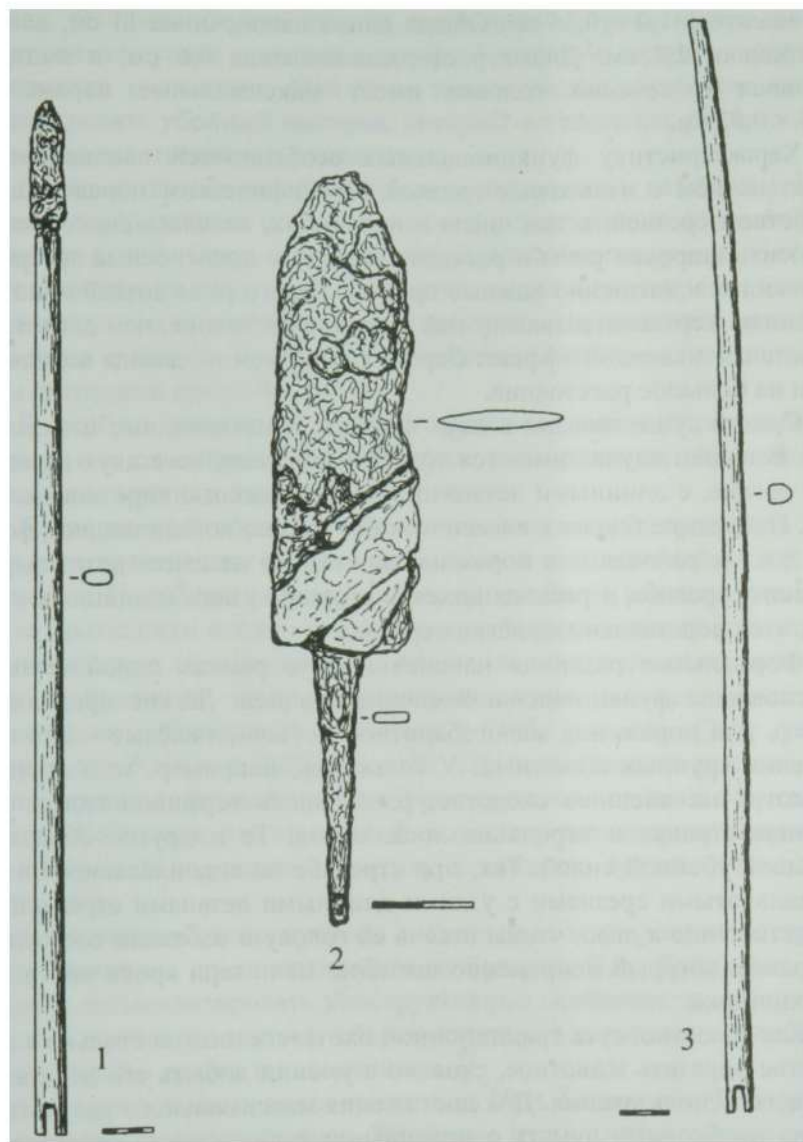

Рис. 26. Стрела для самострела из Усть-Балыкского некрополя (могила 26): 1 – стрела в сборе; 2 – наконечник стрелы; 3 – древко стрелы

ния носителя $1,0 \times 0,35$ см. Общая длина наконечника 11 см, длина боеголовки 2,7 см. Диаметр стержня-носителя 0,6 см, а подтреугольная в сечении головка имеет максимальные параметры $0,75 \times 0,53$ см.

Характеристику функциональных особенностей наконечников стрел начнём с *вилчатых срезней*. Специфическим поражающим свойством срезней, в том числе и вилчатых, являлась способность наносить широкие раны и рассекать крупные кровеносные артерии, сухожилия и жизненно важные органы. Такого рода воздействие на организм жертвы вызывало у неё шоковое состояние, чем достигался останавливающий эффект. Стрела со срезнем не давала подранку уйти на большое расстояние.

Срезни существовали в двух формах: лопатковидные и вилчатые. В нашем случае имеются только последние, но в двух вариантах: легкие, с длинными лезвиями вилки и тяжёлые коротковилчатые. Последние ближе к классическому срезню лопатковидной формы, т.к. их рабочая или поражающая сторона не имеет резко выраженного прогиба и расходящихся в стороны узких и длинных лезвий, что представлено на лёгких срезнях.

Формальные различия наконечников в рамках одной группы обусловлены функциональной специализацией. Лёгкие предназначались для поражения малогабаритной добычи, тяжёлые – для поражения крупных животных. У селькупов, например, те и другие, несмотря на внешнее сходство, различались терминологически – «утинная стрела» и стрела на лося, оленя. Те и другие обладали большой убойной силой. Так, при стрельбе по водоплавающей птице вилчатыми срезнями с узкими длинными лезвиями стремились попасть птице в шею, чтобы отсечь ей голову и избежать состояния подранка, который непременно погибнет от потери крови или в зубах хищника.

Как известно, суть традиционной охоты состоит не столько в искусстве поразить животное, сколько в умении добыть его для дальнейшего использования. Для достижения максимального результата охоты необходимо думать о правильном выборе места отстрела, с которого можно доставить добычу в полном объёме к средствам её транспортировки (нарты, лодка) и месту дальнейшей утилизации (посёлок, стан). Это было особенно важно в условиях сезонного или биосферного дефицита дичи, т.е. в ситуации нестабильности про-

мысла. В таком случае именно правильно организованная охота обеспечивала успех промысла, который зачастую являлся гарантом выживания коллектива. При этом только надёжное оружие могло гарантировать убойный выстрел, который в отдельных случаях становился единственным и решающим.

Подтреугольные и подромбические наконечники являлись достаточно универсальным орудием охоты и одновременно служили для военных целей. Степень поражающей способности у таких стрел основывалась на габаритах. Широкие наконечники хорошо подходили для охоты на крупного зверя, а мелкие – на животных меньших габаритов и для боя со слабо защищённым или вовсе не защищённым доспехами противником.

В особую категорию следует выделить мощный *наконечник стрелы для самострела*. Его габариты указывают на возможность поражения крупных животных всех типов.

Единственный образец *боевого наконечника* из Соровского могильника практически не находит аналогов в западносибирской этнографии. Подобные формы характерны для более раннего времени, когда противники носили металлические боевые доспехи и их поражение из лука охотничьими стрелами не представлялось возможным. В частности, такие наконечники известны в средневековых памятниках рёлкинского (Чиндина, 1977, рис. 6, 8) и устьишимского (Конигов, 2007, рис. 189, 11) типа. Наличие данного образца в рамках приведённого набора наконечников пока объяснить трудно. Возможно, это случайный экземпляр антикварного характера, который был уложен в могилу в качестве древнего символаталисмана.

Отдельные образцы древков и полностью экипированных стрел, представленных среди материалов, собранных В.А. Дрёмовым, позволили проанализировать конструктивные особенности изученных стрел, в частности систему сборки стрелы из основных составляющих деталей – древка и наконечника.

На черешках двух наконечников из Усть-Балыкского некрополя сохранились остатки древков. На одном из вильчатых экземпляров круглое в сечении древко стрелы в начале основной части имело диаметр 1,4–1,5 см, в сторону наконечника древко обстругано на конус, диаметр обреза которого равен ширине носителя наконечника – 1 см. Плоскость конической части была обмотана ниткой, а по-

верх обернута полоской бересты шириной 4 мм. То и другое служило для упрочения окончания древка, в которое был забит черешок наконечника (рис. 24, 2).

На черешке подтреугольного наконечника также сохранились остатки древка, но, в отличие от предыдущего, здесь дерево сохранилось много хуже и удается только зафиксировать диаметр стрелы – около 1,5 см (рис. 24, 1).

Фрагменты древков из могилы 2 демонстрируют один из вариантов древка стрелы, а именно с утолщением на переднем конце (рис. 24, 4). Диаметр древка в средней части – 1,1 см, а через 10 см от его начала происходит плавное утолщение, которое достигает максимальной величины – 1,7 см – в 3 см от кромки края. От этой точки до переднего обреза древко остругано на конус диаметром до 1,1 см, имеется полупаз шириной 5 мм, глубиной 1 мм для закрепления нити-обмотки. У описываемого экземпляра передняя часть древка почти до утолщения расколота вдоль посередине. В разрезе древка хорошо видно коническое углубление, оставленное черешком наконечника. Его длина 2,8 см, максимальная ширина 5 мм.

Вильчатые срезни, подтреугольные кинжальной формы и подромбические наконечники стрел берут начало в культурах I тыс. н.э., а к описываемому периоду бытуют в очень широком ареале у племён и народов Евразийского материка. Круг их применения в охотничье-промысловой и военной практике таёжных этносов примерно одинаков. Прежде всего это охотничье оружие, но имея в виду его способность поражать не обеспеченные специальной защитой объекты, следует также учитывать возможность его использования и в боевых действиях. Распространение такого рода проникателей известно в оружейном комплексе многочисленных этносов, что подчёркивает их универсальность, таким образом снимая вопрос о моноэтнической принадлежности того или иного наконечника. Вместе с тем не исключено, что в рамках каждого определенного типа существовали этнические особенности, выделение которых требует специального изучения.

3.2.2. Сакральная сфера

Представительный корпус материалов мировой этнологии убедительно доказывает, что близость утилитарного и сакрального в

традиционных культурах настолько сильна, что грань между ними зачастую неразличима. Не стала в этом смысле исключением и культура хантов, особенностью которой считается не расчлененность бытового и священного, а, напротив, их синкретизм (Кулемзин и др., 1998, с. 8; Мифология хантов, 2000, с. 45). Вместе с тем дихотомия понятий духовной и материальной сторон жизни общества вполне правомерна, когда речь идёт о необходимости рассмотрения условного синхронного среза мира вещей и мира знаков (Тадина, 2002, с. 237). Данная методическая установка стала обоснованием исследовательского подхода при изучении традиционной одежды, но в силу своей универсальности этот метод применим практически ко всем категориям вещей традиционной культуры. Не является исключением и оружие, в том числе лук и стрелы хантов. По мнению целой группы авторитетных исследователей, луку и стреле в культуре хантов принадлежит одно из ведущих мест по количеству функций, связей и отношений (Молодин и др., 1995, с. 65). При этом лидерство в общей семантической системе этого вида оружия, безусловно, отводится сакральной сфере.

Как удалось выяснить при изучении вопросов происхождения, генезиса и функций ритуальных стрел южных селькупов, понятие сакральности в отношении стрел весьма многогранно (Ожередов, 1999; 2006). Поле значений таких стрел располагается в двух тесно связанных, но тем не менее различающихся сферах духовной жизни и представлений. Применительно к каждой из них обозначены функциональные возможности вещи.

Осмысление свойств и функций стрел в первой из них покоится на отвращающей апотропеической особенности предмета. По мнению Н. Веселовского, поддержанному другими учеными, злые духи боятся острых предметов. На этом положении, собственно, и основывается апотропеизм стрелы, точнее – её наконечника (1921, с. 277–279). В литературе описано немало примеров ритуальной стрельбы по злым духам во время борьбы с демоническими существами (Веселовский, 1921, с. 279; Потапов, 1934, с. 71). По сведениям А. Каннисто, охотник манси всегда носил в колчане стрелу с медным наконечником для поражения лесного духа (Kannisto, 1988, с. 156).

При абсолютной правоте этого вывода существует ещё одна немаловажная причина сакральности стрелы и её защитных свойств. Этот семантический аспект находит идеологическое обоснование в

глубокой древности и базируется на персонификации в стреле мужских божеств – производителей и подателей богатств, влияющих на увеличение приплода домашнего скота и дикого поголовья животных. Стрела в какой-то момент заменила в знаковом ряду древних обществ изображение фаллоса. Создание ассоциативного ряда понятий фаллос – стрела – жизнь – безопасность с последующей их нивелировкой в единый смысловой знак, облеченный в стреловидную форму, стало завершением обожествления стрелы. По крайней мере, процесс одухотворения и антропоморфизации применительно к фаллосу известен в древних обществах Передней и Центральной Азии, а также Средиземноморья.

Одновременно стрела служит орудием божественного возмездия, а часто и ипостасью бога или духа. На определенной стадии происходит одушевление стрелы и её антропоморфизация, часто стрела становится основой для физического воплощения духовного. Ф. Белявский упоминает о наличии у «северных остяков» духа в форме стрелы [см. (Хэкель, 2001, с. 18)], а Г.И. Пелих сообщает об аналогично оформленном домашнем духе «кава-лозе» у северных селькупов (1981, с. 64). Известны примеры, когда стрела или пучок стрел становились основой для создания фигурки духа (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 51, рис. 47, 1) и таким образом включались в контекст сакрального осмысления. Шаманская сила, или душа, и с ней способность шаманить передается по наследству через стрелу. К такому выводу пришли исследователи при изучении как южных – алтайцев [см. (Веселовский, 1921, с. 281; Потапов, 1934, с. 74)], так и северных этносов – хантов (Головнёв, 1995, с. 281, 283, 519).

Завершающей стадией одухотворения стрел стал обычай давать им имена, о чём в своё время писал Г.Н. Потанин (1883, с. 344) на примере стрелы, именуемой в монгольском сказании «Джесь – тумана» (предположительно, медная Тумана. – Ю.О.). Аналогичный процесс одухотворения и антропоморфизации применительно к фаллосу известен в древних обществах Дальнего Востока, Индии, Передней Азии и Средиземноморья (Ксенофонтова, 1981, с. 74; Бауер, Дюмоц, Головин, 1995, с. 24; Петренко, 1989, с. 52–53; Штернберг, 1902, с. 267). Полная аналогия свойств, функций, обрядов и т.п. приводит к выводу о единстве представлений о названных символах мужского божественного на обширной территории Евразии. Охранительные, отвращающие злых духов свойства стрелы, как показы-

вают исследования, помимо «генетического» наследия, получили поддержку со стороны сакрального осмысления материала наконечников.

Начало сакрализации наконечников маркируют, по мнению ряда археологов, разноцветные камни, употреблявшиеся в качестве материала при их изготовлении (Ковалева, Шаманаев, 1993, с. 78–79). Не противоречат таким утверждениям и этнографические свидетельства о стрелах из голубого камня в шаманском обряде бурят (Дугаров, 1991, с. 163). С открытием самородных цветных металлов, золота и меди, обрабатываемых методом огненной плавки, жёлто-красные металлы стали ассоциироваться с пламенем и его разновидностью солнцем, а по аналогии с последним – и с солнечным светом. Вероятно, тогда же состоялось открытие самородного серебра, с которого начинается сакрализация белых металлов. В целом группа жёлтых металлов стала символизировать культ солнца, а белых – культ луны. В соответствии с предпочтениями цвета металла и приверженностью к культам того или иного светила произошло этномировоззренческое разделение на народы жёлтых и белых металлов (Павлинская, 1988, с. 74–76).

Со временем в сакральную сферу вводится железо, которое, как отмечают некоторые специалисты, было открыто раньше бронзы, но широкое распространение получило намного позднее последней. При этом определяющей причиной запоздания стало свойственное архаическим и традиционным обществам требование, согласно которому материал должен соответствовать не только физическим, но и символическим характеристикам. При нарушении этой установки даже невероятно высокие в сравнении с медными сплавами эксплуатационные характеристики железа не позволили ему опередить сакрально более статусную бронзу. И это при том, что выплавка и обработка железа технологически намного проще, нежели собственно производство бронзы и меднолитейное дело (Байбурин, 1989, с. 65, 86–87; Корусенко, Ожередов, 2005, с. 117).

В индоевропейских языках значение «металл» соотносится с понятием «делать» в значении колдовать, производить сакральные действия. Металл считался олицетворением небесной силы (Маковский, 1996, с. 217). Все процессы, орудия и люди, связанные с металловарением и обработкой, издревле сакрализировались, табуировались, социально и территориально дифференцировались. Слож-

ный комплекс представлений, оформившийся со временем в достаточно стройную оболочку мифологизированной знаковой системы, стал основой для сакрального обозначения стрелой многих сторон семейной и общественной жизни древних, а затем традиционных обществ. Прежде всего, это связано с их магической защитой и относится к обрядам, связанным с браком, репродукцированием, рождением и вынашиванием ребенка, а также – со смертью. Необходима была и ритуализация в производственной сфере – разведении домашних животных, деревообработке, гончарстве и особенно в металлопроизводстве. Дж. Дж. Фрэзер писал, что антипатия духов к металлу даёт в руки человека надежное против них оружие (1998, с. 242).

Вторая сфера мировоззрения традиционных обществ сопряжена с возможностями и функциями стрелы, условно именуемыми мною «героическими». Изменение знаковости стрелы обусловлено, вероятно, иной степенью мировоззренческого обобщения на фоне постепенного отхода от осмысления изначальной сути сакрализации стрелы и присвоения ей новых функций. Вероятно, в этих условиях появляются и распространяются такие функции, как врачевание, гадание, предсказание, клятвоутверждение, наказание за клятвоотступничество, подача воинских команд и различных сигналов к началу действий, требование выплаты дани, передача информации и т.д. Тем не менее во всех случаях функции обусловлены природой самой стрелы как символа мужского производящего начала и носителя священной субстанции – металла [см. подробнее: (Ожередов, 1999)].

Погребальные ритуалы народов Северо-Западной Сибири несут в себе присутствие стрелы как в вещном, так и в знаковом смысле. Стрелы, в том числе намеренно ритуальной формы и назначения, укладывались с умершими, а знак стрелы вырезали на крышке погребального сооружения. С устоявшимся в науке представлением об абсолютной утилитарности уходящего с умершим в загробный мир инвентаря никак нельзя согласиться. Вовлечение утилитарного предмета в священную область жизни автоматически превращало его в сакральную вещь с особым регламентом отношений. Если данная вещь и вне ритуального контекста обладала сакральными свойствами, то в погребении она играла особую сакральную роль. Таким образом, следует предположить, что стрела и после отправления с умершим выполняла роль апотропея. Именно в этом случае она могла стать не только охранителем своего хозяина, но и обере-

гом для живых. Так, селькупы наносили изображение «огненной стрелы *куль-тыщца*» на надгробие с целью не допустить, чтобы мертвый «ходил» (Пелих, 1998, с. 58). Его опасная для живых душа могла удерживаться в потустороннем мире стрелой и не грозить своим появлением людям, живущим в мире реальном.

Другим эффективным способом магического оберега умершего от злых духов и магической борьбы с осквернителями могил становится обычай вонзания в могилы оружия, в том числе и стрел (Бартольд, 1921, с. 71; Обельченко, 1992, с. 176). Видимо, ритуал имеет более универсальные параметры и в широком смысле направлен на борьбу со злыми силами, а в узком – на удержание злых духов от пагубного для людей выхода в реальный мир (Ожередов, 1999, с. 100). Примеры такого осмысления находим в погребальных обрядах от эпохи бронзы до позднего Средневековья.

Косвенным подтверждением данного утверждения может стать семантическое равенство между вонзанием оружия и обычаем вбивания осинового кола, который появляется много позже – в христианскую пору и, вероятнее всего, под воздействием уже существовавших апотропейных приёмов с оружием. Основанием для такого предположения может стать почерпнутый из бурятской погребальной практики случай захоронения ненавистой всем чёрной шаманки, которую в осиновом гробу уложили в необычно глубокую яму, пригвоздили в могиле осиновыми кольями, придавили осинной (нечистым деревом у бурят) и только затем засыпали землей (Хангалов, 1890, с. 85–86).

Не исключено, что направленность стрел в ноги умершего также имеет, кроме утилитарной, обусловленной нахождением в колчане, и сакральную сторону. Известно, что чаще всего в ногах стояли сосуды. Учитывая специфику их семантики, которая раскрывается в рамках категорий женское – опасное и ассоциируется с женским лоном как входом в потусторонние миры, становится понятной функция сосудов как оберегов, способных пресечь проникновение зловредных сил. Вместе с тем данное объяснение противоречит известным примерам из археологии. В отдельных культурах существовала традиция устанавливать сосуды в разных местах могилы, часто у головы, около рук. При этом и стрелы порой располагались под головой, между ног, около рук и т.д. Пока нет статистики, которая бы указала, имеется ли закономерность в расположении стрел и

сосудов. Зато хорошо известно, что, согласно традиционным представлениям, человек обладал множеством душ. Укладывание стрел у головы могло маркировать особую опасность, исходящую от неё и связанной с ней души. По крайней мере, прикладывая стрелу к голове, ханты пытались излечиться от головной боли при жизни. Учитывая специфику осмысления болезни как посягательства злой силы на душу, можно предположить особую роль стрелы в борьбе со злыми духами болезни. Если принять во внимание предложенную рабочую версию объяснения находок стрел, или их наконечников, близ отдельных частей тела умершего, открывается возможность взглянуть на него с позиции неординарности его возможностей при жизни. По вполне понятным причинам сородичи старались бы избавить себя прежде всего от опасности, исходящей от наиболее «сильно» связанных с душами органов умершего.

В силу закрытости сакральной части традиционных культур для посторонних исследователи часто отмечали лишь внешнее проявление знаковости стрел, обозначенное в основном их присутствием на священных местах и в обрядах (Martin, 1897; Сирелиус, 2001; Шухов, 1915; Шатилов, 1931; Источники... 1987). Среди некоторых современных учёных существует вполне осознанное неприятие культовой интерпретации медных наконечников стрел. В частности, исследователи легендарного городка Эмдер не считают возможным отнести к разряду сакральных найденный ими медный наконечник. При этом они своеобразно аргументируют свою позицию, ссылаясь на то, что, помимо этого наконечника, им известны ещё четыре столь же редкие находки из нескольких памятников. Подтверждая, по сути, редкость медных находок относительно костяных и железных, исследователи находят объяснение этому факту в недостатке железного сырья для производства полноценных стрел, замечая, что по функциональным качествам медные стрелы не уступают железным (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 72–73). В таком случае требует объяснения большое количество, а подчас и доминирование медных стрел над железными на культовых местах. У манси, которые, как и ханты, относятся к группе «народов белого металла», вотивные стрелы, как правило, изготавливались из тонкого медного листа, о чём и сообщали исследователи их священных мест (Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 55).

Предложенное в работе исследование семантического поля стрел, и прежде всего их металлических наконечников, не так странно, как другие разделы настоящей работы, раскрывающие свойства вещей в контексте реконструкции мировоззренческих смыслов, присущих определенным категориям погребального инвентаря. Данное обстоятельство обусловлено тем, что названная тема применительно к стрелам достаточно широко и с разных аспектов уже рассматривалась. Полученные результаты изложены в целом ряде работ и достаточно полно, на наш взгляд, освещают круг основных вопросов, связанных с означенной темой (Ожередов, 1999, с. 77–119; 1999а, с. 197–198; 2004, с. 233–238; 2006, с. 10; Корусенко, Ожередов, 2005, с. 112–123). Для того чтобы уйти от неизбежных в такой ситуации обширных повторов при аргументации тех или иных позиций, остановимся лишь на сделанных ранее выводах, которые в полной мере могут быть распространены на материалы по салымским хантам.

Как было сказано выше, семантическое поле стрелы контаминируется из двух самостоятельных сильных полей. В архаических обществах стрела ассоциировалась с фаллосом и наделялась целым рядом священных свойств, которые были обусловлены инстинктами, социализированными и закрепленными в культово-религиозных институтах. Формой их закрепления стала идея оплодотворения и воспроизводства живой и неживой природы, достижения тем самым всеобщего блага. Насколько прочна и повсеместна эта идея, свидетельствуют многочисленные примеры, почерпнутые как в культуре первобытных племен, так и в мировоззрении развитых этносов, в содержании догматов великих религий. Всемогущество фаллоса как божественного инструмента передается стреле как средству воздействия на злые силы. Стрела превращается в надёжный апотропей, защищающий человека от потусторонних вредоносных влияний. Как известно, злые духи боятся острых предметов, которые их ранят точно так же, как живое существо.

Ещё одним важным составляющим элементом семантики стрелы является материал наконечника, который обладает собственной сакральной силой. Здесь вступает в действие могущественная магия металлов. Связанные с недрами земли, магией огня, способностью блестеть, шуметь, принимать требуемые формы и качества, металлы издревле наделяются мощными апотропейческими свойствами, оли-

цетворением небесной силы (Маковский, 1996, с. 217). Идея металла, опасного для потусторонних существ, пережила эпохи холодного оружия и пришла в век оружия огнестрельного. Охотник манси, отправляясь в лес, всегда имел при себе стрелу с медным наконечником как средство защиты от лесного духа. Перевооружившись, манси стал носить в лес специальные медные пули, которыми точно так же стремился поразить не живую, а невидимую мишень, для чего не годились обычные свинцовые снаряды (Kannisto, 1988, с. 156). Повсеместно металлические украшения становятся предметами магической защиты. Древнейшие или традиционные украшения из металлов часто не восхищают своими эстетическими достоинствами, а выглядят как бесформенные или слегка оформленные куски или пластины металла. Они полезны человеку в его обороне от злых сил. Заострённые лезвия, согласно учению о демонологии, предназначены не столько ранить физически, сколько уничтожить демонические существа.

На фоне эзотерических возможностей стрела со временем приобретает качества духовного помощника. В какой-то момент она наделяется антропоморфными свойствами и в приобретённой новой ипостаси инфильтруется в пантеон одухотворённых персонажей.

Сакральная составляющая стрелы в погребении не ограничивается её присутствием в качестве сопутствующего умершему инвентаря для загробного утилитарного служения. Немногочисленность вложенных в могилы определенно свидетельствует о том, что это не колчаные наборы, которые охотник использовал бы на загробных полях охоты. Кроме того, стрелы вложены не только в мужские, но и в некоторые женские захоронения. Известно, что стрелы – атрибут мужской сферы и с женскими захоронениями не могут увязываться в профанной плоскости. В таком случае остаётся сфера духовная, где стрелы, как было сказано выше, выступают в качестве апотропеев, защищающих от демонических сил.

Может быть предложено два варианта семантической интерпретации стрелы как компонента погребального инвентаря. Согласно первому, стрелы укладываются в могилу для того, чтобы душа умершего не смогла выйти наружу в мир живых и тревожить их своим присутствием. По другому варианту, стрелы предохраняют умершего от злых духов, стремящихся похитить его чистую душу. Представляется продуктивным осмысление обоих вариантов, хотя

для обоснования того и другого требуется дополнительное исследование на более широком материале.

Балыкский могильник своим разнообразием деталей погребального инвентаря затронул немало сакральных смыслов. В частности, он актуализировал сюжет вонзания острых предметов в могилы, семантически близкий ритуалу размещения стрел в захоронении. Это одинаково относится к ножам или кинжалам, копьям и другим инструментам поражения противника.

Героический эпос тюркских и монгольских народов содержит массу примеров сакрального втыкания оружия, трактуя это как необходимое позиционирование героя в той или иной ситуации (Ермоленко, 2004, с. 36–38). В археологии такие случаи известны в погребальной практике на широком географическом, хронологическом и этнокультурном фоне. В III тыс. до н.э. медные копья остриями в землю установили в усыпальнице Мескалам-дуга в Месопотамии (Церен, 1986, с. 181), во II тыс. до н.э. боевой нож воткнули в могилу Ростовскинского могильника (Матюшенко, Синицына, 1988, с. 66), в культурах раннего железного века случаи втыкания оружия в могилы зафиксированы в некрополях Танаиса (Веселовский, 1921, с. 124), Грузии (Макалатия, 1949, с. 229) у скифов (Спицын, 1918, с. 56–84). Близкие находки сделаны в палеозтнографическое время в сибирских захоронениях. В селькупском захоронении Кустовского могильника XVI–XVII вв. стрела с медным наконечником была воткнута возле головы погребённого (Ожередов, 1999, с. 99). По данным В.И. Семеновой, подобные ритуалы втыкания ножей и наконечников стрел около могильных ям хорошо известны в погребальных обрядах манси и хантов Нижней Оби (2001, с. 184). В Усть-Балыкском некрополе отмечено три подобных случая: нож между ног, чуть ниже коленей в мужском захоронении (могила 11), нож в ногах около берестяной коробки в женском захоронении (могила 18) и топор под ведром в ногах в детском захоронении (могила 20) (Дремов, 1985, с. 146, 157, 164).

В литературе находим самые разные объяснения такому обычаю. В.В. Бартольд рассматривал этот ритуал как способ предохранения могил от осквернения людьми (1921), О.В. Обельченко склоняется к той же мысли, но с оговоркой, что опасность для умершего исходит от злых духов (1992, с. 176), М.Ф. Косарев трактует обряд «как одну из поздних вариаций зарывания» (1991, с. 178), а В.И. Семёнова пи-

шет, что данный ритуал связан с поминками усопшего и возданием ему воинских почестей (2001, с. 184). Таким образом, диапазон интерпретаций широкий, но в нем, безусловно, имеется рациональное зерно, которое, на наш взгляд, связано с заботой людей о собственной безопасности, поэтому обряды с подобными процедурами направлены на защиту живых от умерших.

Наличие стрел в женских захоронениях находит частичное объяснение в литературе. Сюжеты такого рода известны достаточно давно. В частности, в кургане Соколова могила, относящемся к I в. н. э., исследовано погребение женщины с большим количеством наконечников стрел, которые толкуются как амулеты (Ковпаненко, 1986, рис. 101, 7). На территории Сибири захоронение женщины с прикладом в виде наконечников стрел исследовал А.В. Матвеев, также расценивший их как амулеты, заговорённые на рождение сыновей и положенные в могилу в составе сопроводительного инвентаря (1998, с. 185). Исключать такую трактовку нельзя, так как она хорошо укладывается в мировоззренческую модель ведийского времени, на которую ссылается исследователь. Вместе с тем наконечники могли нести и апотропеическую нагрузку точно так же, как в мужских могилах.

Этот мотив один из самых сильных в знаковом поле традиционных культур, и пренебрегать им нельзя. Известный исследователь традиционных обществ Северной и Центральной Азии Н.Л. Жуковская так определила данный сюжет: «Эфемерность, непрочность и изменчивость судьбы требовали постоянной магической подстраховки, без которой счастье-благодать могло утратить свою действенность. На втором месте после охраны семейного благополучия и жилища можно поставить охрану человеческой личности, начиная с первого момента её появления на свет и далее через все опасные возрастные рубежи, возникающие через 8–12 лет. Её можно назвать системой магической охраны, в центре которой стоит главный объект – человек, а число предметов, окружающих его и выступающих в роли магических инструментов, практически не ограничено и включает в себя чуть ли не все материальные предметы окружающего мира» (2002, с. 111).

Подводя общий итог нашей семантической реконструкции применительно к стрелам в погребальном инвентаре салымских хантов, можно заключить, что основополагающей идеей, обусловившей их присутствие в захоронениях, стала сакральная защита мира живых от мира мёртвых.

Чайная посуда из фарфора фабрики И.Е. Кузнецова. Усть-Балыкский некрополь: 1 – чайник (могила 6, № 7605-48); 2 – блюдце (могила 2, № 7605-5); 3 – чашка (могила 10, № 7605-78); 4 – блюдце (могила 9, № 7605-546). На врезке – марки фабрик И.Е. Кузнецова

Чайная посуда из фарфора фабрик М.С. Кузнецова (1–2, 4) и товарищества М.С. Кузнецова (3, 5–6).
 Усть-Балыкский некрополь: 1 – чашка (могила 29, № 7605-201); 2 – блюдце (могила 29, № 7605-202);
 3 – чашка (могила 11, № 7605-86); 4 – блюдце (могила 11, № 7605-87); 5 – чашка (могила 20, № 7605-136);
 6 – блюдце (могила 26, № 7605-174). На врезке – марки фабрик и товарищества М.С. Кузнецова

Чайная посуда из фарфора товарищества М.С. Кузнецова (5), фабрики М.М. Куринова (4), Дулёвского фарфорового завода – РСФСР (3). Усть-Балыкский некрополь: 1 – чашка

(могила 20, № 7605-136); 2 – чашка (могила 6, № 7605-47); 3 – блюдце (могила 27, № 7605-182); 4 – чашка (могила 1, № 7605-1); 5 – блюдце (могила 22, № 7605-143). На врезке – марки указанных фабрик

Чайная посуда из фаянса фабрики братьев Чекановых (1) и товарищества М.С. Кузнецова (3).
Усть-Балыкский некрополь: 1 – блюдце (могила 17, № 7605-121); 2 – чашка (могила 23, № 7605-147);
3 – блюдце (могила 23, 7605-148). На врезке – марки указанных фабрик

Подпрямоугольные берестяные коробки с крышками. Усть-Балыкский некрополь:
1 – могила 11, № 7605-90, 2 – могила 2, № 7605-10

Тюески из бересты (1-2) и крышка к коробке для швейных принадлежностей (3). Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 4, № 7605-31; 2 – могила 27, № 7605-193; 3 – могила 27, № 7605-191

Табакерки из бересты. Усть-Балыкский некрополь: 1 – могила 11, № 7605-91; 2 – могила 14, № 7605-108; 3 – могила 21, № 7605-142; 4 – могила 4, № 7605-29; 5 – могила 19, № 7605-135.

На врезке – изображения на дне табакерок (1–2)

Фрагменты поясов с нашивками и подвесками. Соровский (1–4) и Кингусовский I (5–6) некрополи:
1 – могила 8, № 7625-9; 2 – могила 56, № 7625-137; 3 – могила 18, № 7625-20, 4 – могила 22, № 7625-32;
5 – могила 10, № 7626-17; 6 – могила 10, № 7626-16

Глава 4. УКРАШЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА

4.1. Типология и область применения

Украшения принадлежат конкретному человеку, являются его собственностью при жизни и после смерти сопровождают его в другой мир. Порядок расположения их в погребении отражает представления не только о том, каким образом их носили. Все украшающие элементы в совокупности представляют в конкретной общности важную составляющую культуры народа в его историческом развитии. Украшения являются информацией для окружающих и средством передачи специфического образа поведения от одного поколения к следующему внутри одного сообщества.

Древнейшим значением украшений было их магическое предназначение, обеспечивавшее тому, кто их носил, защиту от злых духов и иных опасностей. Другой функцией является удовлетворение эстетических потребностей и самоутверждение человека.

Существуют разные типы украшений: головные (налобные, височные, накосные, ушные серьги, для головных уборов), лицевые (подвески, носовые и губные серьги), нагрудные (ожерелья, цепи, подвески и т.д.), наплечные, для рук (браслеты для запястий и выше локтя), пальцев, пояса, ног и пр.

Их типы и формы зависят от природных условий, от исторической эпохи, экономических и культурных контактов населения конкретного региона, от меняющихся направлений моды. Важную роль в выборе тех или иных украшений играют религиозные, классовые, семейные традиции. Существуют территориальные и этнические различия, различия по полу и возрасту. Многие украшения являются символами статуса, связанного с социальным рангом человека.

Украшения представляют собой одну из наиболее ярких и знаковых категорий инвентаря любого погребения от древнейших времен до этнографической современности. Благодаря их исследованию можно выявить не только время совершенного захоронения, но и определить пристрастия населения к определённым типам изде-

лий, зафиксировать появление новых видов украшений, выявить возможные пути поступления их на ту или иную территорию. Вероятно, именно поэтому любое археологическое исследование содержит, как правило, не только топографию украшений относительно частей тела погребённого человека, но и их классификацию, типологию, аналоги. Особенно тщательно и плодотворно исследованием средневековых украшений коренного населения Западной Сибири в последние три десятилетия занимались Л.А. Чиндина (1975, 1977, 1995, 2001), В.И. Молодин (1979), В.И. Соболев, А.И. Соловьёв (Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990), В.А. Могильников (1987), Б.А. Конилов (1993), О.Б. Беликова (1996), Л.М. Плетнёва (1997), А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров (2001), В.И. Семёнова (2001), другие известные исследователи-сибиреведы.

Одежда является наиболее стабильным и консервативным элементом культуры в плане символической ценности металла; она в принципе изменяется довольно медленно. Женская же одежда особенно долго сохраняет свои традиции (Прыткова, 1970, с. 6). Специфичность в оформлении одежды аборигенами Севера исследователи отмечали уже в начале XX в. Так, отлитые кустарным способом оловянные бляшки, которыми расшивали женскую одежду инородцы Тобольской губернии, авторами каталога этнографической выставки прямо названы «национальным остяцким украшением» (Изделия... 1911, с. 108). Ими, в частности, украшали женские суконные кафтаны, которые являлись старинным предметом шегольства, о чём повествует древний остяцкий эпос. Эти изделия представляли собой, во-первых, ажурные решётчатые отливки четырёхугольной или круглой формы (либо сочетание тех и других); во-вторых, отливки круглой формы, в центральной части которых были заключены круг с крестом или звёздочкой. Лицевая сторона изделий обычно украшалась по ободку кружками и по радиусам мелкими шишечками.

Именно эта серия нашивных украшений взята нами за основу при анализе коллекционного собрания салымских хантов, хранящегося в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета (кол. № 7625, 7626, 7627). Металлические отливки обнаружены в погребениях Соровского (15 погребений), Кинтусовского I (3 погребения), Кинтусовского II (2 погребения) некрополей. Кроме того, в этих могильниках найдены разнообразные типы подвесок, составляющих группу полифункциональных изделий, выпол-

нявших роль накладок/нашивок. Поэтому их выделение в какой-то степени условно и объясняется задачами формального упорядочивания коллекционного материала.

В силу различных обстоятельств (плохая сохранность и фрагментарность раскапываемых материалов, иногда большой вес и дороговизна при транспортировке коллекций, наконец, просто непонимание значимости полученных вещественных источников) далеко не все предметы попали в хранение в МАЭС ТГУ. По этой причине охарактеризовать их в полном объёме, с указанием точных количественных показателей по категориям и типам украшений не всегда представляется возможным. В связи с этим предлагаемые статистические данные относительны и отражают лишь те основные тенденции, которые удалось зафиксировать в оформлении одежды металлической гарнитурой, а характеристика групп украшений и их видовое содержание даны в обобщённом виде.

В.А. Дрёмовым, помимо названных видов изделий из Соровского и Кинтусовских кладбищ, были получены оригинальные материалы в окрестностях бывших юрт Каркатеевых и на р. Большой Балык. Инвентарные комплексы из этих некрополей заметно отличаются от салымских. Так, женская одежда расшита преимущественно бисером, бусами, пуговицами и лишь иногда – штампованными металлическими бляшками. Сравнительный анализ различных изделий из погребений позволяет сделать вывод о том, что ханты с р. Большой Балык особенно широко использовали ювелирные украшения. На шее и груди женщины носили ожерелья из бус и медных обручальных колец (иногда перстней). Последние, помимо их прямого назначения, часто применялись для украшения кос, воротников, нагрудников.

Ювелирные украшения более подвержены инновациям, поэтому при обработке коллекций основной акцент сделан на нашивные украшения из металла.

Остановимся на технике изготовления отливок. Начиная с XVII в. одним из металлов, используемых в ремесленных традициях народов Сибири, стало олово. Оно обладает хорошей пластичностью и текучестью, а низкая температура плавления позволяет лить его в корьевые формы. Как поделочный материал олово использовали в основном в северо-западных районах Сибири и на Северо-Востоке. В XIX–XX вв. его часто применяли при изготовлении мягких, лег-

коплавких припоев для работы с серебром (Павлинская, 1988, с. 74). У угров из этого металла отливали ажурные бляшки для одежды и довольно сложные ювелирные украшения (Лукина, 1985, с. 175–176; Фёдорова, 1988, с. 88).

Описание литейных форм для оловянных отливок в начале XX в. было сделано А.А. Дуниным-Горкавичем. Он отмечал, что их изготавливали из коры осокоря и «черных камней», на которых вырезали узоры (1996, с. 124–125). Оба способа – литьё в корьевые формы-изложницы и в каменные – нашли отражение в литературе. Литьё в каменную форму является одним из наиболее древних способов, уходящих истоками в эпоху бронзы. Салымские ханты, по видимому, делали оловянные отливки и в открытых каменных формах, состоящих из одной половины. При заливке металлом такую форму прикрывали куском бересты, чтобы воспрепятствовать его быстрому остыванию. Этот способ литья был хорошо известен хантам и манси р. Обь (Павлинская, 1988, с. 78). У манси изготовлением отливок обычно занимались женщины. Металл плавил в жестяном сосуде и разливали в формы, сделанные из мягкого камня [см. (Фёдорова, 1994, с. 115–116)].

Другим способом ажурного оловянного литья в культуре тех же народов было литьё в формах-изложницах, сделанных из коры тополя или сосны. Описание процесса их изготовления и плавки металла в них сделано С.В. Ивановым. Он отмечал небольшие размеры форм и способ нанесения узора на них обычным ножом. От узора до края формы прорезали желобок для заливки металла. Перед заливкой форму вымачивали в воде, чтобы предохранить от возгорания. После заполнения оловом её плотно накрывали куском бересты, прижимая рукой или куском дерева (Иванов С.В., 1963, с. 82). При этом способе литья отливки получались довольно тонкими с низким рельефом; поверхность их была пористой из-за текстуры формы и требовала более тщательной дополнительной обработки.

Совокупность таких специфических характеристик, как вид металла (олово) и литьё в корьевую форму, обособляет ремесленную традицию угров от остального сибирского региона, обнаруживая генетическое родство с культурой эстонцев, на что обратил внимание С.В. Иванов (Там же, с. 83; Павлинская, 1988, с. 78).

Аналогичные оловянные отливки были найдены Д.Т. Яновичем в 66 погребениях хантыйско-ненецких кладбищ Обдорского Севера.

В отличие от салымских хантов, аборигенное население не только нашивало и подвешивало их на одежду, но и широко использовало в культовой практике для оформления лиц при изготовлении кукол умерших (Мурашко, Кренке, 2001).

Переходим к классификации украшений. На визуальном уровне среди украшений салымских хантов различаются две группы изделий: нашивки/накладки и подвески. Они изготовлены из оловянисто-свинцовых, медных и бронзовых сплавов, иногда с примесью серебра. Поскольку спектральный анализ металлов не проводился, по внешним признакам их трудно расчленить на более дробные составляющие. Тем не менее по материалу выделены 3 отдела: 1 – из оловянисто-свинцовых сплавов, 2 – из бронзы/меди, 3 – из серебра.

Техника и способ изготовления позволяют выделить среди них привозные предметы и изделия местного производства. К последним относятся нашивки/накладки, а также цельнолитые подвески диско-видной и орнито-зооморфной формы, отлитые кустарным способом из оловянисто-свинцовых сплавов. Привозными являются литые и полые подвески-пуговицы, бубенцы, колокольчики, монеты, жетоны. Серия привозных украшений, будучи предметами ремесленного и фабричного производства, имеет более разнообразный по составу металл: меде- и бронзосодержащие сплавы, сплав бронзы с примесью серебра, латунь и т. п.

Следует также иметь в виду, что изделия, именуемые в дальнейшем «подвесками», могли быть использованы в качестве нашивок.

При классифицировании украшений за основные типобразующие признаки в группах были приняты форма предметов, оформление их лицевой стороны, наличие/отсутствие специальных деталей крепления; для нашивок – форма фигуры, помещённой в центр композиции.

Категория. Украшения одежды и её деталей. Выделена по функциональному назначению предметов.

Группа. Определена по способу крепления к материалу: *группа I* – нашивки/накладки, *группа II* – подвески.

Группа I. Нашивки – украшения, неподвижно закреплённые на меховой, кожаной, тканевой основе через отверстия, оборотными петлями и пр. Некоторые типы нашивок, например фабричные пуговицы, имели впаянные петли-ушки. Орнитоморфные нашивки имели

специальные петли для прикрепления к тканевой основе поясов и бортов одежды; их отливали вместе с нашивкой/подвеской. Большая часть предметов изготовлена путём отливки в односторонних формах из оловянисто-свинцовых сплавов. В настоящее время эти изделия имеют грязно-серый цвет и довольно рыхлую структуру. Лицевая сторона таких нашивок украшена вертикальным, наклонным или радиально расходящимся рубчиком, пуансоном, желобчатыми линиями или своеобразными «оттисками гребенчатого штампа», зубцы которого нанесены горизонтальным способом по периметру колец. Обратная сторона изделий обычно гладкая. Эти отливки являются исключительно местным видом украшений: их нашивали нитками в виде ажурных орнаментальных полос на воротники, края рукавов, подола, полы одежды, на пояса.

По форме предметов в группе I выделены 2 подгруппы: нашивки круглой формы и нашивки квадратной (подквадратной) формы.

Группа I. Подгруппа 1. Нашивки круглой формы.

Тип 1 (30 экз.). Плоские. Ажурные. Отдел 1, из оловянисто-свинцовых сплавов и латуни. Штампованные. Нашивки имеют форму круга с четырьмя вытянутыми сегментами, образующими в центральной части фигуру наподобие кентерберийского креста с расширяющимися оконечностями лучей (рис. 27, 1). Лицевая сторона украшена. Внешние стороны лучей зубчатые, край изделия по кругу оконтурен зубчиками или «витым шнуром». Обратная сторона гладкая. Диаметр изделий 8–10 мм, толщина около 5 мм. По оформлению сторон креста различаются 2 варианта: *вариант 1* – с рельефно выступающим гладким рубчиком-краем; *вариант 2* – с зубчатым оформлением сторон креста. Из-за плохой сохранности описание изделий этого типа приведено суммарно.

Происходят из трех женских захоронений Соровского некрополя – могилы 18 (2 экз.), 22 (16 экз.), 48 (1 экз.) и одного погребения Кинтусовского I – могила 31 (11 экз.).

Аналогичные нашивки зафиксированы А.Н. Багашёвым в могильнике южных хантов Чага [фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-72].

Тип 2 (15 экз.). Колесовидные. Плоские. Ажурные. Отдел 1, из оловянисто-свинцовых сплавов. Отлиты в односторонних формах. Нашивки имеют форму круга, с вписанной внутрь фигурой в виде прямого креста с равновеликими сторонами-лучами. Центр перекре-

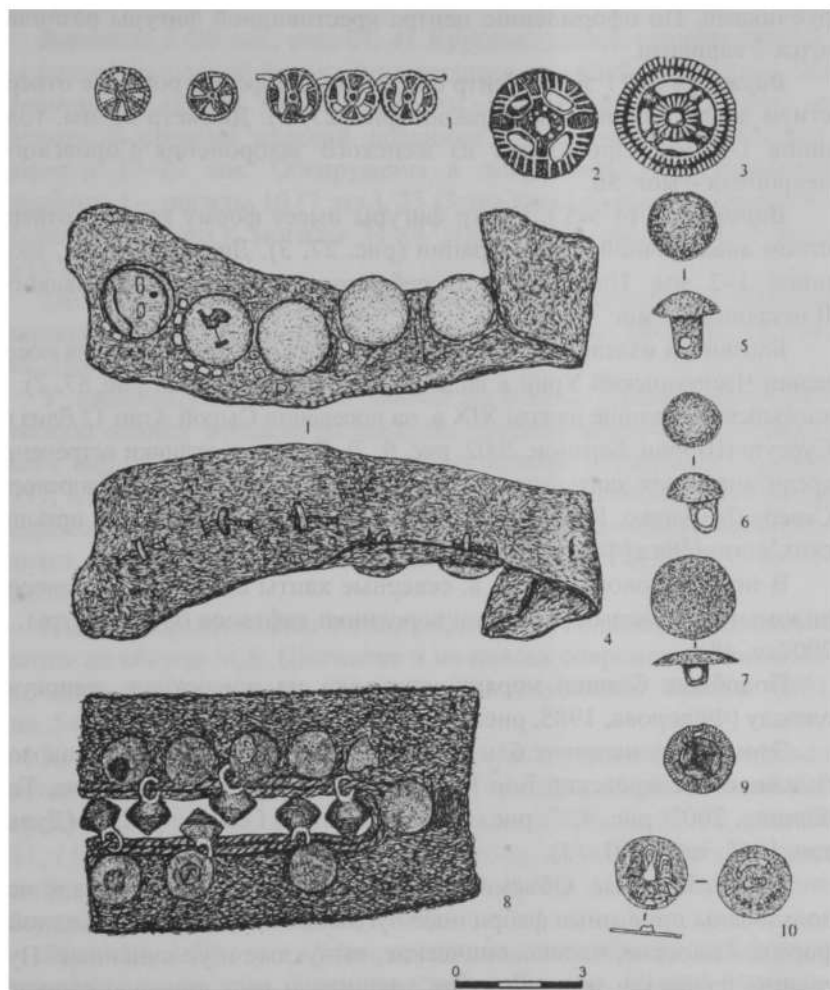

Рис. 27. Металлические нашивки круглой формы. Группа I, подгруппа 1: 1 – Соровское кладбище (могилы 18, 22, 48), Кинтусовское I кладбище (могила 31); 2 – Соровское (могила 56), 3 – Кинтусовское II (могила 4); 4 – Кинтусовское I (могила 23), Соровское (могила 56); 5 – Кинтусовское I (могила 10); 6–7 – Соровское (могила 31, 67); 8 – Соровское (могила 31), Кинтусовское I (могила 10); 9 – Соровское (могила 8); 10 – Соровское (могила 56)

стья ажурный. Лицевая сторона изделий декорирована поперечными рубчиками. По оформлению центра крестовидной фигуры различаются 2 варианта.

Вариант 1 (11 экз.). Центр фигуры имеет форму ромба, с отверстием аналогичной конфигурации (рис. 27, 2). Диаметр 25 мм, толщина 1–2 мм. Происходят из женского захоронения Соровского некрополя – мог. 56.

Вариант 2 (4 экз.). Центр фигуры имеет форму круга с отверстием аналогичной конфигурации (рис. 27, 3). Диаметр 30 мм, толщина 1–2 мм. Найдены в погребении женщины Кинтусовского II некрополя – мог. 4.

Близки им изделия из Юганского Приобья, обнаруженные на поселении Частухинский Урий в виде клада (Семёнова, 2005, рис. 57, 2), в хантыйском жилище начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургута (Шорин, Баранов, 2002, рис. 9, 7). Такие же отливки встречены среди инвентаря хантыйско-ненецких захоронений XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 118, 6) и на могильнике иртышских хантов Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-27, 68, 86).

В первой половине XIX в. северные ханты оловянными колесовидными нашивками украшали воротники кафтанов (Обские угры... 2002, с. 48).

Подобные бляшки коряки нашивали на ровдужную женскую одежду (Фёдорова, 1985, рис. 4).

Этому типу нашивок близки изделия XVII в. из селькупских могильников Бедеревский Бор II на р. Тым (Боброва, Максимова, Торощина, 2002, рис. 4, 7; рис. 7, 3) и Остяцкая Гора на р. Обь (Дульзон, 1955, табл. XII, 13).

Тип 3. Круглые. Объёмные и плоские. В качестве нашивок использованы привозные фабричные пуговицы круглой (дисковидной) формы – плоские, плоскоконические, выпуклые и уплощённые. Пуговицы нашивали на воротники, расшивали ими лицевую сторону кожаной и тканевой основы поясов. У изделий, не имевших петель или специальных ушек для прикрепления к ткани, пробивали отверстия. По технике производства среди них различаются 2 подтипа – полые и цельнолитые. По оформлению лицевой стороны в подтипе 1 различаются 2 варианта.

Вариант 1 – гладкие (без декора), **вариант 2** – рельефные (с декором).

Вариант 1 (38 экз., рис. 27, 4). Круглые, полые, гладкие пуговицы полусферической формы (уплощенные или слабовыпуклые), без орнамента. Сделаны из меди, бронзы, латуни. Имеют в центре на оборотной стороне изделий впаянные проволочные ушки-петли. Диаметр 17–22 мм. Обнаружены в погребениях Кинтусовского кладбища I – могилы 10 (7 экз.), 23 (3 экз.) и Соровского некрополя: могила 27 (1 экз.); могилы 31 (4 экз.); 42 (3 экз.); 56 (12 экз.); 86 (1 экз.).

Таковыми пуговицами ненцы и селькупы аналогичным образом зашивали широкие мужские пояса (Прыткова, 1970, с. 25, 88, рис. 10).

У васюганско-ваховских хантов мужчины подпоясывали распашную одежду поясами из ровдуги, лосиной кожи, сукна с нашитыми металлическими бляшками-пуговицами (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 90). Подобные пуговицы были использованы в качестве подвесок и нашивок на накосном украшении шамана васюганских хантов Афанасия Милимова (Кулемзин, 1976, рис. 6; 1977, с. 73–75, рис. 6, 18).

Изделия представлены в этнографических коллекциях ваховских хантов из сборов М.Б. Шатилова и на поясах современного хантыйско-ненецкого населения Нижней Оби (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 54).

Полые полусферические и слабовыпуклые пуговицы – довольно частая находка в захоронениях хантыйско-ненецких некрополей Обдорского Севера XIX в. (Мурашко, Кренке, 2001, с. 54–55, рис. 53, 121, 11). В конце XIX – начале XX в. наряду с кольцами, бубенцами, ромбовидными подвесками их использовали и для украшения ложных кос (Обские угры... 2002, с. 53).

Вариант 2 (20 экз.). Полые пуговицы плоскоконической формы. Рельефные с декором. Сделаны из меди/бронзы. Имеют впаянные ушки-петли с оборотной стороны (рис. 27, 8). Размеры: 7–10 мм. Обнаружены в погребениях Кинтусовского I кладбища (могила 10 – 18 целых, 2 фрагментированных).

Ненцы западных тундр, Ямала и северные ханты подобными пуговицами расшивали мужские пояса (Прыткова, 1970, с. 25, рис. 10;

Народы Севера Сибири... 1986, с. 179–181, рис. VII), а васюганские ханты украшали женские кафтаны (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 97).

Подтип 2. Вариант 1 (7 экз.). Цельнолитые, полусферической формы пуговицы, без орнамента. Сделаны из бронзы. Диаметр 14–20 мм, высота ножки с петлёй-отверстием до 15 мм. Обнаружены в погребениях Соровского некрополя: могилы 31 (2 экз.); 44 (1 экз.); 67 (4 экз.). Пуговицы «на ножке» использовали по их прямому назначению, застёгивая одежду.

Вариант 2 (3 экз.). Плоские, цельнолитые, дисковидной формы. С декором. Изготовлены из бронзы с посеребрением. Лицевая сторона орнаментирована, обратная гладкая. На некоторых из них сохранились остатки петель, утраченных или намеренно обломанных. Для прикрепления к основе в изделиях пробиты отверстия. Диаметр 8–10, 16 мм, толщина 0,5–2 мм. Лицевая сторона нашивок декорирована радиально расходящимися насечками, фигурой в виде выпуклого ромба (рис. 27, 9), на одной из пуговиц выгравировано изображение лебедя в фас с развернутыми и приподнятыми вверх крыльями (рис. 27, 10). Изделия найдены в женских погребениях Соровского некрополя – могилы 56 (2 экз.) и 81 (1 экз.).

Абсолютные аналоги орнитоморфному изображению известны на монетовидных подвесках из погребений хантыйско-ненецких кладбищ XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 131, 5, 6). Возможно, подобное изображение присутствует на предмете из Кыштовского могильника 2 (Молодин, 1979, табл. XLVII, 45).

Группа 1. Подгруппа 2. Отдел 1 – из оловянисто-свинцовых сплавов.

Нашивки квадратной (подквадратной) формы. Отлиты в односторонних формах в виде геометрической фигуры. Толщина изделий 1–2 мм, лицевая сторона орнаментирована различными способами, обратная гладкая.

По наличию/отсутствию окаймляющей рамки выделено 2 раздела: раздел 1 – изделия, не имеющие окаймляющей рамки; раздел 2 – изделия, имеющие окаймляющую рамку. В последнем случае в центральное поле рамки может быть вписана геометрическая фигура, лицевая сторона которой обычно декорирована тем же способом, что и сама рамка.

Раздел 1. Тип 4 (39 экз.). Нашивки представляют собой геометрическую фигуру, образованную в результате соединения четырёх слившихся сторонами колец. В центре композиции, на месте соединения сторон, располагается отверстие – фигура в виде ромба. Размеры: 27 × 24 мм, толщина около 2 мм. По орнаментации лицевой стороны различаются 2 варианта.

Вариант 1 (26 экз.). Лицевая сторона нашивок декорирована радиально расходящимся рубчиком или же оттисками, напоминающими зубцы гребенчатого штампа (рис. 28, 1–10). Размеры: 22 × 22, 25 × 25 мм. Происходят из некрополей: Соровского – могилы 8 (4 экз.), 22 (1 экз.), 28 (9 экз.), 41 (2 экз.), 48 (1 экз.), 56 (1 экз.), 66 (2 экз.), 79 (2 экз.), 81 (1 экз.) и Кинтусовского I – могила 12 (3 экз.).

Аналоги им известны в погребениях хантыйского кладбища Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-13, 35, 78, 79, 113, 127, 208).

В первой половине XIX в. северные ханты подобными нашивками украшали отвороты у воротников кафтанов (Обские угры... 2002, с. 48).

Вариант 2 (13 экз.). Лицевая сторона по центру каждого из колец декорирована глубокой желобчатой линией (рис. 28, 11). Оттиснутая окружность образует «кольцо в кольце». Размеры: 28 × 29 мм. Происходят из Соровского некрополя – могилы 79 (1 экз.), 81 (12 экз.). Их разновидностью являются нашивки с подобным декором, но в виде пунктирной линии.

Аналоги им встречены в инвентаре погребений кладбища Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-130, 156). Оба варианта нашивок широко представлены в некрополях XIX в. Обдорского Севера, где их использовали не только для украшения одежды, но и при оформлении лиц кукол – изображений умерших (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 145).

Раздел 2. Тип 5. Отдел 1, из оловянисто-свинцовых сплавов. Нашивки квадратной (подквадратной) формы. Имеют окаймляющую рамку, декорированную с лицевой стороны рубчатым кантом. Обратная сторона гладкая. Центр рамки оформлен в виде различных геометрических фигур – одной или нескольких.

В зависимости от набора элементов различаются 2 подтипа: 1 – с одной фигурой; 2 – с сочетанием из нескольких фигур.

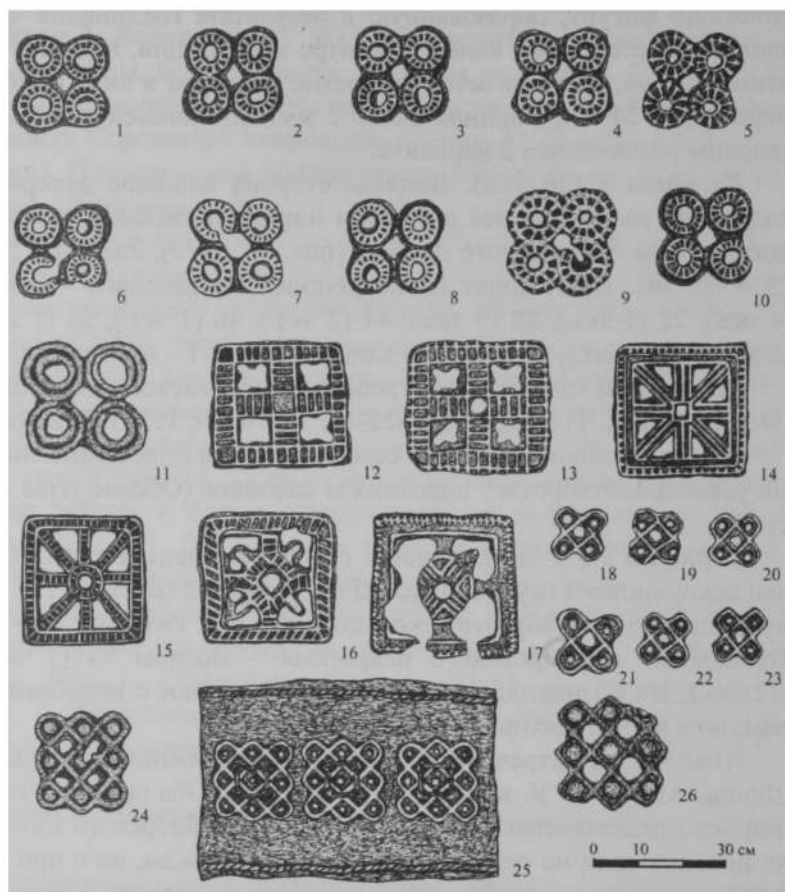

Рис. 28. Металлические нашивки квадратной (подквадратной) формы. Группа I, подгруппа 2: 1–10 – Соровское кладбище (могилы 29, 79); 11 – Соровское (могилы 79, 81); 12–13 – Кинтусовское II кладбище (могила 6), Соровское (могила 18); 14 – Соровское (могила 66); 15 – Соровское (могила 70); 16 – Соровское (могилы 18, 56, 81); 17 – Соровское (могилы 41, 56); 18–23 – Соровское (могилы 29, 56); 24, 26 – Соровское (могила 22); 25 – Кинтусовское I (могила 10)

По наличию орнаментации на лицевой стороне нашивок, наличию/отсутствию отверстия в центре композиции и его конфигурации проведено более дробное членение изделий на варианты и подварианты.

Тип 5. Подтип 1. Вариант 1 (6 экз.). Нашивки, центральная часть поля которых состоит из фигуры четырёхконечного креста с прямыми равновеликими лучами, вставленной в окаймляющую рамку. Лицевая сторона нашивки – рамка и стороны креста – декорированы прямым рубчиком. По оформлению центра композиции различаются фигуры, не имеющие отверстия (рис. 28, 12) и имеющие отверстия в виде круга или ромба (рис. 28, 13). Размеры: 28 × 30, 30 × 30 мм, толщина 2 мм. Происходят из Соровского некрополя – могила 18 (3 экз.) и Кинтусовского II – могила 6 (3 экз.).

Аналоги им известны в инвентаре погребений XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 118, 4).

Тип 5. Подтип 1. Вариант 2 (15 экз.). Нашивки, центральная часть поля которых состоит из фигуры в виде восьмилучевой звезды с ромбическим или округлым ажурным центром. Размеры: 28 × 30 и 30 × 30 мм. Происходят из Соровского некрополя.

По орнаментальному оформлению лучей в нём различаются 2 подварианта.

Подвариант А. С линейной орнаментацией лучей (рис. 28, 14). С отверстием или без отверстия в центре композиции. Размеры: 30 × 30 мм, толщина 2 мм. Изделия обнаружены в погребении женщины из Соровского некрополя – могила 66 (7 экз.).

Подвариант Б. С рубчатой орнаментацией лучей (рис. 28, 15). В центре композиции расположено отверстие. Размеры: 28 × 30 мм, толщина 2 мм. Отливки найдены в захоронении женщины из того же некрополя – могила 70 (8 экз.).

Подтип 2. Вариант 1 (7 экз.). Нашивки, центральная часть поля которых состоит из сочетания нескольких фигур: креста с прямыми равновеликими лучами и вписанного в него круга или ромба с вырастающими из его сторон короткими лучами-отростками (рис. 28, 16). В центральной точке композиции имеет отверстие в виде ромба или круга. Лицевая сторона украшена рубчатым орнаментом. Размеры: 29 × 30, 30 × 36 мм, толщина 2 мм. Обнаружены в Соровском некрополе – могилы 18 (6 экз.), 56 (1 экз.).

Подобные изделия присутствуют в погребениях 3, 17, 21 могильника Чага (МАЭС ТГУ, кол. № 7622).

Подтип 2. Вариант 2 (10 экз.). Аналогичен предыдущему, но не имеет отверстия в центре композиции. Размеры: 25 × 25, толщина 1–2 мм. Происходят из Соровского некрополя – могила 81.

Подтип 2. Вариант 3 (3 экз.). Нашивки, центральная часть поля которых состоит из сочетания нескольких фигур, не читаемых из-за плохой сохранности (рис. 28, 17). Имеют отверстие в центре композиции. Лицевая сторона украшена рубчатым орнаментом. Размеры: 30 × 30 мм, толщина 2 мм. Происходят из того же некрополя – могилы 34 (1 экз.), 41 (1 экз.), 56 (1 экз.).

Тип 6 (34 экз.). Отдел 1, из оловянисто-свинцовых сплавов. Плоские нашивки-решётки. Изделия квадратной или подпрямоугольной формы в виде решётки, составленной из квадратов/ромбов с пуансоном в центре каждого из них. Отливки изготовлены из фигур по принципу косой сетки и образуют ажурный сотовый орнамент. Обратная сторона гладкая.

По количеству заполняющих изделие фигур выделены 2 варианта.

Вариант 1 (19 экз.). Плоские нашивки в виде решетки из 4 квадратов/ромбов (рис. 28, 18–23). Размеры: 10 × 13; 15 × 15; 20 × 24 мм, толщина около 1,5 мм. Происходят из Соровского некрополя – могилы 29 (9 экз.), 56 (5 экз.), 75 (5 экз.).

Аналоги им встречены в инвентаре погребений могильника Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622–80), на святилище Ермаково I (Морозов, 1992, рис. 5, 11).

Восточные манси подобными металлическими отливками украшали пришивные воротники женских рубаш (Рындина, 1995, с. 253, рис. 25, 2).

Вариант 2 (15 экз.). Плоские нашивки в виде решётки из 9 квадратов/ромбов (рис. 28, 24–26). Размеры: 18 × 18, 20 × 23, 24 × 25 мм, толщина около 1,5 мм. Происходят из могилы 22 (2 экз.) того же некрополя и Кинтусовского I – могила 10 (вместе с фрагментированными – 13 экз.).

В погребальных комплексах хантыйско-ненецких кладбищ XIX в. они представлены десятками и сотнями экземпляров, причём есть изделия, абсолютно идентичные кинтусовским и соровским.

Они соотносятся с выделенными О.А. Мурашко и Н.А. Кренке вариантами 5, 6, 9 (2001, с. 50; рис. 118, 7, 9, 10).

Изделия данного типа напоминают бронзовые ажурные пряжки из Юганского Приобья: они имеют рамку квадратной или прямоугольной формы, центральная часть которой выполнена в виде ажурной решётки с геометрическим симметричным орнаментом. Пряжки обнаружены в погребениях XVI – начала XVII в. Частухинского Урья. В.И. Семёнова выделяет их в тип 8 (2001, с. 79, табл. 52, 8; 2005, рис. 43, 5, 6).

Эта форма отливок, вероятно, восходит к формам бронзовых украшений Нижнего Приобья, известным на этой территории на рубеже I–II тыс. н. э. (Чернецов, 1957, табл. 29).

Наиболее ранние отливки оловянных плоских накладок в виде решёток найдены в погребениях 9 и 26 Ендырского 1 могильника. Они датируются второй половиной XV–XVI в. А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров считают их «типичным украшением хантыйского женского костюма» (2001, с. 187, 198, рис. 57Б, 19; 74Б, 4). В Сургутском Приобье они продолжали бытовать и в первой половине XVII в., о чём свидетельствуют находки из погребения 6 Сайгатинского II могильника. Небольшие по размерам решётки ромбовидной и округлой формы найдены на святилище Ермаково 1 (Морозов, 1992, рис. 5, 13) и в могильнике Кыштовка 2 в погребениях XVII – начала XVIII в., где они не относятся к массовым находкам (Молодин, 1979, с. 96, табл. XLVII, 37–40; Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, рис. 63, 22–23).

Мелкие оловянные накладки встречены в могильнике Окунево VII в низовьях р. Тара, в могиле 254 XVII в. (Матюшенко, 2003, с. 46, рис. 69, 7–9).

Оформление костюма подобными нашивками зафиксировано в этнографии северных хантов. Известно, что в первой половине XIX в. оловянными бляшками, составленными из девяти ромбических фигур, они украшали полы, подолы и рукава кафтанов (Обские угры... 2002, с. 48). Восточные манси абсолютно такие же отливки прикрепляли на пришивные воротники женских рубаш (Рындина, 1995, с. 253, рис. 25, 2).

Тип 7 (17 экз.). Крестовидные (рис. 29, 1–11). Накладки / нашивки из белой бронзы. Выполнены в технике плоского литья с одно-

сторонней орнаментацией. Центр накладок оформлен в виде полой ромбической фигуры, а центр лучей-лепестков выделен пуансоном.

Происходят из захоронений Соровского некрополя – могилы 29 (14 экз.), 48 (1 экз.), 56 (1 экз.), 66 (1 экз.). Размеры: 15 × 15, 10 × 10 мм.

По оформлению площади около пуансона различаются 2 варианта.

Вариант 1 – с орнаментацией в виде звездочки (цветок с лепестками вокруг пуансона – рис. 29, 7–11).

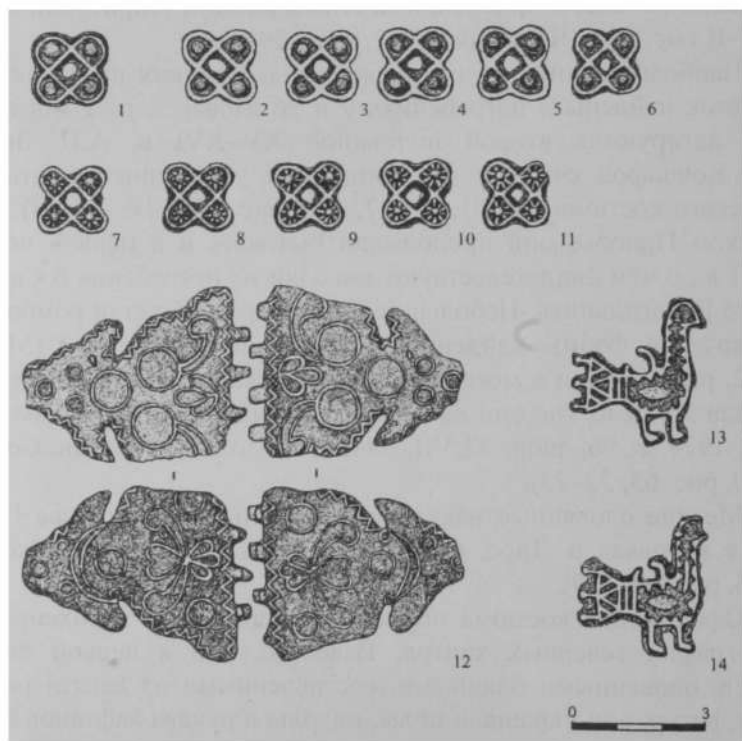

Рис. 29. Металлические крестовидные (группа 1, подгруппа 2) и орнито-зооморфные нашивки: 1–11 – Соровское кладбище (могилы 29, 47, 48, 79, 81); 12 – Соровское (могила 56); 13–14 – Кинтусовский I некрополь (могила 31)

Вариант 2 – без орнаментации. Плохая сохранность изделий не позволяет провести их статистическую обработку, поэтому описание приведено суммарно.

Крестовидные накладки имеют широкую дату бытования. В таёжной зоне Западной Сибири они известны с VII–VIII по XVI – начало XVII в. (Чернецов, 1957б, табл. XXIX, 6–8; Коников, 1978, с. 63, 64, табл. IV, 4; Дульзон, 1955, табл. XIII, 8).

Прототипы крестовидным нашивкам в различных вариантах встречаются во многих западносибирских памятниках, но особенно характерны они были для таёжного населения Западной Сибири в XIII–XIV вв. В это время они получили широкое распространение на большой территории – от Зауралья на западе до р. Енисей – на востоке.

Появление крестовидных накладок А.П. Зыков и С.Ф. Кокшаров относят к концу XII–XIII вв. и считают, что в XIII–XIV вв. они были известны уже в массовом количестве (2001, с. 182).

Такие изделия обнаружены в инвентаре погребений XII–XIII вв. Ликинского (Викторова, 1973, табл. XIV, 12) и Пылаевского могильников (Кутаков, Старков, 1997, с. 133). Найдены на святилищах острова Вайгач (Хлобыстин, 1993, рис. 1, 1, 3), на Ямале на поселении Тиутей-Сале I и местонахождении Юрибей XIII (XII–XIV вв.) (Фёдорова, Косинцев, Фицхью, 1998, рис. 18, 2; Брусницына, Ошепков, 2000, с. 88). Приблизительно в это же время они появляются в некрополях Нижней Оби – Кинтусовском, Уна-Пай (Чернецов, 1957, табл. XLV, 19, 21) и Сургутского Приобья: Барсов Городок (Арпе, 1935, Fig. 122, 147), Сайгатинские I, III, IV и VI (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 182); продолжают встречаться и в памятниках XV–XVII вв. – Ендырский I могильник (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 182; рис. 74Б, 5–10), Моховая XLVI (Стефанов, 2003, с. 200, ил. 15, 3, 4, 9, 10).

Крестовидные нашивки известны и в одновременных памятниках Прииртышья (Чернецов, 1957; Могильников, 1987, табл. LXXXI, 12; ХСI, 24–25; Коников, 1993, с. 149), в инвентарных комплексах некрополей Нарымского Приобья – Иготкинского, Тяголовского, Алдыган (Боброва, Торошина, 1999, рис. 3, 5; Боброва, 2003а, с. 24–26, рис. 1, 2; Яковлев, Боброва, 1996, с. 384; Боброва, Яковлев, 1999, с. 259).

Средние и мелкие накладки с короткими лучами представлены в Юганском Приобье в погребениях Частухинского Урья конца XVI – начала XVII в. (Семёнова, 2005, рис. 56).

В Нарымском Приобье они зафиксированы в кургане 5 погребении 1 и кургане 8 Пачангского могильника XVI в. (Дульзон, 1955, с. 240–241, 248).

Крестовидные накладки/нашивки в числе прочих изделий из белой бронзы отнесены В.Д. Викторовой и В.А. Могильниковым к серии специфически «нижнеобских» предметов (Викторова, 1973, с. 167; Могильников, 1987, с. 173).

Аналоги им присутствуют в комплексах хантыйско-ненецких погребений XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 118, 5).

Тип 8. Орнито-зооморфные. Из оловянисто-свинцовых сплавов. По видовой принадлежности фигур выделены 2 варианта.

Вариант 1. Орнитоморфные (13 экз.). Нашивки или подвески в виде профильного изображения птицы – тетерева (?), идущей вправо. Изделия имеют специальные петли для крепления, отлитые на спине птицы вместе с её туловищем. Лицевая сторона декорирована «рубчиком» и резными линиями, передающими положение крыльев, головы, туловища, ног птицы, возможно, её оперение; подчеркнуты сложенные на спине крылья, горделивая поза птицы, её хвост. Точкой-углублением прорисован глаз (рис. 29, 13–14). Обратная сторона изделий гладкая.

Обнаружены в погребении женщины из Кинтусовского I некрополя – могила 31.

Наиболее древние птицевидные отливки известны в пермском литье VI–VIII вв. (Оборин, 1976, разд. II, ил. 4). Салымским изделиям по проработке деталей и оформлению близки плоская и объёмные орнитоморфные подвески X–XI вв. из Сургутского Приобья, из жертвенного комплекса Сайгатинского могильника VI (Древние бронзы Оби... 2000, № 22, 251–254) и птицевидные подвески из могильника Барсов Городок (Arne, Grab. 8 Fig. 26; 52 Fig. 111; 69 Fig. 137).

Аналоги известны и в Прииртышье, в могильнике развитого Средневековья Кипы III – курган 7, погребение 2 и курган 17, погребение 1 (Конилов, 1993, рис. 27, 10; 31, 19).

Птицевидные подвески, правда двустороннего литья, найдены в Юганском Приобье, в Усть-Балыкском могильнике и в инвентаре некрополя Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622).

По классификации В.И. Семёновой, подобные изделия относятся к типу 3–1 (2001, табл. 45). При их характеристике исследователь подчеркивает традиционно местную манеру проработки деталей, выразившуюся в наличии на фигурках отлитых «жемчужин» и в сложенных на спине крыльях (Там же, с. 64).

Вариант 2. Зооморфные (две части от одного предмета). Изделие состоит из равнобедренных, одинаково декорированных половинок. Максимальные размеры: длина 50, ширина 40 мм, толщина около 1 мм. Декор на них напоминает изображение фигуры медведя в ритуальной позе (рис. 29, 12). Концы половинок оформлены в виде морды зверя: на пластине симметрично расположено два небольших круга, передающих глаза, между которыми на краю пластины присутствует ещё один кружок меньшего диаметра – «нос» зверя. Шея животного передана вогнутыми краями меньшей ширины, чем торс. Торс передан частично. Широкий край пластины срезан прямо и имеет выступающие отростки-зубцы, между которыми в пазы вставляются зубцы другой, аналогичной пластины, образуя соединение их по типу шарнирного.

Возможно, изделие выполняло функцию декоративной пряжки или застежки. Найдено в погребении женщины из Соровского некрополя – могила 56.

Абсолютно идентичные предметы получены Д.Т. Яновичем на кладбище XIX в. Халас-Погор – могила 164 (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 118, 13) и А.Н. Багашёвым при раскопках могилы 37 некрополя Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622). О.А. Мурашко и Н.А. Кренке считают, что предмет представлял собой отливку, прототипом для которой была взята книжная застежка (?).

Аналогичным образом выглядит на ритуальном празднике морда зверя, глаза и нос которого закрывают плоскими круглыми нашивками, а на голову надевают цветной платок (Обские угры... 2002, с. 23).

Группа II. Подвески. По технике изготовления в группе выделены 2 подгруппы: подгруппа 1 – цельнолитые, подгруппа 2 – по-лые.

Подгруппа 1. Цельнолитые. По технике изготовления в ней различаются 2 типа изделий: тип 1 – плоские, тип 2 – объёмные.

Тип 1 (28 экз.). Плоские, дисковидные. По конструктивным деталям предметов и оформлению их лицевой стороны выделены 3 варианта.

Вариант 1 (10 экз.). Подвески, отлитые в виде диска, с круглым ушком вверх, с отверстием, расположенным в той же плоскости, что и сам диск (рис. 30, 1). Лицевая сторона декорирована рельефными, радиально расходящимися от центра шестью лучами. Концы пяти из них заканчиваются пуансоном. Середина композиции представляет собой круг с пуансоном в центре. Обратная сторона гладкая. Диаметр 15–18 мм, толщина 2 мм. Изделия найдены в погребении женщины из Соровского некрополя – могила 83.

Близки им монетовидные подвески из Ендырского 1 могильника – погребение 5 (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 133, рис. 53, 5) и особенно диски, найденные в Барабе на городище Новорозино-1 (Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, рис. 61, 16, 17).

Вариант 2 (14 экз.). Подвески аналогичны варианту 1, но имеют в нижней, противоположной к отверстию, части вырез прямоугольной формы, отчего изделие приобретает антропоморфные черты, образуя своеобразную фигуру человека с широко расставленными ногами, в одежде. Диаметр 18–22 мм, толщина 2 мм. Отличаются по декору лицевой стороны, которая оформлена рельефными полосками-рубчиками. Центр композиции представляет собой крестообразную фигуру, заполненную ими (рис. 30, 2–11). Обнаружены в Соровском некрополе – могилы 29 (11 экз.), 35 (3 экз.).

Абсолютные аналоги известны в инвентаре четырёх погребений из некрополя Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-3, 64, 112, 169).

Вариант 3 (4 экз.). Подвески аналогичны вариантам 1 и 2. Отличаются отсутствием декора на лицевой стороне изделий. Обнаружены в Соровском некрополе в погребении женщины – могила 56.

Данному типу подвесок аналогичны изделия из могильника Ендырского 1 – погребения 9 и 13 (Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 57, 17, 18, 21; 61, 1), время существования которых – вторая половина XV в. (Там же, с. 191). Такие же предметы встречены в инвентаре могильника Усть-Балык (погребения 190, 266, 299). В.И. Семёнова относит их к лунницам (тип 2) – подвескам в виде полумесяца с петлей для подвешивания. Среди них есть экземпляры, близкие салымским (по классификации В.И. Семёновой, вариант 1, группа 1, подгруппы 1а и 1б (Семёнова, 2001, с. 64, табл. 44). Их крупные разме-

ры, специфическая орнаментация в виде грубого рубчика и крупных жемчужин свидетельствуют, по ее мнению, о местном их изготовлении по привозным образцам болгарского или новгородского производства (Там же, с. 63–64).

Тип 2 (2 экз.). Бронзовые с посеребрением (?) пуговицы фабричного производства. Круглые, выпуклые, рельефные. На лицевой стороне выгравирован рисунок в виде герба (?), основными составляющими которого являются голова быка и корона над ней. Внизу полукругом по периметру помещена надпись «Забайкальский». Обнаружены в женском погребении Соровского некрополя – могила 83.

Подобные пуговицы, но с иными сюжетами встречены в захоронениях XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, с. 54–55, рис. 120, 4–17).

Тип 3. Объемные (69 экз.). К этому типу изделий отнесены цельнолитые подвески-пуговицы из меди, бронзы, оловянисто-свинцовых сплавов ремесленного или фабричного производства. Цельнолитые, с шарообразным, округлым, уплощенным, коническим или гранёным туловом и непропорционально большим ушком. Диаметр изделий от 5–9 до 15 мм. Особенно часто встречаются пуговицы шарообразной формы, которые получили в литературе название «гирьковидные». По наличию/отсутствию декора среди них различаются 2 варианта: 1 – с декором (рис. 27, 8), 2 – без декора (рис. 30, 12–21). Декор, как правило, помещён на нижней половине пуговиц и представляет собой радиально расходящиеся от центра насечки, окружности, углубления-лепестки, пуансон. Изделия использовали в основном в качестве подвесок для украшения одежды.

Обнаружены в Кинтусовском I – могилы 4 (1 экз.), 10 (16 экз.), 12 (1 экз.), 31 (9 экз.), Кинтусовском II – могила 6 (1 экз.) и Соровском могильниках – могилы 8 (7 экз.), 18 (2 экз.), 22 (5 экз.), 29 (7 экз.), 30 (2 экз.), 41 (1 экз.), 56 (13 экз.), 70 (1 экз.), 83 (2 экз.).

Ближайшие аналоги им известны в хантыйско-ненецких погребениях XIX в. Обдорского Севера (их пришивали к нижним кромкам поясов) (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 104, 2; 122, 3–5) и в могильнике Частухинский Урий (Семёнова, 2005, рис. 52, 2, 3).

Аналогичные пуговицы из бронзы и иных цветных металлов были распространены на большой территории и в широких хронологических пределах: от Новгорода на северо-западе, где они встречены в слоях, датированных после 1096 г. [см. (Зыков, Кокшаров, 2001,

с. 177)], до Притомья и Причулымья на востоке, где они найдены в погребениях XVI–XVII вв. в могильниках Козюлинском, Черныльшиковском, Тояновом Городке, Басандайском, Тургайском (курган 5, № 10); Балагачевском (курган 32, № 20), Ингарском [Плетнёва, 1990, с. 97, рис. 25, 5, 7, 20; 32, 22, 29; 38, 9; 39, 2; 45, 15–17; 46, 2, 17, 18; 47, 8, 11, 12; 48, 1; Рейно, 1993, рис. 5, 22).

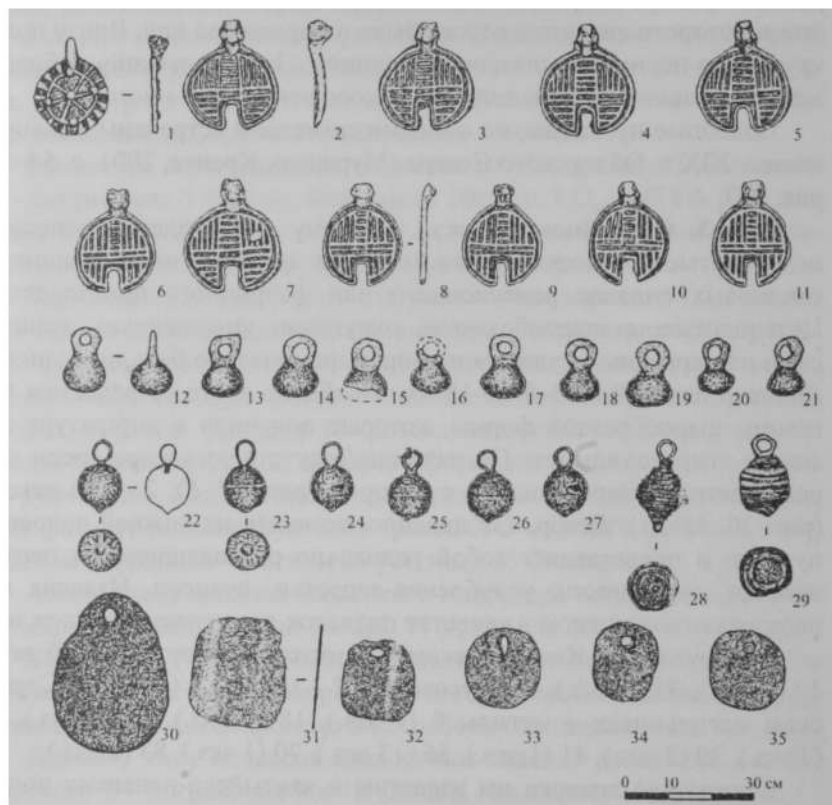

Рис. 30. Металлические подвески. Группа II: 1 – Соровское кладбище (могила 83); 2–11 – Соровское (могилы 29, 35); 12, 21 – Соровское (могилы 8, 22, 29, 30, 32, 34, 41, 45, 47, 48, 56, 66); 13–14 – Кинтусовское I кладбище (могила 31); 22–27 – Соровское (могилы 22, 29, 79); 28 – Кинтусовское I (могила 10); 29 – Кинтусовское I (могила 30); 30 – Соровское (могила 8); 31–35 – Соровское (могилы 56, 81), Кинтусовское I (могила 10)

У нарымских селькупов женщины, вплетая в косы низки из цветных стеклянных бус и бисера, пришивали к ним медные пуговицы шаровидной или конической формы, дополняя их медными трубочками-пронизьями. Такие украшения встречены в погребениях XVI–XVII вв. в могильниках Пачангском и на Остяцкой Горе (Дульзон, 1955, с. 231–234; Дульзон, 1955а, с. 113, табл. XII, 2).

Есть подобные пуговицы в инвентаре тарских татар XVII–XIX вв. некрополя Бергамак II (Корусенко, 2003, рис. 57, 10).

В Барабе они обнаружены в могильниках Абрамово 10 (Молодин, Соболев, Соловьёв, 1990, рис. 61, 40–42, 63, 20) и Кыштовка-2 (Там же, рис. 63, 10, 11; Молодин, 1979, рис. 30; табл. XLVII, 3, 6, 14–17, 29–34).

Медные пуговицы, привозимые «с Руси», были найдены при раскопках Кузнецка XVII в. (Кауфман, 1994, с. 55, рис. 3, 7–9).

В.И. Молодин относит подвески-пуговицы к наиболее массовым предметам инвентаря позднесредневековых могильников Сибири и отмечает их территориальное распространение в Евразии от Вычегодского края до Бурятии. Судя по расположению в погребениях, их не только нашивали на костюм, но и применяли по прямому назначению в качестве пуговиц. Исследователь, не исключая импортного характера некоторых изделий, в то же время подчеркивает, что оловянные подвески могли быть изготовлены и местными мастерами (Молодин, 1979, с. 95–96).

Подгруппа 2. Полые подвески-пуговицы.

Тип 4 (35 экз.). Полые, лимоновидной формы, гладкие. Сделаны из латуни/меди (?), серебра. Состоят из двух половин, внизу имеют небольшое утолщение-наплыв, вокруг которого радиально расположены насечки. Диаметр 10, высота 12 мм. Петля впаяна сверху, сделана из проволоки прямоугольного сечения. Обнаружены в погребениях Соровского некрополя – могилы 22 (22 экз.), 29 (10 экз.), 79 (3 экз.). Есть в инвентаре могильника Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-94).

Такие пуговицы встречены в погребениях XIX в. на Нижней Оби (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 122, 8, 11), в могильнике Частухинский Урий (Семёнова, 2005, рис. 52, 4), в погребениях XVIII–XIX вв. Тискинского могильника из Нарымского Приобья (Боброва, 1984, рис. 1, 9, 11), в могильнике Кыштовка-2 из Барабы (Молодин, 1979, табл. XLVII, 10).

Тип 5 (1 экз.). Полые серебряные пуговицы с впаянной проволочной петлей сверху и шишковидным утолщением внизу. Основа изделия имеет ромбическую форму; на неё по спирали намотана серебряная сканая проволока (рис. 30, 28). Диаметр – 12, высота (без петли) 18 мм. Происходят из Кинтусовского I некрополя – могила 10.

Аналоги известны в могильнике Чага (фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622) и хантыйско-ненецких погребениях Нижней Оби (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 122, 2).

В XIX в. Сибирь была рынком массового сбыта пуговиц, которые пользовались большим спросом у остяков и самоедов на Обдорской ярмарке: среди металлических изделий именно латунные пуговицы занимали главное место. Они обнаружены в 113 погребениях хантыйско-ненецких кладбищ XIX в. (Мурашко, Кренке, 2001, с. 52). Среди них различаются металлические – литые и полые, а также пуговицы, сделанные из стеклянных и фарфоровых (?) бус, с впаянной в них сверху металлической проволочной петлей. Последний тип бус зафиксирован в Кинтусовском I некрополе – могила 30 (12 экз.) и Соровском (рис. 30, 29).

Тип 6 (126 экз.). Монетовидные подвески круглой (округлой) формы из бронзы/меди, латуни. По технике изготовления различаются два варианта: 1 – вырезанные из пластин; 2 – отчеканенные; по оформлению сторон выделяются гладкие и рельефные.

Вариант 1 (16 экз.). Вырезанные из медных и бронзовых пластин, плоские гладкие подвески/нашивки округлой/круглой формы. Без орнамента (рис. 30, 30–35). Для прикрепления к основе в них пробивали отверстия. Размеры: 26 × 25, 25 × 20, 18 × 17 мм, толщина 1–2 мм. Обнаружены в Соровском некрополе, в могилах 56 (3 экз.) и 81 (13 экз.).

Эти подвески/нашивки являются простейшими и, вероятно, наиболее древними. Они широко представлены в погребениях XV–XVII вв. Нарымского Приобья в могильниках Тискинском, Иготкинском, на Остяцкой Горе, причем ими не только украшали одежду, но и нашивали на лицевые покрытия (Боброва, 1994, с. 303). Круглые и монетовидные бляшки одностороннего литья встречены в Барабе, в Кыштовском могильнике (Молодин, 1979, с. 96, табл. XLVII, 41, 47).

Вариант 2 (110 экз.). Рельефные. Декорированы с обеих сторон. По технике и художественному оформлению различаются 2 подварианта: А – жетоны, Б – монеты.

Подвариант А (100 экз.). Жетоны. Из меди, бронзы, латуни (?). Диаметр 19–28 мм, толщина 0,5 мм. Подвески/нашивки из жетонов, с пробитыми отверстиями для крепления. Найдены в некрополях Соровском – могилы 8 (9 экз.), 22 (15 экз.), 56 (34 экз.), 83 (4 экз.) и Кинтусовском I – могилы 4 (12 экз.), 10 (15 экз.), 31 (11 экз.).

По сюжетам, помещенным на аверсе и реверсе, среди них различаются изделия с изображением аллегорических сцен (девушка с распускающимся цветком в руке); портретов исторических деятелей (Людовик XVI); воинов и героев в античной одежде. На реверсе встречены сюжеты в виде сердец, пронзенных стрелой; пары голубей; геральдических знаков и т.п. (рис. 31, 1–2).

Жетонами оформляли нагрудные украшения, головные уборы, косы, использовали их в качестве нашивок на одежду, как это практиковалось у населения Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 51, 1–8).

В XVII в. ими расшивали пояса жители Прикетья. Такой пояс обнаружен в погребении Лукьяновского I могильника (Гребнева, Архив МАЭС ТГУ, д. № 843, л. 39–40). Пояса с таким оформлением лицевой стороны выделены А.И. Бобровой и Я.А. Яковлевым в группу II, отдел 2, тип Б (1994, с. 65).

Подвариант Б. Монеты (10 экз.). Диаметр 27–40 мм, толщина 2 мм.

Подвески/нашивки из монет обнаружены в Соровском некрополе в могиле 81 (1 экз.). Аверс и реверс на них забиты и не читаются.

Монетовидные подвески с надписью на арабском (?) языке найдены в Кинтусовском I некрополе – могила 31 (9 экз.) – рис. 31, 3.

В целом монеты являются довольно частой находкой в некрополях салымских хантов. Их клали около головы, пояса, ног покойного, большая их часть локализовалась в области грудного отдела. Эти монеты не имели специально пробитых отверстий, их не прикрепляли к одежде, они выполняли свою непосредственную функцию и были положены в качестве денег.

Монетовидные пластинки-подвески и жетоны с отверстиями для нашивания или подвешивания есть в Кыштовском могильнике. К этому же типу изделий, по-видимому, относятся бронзовые круглые

бляшки, выполненные путём одностороннего литья (Молодин, 1979, с. 96, табл. XLVII, 41, 47).

В грунтовом могильнике XVIII в. Путяка на р. Кеть обнаружен пояс, к которому монеты были прикреплены в качестве подвесок (Гребнева, 1977). По классификации А.И. Бобровой и Я.А. Яковлева, он отнесён к группе III, отделу 2, типу Б, варианту «а» (1994, с. 69, рис. 2).

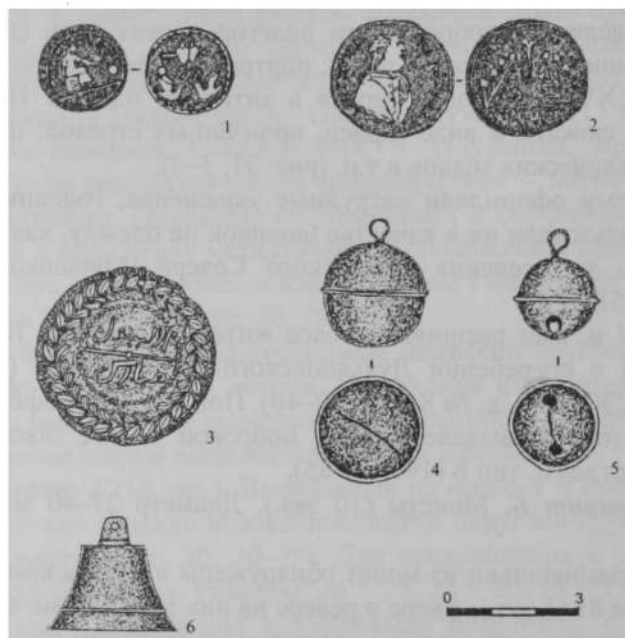

Рис. 31. Металлические монетовидные (1–3) и полые подвески. Группа II: 1 – Кинтусовское I кладбище (могилы 4, 10, 31), Соровское кладбище (могилы 8, 22, 56, 83); 2 – Кинтусовское I (могила 31), Соровское (могилы 22, 56); 3 – Кинтусовское I (могила 31); 4–5 – Соровское (могилы 29, 42); 6 – Кинтусовское I (могила 31), Соровское (могилы 8, 56)

Монетовидные подвески и жетоны-нашивки встречены в хантыйско-ненецких погребениях XIX в. Обдорского Севера (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 51, 1–8).

В XIX–XX вв. татары Среднего Прииртышья украшали гладкими и орнаментированными монетовидными подвесками/нашивками накосники и плечевую одежду (Смирнова, 2004, табл. 18, 2, 4), а южно-хантыйские женщины – нагрудники (Обские угры... 2002, с. 15, 23).

Татары Поволжья и Урала используют до сих пор аналогичные виды подвесок/нашивок при оформлении налобных, височных, шейно-височных, накосных и нагрудных украшений (Суслова, Мухамедова, 2000, с. 198–238).

Подгруппа 3. Полье.

Тип 2. Бубенчики (8 экз.). Бронзовые/медные/латунные. Сделаны из двух половин. Место соединения выделено рубчатым швом. Имеют впаянные ушки. Диаметр: от 18 до 24, высота – от 12 до 29 мм, толщина стенок около 1 мм. Внутри изделий сохранилось било. При встряхивании они издают мелодичный звон.

По оформлению нижней части изделий выделены 2 варианта.

Вариант 1 (6 экз.). С узкой шлефовидной линейной прорезью (рис. 31, 4). Обнаружены в Соровском некрополе, в погребении женщины с ребёнком – могила 29.

Аналоги известны в Ендырском I могильнике (Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 79, 38).

Вариант 2 (2 экз.). С гантелевидной прорезью (рис. 31, 6). Найдены в том же погребении.

Такие бубенцы встречены в Ендырском I могильнике XV–XVI вв. (Зыков, Кокшаров, 2001, рис. 51-Б, 2, 3; 68-Б, 1; 70-Б, 7).

Аналоги для обоих вариантов присутствуют в инвентаре погребений Юганского (Семёнова, 2001, с. 68) и Сургутского Приобья: в могильнике первой половины XVII в. Моховая XLVI (Стефанов, 2003, ил. 14, 1), в культурном слое городища Ермаково I конца I – начала II тыс. н. э., на позднем хантыйском святилище, расположенном на этом же памятнике (Морозов, 1992, рис. 2, 2; 5, 8). Найдены в инвентаре могильника Чага (Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7622-144, 211).

Присутствуют они в хантыйско-ненецких погребениях XIX в. на Нижней Оби (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 122, 14, 15).

У северных хантов в первой половине XIX в. их, вместе с оловянными бляшками, нашивали на одежду (Обские угры... 2002, с. 48), а в конце XIX в. бубенчики стали в основном составной частью прикладов (Там же, 2002, с. 56–57).

Аналогичные изделия представлены в могильнике XVII – середины XIX в. Бергамак II (Корусенко, 2003, с. 48). Как считает М.А. Корусенко, их использовали в качестве оберегов-подвесок, нашивая «на низ одежды вблизи подола», на накосные украшения или головные уборы, на нагрудники (Там же, с. 36–41).

Тип 3. Колокольчики (25 экз.). Бронзовые/медные/латунные (?). Объёмные. Полые, цельнолитые. Отлиты вместе с ушком подквадратной формы (рис. 31. б). Высота изделий варьирует от 18 до 45 мм, в среднем достигая 25–30 мм. Нижний диаметр юбки колеблется в пределах 20–45 мм, а верхний 10–20 мм. Юбка от остальной части колокольчика отделена выпуклым бортиком. Изделия найдены в женских и детских захоронениях Соровского могильника: могилы 8 (3 экз.), 42 (1 экз.), 56 (3 экз.) и Кинтусовского I – могила 31 (8 экз.).

На территории Западной Сибири колокольчики встречаются в памятниках развитого Средневековья. В единичных экземплярах они найдены в Нарымском Приобье: в погребениях XIII–XIV вв. Тяголовского (фонды ТОКМ, кол. № 12686-484) и Тискинского (курган 4, погребение 140) некрополей (фонды МАЭС ТГУ, кол. № 9017-3467). В позднем Средневековье они известны в могильниках Притомья – Козюлинском (Плетнёва, 1990, рис. 46, 4), Тояновом Городке (Плетнёва, 1976, табл. VI, 20), Балагачевском, в кургане 13, погребении 1 (Дульзон, 1953, с. 248, табл. XII, 12).

В женских и детских погребениях хантыйско-ненецких некрополей XIX в. Нижней Оби колокольчики и бубенцы довольно частая находка (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 122, 19–21). Коренное население использовало их не только для украшения одежды, но и при оформлении оленьей упряжи и нарт (Мурашко, Кренке, 2001, с. 54).

Таким образом, одежду салымских хантов отличает чрезвычайное многообразие в использовании металлических украшений, применявшихся при её оформлении. Обратимся к сфере применения украшений из металла.

В этнографической литературе, посвящённой истории коренных народов Приобья, есть сведения о съёмных и нашивных шейно-нагрудных украшениях. У восточных хантов, например, наиболее

простым было ношение бус или низок бисера, иногда с подвеской или крестом (Лукина, 1985, с. 231, рис. 16, 3). Для украшения одежды они использовали различные материалы: ткань, бисер, бусы, мелкие пуговицы, металлические бляшки, мех (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83). Для нашивных и съёмных украшений применяли привозные материалы – пуговицы, металлические подвески, бисер и, в меньшей мере, бусы (Лукина, 1985, с. 154).

На верхней одежде северных хантов и манси в конце XIX–XX в. металлические украшения уже почти не встречались, но они сохранялись ещё у южных хантов. Отливки продолжали нашивать вдоль пол женских суконных кафтанов (Фёдорова, 1988, с. 88). Восточные ханты пришивали металлические пуговицы или отливки вдоль правой полы, на подоле, иногда на воротнике (Там же, с. 19). У васюганской и александровской групп предпочтение оказывалось полосам из треугольных лоскутков ткани, у сургутских – самодельным литым бляшкам, наряду с которыми использовали пуговицы, бисер и пр. (Лукина, 1985, с. 175). Среди женских украшений манси помимо нашивных бисерных шейно-нагрудных украшений известны бусинные, которые носили по несколько низок одновременно, а на нитку с бусами дополнительно нанизывали крестики или же медные кольца (Фёдорова, 1994).

Судя по материалам XVIII–XX вв. из Балыкского, Каркатеевского, Соровского кладбищ, такие же комплекты шейных украшений были хорошо известны хантам Салымского края. Как и у манси, они представляли собой съёмные ожерелья из разноцветных стеклянных бус, бус в сочетании с медными обручальными кольцами, снизанными на нитяные шнуры. Их надевали на шею в один или несколько рядов (Дрёмов, 1984, 1985, 1987).

Что касается металлических украшений, то ещё А.А. Дунин-Горкавич одним из первых обратил внимание на своеобразие в оформлении одежды коренных жителей Тобольской губернии, состоявшее в использовании оловянных отливок, специфическими особенностями которых были геометризм и симметричность (1996, с. 124–125). Он писал о том, что отливки заменяли бисерную вышивку на женских поясах и халатах и нашивались на обшлага рукавов, подол, правую полу (Там же, с. 123). Женские шейные и нагрудные бисерные украшения также делали в сочетании с оловянными отливками и медными вставками (Там же, с. 129). Пояса ук-

рашали с внешней стороны цветными вышивками, бисером, оловянными узорами, а колокольчики, наряду с цепочками и колечками, пришивали к нижней кромке поясов (Там же, с. 79).

Именно такого типа сочетания обнаружены в погребениях салымских хантов, хотя сами бисерные полосы практически не сохранились, но есть их фрагменты и бисер в россыпи.

Способ украшения одежды оловянными литыми бляшками был издавна известен манси. Происхождение техники их изготовления связывается с влиянием татар, хотя и не исключается возможность более древней её традиции, восходящей к металлургии средневекового населения Урала и более западных территорий, где женское литьё зафиксировано у финно-угорских народов Поволжья уже в V в. (Фёдорова, 1994, с. 115–116).

Крупными латунными пуговицами и жетонами расшивали кожаную или тканевую основу поясов, используя их в качестве накладок. Происхождение кожаных поясов, защищенных пуговицами-бляшками, Н.В. Лукина связывает с тюрками-кочевниками и считает, что пояса были известны достаточно широко как в хантыйской, так и в иноэтнической среде (1985, с. 197), в частности у тундровых ненцев [см. (Народы Севера Сибири... 1986, с. 179–181)].

Мелкие полые и литые пуговицы шаровидной и грушевидной формы использовали в качестве подвесок к поясам, применяли для оформления воротников, горловины, рукавов, пол и подола одежды. По всей видимости, их довольно поздно стали использовать по прямому назначению.

Материалы поздних кладбищ салымских хантов являются ярким свидетельством массового привоза готовых металлических изделий из России. К ним относятся разнообразной формы цельнолитые и полые пуговицы, бляхи, подвески, монеты, жетоны, широко употреблявшиеся при оформлении одежды в XVIII–XIX вв.

Однако несмотря на это, населением сохранялась устойчивая традиция изготовления собственных типов украшений – нашивок и подвесок из светлых металлов – оловянисто-свинцовых сплавов и меди, таких как дисковидные, в виде ромбической сетки, крестовидные, квадратной и прямоугольной формы, орнито- и зооморфные. В декоре таких отливок преобладали и традиционные элементы, выполненные рубчиком, пуансоном, столь характерные для данной

территории ещё в эпоху раннего, развитого и позднего Средневековья.

Крестовидные подвески, оформление центра оловянных отливок в виде этого знака, наличие нашивок круглой формы с кентербернским крестом в центре и пр. явно свидетельствуют об особом отношении к знаку креста и у салымских хантов.

Особенно тщательно украшали женскую и детскую (девочек) погребальную одежду, которая по степени оформления, обилию и ценности, по-видимому, была равнозначна праздничной. Кроме того, покойных снабжали разного рода съёмными ювелирными украшениями: серьгами, ожерельями из бус и колец, перстнями, обручальными кольцами.

Знаковая природа металлов – быть послушными, податливыми, менять форму. Другая функция металлов связана с их символической интерпретацией. Довольно часто они рассматриваются как символ подземного мира, воплощают идеи вечности, богатства (Мифы народов мира, 1997, с. 146).

Проблема цветовой символики металлов на материалах сибирских культур разработана недостаточно и требует специального исследования. В общетипологическом плане белые металлы (серебро, олово, железо) являлись символами Среднего и Нижнего миров и, судя по имеющимся материалам, ночного светила и ночи (см. (Павлинская, 1988, с. 74)).

Анализ использования металлов в одежде и ювелирных украшениях народов Сибири показывает существенные различия в их ценностной ориентации на тот или иной металл. Л.Р. Павлинская считает, что самодийские народы и народы тунгусо-маньчжурской группы относятся к культуре «жёлтых металлов». Тюркские народы и угры в системе ценностной ориентации принадлежат к культуре «белых металлов». При этом следует учитывать определённую стадильность в символической оценке металлов. Бронза, как и все жёлтые металлы, и круг представлений, связанный с ними, отражают более архаичную стадию развития культуры и идеологических представлений. Представления о меди (бронзе) как о сакральном металле пришли из древних времён: это был первый металл, освоенный человеком, он обеспечивал преимущество, служил гарантом победы и превосходства над теми, кто им не обладал. Различного рода примеси, превратившие медь в бронзовые сплавы, не были зна-

чимы для массового сознания. Особое отношение к меди (бронзе) дошло через века до этнографической современности, поэтому в фольклоре часто фигурирует медь (Гемуев, Сагалаев, Соловьёв, 1989, с. 77–78). Лица идолов высшего ранга покрывались металлом, ещё недавно – жемчужинами, раньше – серебром или высокооловянистой бронзой (Там же, с. 79). Железо и серебро – белые металлы – отражают значительно более позднюю стадию овладения металлом и осмысления его.

В плане символической ценности металла наиболее консервативным элементом культуры является одежда, в то время как ювелирные украшения более подвержены инновациям. У хантов и манси, у которых основным металлом в декоре одежды является олово, в ювелирных украшениях присутствует латунь. Металл для украшения одежды использовали ханты, манси, энцы, нганасаны, эвенки, эвены (Фёдорова, 1988, с. 100).

В XVIII в. южные ханты украшали суконные кафтаны оловянными отливками (Рындина, 1995, с. 28), и несмотря на то, что основным декоративным материалом на рубеже XIX–XX вв. стал бисер, пространство между его полосами плотно зашивалось круглыми литыми металлическими пуговицами (Там же, с. 29). Не исключено, что крестообразные и лучистые фигуры из бисера на кафтанах южнохантыйских женщин, сохраняли память о подобного рода изображениях на металлических отливках предшествующего времени.

Васюганско-ваховские ханты также использовали металлические бляшки в качестве материалов для украшения одежды (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 83). На Вахе туникообразная женская рубаха-платье на манжетах расширялась нашивкой из красного сукна с бусами, металлическими отливками и бисером (Кулемзин, Лукина, 1977, с. 94), на Васюгане на правую полу женских кафтанов на уровне середины груди пришивали специальное украшение – прямоугольный или овальный кусок ткани, расшитый бисером, мелкими пуговицами, металлическими бляшками (Там же, с. 97).

Концентрация основной массы металлических украшений, наряду с бисером и бусами в области головы, плечевого и грудного отделов погребенных, явственно свидетельствует о наличии у салымских хантов специальных видов украшений для головы, волос, нагрудной зоны одежды. Одним из видов женских головных украшений были

косники, имевшие на концах металлические подвески – круглые и ромбические литые изделия с ажурным орнаментом, колокольчики, пряжки и т. п. (Рындина, 1995, с. 34), о чём в свое время писал В.Ф. Зуев (1947, с. 27).

Сходство в технике и расположении украшений на одежде отражает общие компоненты в культуре даже у народов, живущих далеко друг от друга. По расположению и орнаментальным мотивам украшений определяли локальную или родовую принадлежность, поэтому вряд ли можно говорить о заимствованиях в этой области. Е.Г. Фёдорова считает, что о заимствовании в украшениях можно говорить только тогда, когда заимствовался сам предмет одежды, однако и в этом случае в костюме могли включаться украшения, традиционные для народа, перенимавшего предмет одежды (1988, с. 104).

Некоторые типы украшений – круглые, плоскоконические, дисковидные пуговицы, крестовидные накладки, орнитоморфные накладки и подвески – находят ближайšie аналоги в материалах раннесредневековых культур Прикамья: вымской, родановской, чепецкой (Финно-угры ... 1987). Позднее, в X – первой половине XIV–XV в., они, продолжая бытовать на этой территории, распространились в Прииртышье, Нижнем и Среднем (Сургутском, Юганском, Нарымском) Приобье. Длительное их бытование на значительной территории, вероятно, свидетельствует не столько о едином центре поступления этих изделий, сколько об общем культурном фонде у носителей названных культур.

4.2. Семиотический статус

4.2.1. Вещность: археолого-этнографические сопоставления

Для соотнесения информативного ресурса археологических и этнографических источников ещё раз обратимся к утилитарно-прикладной сфере хантыйских украшений из металла. Как уже отмечалось выше (см. подразд. 1.2), преобладание предметного ряда, включающего в себя изделия из металла, составляет специфику сопроводительного погребального инвентаря в могильных комплексах на р. Салым. Хантыйские погребения на р. Большой Балык демонстрируют предпочтение изделиям из бересты. Металл в салымских

захоронениях представлен такими предметными категориями, как ножи, топоры, монеты, нашивки и подвески¹. Все они входят в число наиболее часто встречающихся компонентов сопроводительного инвентаря.

Нашивки и подвески зафиксированы в женских и детских погребениях, а также в тех, чья половозрастная характеристика не определена. Имеется лишь одно исключение, касающееся мужского захоронения. Наличие бляшки в мужском погребении на Салыме (могила 27) В.А. Дрёмовым прокомментировано следующим образом: «...на груди две медные бляшки с орнаментом (пуговочки)» (Дрёмов, 1987, с. 91). Очевидно, что в данном случае изделия из металла выходят за пределы рассматриваемой вещной категории – украшений, и исключение лишь подтверждает правило: украшения из металла маркируют женские погребения, выполняя важную гендерную функцию. С большой долей вероятности можно предположить, что детские погребения с украшениями из металла в составе сопроводительного инвентаря принадлежали девочкам, следовательно культурный признак оказывается при реконструкции более надежным половозрастным маркером, чем признаки биологические.

Информацию, позволяющую реконструировать принадлежность металлических бляшек к конкретным видам женских украшений, содержит вещная композиция захоронения. Место металлических изделий локализовано в области головы и груди. Материалы, полученные археологическим методом, свидетельствуют о том, что украшения, выполненные из металлических отливок и бисера, акцентировали голову и грудь, и конкретные формы их предметных воплощений следует искать преимущественно среди головных и нагрудных украшений хантыйской женщины.

Обратимся к этнографическим данным, характеризующим место металлических украшений в общем комплекте женских украшений. Эти данные исходят из разных источников и порой отмечены противоречивостью суждений.

¹ В.А. Дрёмов в дневниках пользуется терминами «бляшки», «нашивки» и «подвески». Насколько позволяют судить материалы, два первых тождественны, однако, исходя из основного классификационного признака – способа крепления изделия, логичнее пользоваться понятиями «нашивки» и «подвески».

О металле как элементе декора женского костюма речь идёт в работе Т. Вахтер (Vahter, 1953, S. 64–65). Сведения, приводимые указанным автором, представляют особую ценность. Во-первых, потому что они опираются на материалы, собранные Сирелиусом, Алквистом, Каннисто на рубеже XIX–XX вв. и наиболее полно отражают декоративные традиции в костюме хантов и манси. Во-вторых, потому что значительная часть информации относится к южной группе хантов, с которой салымские обнаруживают наиболее заметные культурные аналогии. Украшения из металла описаны Т. Вахтер лишь применительно к воротникам. При этом предполагается хронологическая приоритетность металлических нашивок и вторичность бисера, поскольку первые раньше вышли из употребления и зафиксированы случаи замены нашивок бисером. Кроме того, орнаментальные мотивы, выполненные на воротниках из бисера, в ряде случаев производны от конфигурации нашивок. Т. Вахтер подразделяет металлические украшения на выплавляемые из олова и свинца и на более художественные литые медные подвески, относя те и другие к домашнему производству, однако не приводит характеристики выделенных категорий.

Более обстоятельно вопрос о градации металлических украшений, бытовавших у остяков в начале XX в., рассмотрен в работе «Изделия остяков Тобольской губернии» (1911, с. 97–98). Авторы ведут речь о «добавочных украшениях», изготавливаемых из металла и входящих в состав изделий из бисера, – «подвесках» и «отливках». К «подвескам» они относят широкий круг предметов: кисти, бахрому, «кружочки, шарики, пластинки, блашки, пуговицы, колокольчики, бубенчики, цепочки, гребешки, отлитые из меди изображения животных, шпильмарки, или шелеги, иностранного, судя по записям, происхождения», раковины, кресты. Особо оговорены «бронзовые вещицы», имеющие «курганное» происхождение и представляющие интерес для археологии (Изделия... 1911, с. 97–98). Наглядным подтверждением описанного разнообразия предметов служат накосные украшения, встречавшиеся у южных хантов на р. Конда в конце XIX – начале XX в. [см. (Vahter, 1953, Ab. 141, 1–2)]. К концам бисерных нитей прикреплены ажурные круглые и ромбические отливки, колокольчики, пряжки, монеты, лапчатые подвески явно археологического происхождения. Прикладную спе-

цифику оловянных отливок составляет их функционирование в качестве нашивок на основе из ткани. Наличие оловянных отливок отмечено на воротниках, нагрудных украшениях, полах и подоле кафтанов (Изделия... 1911, с. 98, 110).

Описание традиционного быта, в том числе и женского костюма, составлено Л. Шульцем на основе авторских полевых наблюдений, сделанных на р. Салым в 1909 и 1911 гг. Интересующая нас информация заключается в следующем: к праздничной кофте пришивают воротник, украшенный бисером или металлическими отливками; налобная повязка из бисера на Салыме не встречается, а наиболее распространенным видом украшений являются накосные украшения, чаще из бисера, реже – из бус и «археологических металлических находок» (Шульц, 1924, с. 180–181).

Иную характеристику убранству металлическими изделиями женского костюма у салымских хантов приводит Е.Г. Фёдорова. Она отмечает бытование налобных повязок двух вариантов: с каймой, нанизанной из бисера, и с металлическими пуговицами, окантованными рядами из бисера. Металлические отливки входят в состав нагрудных лент в качестве основного декоративного элемента (нашивки) и в качестве дополнительного (подвески). Нашивки из металла в обрамлении из утроенных бисерных нитей составляют декоративную схему воротников (Фёдорова, 2000а, с. 178–179).

Обобщение материалов по традиционному костюму хантов позволило выделить три вида украшений, в состав которых входили металлические отливки (Рындина, 1995, с. 115–116). Во-первых, уже упомянутые матерчатые воротники на жесткой основе. Общехантыйский стиль в их художественном оформлении заключается в следующем: три бисерные полосы, тёмная в центре и светлые по бокам, обрамляли края прямоугольного изделия и членили его поверхность на квадратно-прямоугольные зоны-секции, в которых размещались металлические отливки. Со временем декор на воротниках претерпевал изменения: металлические отливки заменялись фигурами, нашитыми из бисера, исчезали зоны-секции.

Во-вторых, прямоугольные налобные повязки, к которым пришивались металлические отливки. Декоративная композиция была сходна с вышеописанной. Различие состояло в использовании подвесок из металлических жетонов или нанизок из бисера.

В-третьих, накосные украшения, где узорные ленты из нанизанного бисера или пучков из бисерных нитей и металл дополняли друг друга. Подвески имели вид металлических отливок, пуговиц, кистей из шерстяных нитей. Обратим внимание на существенное обстоятельство. Накосные украшения, найденные в кладах, не хоронили, как обычно, вместе с хозяйкой, а передавали детям или родственникам (Талигина, 2004, с. 59). Этим и объясняется бытование в течение длительного времени древних серебряных и бронзовых изделий (Бауло, 2004, с. 78), получавших таким образом второе рождение. Накосные украшения хантыйской женщины оказывались средством консервации художественного наследия в сфере металлопластики.

Нетрудно заметить, что при всём разнообразии описаний, приложимых к художественному металлу на одежде салымских хантов, хорошо прослеживается общая декоративная тенденция – использование отливок в виде нашивок на налобных и нагрудных украшениях, а в виде подвесок – на накосных. У южных хантов накосные украшения либо висели ниже косы, либо крепились к волосам возле ушей (Клюева, Михайлова, 1988, с. 109). При последнем варианте их местонахождение связано с областью головы. Таким образом, реконструкции убранства женского костюма изделиями из металла у южных хантов, осуществленные на основе этнографических источников, совпадают с салымскими материалами, полученными в результате раскопок поздних захоронений: в обоих случаях композиционно подчеркивается область головы и груди.

Бисер и металл в салымских погребениях часто фиксируются в области живота. Данное обстоятельство вполне объяснимо в свете хантыйской традиции украшения поясов. Этнографическими сборами у южных хантов зафиксированы длинные плетёные пояса с подвесками из металла и бисера на концах и короткие матерчатые пояса, отделанные нашитыми бисерными нитями и металлическими отливками (Рындина, 1995, с. 31). Последние представляют собой наиболее раннюю стадию убранства поясов, сохранившуюся у всех групп хантов. На смену ей приходит декор из металлических пуговиц и лент, нанизанных из бисера, причём, по этнографическим данным, убранство поясов бисерными лентами не отмечено у южных хантов (Там же, с. 111–112).

Материалы, полученные при раскопках поздних салымских захоронений, содержат четыре фрагмента поясов, конкретизирующих вышеописанную ситуацию (№ 7626-16, 17, 26, 44). Судя по антропологической характеристике (Кинтусовское I кладбище, могилы 4, 10, 23), составленной В.А. Дрёмовым, и по сопроводительному инвентарю, включающему напёрсток, ножницы, бисер, все пояса – женские¹. Они украшены оловянными отливками, подвесками, прикреплёнными на шнурке, пуговицами и лентой из нанизанного бисера. Таким образом, у салымских хантов прослеживаются все стадии развития декора на поясах, свойственные хантыйской традиции. Судя по зарисовкам, сделанным на момент музейной фиксации материала (№ 7626-26), орнамент бисерной ленты образовывали сложно оформленные ромбические фигуры: решётчатые ромбы с крючкообразными развилками на двух боковых продлённых вершинах. Аналогичные мотивы представлены на вышитых и бисерных изделиях у южной группы хантов и у салымских хантов [см. (Рындина, 1995, с.161, 184, рис. 8, 53)].

Особый интерес представляет фрагмент украшения из бисера и металла (№ 7625-227), позволяющий реконструировать общие приёмы декорирования изделий. Сохранившаяся деталь представляет собой кусок бересты, функционировавший в качестве твёрдой основы, покрытой тканью, на которую нашивались бисер и металлические отливки. Их положение полностью подчинялось декоративной схеме налюбных повязок, нагрудных и нашейных украшений, описанной выше: три бисерные нити (тёмная – в центре и светлые – по бокам) окаймляют предмет и членят его на прямоугольные зоны-секции, в которых размещены металлические отливки. К сожалению, в дневниках В.А. Дрёмова нет описания данной находки, а отсутствие информации о местонахождении предмета в могиле не позволяет уточнить вид украшения. Фрагмент может быть в равной мере отнесён и к жестким воротникам, и к поясам, предполагавшим твёрдую основу и имевшим соответствующие описанным декоративные каноны. Однако в любом случае наблюдается полное совпа-

¹ В описаниях могилы 10 у В.А. Дрёмова (1987, с. 187) содержатся сведения о находке одного пояса с металлическими отливками, а в описаниях музейных коллекций, относящихся к этой же могиле, указаны два пояса (№ 7626-16, 17).

дение материалов, полученных в результате раскопок и зафиксированных этнографически.

Конфигурация металлических украшений, подробно охарактеризованная выше (см. подразд. 4.1.), в целом так же хорошо вписывается в образцы, описанные в литературе. Наиболее часто встречается решётка из рядов, включающих в себя удвоенные или утроенные ромбы или круги; квадрат с внутренним заполнением из аналогичной решётки или крестообразных фигур; круг с крестовидной фигурой или окружностью внутри, – все эти формы зафиксированы у хантов, в том числе и у южных, с конца XIX в. [см. (Сирелиус, 2001, с. 276, 284; Vahter, 1953, Ab. 132, 8; 140, 1; 135, 6; Иванов С.В., 1963, рис. 30; Изделия... 1911, рис. 48)].

Исключение составляет нашивка или подвеска в виде птицы (рис. 29, 13–14). Подобная металлопластка в декоре одежды обских угров ранее не была зафиксирована. Иконография птицы-нашивки обнаруживает прямые параллели с орнитоморфными сюжетами южнохантыйской вышивки. Наиболее реалистичные образцы вышитых мотивов характеризуются треугольной головой, шеей, треугольным туловищем, двумя крючкообразными ногами, хвостом в виде удвоенного отростка, двумя крыльями в момент взмаха (Рындина, 1995, с. 163). Если учесть поправку на прямолинейность вышитых узоров, то трактовка птицы в вышивке и металлопластике оказывается почти тождественной. Небольшие стилистические разночтения наблюдаются на отливке в изображении хвоста в виде утроенного отростка и отсутствии изображения крыльев в момент взмаха. Последнее вполне объяснимо расположением функционального ушка на подвеске в том месте, где должны быть изображены крылья.

Изобразительный каркас птицы, представленный в южнохантыйской вышивке, находит параллели в трактовке орнитоморфного образа на северохантыйской бересте и в графике обских угров, производящей знаки собственности – тамги. Это свидетельствует о сложении в обско-угорском искусстве канонизированного образа птицы [см. (Рындина, 1995, с. 250)]. К вышеуказанному изобразительному ряду можно с полным правом причислить и фигурки птиц, запечатлённые в металлопластике салымских хантов.

Через орнитоморфные сюжеты вышивки прослеживается и культурная связь южных хантов с народами Поволжья, и прежде всего тюркоязычными чувашами и башкирами (Иванов С.В., 1963, с. 90;

Рындина, 1995, с. 346). Следовательно, культурная специфика салымских хантов, отражённая в декоративной металлопластике некрополей, обнаруживает прямые параллели в южнохантыйской вышивке, а через неё – с искусством народов Поволжья. Подобный вывод сделан и при сравнении материалов салымских погребений с раннесредневековыми памятниками Прикамья (см. подразд. 4.1).

4.2.2. Символика

Целью настоящего раздела является семантическая интерпретация женских украшений из металла. Как указывалось выше, они имели вид нашивок и подвесок, изготовленных из оловянисто-свинцовых, медных и бронзовых сплавов, т.е. следует вести речь об украшениях из цветных металлов. Конфигурация нашивок задана преимущественно квадратом – решётчатым, образованным кругами, ромбами; подвесок – дисковидными и шаровидными фигурами. Сравнение находок из некрополей с этнографическими данными по салымским хантам показало, во-первых, хорошую сопоставимость материалов и, во-вторых, принадлежность нашивок и подвесок к женским налобным, накосным и нагрудным украшениям.

В литературе неоднократно указывалось на параллели в женских накосных украшениях хантов и манси и народов Приуралья, Поволжья и Средней Азии (Лукина, 1985, с. 231; Фёдорова, 1994, с. 192; 2000, с. 262). На материалах по указанному кругу народов лучше разработаны вопросы, связанные с семантикой традиционных женских украшений. Установлено, что в таджикской культуре женские украшения из металла выполняли эстетическую, магическую и знаковую функции. Знаковая включала в себя информацию о возрасте, социальном положении, территории проживания (Чвырь, 1977, с. 101–106). Применительно к украшениям народов Поволжья: мордвы, марийцев и чувашей – выделены утилитарная, эстетическая, этнодифференцирующая, магическая и социальная функции. Последняя заключается в маркировании имущественного положения и семи возрастных групп, для каждой из которой был характерен свой комплект украшений. Магия женских украшений имела охранительный характер (Заднепровская, 1992, с. 17–21). У андроновских племен эпохи бронзы, обитавших на территории Казахстана, головной убор символизировал плодородие, а в контексте погре-

бальной обрядности – и идею возрождения, бесконечности, цикличности в развитии природы (Усманова, Ткачёв, 1994, с. 281). Социально-знаковая функция была присуща накосным украшениям, включавшим в себя металлические подвески. Накосники символизировали в погребении статус девушки, девушки-невесты (Усманова, Логвин, 1998, с. 610).

Таким образом, магическая функция женских украшений в указанном ареале вбирала в себя идею круговорота жизни, плодородия, функцию оберега, а социально-знаковая маркировала прежде всего состояния девичества и замужества.

Теперь обратимся к интерпретации украшений из металла, отмеченных у салымских хантов на рубеже XIX–XX вв. Речь пойдёт об их различных свойствах, с помощью которых сознание осуществляло выход на уровень абстрактных понятий, сопряжённых с бытием природы и человека, а мифо-ритуальная практика пыталась воздействовать на это бытие. Каждое свойство было связано с определённой темой культуры или её отдельным сюжетом и служило средством кодирования информации о них. Мы остановимся на пяти системах кодирования информации в украшениях из цветных металлов: прикладной, определяемой областью их применения, изобразительной – спецификой формы, акустической – издаваемым звоном, технологической (рукотворной) – состоянием в процессе производства. Семантические реконструкции начнём с анализа прикладных характеристик украшений.

Согласно этнографическим сведениям, хантыйская культура не предусматривала различий, касающихся причёсок и головных уборов у девочек, девушек и женщин: волосы заплетали в две косы или оставляли распущенными; универсальной чертой являлось и ношение платка (Лукина, 1985, с. 215–226). Действительность, отражённая в хантыйском фольклоре, представляла несколько в ином виде: среди атрибутики женской одежды на первом месте стоял платок. Он маркировал статус женщины и выступал явной оппозицией девичеству, символом которой являлись косы. Так, характеристика невест, за которыми отправлялись герои-богатыри, в качестве неременного эпитета включала описание кос: «у девушки с косами заплетена коса, у девушки с волосами заплетены волосы», «с косами восходящего солнца, с волосами заходящего солнца», о дочери вод-

ного духа – «с водяными косами, с водяной красой» и др. (Мифы... 1990, с. 401, 415, 267).

Девичьи накосные украшения в поэтической памяти народа прочно связаны с металлическими подвесками, которые метафорически кодируются с помощью звука – звона. Очевидно, по этой причине мелодичный звон стал ассоциироваться с девушкой, а символика литых подвесок перешла и на сменившие их колокольчики. Подтверждением сказанному служит сюжет хантыйской сказки. Согласно ему, хозяева, чтобы заманить в западню вошедших в дом недругов, подвесили к пологу колокольчики и, угощая «гостей», напутствовали их словами: «Только не трогайте полог, у нас дочери стесняются» (Земля... 2003, с. 93).

Девушка-невеста у северных хантов должна была иметь два накосника: «маленький накосник» для повседневного пользования и «накосник, украшенный металлическими подвесками», который носили в дни праздников, во время поездок в гости и приёма гостей (Талигина, 2004, с. 59). Таким образом, накосные украшения с подвесками составляли атрибут ритуальной сферы культуры. Скорее всего, именно к девичьим накосным украшениям относится замечание М.А. Кастрена о том, что цель звенящих подвесок – привлечение внимания молодых людей [см. (Vahter, 1953, S. 101–102)].

В женском наряде прежде всего подчёркивался большой платок с кистями, бахромой. Великая богиня – Матерь Калташ предстаёт как «кистяным платком накрытая великая най» (Молданов, Молданова, 2000, с. 41). Казымская богиня, самая строптивая из всех женских персонажей обско-угорского пантеона, став женой богатыря, смотрит на мир «сквозь бахрому платка» (Мифы... 1990, с. 393). Опускание платка на голову девушки в одном из сюжетов мансийского сказания означает то, что она становится женой богатыря (Там же, с. 329). Праздничный платок с каймой и кистями считался самым желанным подарком для женщины (Талигина, 2004, с. 58).

Распространенность платка как головного убора и его приоритетность среди атрибутов женского костюма исследователи объясняют обычаем «избегания», свойственным обским уграм. Согласно ему женщина не должна показывать лицо старшим родственникам мужа (Лукина, 1985, с. 215–216; Фёдорова, 1994, с. 190; Соколова, 2000, с. 52).

Способы ношения платка хантыйскими и мансийскими женщинами были таковы, что он прикрывал не только лицо, но и волосы. В данном отношении обско-угорская традиция хорошо вписывается в рамки культурной универсалии, свойственной широкому кругу народов Евразии, – обычаю, предписывавшему замужним женщинам закрывать волосы с помощью различных головных уборов. Данный обычай непременно попадает в поле зрения исследователей традиционного женского костюма, и его интерпретация связана с магией волос.

Относительно сущности последней выдвинуты различные точки зрения [см. (Байбурин, 1993, с. 77–78)]. Приведём лишь полярные из них. Так, О.А. Сухарева причину видела в стремлении уберечь саму женщину от магической порчи через волосы в наиболее важный для продолжения рода период – период деторождения (Сухарева, 1954, с. 323). Н.И. Гаген-Торн считала, что женщина должна прятать свои волосы, чтобы заключённая в них магическая сила плодородия не повредила чужому роду – роду мужа (Гаген-Торн, 1960, с. 150). Как видим, магическая сила волос, согласно вышеприведённым реконструкциям, наделяется противоположными сущностями: охранительной и вредоносной, что определяется в литературе как неотъемлемое свойство символа – свойство «двунаправленности функций» (Топорков, 1989, с. 97). Общность взглядов заключается в трактовании волос как связи, через которую воздействует человек и воздействуют на человека, при этом объектом воздействия является животворящая сила, сила плодородия.

Накосные украшения становятся основным предметом анализа при рассмотрении изобразительного кода украшений из металла. С их помощью материалы по обско-угорскому фольклору, этнографии, археологии позволяют расшифровать спектр магического воздействия волос, подключив к нему и промысловую магию.

В описании кос часто фигурируют украшающие их птицы и звери: «по одной косе соболя бегают, по другой – птички порхают»; «носит косы живые, как птицы, ходит в звоне злата и серебра; живые «семь чернядей заплетены, семь морянок заплетены» в косы дочери Южной старухи (Мифы... 1990, с. 356, 105, 271). Описанный фольклорный образ воспроизведён в раннем железном веке в кулайском бронзовом литье. В облике женского существа акцентировано

внимание на косах, оформленных в виде зверей и наделённых магической силой (Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 38). Изображения птиц присутствуют на косоплётках из бисера, зафиксированных у южных хантов на рубеже XIX–XX вв. [см. (Vahter, 1953, Taf. 109–110, 113)]. У салымских хантов накосные украшения из бисера считались девичьими, их вплетали в концы кос или закрепляли у висков (Фёдорова, 2000, с. 180). Очевидно, с накосными украшениями в виде птиц связаны и нагрудные ленты, нанизанные из бисера и также содержащие изображения птиц (Там же, с. 175).

Как видим, в обско-угорском фольклоре запечатлены живые птицы и звери, порхающие и бегающие по косам; их эквиваленты – металлические отливки – представлены в археологии Приобья; этнография южных хантов демонстрирует изображения птиц на девичьих косоплётках из бисера. Очевидно, изложенная последовательность отражает эволюцию образа птицы, воплощённого в различных материалах и связанного с убранством женских, точнее девичьих, волос.

Предназначение накосных украшений, имеющих вид птиц и зверей или включающих их изображения, раскрывает мансийский фольклорный сюжет. В нем со всей очевидностью запечатлена связь между описанными накосными украшениями и охотничьей добычей, что позволяет семантически интерпретировать их с точки зрения промысловой магии.

«В Няксимволе семь братьев живут, восьмая сестра. У сестры косы медными птичками украшены. Однажды старший брат баловаться начал, взял лук, пустил стрелу, одну птичку сбил. Девушка вначале ничего не заметила, да другие два брата над ней смеяться стали. Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам переломился. Тогда четвертый брат свой лук схватил, стрелу пустил, сразу семь птичек сбил.

– Ну что ж, – сказала сестра, – ешьте их, если голодны так. Но потом в лес пойдёте, чтобы вам ни одного зверя, ни одной птицы не добыть!

Вскоре тяжелое время настало. Братья в лес пошли, ничего не добыли. Сколько ни лесовали, ни одного косача найти не могли. Ни зверя, ни птицы в лесу не было. Исхудали братья, из сил выбились. Истопились запасы в чамьях, настал голод» (Мифы... 1990, с. 388).

Среди металлических украшений, найденных В.А. Дрёмовым на р. Салым, изображения птицы встречены в погребении 18 кладбища Кинтусовское I в значительном количестве – 13 штук. К сожалению, в данном случае наблюдается информативное разночтение в описании могилы и сопроводительного инвентаря, сданного в МАЭС ТГУ. Могила определена как детская, у головы отмечены «бляшки», их форма не конкретизирована (Дрёмов, 1987, с. 194). Согласно описи найденных материалов, также содержащейся в дневниках, применительно к рассматриваемому захоронению значатся «нашивки» в форме птицы, «бляшки-пуговицы», подвески каплевидные и в виде серьги (Там же, с. 212). Как видим, однозначно отнести отливки к нашивкам или подвескам не представляется возможным. В любом случае их связь с промысловой магией не вызывает сомнений.

Интересную информацию в контексте вышеприведенных рассуждений представляют материалы по налобным украшениям, бытовавшим у башкир, – *һарауысам*. Будучи женским убором, они играли важную роль в свадебной обрядности – служили показателем рукодельного искусства невесты, от её имени дарились родственникам мужа, т.е. воплощали в себе переходное состояние от девичества к замужеству (Руденко, 1955, с. 243–244). Украшением *һарауысов* служила вышивка, среди мотивов встречались парные изображения птиц с деревом посередине. Техника вышивки аналогична хантыйской, и эта аналогия запечатлена в башкирском названии вышивки – «хантыс», что, вероятно, отражает генетическую характеристику вышивки и её орнитоморфных мотивов (Там же, с. 303–304).

У хантов вышивка на налобных повязках не зафиксирована, их декор включал в себя металлические отливки и бисер. Однако вполне возможно, что металлические отливки имели раньше форму птицы, сменённую позднее круглыми и квадратными отливками, зафиксированными этнографией. Налобную повязку рассматривают как наиболее архаический вид убранства волос, сменивший первоначальный вариант причёски – распущенные волосы (Фёдорова, 2000а, с. 26). Думается, что логично соединить вместе архаику вещи с архаикой декора, а *һарауысы* башкир трактовать как реплику обско-угорской архаики, сохранившуюся в иноэтнической среде в изменённой форме.

Если при реконструкции семантики металлических украшений исходить из категории формы, то обнаруживается ещё один интересный сюжет. Как показала типология, украшения из металла, найденные в салымских погребениях, по конфигурации тяготеют к округлой или квадратной форме. Название же металлических нашивок и подвесок, т.е. их номинативный код, в качестве основного компонента содержит термин «лыпт, лыпат» (сынский диалект), накосные подвески называются сэв лыпт – 'коса-лист'. Объяснить наблюдаемое несоответствие между вещью и её определением, оставаясь в рамках обско-угорской этнографии, не представляется возможным. Растительные мотивы совершенно не свойственны орнаментике хантов и манси, нет намёков на разгадку и в фольклорных материалах.

Гипотетическое толкование происхождения термина «лыпт» позволяют дать археологические материалы по андроновской культуре. Согласно существующим реконструкциям, женские накосные украшения андроновцев включали в себя листовидные подвески, ассоциируемые с формой древесного листа. Посредством ассоциативной связи с магией плодородия оказались связанными волосы и растения (Усманова, Логвин, 1998, с. 60). При всём разночтении этнического определения андроновцев влияние их традиций на формирование культуры хантов и манси остаётся бесспорным. По этой причине не лишено основания предположение о том, что в названии хантыйских подвесок отражён древний андроновский пласт, вошедший в культуру этноса.

Семантически интерпретировать наиболее устойчивые формы металлических украшений в виде круга и квадрата – решётчатого, составленного из кружков, ромбиков – в настоящее время не представляется возможным ввиду ограниченности доступной информации. Укажем лишь на сам факт смысловой значимости формы, поскольку она воспроизводилась в новых материалах и орнаментальных технологиях. Так, орнаментальные ленты из бисера, заменившие на женских суконных сахах металлические отливки, включили в свой состав целую серию вторичных мотивов, построенных на основе квадрата из ромбиков (Рындина, 1995, с. 212–213).

О значении металлических украшений как формы-знака свидетельствует и строго определённое расположение подвесок и нашивок. Последние размещены поодиночке в специально отведенном

пространстве – квадратных зонах-секциях, очерченных бисерными нитями. В силу сказанного к обско-угорским украшениям из металла неприменимо значение, реконструированное для женских украшений народов Северного Кавказа. Здесь роль оберега принимал на себя сам металл, ограждая носительницу от зла всей своей массой, наполненной стихийной магической силой, а не отдельным чётко выделенным и поставленным на определенное место знаком (Гамзатова, 1987, с. 122).

Несмотря на всю свою значимость, форма не была единственным качеством женских украшений из металла, кодируемым в обско-угорской культуре на символическом уровне. Существовали и иные системы семантической кодировки, среди них и звуковая.

Металлические украшения в наконсниках имели вид подвесок. Эта конструктивная специфика выводит на иную тему в интерпретации сакральных свойств металла, заданную характеристиками звук – звон – разговор. Металлические подвески, свободно свисающие на ремешках, бисерных нитях, шнурках, при движении непременно ударяли друг о друга, издавая при этом особую разновидность звука – звон. Важность звуковой характеристики металла в наконсных украшениях была подчеркнута активным внедрением в них бубенчиков и колокольчиков в качестве новационного элемента, предложенного русской культурой.

Бубенчики и маленькие колокольчики северные ханты называют «кувлы» (сынский диалект) и по-русски трактуют термин как «говорящие подвески». Металл оказывается связанным не только со значением слов «звук», «звон», но и слов «разговор», «говорить». Разговор предполагает наличие собеседника, соучастника, диалог с иным лицом. Невольно возникает вопрос, с кем ведётся диалог посредством звона металла?

Наконсные украшения, как указывалось выше, принадлежали к ритуальной сфере культуры. Для последней вне зависимости от этнического контекста характерно использование нетрадиционных языковых форм, это свист, стрельба, звон металла, щёлканье бичом, поэтическое слово как особым образом упорядоченная речь (Байбурин, 1993, с. 205). Универсальность данного правила демонстрируют материалы по Северной Америке и Океании, раскрывающие пред-

ставление о голосе духов как о тихом шепоте или свисте [см. (Тайлор, 1989, с. 226)].

Иллюстрацией общей схемы служат и данные по обским уграм. Так, в инсценировке, исполняемой на медвежьем празднике, обыгрывается сюжет неуважительного отношения, дерзкой речи к духам:

Эти божества, где же они теперь?
 Эти духи, где же они теперь?
 Парящих чаш славный пар
 Мы им не поднесём.
 Ранее говорили, что божества эти
 На виду ходят.
 Ранее говорили, что божества...
 (Молданов, 1999, с. 102)

Во время изображаемого святотатства дух трижды свистит, и в последний раз «герои» замертво падают (Там же, с. 50, 103). В предании о женщине Мош – прародительнице одной из фратрий обских угров – говорится, что у неё был кусочек сукна с бубенчиком, подвешенный на дерево. «Когда северный ветер начинался, северного ветра голосом свистел, когда был южный ветер, то голосом южного ветра свистел» (Земля... 2003, с. 59). Деяния духов также сопровождаются свистом: «со свистом северного ветра, со свистом южного ветра» несли лесные духи мужчину, нарушившего ритуальные запреты (Там же, с. 85). К приведённому перечню нетрадиционных форм звукового поведения хантыйские материалы добавляют покашливание как признак появления существа нечеловеческой природы, в частности лесного духа – менка (Там же, с. 88).

Звук, издаваемый металлом, также входит в число специфических видов обрядовой коммуникации. Согласно Э. Тайлору, позвякивание железа и «тренканье» колокольчиков отпугивает духов (1998, с. 243). Данное положение прочно утвердилось в литературе в качестве аксиомы. Выражение «отпугивает злых духов» стало неотъемлемой характеристикой сакральности применительно ко всем изделиям из металла. Исходя из обско-угорских материалов, его использовал М.А. Кастрен по отношению к звону накосных украшений [см. (Vahter, 1953, S. 101–102)]. Вместе с тем универсализация указанной трактовки вряд ли правомерна. Остановимся подробнее на данном сюжете.

Сам Дж. Фрэзер вёл речь о металле, имея в виду прежде всего железо. «Антипатия духов к металлу даёт в руки человека оружие, которое он может при случае обратить против них». Неприязнь духов к железу столь велика, что они не решаются приблизиться к вещам и лицам, защищённым ими. В качестве предметов-оберегов у исследователя фигурируют оружие, нож, игла, рыболовный крючок, серп (Фрэзер, 1998, с. 242). Нетрудно заметить, что в перечне предметов общие свойства заданы не только понятием «железный», но и определением «острый». Магические действия, совершаемые с ними, предполагают втыкание, прибивание, нахождение в определённом месте, но не извлечение из них звука. Исключение составляет лишь пример со стальной стрелой музыкального инструмента варгана. Следовательно, приведённый Дж. Фрэзером материал иллюстрирует табуирующую функцию изделий из железа – запрет на проникновение злых духов, что достигается благодаря остроте предмета.

Этнографические материалы по хантыйской культуре позволяют вести речь ещё об одном свойстве железа, обусловившем его охранительную функцию, – прочности. Наблюдается семантический параллелизм железа и камня, выраженный в мифо-поэтической форме. В мифологии северных хантов определения «каменный» и «железный» взаимозаменяемы, усиливают значение друг друга и сопряжены с понятием прочности [см. (Молданов, 1999, с. 22, прим.)]. Вот как описывается прочность нарт, «заповедованных» Торумом дочери: «с каменными полозьями, с железными полозьями, с каменными досками дощатые нарты» (Молданова, Молданов, 2000, с. 15). Очистительно-охранительная функция камня представлена в разные моменты семейной обрядности. Так, при организации жилищного пространства в край полога вшивали камушки, чтобы они препятствовали проникновению злых духов. Женщины в определённые физиологически обусловленные периоды применяли камень для очищения. На дно колыбели с младенцем обязательно клали камень-оберег (Талигина, 1998, с. 228–229).

Подвески, входившие в состав накосных украшений хантыйских девушек, указанными качествами – железный, острый и прочный – не обладали. Они, как отмечалось выше, были изготовлены из медных, бронзовых и оловянисто-свинцовых сплавов. Ю.В. Балакин, исследуя урало-сибирское культовое литьё, подчеркнул два очень существенных обстоятельства. С одной стороны, миф и ритуал не

проводят различий между серебром и оловом, золотом и медью. В их формате равнозначна ритуальная посуда из серебра, белой бронзы и олова (Балакин, 1998, с. 135). С другой стороны, «фольклор и ритуальная практика народов Сибири наделяли медь семиотическим статусом более высоким, чем железо, и есть основания предполагать, что существовала оппозиция "медь – железо"» (Там же, с. 137). Аналогичную ситуацию в японской культуре выявил Е.С. Бакшеев. Железные орудия использовались здесь главным образом в практических целях, бронзовые же в основном имели хождение как ритуально-церемониальная утварь и сокровища (Бакшеев, 2003, с. 36). Следовательно, подвески к накосным украшениям хантов попадают в семантический разряд изделий из цветных металлов, который дистанцирован от разряда изделий из железа.

В плане акустики изделия из цветных металлов отличает чистый, ясный, мелодичный звук, уже по самому своему строю не предназначенный для отпугивания, установления отношений настороженности, враждебности. Наоборот, высокая тональность, мелодичность звука настраивает на «лад», оптимистическую гармонию с окружающим. Не случайно в культуру аборигенного населения Сибири так широко внедрились русские колокольчики и бубенчики – они не просто воспроизвели знакомый тембр, но значительно усилили его. Семантика звона колокольчиков и колоколов активно исследуется в последнее время, при этом отмечается её позитивная направленность.

В европейской и восточной культурной традиции колокольный звон создаёт эффект «сонорной благодати», т.е. комфортного звукового фона, необходимого для позитивного хода жизни. При этом воздействие звука может выступать в роли команды для действий той или иной направленности, не всегда оказывающихся в сфере познаваемого и управляемого (Арсеньев, 2003, с. 114). Звук колокола как созидающий противостоит свисту – звуку убивающему, связанному с деструктивными силами (Гнездилов, 2003, с. 116).

Высокое созидательное начало, ассоциируемое со звуком-звоном и транслируемое во многом на подсознательном уровне, очевидно, и послужило причиной его сознательного отождествления с разговором, посредством которого происходит общение высших благожелательных сил и с ними. Указанный семантический вектор звона выявлен в культуре многих народов мира. Так, у ацтеков золотой «бубе-

нец» выражал светлую, жизнетворящую силу (Кинжалов, 2003, с. 117). В странах Южной Азии звук колокола и колокольчика служил средством общения жрецов и верующих с божеством (Краснодембская, Мазурина, 2003, с. 118). В восточнославянской традиции звон колокола маркировал семантический ряд христианство – праведность – истина – обжитый мир (Вайдеша, 2003, с. 115). Не составляют исключения и представления о звоне у народов Сибири. Алтайцы принимали звон колокола за голоса небесных дев, созывающих шаману его духов-помощников (Дьяконова, 1981, с. 142). В шаманской атрибутике кетов медные колокольчики связаны с идеологией Верхнего мира и являлись его символами (Алексеев, 2003, с. 114).

Обско-угорские материалы так же хорошо вписываются в очерченные семантические рамки звона колокольчиков и колоколов. Для хантов и манси характерно особое почитание изделий из меди, олова, серебра, но наиболее сильно данная черта представлена в культуре северных групп, возможно её присутствие у южных, а восточная граница явления отмечена на р. Салым (Соколова, 2000а, с. 39–41). Как видим, поздние салымские некрополи, раскопанные во время экспедиции В.А. Дрёмова, подтверждают сказанное.

Из указанных металлов изготовлены и подвески к накосным украшениям. Отметим лишь, что фольклорная версия отдаёт предпочтение серебру. Так, Казымская богиня имеет эпитет «среброволосая» (Изделия... 1911, с. 97; Молданов, Молданова, 2000, с. 37). Не исключено, что приоритет серебра обусловили и особая чистота и мелодичность звука, издаваемого им. Колокольчики, внедрившись в качестве новационного элемента в накосные украшения, стали важной составной частью ритуальной атрибутики. Их семантика, пожалуй, полнее всего представлена в медвежьем празднике. Рассмотрим его северохантыйский вариант, подробно описанный Т. Молдановым (1999).

В многочастной структуре медвежьих игрищ колокольчики присутствуют главным образом там и тогда, где и когда речь идёт о персонажах пантеона и появляются они сами. Так, в открывающих медвежий праздник «Звериных (медвежьих) песнях» «золотой бубенчик» презентует самого медведя, имеющего небесное происхождение. От лица Пелымского духа поётся:

Торум-отец,
Каким образом он отправил
Ко мне на ладонь золотой бубенчик,
Ко мне на ладонь золотой клубочек.
Божественные многие сотни дней
На коленях своих я его ласкаю.
Его я укачиваю.

(Молданов, 1999, с. 22)

Звоном колокольчиков особенно отмечены «Песни-молитвы», или «Великие песни». Перед их исполнением окуриванием очищается помещение, так как являются божества самого высокого ранга. В прочих частях игриш: песнях родовых духов-покровителей, неперсонифицированных лесных божеств, шутивных песнопениях – колокольчик как культовый элемент не отмечен. Следовательно, колокольчик в медвежьих игрищах маркирует высшие силы миропорядка.

Новые семантические грани предмета проступают при анализе функций божеств, соряжённых с «Великими песнями», атрибутика которых включает в себя колокольчик. Из всего сонма прибывающих на игрища божеств таковых оказывается немного. Это – Хоймас, Дух середины Сосьвы, Хинь ики, 7 охранителей определённых территорий, Торум и 7 его сыновей.

Хоймас создаёт и раздаёт рыбу и дичь. Его одеяние состоит из зелёного блестящего халата, лисьей шапки-шкуры, к которой прикреплены платки, имитирующие ложные косы, и колокольчики. Платки и колокольчики привязаны и к рукам. Дух своими движениями иллюстрирует слова молитвы: «Хоймас, Хоймас, косами, полными речной (обской, озёрной) рыбы или дичи), ты потряси». Считается, что данное действие, сопровождаемое звоном колокольчиков, и обеспечит в будущем удачный лов и охоту (Молданов, 1999, с. 33). Как видим, в магии задействованы косы и чистый звук-звон металла, а цель её – моделирование благополучного хода событий в производственной сфере.

Облачение Духа середины Сосьвы аналогично описанному выше с той лишь разницей, что цвет халата – белый, а шапка-шкура – из песка. Священному танцу духа аккомпанирует мелодия колокольчиков, а мотивация танца выражена в сопутствующей ему молитве:

От бед заслоняющий великий танец,
От горя заслоняющий великий танец,
Девочек гладкой жизни танец,
Мальчиков гладкой жизни танец
Оставь нам.
Чтоб у мчащегося оленя
Без неровностей была дорога,
Чтоб у бегущих оленей
Без опасностей был шаг,
Сотвори это.

(Молданов, 1999, с. 40–41)

В данном случае магия созидания нацелена уже на всю сферу бытия человека – гладкую, без неровностей дорогу жизни. Основным средством моделирования будущего благополучия, безусловно, является танец, но его неперенным звуковым спутником выступает звон колокольчиков, что обусловлено спецификой ритуального костюма. Подчеркнём, что в обоих приведённых примерах звон металла функционирует в качестве одного из средств творения будущей пространственно-временной протяжённости с заданными свойствами, благоприятными для человека. Металл при этом выступает в качестве подвесок к косам, т.е. как элемент накосного украшения.

Ритуальные образы Хинь ики и 7 духов-охранителей определённых территорий раскрывают очищающе-охранительную функцию звона металла. Хинь ики – дух болезней и смерти, облачённый в чёрный халат и чёрную шапку с колокольчиками. Последние прикреплены и к рукам. Размашистые перекрещивающиеся движения рук танцора символизируют очищение помещения (Там же, с. 51). Необычность ситуации заключается в том, что дух изгоняет из дома подвластные ему силы. Возможно, этим достигается состояние особой ритуальной чистоты, сверхчистоты, так как помощники духа смерти и болезней не смеют ослушаться своего повелителя. Духи-охранители определённых мест в качестве обязательного опознавательного знака имеют лисьи шапки-шкурки с колокольчиками (Молданов, 1999, с. 36). Укажем, что звон металла как очищающее начало не связан с использованием накосных украшений. Отметим и то обстоятельство, что звон колокольчиков нельзя причислять к универсальному очищающему средству. Так, наряд Ем вож ики – духа, уничтожающего всякое злое начало, не снабжён колокольчиками, а

злых духов он изгоняет во время танца с помощью чёрной шапки (Там же, с. 35).

Присутствие колокольчиков при появлении Торума, танец которого символизирует сотворение людей, а также 7 его сыновей, забирающих душу медведя на небо (Там же, с. 41, 53), подчёркивает высочайший статус представителей пантеона, о чём уже шла речь выше.

Своеобразная и, очевидно, появившаяся сравнительно поздно семантическая нагрузка предмета проступает в одном из локальных вариантов медвежьих игрищ, зафиксированном в с. Полноват. Приезд Ай вэрта сопровождает непрерывный звон 5 или 7 колокольчиков. Появление этого божества Т. Молданов связывает с христианским влиянием, с образом Иисуса Христа, а звон колокольчиков, по его мнению, символизирует землю за Уралом, наполненную колокольным звоном (Молданов, 1999, с. 75). В таком случае колокольный звон выступает как гетеростереотип: земля за Уралом, т.е. Русь, мыслилась хантами наполненной колокольным звоном.

Таким образом, семантика колокольчиков в медвежьих игрищах хантов связана с маркировкой ключевых фигур пантеона, креативной и охранительно-очищающей функциями, символикой русской христианской культуры. При этом звон колокольчиков как атрибута наконечных украшений подчёркивает именно сакрально-созидательную функцию, нацеленную на концентрацию благожелательных по отношению к человеку сил в определенное время и в определенном месте.

Установление благожелательных отношений между человеком и силами, разлитыми в окружающем пространстве, означало одновременно и обживание этого пространства, его конструирование по определенным правилам. Данное положение также находит подтверждение в этнографических данных.

Священная атрибутика северных хантов и манси включала в себя покрывала и «богатырские шлемы», набрасываемые на животное перед принесением его в жертву. Указанные вещи состояли из квадратов с мозаичным изображением, чаще всего всадника, и снабжались колокольчиками и монетами (Бауло, 2002, с. 16–23, 29–30, 40–41 и др.). Обращает на себя внимание следующий момент: манси различают покрывала не столько по количеству квадратов, сколько по количеству «углов», которые обозначаются колокольчиками, приши-

ваемыми не только по углам изделия, но и по его середине. Назначение священных покрывал и шапок на эмическом уровне трактуется так: «чтобы дом держался» (Гемуев, Бауло, 2001, с. 11, 13). Дом выступает в качестве символа обжитого пространства, и именно угол дома окропляют кровью жертвенного животного.

Связь угла, дома, обжитого пространства выделена А.В. Головнівым в качестве специфической черты обско-угорского мировосприятия. «В отличие от ненецкого стойбищного пространства, где всё округляется и плавно замыкается, угорский дом начинается с угла. Во многих легендах герои прячутся в углу, ищут что-то (чудодейственное) в углах... Иногда даже лес по сходству с домом рисуется с 'углами'» (Головнів, 1995, с. 272–273).

Как видим, в традиционном мировоззрении северных хантов и манси прослеживается семантическая цепочка: дом как символ обжитого пространства – угол как символ дома – колокольчик как символ угла. Звук металла, таким образом, становится символом обживания, очеловечивания пространства.

Вероятно, эта же функция была присуща в культуре обских угров и звуку дерева. По крайней мере, она выступает на передний план применительно к крюкам и цепям для детских колыбелей, вёслам для невесты и кроильным доскам-швейкам. У манси отмечены цепи, вырезанные из цельного куска дерева и украшенные орнаментом. В прорези звеньев помещались колышки, которые перекачивались и гремели при покачивании колыбели (Иванов С.В., 1963, с. 62–63; Фёдорова, 1994, с. 247). Вёсла для невесты также изготавливали из дерева, орнаментировали и в прорези вставляли погремушки. Вёсла невесте дарил жених, и звук погремушек извещал о её прибытии в селение жениха (Иванов С.В., 1963, с. 58; Фёдорова, 1994, с. 63). На концах кроильных досок, применявшихся для изготовления одежды, иногда вырезали отверстия, в которые вставляли деревянные погремушки (Иванов С.В., 1963, с. 62).

Использование звука сближает вышеописанные ситуации. В них моделируется приобщение человека к новому, пространственно очерченному миру: ребёнок входит в ещё неизвестное земное бытие, невеста – в незнакомую кровно-родственную среду, обновляя одежду, человек перекраивает весь окружающий мир, поскольку одежда мыслилась как внешняя оболочка микрокосма – человека. Звук, подобно камертону, помогал «настраивать» пространство на нужную

тональность, организовывал его по усмотрению человека, устанавливая связь с благожелательными существами, силами этого пространства.

Мы рассмотрели три системы кодирования смысла, вкладываемого обско-угорской традицией в целом и салымской в частности в женские украшения из металла. Эти системы базируются на области применения, форме и звуке. Перейдём к четвёртой системе, акцентирующей сам факт обработки металла, придания ему формы.

Обработка цветных металлов для украшений производилась в виде отливок. Технологический процесс, по крайней мере применительно к оловянным отливкам, осуществляла женщина, и он заключался в том, что металл плавил и в жидком виде заливали в специальные формочки, изготовленные из камня или коры (Там же, с. 81–82). Только при допущении о сакрализации самого процесса обработки металла можно понять северохантыйское название серебра – самого сакрального из всех металлов. Оно именуется сел ох – 'жидкая голова' (Скамейко, Сязи, 1992, с. 78). Жидкое состояние символизирует рукотворность, а «голова» – особую священность, поскольку именно она обладала наиболее тесной, прямой связью с миром духов, богов. Доказательством последнего служит обычай определять личного бога – покровителя новорождённому ребёнку. Старые женщины приподнимают в руках два лебединых или гусиных крыла, называя имена богов, крылья «тяжелеют» при имени бога, которому посвящён человек. Словесным эквивалентом совершаемым действиям служит выражение: в сторону такого-то бога голова повернута/смотрит [см. (Бауло, 2002, с. 11)].

Хантыйская женщина, отливающая из олова декоративные нашивки и подвески, становится сродни шаману, только её магия облечена не в форму слова, жеста и ритма, а отчеканена в узорах отливок. О сакрализации технологии изготовления отливок свидетельствует факт, отмеченный К.Ф. Карьялайненом. Возвращение души заблудшему человеку осуществлялось у хантов не только с помощью шамана, но и другими способами. Так, на р. Конда, территории проживания южных хантов, для этого изготавливали литейную форму в виде какого-либо животного или предмета, куда заливали свинец. Если отливка удавалась, душа должна была возвратиться (Карьялайнен, 1994, с. 37).

Правда, сам исследователь не склонен был усматривать в приведённом факте магическое действие. По его мнению, удачная отливка означала, что жертва принята, т.е. речь идёт о мантике – гадании с целью определения желательности для божеств каких-либо действий, а не с целью воздействия на них. Представляется, что в данном случае уместнее сослаться на мнение Ю.В. Балакина. Согласно ему, пополнение «отживающей» технологией арсенала ритуальных действий относится к универсальным явлениям. В качестве примера учёный приводит усиление сакрализации процесса выплавки изделий из бронзы после утраты её актуальности в практической действительности (Балакин, 1998, с. 136). Думается, что вышеприведённые сведения К.Ф. Карьялайнена служат ещё одной иллюстрацией выявленной закономерности.

Возможно, с рукотворным началом металлических украшений связаны их охранительная и очищающая функции. В литературе уже подчёркивалось, что при выплавке цветные металлы и огонь технологически связаны реальной ситуацией, которая не могла не выразиться на мифо-ритуальном уровне (Там же, с. 149). На этом же уровне обыгрывается и жидкое состояние металла, также обусловленное технологически. Обратимся к сюжету хантыйской мифологии. Противостоянию героя и духа-менка предшествует следующее описание. «У двухголового менка на правой руке на среднем пальце серебряное кольцо, оказывается, есть. Менк снял кольцо, взял его в рот и разжевал, потом выплюнул, образовалась площадь серебряная для игры двух мужчин» (Земля... 2003, с. 29). Рефреном звучит текст об аналогичной процедуре, проделанной с золотым кольцом (Там же, с. 32). Из приведённого отрывка явствует одна из функций украшений из цветных металлов – создание пространства с необходимыми свойствами. При этом повествуется о жидком, т.е. обработанном, металле.

Сакрализации у народов Сибири подверглось ещё одно качество украшений из металла – способность отражать свет, блестеть. От неё произведен ещё один семантический код украшений из металла – световой.

Установлено, что применительно к нганасанам блеск металлических подвесок-украшений символизировал связь металла с солнцем: он как бы притягивает лучи-верёвки солнца, укрепляя жизнь человека (Грачёва, 1983, с. 44). Данная реконструкция, основанная на явле-

нии гипостазирования, свойственном мифологическому мышлению, очень тонко и точно отражает специфику традиционного мировоззрения нганасан. Вместе с тем экстраполировать предложенное толкование семантики металла на обско-угорские традиции не представляется правомерным. Здесь блеск, вероятнее всего, ассоциировался с сакральным светом, не зависящим от небесного источника. Отсутствие в мировоззрении обских угров автохтонных черт, связанных с почитанием солнца, луны и звезд, отметил ещё К.Ф. Карьялайнен (1996, с. 46, 48), и с этим выводом трудно не согласиться. Если учесть, что обские угры предпочитали в качестве сакрального белый металл (серебро, олово, свинец), то можно соединить в единую семантическую цепочку такие качества, как блестящий – светлый – белый.

В качестве источников особого света-блеска могли выступать вода, волна и белый металл. По крайней мере в хантыйском фольклоре блеск металла передаётся через сравнение с искрящимся светом волны:

Светлой обской воде подобную саблю,
Светлой озёрной воде подобную саблю
Я вынимаю.

(Молданов, Молданова, 2000, с. 16).

Один из почитаемых на р. Казым божеств Дух середины Сосьвы живёт в «золотом, как волнующаяся вода, волнообразном доме», а Лев кутуп ики имеет «как волнующиеся золотые воды переливающийся дом, как ветром обдуваемые воды волнообразный дом» (Там же, с. 88, 91).

На вещь, обладавшую хотя бы одним из трёх вышеперечисленных качеств – блестящий – светлый – белый, распространялись и остальные свойства, что повышало её семиотический статус. Семантика белого цвета в обско-угорской культуре была весьма насыщенной. Он означал добро, общее благополучие, удачу, а его эманацией служили различные вещи и главное божество пантеона – Торум (Кулемзин, 1983, с. 126). Понятия «белый» и «светлый» в хантыйском языке обозначались единым термином – нови (Скамейко, Сязи, 1992, с. 56), ассоциировались с берёзой (Рындина, 2001, с. 65) и, очевидно, с белым металлом.

Завершая рассмотрение семантики женских украшений из цветных металлов, свойственных салымским хантам на рубеже XIX–

XX вв., можно заключить следующее. Символика украшений кодировалась посредством пяти систем, основанных на различных качествах металла: сфере приложения, форме, звуке, рукотворности, блеске. Через прикладное начало украшений воплощалась идея половозрастной неоднородности общества. Форма изделий выражала идею удачи в промысле, а в качестве лингвистической реплики сохранила древнюю идею плодородия, уходящую корнями в андроновскую общность. Звук реализовывал идею диалога с высшими существами – гарантами миропорядка, благодаря чему нейтрализовывалось действие деструктивных сил и человеку обеспечивалась «без неровностей дорога», «без опасностей шаг». Рукотворность ассоциировалась с идеей предугадания будущего и его конструирования. Блеск символизировал доброе, благожелательное начало, разлитое в окружающем пространстве.

Функциональность украшений была задана их комплексной природой – знаковой и магической. Как знак они маркировали статус девичества в социальном плане и ранг высших сил в сакральном. Как магическое средство украшения выполняли креативную, коммуникативную и охранительно-очистительную функции. Первая выражалась в моделировании пространства по задаваемым свойствам, его обживании. Вторая заключалась в установлении контакта с высшими силами, ответственными за мироустройство. Третья обеспечивала устранение из пределов человеческого существования вредоносных сил.

Представляется, что результирующей функцией женских украшений из цветных металлов можно определить моделирование пространственно-временной протяжённости с заданными устойчивыми связями и отношениями. Украшения из металла не маркировали границу человеческого бытия посредством «отпугивания», а организовывали пространство внутри этого бытия, конструировали его посредством заданности на связи и свойства мажорной для человека тональности. С этой целью и вёлся диалог с созидательными силами, и во многом благодаря их содействию устранялось или минимизировалось влияние разрушительных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культура через мучительный поиск своих создателей пытается ответить на извечные вопросы о сути бытия и небытия, а точнее, инобытия и их соотношения. В традиционной культуре ответы кодируются посредством ритуала, и они предельно обнажены в погребальном обряде. Его интерпретации с точки зрения философии этнической культуры и посвящена предложенная вниманию читателя монография. Источниковую базу составили материалы, собранные В.А. Дрёмовым во время раскопок поздних хантыйских некрополей на территории Нефтеюганского района Тюменской области, а именно на р. Салым и р. Большой Балык. Совместное исследование материалов археологами и этнографами потребовало некоторой корректировки методологических посылок. Этнографу предстояло отойти от толкования обряда как действия, разворачивающегося на фоне вещного ряда, и подойти к пониманию вещи как результату действия, раскрывающему его мотивацию и осмысление. От археологов потребовалось умение увидеть в вещи культурный символ, с помощью которого в осмысляемом времени-пространстве разворачиваются связи-отношения между людьми и окружающим их миром. В центре внимания представителей обеих научных дисциплин оказались вещное поле погребения – структура сопроводительного инвентаря и её соотнесённость с антропологическим кодом, а также вещь-элемент в аспекте её материальных и знаковых характеристик. Плодотворность диалога, установленного в сфере междисциплинарности, подтвердила сопоставимость полученных выводов.

Предпринятый анализ выявил значительное сходство некрополей на р. Салым и р. Большой Балык с учётом морфологических признаков (топография, характер погребения, надгробного сооружения и др.) и оттенил их своеобразие с учётом сопроводительного инвентаря. На р. Большой Балык предпочитали снабжать умершего изделиями из бересты, на р. Салым – из металла. На обеих реках

значительное внимание уделяли посуде из фарфора и фаянса, но всё же её представительность выше на р. Большой Балык. Общей чертой можно определить наибольшую концентрацию предметов в области ног и головы.

Конструктивная и орнаментальная специфика, выявленная в результате типологизации материала, свидетельствует о разнонаправленности культурных контактов у хантов, проживавших в Салымском крае. Изделия из бересты, найденные в некрополях на р. Большой Балык, указывают на восточнохантыйский этнический массив в целом и особенно на хантов, проживающих на р. Юган. Украшения из металла, зафиксированные на р. Салым, обнаруживают параллели с традициями Поволжья. Данный вывод полностью согласуется с фактами этнической истории, согласно которым заселение края шло с р. Конда (южная группа этноса) и р. Юган (восточная группа). Стрелы и украшения из металла демонстрируют сохранение древних автохтонных черт, присущих обским уграм и самодийцам.

Культура хантов Салымского края XIX – начала XX в., воссозданная на основе сопроводительного погребального инвентаря, предстаёт наполненной новационными элементами в виде импортируемых изделий из металла – топоров, блях, подвесок, монет, жетонов, пуговиц – и фарфоровой и фаянсовой посуды, произведённой на фабриках М.С. Кузнецова и Е.И. Кузнецова. Внедрение новаций упорядочивала традиция, и пуговицы, монеты и им подобное дополнили металлопластику женских украшений, а фарфоровые и фаянсовые чашки и блюда заменили посуду из дерева, капа и бересты. Особенно важно отметить, что на новые предметы переносились символические функции их традиционных предшественников.

Железные стрелы и топоры, украшения из цветных металлов, посуда из бересты, фарфора и фаянса обладали разветвлённым семантическим древом, включающим в себя апотропеические, обеспечивающие удачу в промысле, очишающие, медиаторские, креативные и другие магические функции. Вместе с тем можно вести речь о результирующих функциях изделий из бересты и металла, выделяя в последнем изделия из железа и цветных металлов.

Береста служила разграничителем миров и средством защиты мира человека. В этом плане ей семантически тождественны изделия из железа, топоры и стрелы, а также камни. Защитное свойство последних основано на эффекте отпугивания и обеспечивается такими

качествами, как прочный и острый. Изделия из цветных металлов, женские украшения, и прежде всего наконечники, семантически были ориентированы главным образом на моделирование освоенного человеком мира, его упорядочение по законам, гарантирующим благополучие. В этой функции изделиям из цветных металлов близки предметы из дерева, и главным смыслообразующим качеством при этом выступал звук. Следовательно, предметы из бересты, камня, железа образовывали систему магической защиты, которой человек ограждал себя от стихийной природы. Изделия из дерева и цветных металлов принадлежали к системе магического обживания мира, очерченного сакральными границами. Представляется, что в последнем случае семантика отражает более сложный процесс освоения и осмысления мира.

Реконструируя ключевые символы культуры, следует постоянно учитывать методологическую посылку В. Тэрнера: «...каждый символ выражает много тем, а каждая тема выражается многими символами. Культурное полотно ткут символическая основа и тематический уток» (Тэрнер, 1983, с. 40). Как показало проведённое исследование, различия могут наблюдаться и на субэтническом уровне. Напомним, что украшения из цветных металлов характерны для сопроводительного инвентаря хантыйских некрополей на р. Салым, а утварь из бересты – на р. Большой Балык. Ханты, проживающие на р. Салым, тяготеют к южной группе этноса, на р. Большой Балык – к восточной. Указанные «различия» в философии культуры, закодированные на языке вещей, с одной стороны, вновь высвечивают вопрос о культурной специфике различных групп хантов – составную часть сложной и масштабной задачи по реконструкции этногенеза обских угров. С другой стороны, эти различия актуализируют проблему специфики первобытного, или мифологического, сознания и его эволюции, обуславливающих своеобразие традиционной культуры. Так этнографическая тематика совершенно естественно и незаметно выходит на уровень проблематики теории и философии культуры, а в роли медиатора выступает символический подход к культуре этноса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Кабинет антропологии ТГУ

Материалы архива:

Дрёмов В.А. Дневники антропологической экспедиции Томского гос. университета летом 1983 года. Экспедиция на Салым. – Б/н. – С. 3–60.

Дрёмов В.А. Дневники антропологической экспедиции Томского гос. университета на Среднюю Обь. 4–24 августа 1984 г. – Б/н. – С. 118–197.

Дрёмов В.А. Дневники антропологической экспедиции Томского гос. университета летом 1985 г. Экспедиция на Среднюю Обь (4–25 августа). – Б/н. – С. 96–268.

Дрёмов В.А. Дневники антропологической экспедиции Томского гос. университета летом 1987 г. Экспедиция на р. Салым. – Б/н. – С. 3–239.

Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета

Коллекции:

Соровское кладбище – № 7625.

Кинтусовское I – № 7626.

Кинтусовское II – № 7627.

Чага – № 7622.

Тискинский могильник – № 9017.

Материалы архива:

Опись этнографической коллекции, собранной при раскопках хантыйских кладбищ в 1985 г. – Д. 7605.

Гребнева Г.И. Отчёт об археологических исследованиях кетского отряда летом 1977 г. – Д. 739.

Гребнева Г.И. Отчёт об археологических исследованиях кетского отряда летом 1980 г. – Д. 843.

Кирюшин Ю.Ф. Отчёт об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета летом 1973 г. – Д. 594-1.

Яковлев Я.А. Полевая документация тымского отряда археологической экспедиции Томского университета в 1987 г. Дневник. – Д. 989.

Томский областной краеведческий музей

Коллекции:

Тяголовский могильник – № 12686.

Пачангский могильник – № 1498.

Материалы архива:

Боброва А.И. Отчёт об археологических исследованиях Карбинской курганной группы II в Верхнекетском районе Томской области в 1991 году. – Оп. 3. – Д. 717.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев И.И. Песни народов манси. – Омск: Омгиз, 1936. – 125 с.

Адлер Б. Луки и стрелы Северной Азии // Русский антропологический журнал: Издание антропологического отдела. – М., 1903. – Кн. 15–16, № 3–4. – С. 178–194.

Алексеевко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 67–105.

Алексеевко Е.А. Культы у кетов // СМАЭ. – Т. 33: Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л., 1977. – С. 29–65.

Алексеевко Е.А. Колокольчик в шаманской атрибутике кетов // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 114.

Алексиин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – М., 1980. – № 167. – С. 3–9.

Алексиин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

Алешковский М.А. Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА. – 1960. – № 1. – С. 70–90.

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 179 с.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 234 с.

Арсеньев В.С. Сонорная сфера организации // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 114.

Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // ЭО. – 1981. – № 2. – С. 97–99.

Асеев И.В. Аналоги в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109–114.

Байбурин А.К. Семиотический статус вещи и мифология // СМАЭ. – Л., 1981. – Вып. 37. – С. 215–226.

Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 63–68.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.

Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 64–99.

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск: Наука, 1998. – 288 с.

Балакин Ю.В. Реконструкция древнего мировоззренческого комплекса в производственной сфере: постановка вопроса // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск, 2002. – С. 41–50.

Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: Бронзы периода Яэй // Вещь в японской культуре. – М., 2003. – С. 28–59.

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – Пг., 1921. – Т. 25. – С. 55–76.

Бауер В., Дюмоц Н., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 512 с.

Бауло А.В. Культовая атрибутика берёзовских хантов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 92 с.

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнологии СО РАН, 2004. – 158 с.

Бейкер Фил. Абсент. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 288 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Беликова О.Б., Р. А. Ураев и его раскопки средневековых могильников в Причумылье // Труды ТОКМ. – 2000. – Т. 10. – С. 153–185.

Белов М.И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – 148 с.

Белявский Фр. Поездка к ледовитому морю. – М., 1883. – 259 с.

Березовская Н.В. Александровский район – terra incognita Томской области // Земля александровская. – Томск, 1999. – С. 98–111.

Березовская Н.В., Боброва А.И. Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск, 2001. – С. 31–32.

Боброва А.И. Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 146–167.

Боброва А.И. Погребально-поминальный обряд коренного населения Нарымского Приобья и Причумылья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 15 с.

Боброва А.И. Позднее средневековье. Нарымское Приобье и Причумылье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2: Мир реальный и полусторонний. – Томск, 1994. – С. 293–321.

Боброва А.И. Шейные украшения средневекового населения Нарымского Приобья // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. – Томск, 2003. – С. 24–28.

Боброва А.И. О погребальном обряде хантов Салымского края XIX–XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск, Ханты-Мансийск, 2003а. – С. 211–215.

Боброва А.И., Максимова Н.Е., Торощина Н.В. Погребение с шаманским комплексом вещей на р. Тым // Труды МАЭС им. В.М. Флоринского. – Томск, 2002. – Т. 1. – С. 106–139.

Боброва А.И., Торощина Н.В. Инвентарь погребений Иготкинского курганного могильника // Человек в истории. – Томск, 1999. – С. 71–85.

Боброва А.И., Яковлев Я.А. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Нарымского Приобья: пояс // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 61–90.

Боброва А.И., Яковлев Я.А. Поселение и могильник Алдыган в Томской области // Археологические открытия 1997 года. – М., 1999. – С. 258–259.

Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М.: Искусство, 1971. – 544 с.

Богораз-Тан В.Г. Чукчи. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – Ч. 1. – 192 с.

Бродянский Д.Л. Дальневосточные чуринги // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск, 1985. – С. 35–36.

Брусницына А.Г., Ощепков К.А. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. – Екатеринбург: Салехард, 2000. – Вып. 1. – С. 79–111.

Бубнова Е.А. Конаковский фаянс. – М.: Изобразительное искусство, 1978. – 232 с.

Бутанаев В.Я. Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. – С. 188–197.

Бытовые рассказы эзцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 244 с.

Вайдеша М.Г. Колокол и колокольный звон в традиционной славянской культуре // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 115.

Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 217–253.

Веселовский Н. Роль стрелы в обрядах и её символическое значение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1921. – Т. 25. – С. 274–292.

Викторова В.Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1973. – Вып. 12. – С. 137–173.

Воскобойников М.Г. Бытовая сказка звенков // Фольклор народов Севера СССР. – Л., 1980. – С. 20–52.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). – Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. – 227 с.

Гамзатова П.Р. Художественные особенности традиционных женских украшений аварок и кабачинок // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С. 118–133.

Гдовские курганы в раскопках В.И. Глазова / Обработ. А.А. Спицын // Материалы по археологии России. – СПб., 1903. – Вып. 29. – 124 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 160 с.

Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Знамена манси (вогулов) Пелымского уезда XVII в. // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990. – С. 162–214.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места (XIX – начала XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таёжного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.

Гемуев И.Н., Соловьёв А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 39–55.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наукова думка, 1990. – 302 с.

Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1776. – Ч. 1. – 89 с.

Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. Интерпретация культур. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – С. 11–42.

Гнездилов А.В. Колокола в пространстве культуры (наблюдения психотерапевта) // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 115.

Голан А. Миф и символ. – М.: Руслит, 1994. – 375 с.

Голлербах Э. Художественная керамика в её историческом развитии // Фарфор и фаянс: Указатель марок. – Вып. 2: Библиотека любителей старины. – М., 1993. – С. 7–37.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 606 с.

Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев северо-западной Сибири // Изв. Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Этнографический отдел. – М., 1888. – Т. 48, вып. 2, кн. 8. – С. 74–87.

Городков Б. Путевой дневник // ЕТГМ. – 1913. – Вып. 21. – С. 1–100.

- Грачёва Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 44–66.
- Грачёва Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 174 с.
- Грачёва Г.Н. Погребальный культ // Свод этнографических понятий и терминов. – Вып. 5: Религиозные верования. – М., 1993. – С. 154–155.
- Дёмин М.А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. – С.-Петербург; Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1995. – 197 с.
- Дмитриев-Садовников Гр. На Вахе // ЕТГМ. – Тобольск, 1915. – Вып. 26. – С. 1–15.
- Дмитриев-Садовников Гр. Бересто и изделия из него у остояков р. Ваха // Живая старина. – СПб., 1916. – Вып. 1. – Прил. 4. – С. 08–014.
- Древние бронзы Оби. Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея: Каталог. – Сургут: Сургут. худож. музей, 2000. – 38 с.
- Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
- Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // УЗ ТГПИ. – 1952. – Т. 9. – С. 76–211.
- Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // УЗ ТГПИ. – 1953. – Т. 10. – С. 127–334.
- Дульзон А.П. Пачантский курганный могильник // УЗ ТГПИ. – 1955. – Т. 14. – С. 230–250.
- Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI–XVII веков у села Молчаново на Оби // УЗ ТГПИ. – 1955а. – Т. 13. – С. 97–154.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ГОКМ. – 1956. – Т. 5. – С. 89–316.
- Дулькин Т.И., Ашарина Н.А. Русская керамика и стекло XVIII–XIX веков: Собрание Государственного исторического музея. – М.: Изобраз. искусство, 1978. – 328 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. – СПб., 1904. – Т. 1. – 281 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. – М.: Либерия, 1995. – 376 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. – М.: Либерия ЛТД, 1996. – Т. 2. – 353 с.
- Духин И.А. «И заливаётся задорно нижегородский бубенец» // Памятники Отечества. – 1985. – № 2. – С. 145–152.
- Дьяков В.И. Раннеолитические чуринги Приморья // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001. – С. 124–129.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

Дьяконова В.П. Предметы в лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // СМАЭ. – Нов. серия. – Т. 37: Материальная культура и мифология. – Л., 1981. – С. 138–152.

Дэвлет М.А. Элементы системы жизнеобеспечения сибирских аборигенов в мистической реальности // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. – Томск, 1998. – С. 15–19.

Ермоленко Л.Н. Мотив воткнутого в землю оружия в героическом эпосе и изобразительных памятниках // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. – СПб., 2004. – С. 36–39.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. – М.: Вост. лит., 2002. – 247 с.

Заднепровская А.Ю. Традиционные украшения народов Среднего Поволжья (вторая половина XIX – первая половина XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1992. – 27 с.

Земля Кошачьего Локотка / Пер., сост. и примеч. Т. Молданова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 230 с.

Зенько А.П., Шаранов В.В., Криницкий А.Я. Ханты озера Пяку-то // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень, 1995. – С. 97–108.

Зув В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772 гг.) // ТИЭ. – Нов. серия. – М.; Л., 1947. – Т. 5. – 95 с.

Зыков А.П., Кокишаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: НПМП Волот, 2001. – 320 с.

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приволжья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 172–179.

Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.

Иванов Вяч.Вс. Реконструкция структуры, символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 5–11.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: Энцикл. – М., 1987. – Т. 1. – С. 527–533.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Перун // Мифы народов мира: Энцикл. – М., 1988. – Т. 2. – С. 306–307.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // ТИЭ. – Нов. серия. – М.; Л., 1963. – Т. 81. – 500 с.

Иванов С.В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 161–188.

Избрант Идес, Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М.: Наука, 1967. – 404 с.

Изделия остяков Тобольской губернии // ЕТГМ. – Тобольск, 1911. – Вып. 11. – С. 1–136.

Иманов Г.М., Косов В.С., Смирнов Г.В. Производство художественной керамики. – М.: Высш. шк., 1985. – 223 с.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. – Тюмень: Мандр и К., 2003. – 216 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 282 с.

Кабо В.Р. Описание австралийской коллекции А.Л. Яшенко в Музее антропологии и этнографии // СМАЭ. – Л., 1960. – Т. 19. – С. 111–167.

Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Васюгана // УЗ ТГПИ. – 1962. – Т. 20, вып. 2. – С. 127–143.

Каменецкий Н.С. Код для описания погребального обряда // Древности Дона. – М., 1983. – С. 221–250.

Каменецкий Н.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. – М., 1986. – С. 137–194.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т. 1. – 152 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. 2. – 284 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – Т. 3. – 264 с.

Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин земледения и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 495 с.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии Н.Ф. Катанова // Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Вып. 2. – Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. – Абакан, 2007. – С. 4–25.

Кауфман А.О. Ремесло и торговля Кузнецка XVII века: (Предварительное сообщение по письменным и археологическим источникам) // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 47–60.

Кимеев В.М., Добжанская О.Э., Шорцы. Материальная культура // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – С. 273–291.

Кинжалов Р.В. Золотой аштекский бубенец // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 117.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – М.; Л.: Наука, 1966. – Вып. 2. – 145 с.

Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. – 278 с.

Климашувский Э.Л. Орнаментированные гальки из района истока Ангары // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – С. 159–160.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Каталог съёмных украшений народов Сибири (по коллекциям МАЭС) // СМАЭ. – Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988. – С. 195–208.

Ковалева В.Г., Шаманаев А.В. О цветовой символике каменных наконечников стрел поселения Ташково II // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб., 1993. – Ч. 2. – Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 56–74.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наукова думка, 1986. – 151 с.

Конигов Б.А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таёжного Прииртышья // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск, 1978. – С. 51–69.

Конигов Б.А. Таёжное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. – Омск: ОГПИ, 1993. – 223 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 7. – 192 с.

Корусенко М.А., Ожередов Ю.И. Некоторые абстрактные понятия и материальные предметы в мифологических представлениях сибирских татар: Материалы к «Очеркам мифологии сибирских татар» // Вестн. НГУ. – Сер. История, филология. – 2005. – Т. 4, вып. 5. – С. 112–123.

Корякова Л.Н., Кулемзин В.М. Введение // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 7–17.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 298 с.

Краснодембская Н.Г., Мазурина В.Н. Колокола в культовой практике у народов Южной Азии // Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. – М., 2003. – С. 118.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 842 с.

Кренке Н.А. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984. – С. 137–145.

Ксенофонтова Р.А. Фольклорно-культовые образцы японской гончарной продукции начала XX в. // СМАЭ. – Т. 37: Материальная культура и мифология. – Л., 1981. – С. 67–80.

Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов: (Конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. – Томск, 1976. – С. 3–154.

Кулемзин В.М. Некоторые способы цветообозначения у хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск, 1983. – С. 124–128.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 191 с.

Кулемзин В.М. Методические аспекты изучения погребального обряда // Обряды народов Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 87–105.

Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв.: Ханты и манси // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 363–378.

Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв.: Кумандинцы, челканцы, тубалары // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – Томск, 1994. – С. 338–340.

Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск, 2000. – С. 72–77.

Кулемзин В.М., Зоркальцева С.И., Скзи Е.Н. Вещь в традиционном мировоззрении хантов и музейная работа // Традиции и современность. – Тюмень, 1998. – С. 8–12.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 226 с.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куюм // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 9–13.

Купина Ю.А. Потребление табака у народов Северо-Восточной Сибири и Аляски: Этнокультурный аспект традиции // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура. – СПб., 1995. – Вып. 2. – С. 85–115.

Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского / Обработ. А.А. Спицын // Материалы по археологии России. – СПб., 1898. – Вып. 20. – 123 с.

Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 130–147.

Кызласов И.Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // РА. – 1993. – № 1. – С. 98–111.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 608 с.

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. – СПб.: Европейский дом, 2002. – 400 с.

- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
- Леви-Стросс К.* Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1999. – С. 111–336.
- Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А.* Погребение как объект формального анализа // КСИА. – М., 1976. – № 148. – С. 16–23.
- Леонтьев С.Н.* Гравированные гальки Торгажака // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 111–116.
- Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1987. – Вып. 754. – С. 10–21.
- Лукина Н.В.* Альбом хантыйских орнаментов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 240 с.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 363 с.
- Лукина Н.В., Пелих Г.И.* К вопросу о «карагасах» Томской области // Труды ТГУ. – Сер. историческая. – 1963. – Т. 165. – С. 162–173.
- Майнагашев С.Д.* Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Вып. 2: Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. – Абакан, 2007. – С. 39–53.
- Макалатия С.И.* Раскопки Дванского могильника // СА. – 1949. – № 11.
- Макаров Н.П., Баташев М.С.* История и культура народов Севера Приенисейского края (Учеб. пособие). – Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. – 240 с.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
- Макимова Е.И.* Военное дело у сымско-кетских эвенков // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. – Томск, 1992. – С. 92–103.
- Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.
- Мартынова Е.П.* Демография // Салымский край. – Екатеринбург, 2000. – С. 71–90.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Материалы по фольклору хантов.* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 216 с.
- Матющенко В.И.* Могильник на Татарском увале у д. Окунево (ОМ VII) // Новое в археологии Прииртышья. – Омск, 2003. – Вып. 3. – 159 с.
- Матющенко В.И., Синецына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – 136 с.
- Мелетинский Е.М.* Австралийская мифология // Мифы народов мира. – М., 1998. – Т. 1. – С. 29–30.
- Мельник В.И.* Погребальная практика и погребальный обряд // КСИА. – М., 1990. – № 201. – С. 73–77.

- Мельник В.И.* Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. – 1993. – № 1. – С. 94–97.
- Мельник В.И.* Обряд в погребальном процессе – проблема структуры // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – С. 90–96.
- Миддендорф А.* Путешествие по Сибири. – Отд. 6: Коренные жители Сибири. – СПб., 1887. – Ч. 2. – С. 619–833.
- Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное искусство. – М.: Искусство, 1973. – 320 с.
- Мифологические сказки и исторические предания энцев / введение и комментарий Б.О. Долгих.* – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 243 с.
- Мифология хантов // Энциклопедия уральских мифологий.* – Томск, 2000. – Т. 3. – 310 с.
- Мифы, легенды и сказки хантов и манси / Сост. Н.В. Лукина.* – М.: Наука, 1990. – 368 с.
- Мифы народов мира: энцикл.* – М.: БСЭ, 1997. – Т. 2. – 719 с.
- Михайловская К.Н.* Цветущий кобальт: Очерки о художественном фарфоре. – М.: Сов. Россия, 1980. – 224 с.
- Могильников В.А.* Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964. – Т. 2. – С. 265–270.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. – М., 1987. – С. 163–235.
- Мозутаев М.К.* Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). – Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1996. – 352 с.
- Молданов Т.А.* Калташ-анки // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск, 1995. – Вып. 2. – С. 142–149.
- Молданов Т.* Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 141 с.
- Молданов Т., Молданова Т.* – Боги земли казымской. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.
- Молданова Т.А.* Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 261 с.
- Молданова Т.А.* Архетипы в мире сновидений хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 354 с.
- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.
- Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Фёдорова Н.Н.* История и культура хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 164 с.
- Молодин В.И., Соловьёв А.И.* Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – С. 105–120.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. СО РАН, 1990. – 262 с.

Морозов В.М. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и севера. – Екатеринбург, 1992. – С. 37–51.

Мосс М. Социальные функции священного. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с.

Мошницкая В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // МИА. – 1953. – № 35. – С. 72–106.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 155 с.: ил.

Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. – 344 с.

Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии): Историко-статистический очерк / Сост. А.О. Плотников // Записки РГО. – СПб., 1901. – Вып. 1. – 366 с.

Населённые места Салымского края. – Екатеринбург: Боско, 2005. – 304 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком, сочинённое Григорием Новицким в 1715 году. – СПб., 1884. – 116 с.

Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 304 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 192 с.

Обельченко О.В. Культура античного Согда. – М.: Наука, 1992.

Обряды в традиционной культуре бурят. – М.: Вост. лит., 2002. – 222 с.

Обские угры: Повествование о культуре народов ханты и манси, о бесценном историческом наследии, бережно сохранённом для грядущих поколений. В очерках, образах и сказаниях о «Кожистой, Шерстистой Земле». – Ханты-Мансийск, 2002. – 64 с.

Оглоблин Н. Остяцкие «знамена» XVII века // Исторический вестник. – 1889. – Т. 38, № 10. – С. 135–149.

Ожередов Ю.И. Захоронение селькупского воина // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. – С. 110–115.

Ожередов Ю.И. Ритуальные стрелы южных селькупов // Прибыле глазами археологов и этнографов. – Томск, 1999. – С. 77–119.

Ожередов Ю.И. К вопросу о сакральных стрелах Южной Сибири (по фольклорным и историческим данным) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы междунар. конф. – Томск, 1999а. – С. 197–198.

Ожередов Ю.И. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003. – С. 218–224.

Ожередов Ю.И. Железо в мифологических представлениях сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск, 2004. – С. 233–238.

Ожередов Ю.И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 23 с.

Окладникова Е.А. Занимательное страноведение (география глазами этнографа). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 135 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – 1986. – № 1. – С. 65–76.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. – 1993. – № 1. – С. 78–93.

Ольховский В.С. Обычай и обряд как формы традиции // РА. – 1997. – № 2. – С. 159–167.

Осборн Г.Ф. Человек древнего каменного века: Жизнь, среда, искусство. – Л.: Изд-во «Путь к знанию», 1924. – 527 с.

Осокин Е.В. Легенды полуночного края. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. – 36 с.

Павлинская Л.Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // СМАЭ. – Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988. – С. 71–85.

Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1769 году. – Ч. 3: Путешествие по Сибири к востоку лежащей даже и до самой Даурии 1772 года. – СПб., 1772–1773. – 642 с.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. – М.: Высш. шк., 1990. – 319 с.

Парилов Н.Г. Русский фольклор Нарыма. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1948. – 232 с.

Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. – СПб., 1891. – Вып. 3. – С. 85–116.

Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб., 1891а. – 74 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.

Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.

Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1998. – 80 с.

Перевалова Е.В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург, 1992. – С. 85–97.

Перишц А.И. Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. – 1981. – № 4. – С. 69–84.

Петренко В.Г. Усатовская статуетка, найденная в Нижнем Подунавье // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. – Киев, 1989. – С. 52–54.

Плетнёва Л.М. Тоянов городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 году) // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 19. – С. 65–72.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 134 с.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии): Историко-статистический очерк // Записки Императорского РГО по отделению статистики. – СПб., 1901. – Т. 10, вып. 1. – 366 с.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Попов А.А. Душа и смерть по мировоззрениям нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 31–44.

Попов В.А. Русский фарфор: Частные заводы. – Л.: Художник РСФСР, 1980. – 316 с.

Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.

Потапов Л.Н. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // СЭ. – 1934. – № 3. – С. 64–76.

Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 106–128.

Прыткова Н.В. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – Л., 1970. – С. 3–99.

Пушкарёва Е.Т. Отчет о фольклорной экспедиции в Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области // Фольклор народов Севера СССР. – Л., 1980. – С. 105–107.

Рабинович М.Г. Из истории русского оружия IX–XV вв. // ТИЭ. – Нов. серия. – М.; Л., 1947. – Т. 1. – С. 65–97.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника / Пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой. – М.: Наука, 1989. – 749 с.: ил.

Раевский Д.С. Некоторые замечания об интерпретации древних изобразительных памятников // Труды / Междунар. конф. по первобытному искусству, 3–8 августа 1998. – Кемерово, 1999. Т. 1. – С. 118–123.

Рейно А.В. Рекогносцировочные раскопки могильников позднего средневековья в таёжном Причулымье // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск, 1993. – С. 113–128.

Руденко С.И. Инородцы Нижней Оби: (Этнографический очерк) // Труды общества земледения при Императорском Санкт-Петербургском университете. – СПб., 1914. – Т. 3. – Отдельный оттиск. – С. 1–14.

Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. – СПб., 1914а. – Т. 2. – С. 35–56.

- Руденко С.Н.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 344 с.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
- Рындина О.М.* Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 3. – Томск, 1995. – 640 с.
- Рындина О.М.* Камень и бисер: традиция и инновация в окультуренной среде обских угров // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика: Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 1998. – С. 220–224.
- Рындина О.М.* Береста и декоративные традиции селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск, 1999. – С. 153–163.
- Рындина О.М.* Этноисторическое сознание в знаково-символическом аспекте // Проблемы истории и исторического познания. – Томск, 2001. – С. 61–69.
- Рычков Н.А.* Традиция, обычай, обряд // РА. – 1997. – № 2. – С. 150–158.
- Савинов Д.Г.* Антропоморфные изображения на гальках из Торгажак (новые материалы о южных истоках культуры иганасан) // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул, 1995. – С. 107–120.
- Савинов Д.Г.* Поселение поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 112 с.
- Сагалаев А.М.* Урало-сибирская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 153 с.
- Сагалаев А.М.* Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 176 с.
- Салтыков А.Б.* Русская керамика: Пособие по определению памятников материальной культуры XVIII–XX в. – М.: Госкультпросветиздат, 1952. – 272 с.
- Сальмский край:* Научно-художественное издание. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – 344 с.
- Северная книга.* – Томск, 1993. – 299 с.
- Семёнов Ю.И., Фролов Б.А.* Становление человеческого общества // История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983. – С. 293–420.
- Семёнова В.И.* Предметы вооружения из погребений могильника Усть-Балык (конец I – II тыс. до н. э.) // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень, 1995. – С. 78–79.
- Семёнова В.И.* Итоги работы Северного отряда археологической экспедиции объединения ТОКМ (1983–1993 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 1993. – Новосибирск, 1997. – С. 140–159.
- Семёнова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.
- Семёнова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, 2005. – 164 с., прил.

- Сибирские сказки* / Сост. и предисл. А. Л. Коптелова. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. – 246 с.
- Симченко Ю.Б.* Тамги народов Сибири XVII века. – М.: Наука, 1965. – 228 с.
- Сирелиус У.Т.* Путешествие к хантам / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 342 с.
- Сказки народов Севера.* – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – 626 с.
- Скамейко Р.Р., Сязи З.Н.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). – СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. – 271 с.
- Скобелев С.Г.* Развитие хозяйства местного населения Среднего Енисея и Томи в XVII в. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 34–46.
- Смирнов Ю.А.* Тафология (попытка системного подхода) // Человек и окружающая среда в древности и современности. – М., 1985. – С. 17–23.
- Смирнов Ю.А.* Морфология погребения: (Опыт создания базовой модели) // Исследования в области балто-славянских древностей культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. – С. 216–224.
- Смирнов Ю.А., Тендрякова М.Ф.* О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд // КСИА. – М., 1991. – №. 201. – С. 68–73.
- Смирнова Е.Ю.* Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 112 с.
- Соколова З.П.* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 169–175.
- Соколова З.П.* Похоронная обрядность. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. – М., 1980. – С. 125–143.
- Соколова З.П.* Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. – М., 1982. – С. 8–47.
- Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. – М.: Наука, 1983. – 326 с.
- Соколова З.П.* Животные в религиях. – СПб.: Лань, 1998. – 288 с.
- Соколова З.П.* Платок в культуре хантов и манси // Сибирский этнографический сборник. – М., 2000. – С. 49–69.
- Соколова З.П.* Использование металла в культовой практике обских угров // ЭО. – 2000а. – № 6. – С. 30–45.
- Соколова З.П.* Обско-угорский феномен: Место культуры хантов и манси в культуре народов Сибири // Исторический ежегодник: Спец. вып. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск, 2001. – С. 36–53.
- Соловьёв А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 191 с.

Соловьёв А. И., Мыльникова Л. Н. Топор с клеймом из могильника Кыштовка // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 119–121.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 426 с.

Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей // Известия археологической комиссии. – Пг., 1918. – Вып. 65. – С. 56–84.

Станкевич Я. В. Бытовой инвентарь // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.: Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – М.; Л., 1951. – С. 167–171.

Стефанов В. И. Моховая XLVI – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2003. – Вып. 1. – С. 164–210.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. – Казань: Изд-во «Фан», 2000. – 312 с.

Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // ТИЭ. – Нов. серия. – Т. 21: Среднеазиатский этнографический сборник. – М.; Л., 1954. – С. 299–353.

Счетчиков К. Марки русского фарфора // Наука и жизнь. – 1971. – № 1. – С. 114–115.

Сязи А. М. Семантика в орнаменте хантов Ямало-Ненецкого округа // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск, 1995. – Вып. 2. – С. 91–105.

Тадина Н. А. Костюм как половозрастной знак в алтайской этнокультуре // Музей, традиции, этничность. XX–XXI вв. – С.-Петербург; Кишинев, 2002. – С. 237–240.

Тайлор Э. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

Такой далёкий и такой близкий Обь-Иртышский Север // Ханты-Мансийск; Омск: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. – 250 с.

Таксами Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 203–216.

Талигина Н. М. Бисер как элемент традиционной культуры северных хантов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика: Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск, 1998. – С. 227–229.

Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 176 с.

Тереженко Н. М. Маленький охотник: Ненецкие сказки. – Архангельск: Кн. изд-во, 1955. – 100 с.

Токарев С. А. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1964. – 559 с.

Токарев С. А. Обычай и обряды как объект этнографического исследования // СЭ. – 1980. – № 3. – С. 26–36.

Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 89–102.

Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Val-sapica: Лингвистические исследования. – М., 1979. – С. 234–298.

Топоров В.Н. О ритуале: Введение в проблематику // Архангелский ритуал в фольклорных и раннесредневековых памятниках. – М., 1988. – С. 7–60.

Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 7–111.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 123 с.

Труфанов А. Я., Поплевин С.А. Находки на р. Тляттыягуне // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Ханты-Мансийск, 2003. – Вып. 1. – С. 77–84.

Тучкова Н.А. Представление о камне у селькупов // Этносы Сибири: Язык и культура. – Ч. 1. – Томск, 1997. – С. 29–30.

Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 278 с.

Усманова Э.А., Логвин В.Н. Женские наконские украшения Казахстана: Эпоха бронзы. – Лисаковск, 1998. – 64 с.

Усманова Э.Р., Ткачёв А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // Вестник древней истории. – 1994. – № 2. – С. 75–83.

Фарфор и фаянс Российской империи. – Вып. 1: Библиотека любителей старины. – М.: Изд-во МГП «Цимелия», 1993. – 176 с.

Фарфор и фаянс. Указатель марок. – Вып. 2: Библиотека любителей старины. – М.: Изд-во МГП «Цимелия», 1993. – С. 39–285.

Фёдорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энци, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // СМАЭ. – Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л., 1988. – С. 86–104.

Фёдорова Е.Г. Орнамент на одежде и утвари манси // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск, 1992. – С. 110–114.

Фёдорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. – СПб., 1994. – 386 с.

Фёдорова Е.Г. Материалы по погребально-поминальной обрядности салымских хантов // Материалы полевых этнографических исследований. – Вып. 3. – СПб., 1996. – С. 102–117.

Фёдорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский Дом, 1997. – 368 с.

- Фёдорова Е.Г. Семейные обряды и традиции: Похоронная обрядность // Салымский край. – Екатеринбург, 2000. – С. 225–238.
- Фёдорова Е.Г. Матерьяльная культура // Салымский край. – Екатеринбург, 2000а. – С. 139–198.
- Фёдорова Н.В., Косинцев П.А., Фицхью В.В. Ушедшие в холмы: Культура побережий северо-западного Ямала. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1998. – 180 с.: ил.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1987. – 512 с.
- Фини О., Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. – 578 с.
- Франк-Каменецкий И.Г. К космической семантике «камня и «металла» // XLV академику Н.Я. Марру. – М.; Л., 1935. – С. 573–582.
- Французова И.Г. Общая технология производства фарфоровых и фаянсовых изделий бытового назначения. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
- Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
- Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: ООО «Фирма «изд-во АСТ»», 1998. – 784 с.
- Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве у бурят // Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. – Иркутск, 1890. – Т. 2, вып. 1. – С. 1–143.
- Харузин Н. Этнография. – Вып. 4: Верования. – СПб., 1905. – 530 с.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 228 с.
- Хлобыстин Л.П. Святылища Вайгача // AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина: Археологические изыскания. – СПб., 1993. – Вып. 10. – С. 15–18.
- Хомич Л.В. Ненцы. – СПб.: Русский Двор, 1995. – 336 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С. Находки топоров русского производства в памятниках коренного населения южной Сибири эпохи позднего средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 182–188.
- Хэшель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 109 с.
- Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные изделия. – М.: Наука, 1977. – 141 с.
- Церен Э. Библиейские холмы. – М.: Правда, 1986. – 480 с.
- Чернецов В.Н. Вогульские сказки: Сборник фольклора народов манси (вогулов). – Л.: Гослитиздат, 1935. – 141 с.
- Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. – Т. 1. – М.; Л., 1947. – С. 113–134.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири // МИА. – М.; Л., 1957. – № 58. – С. 136–245.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. – Нов. серия. – Т. 51: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М.; Л., 1959. – С. 114–156.

Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. – Томск, 1975. – Вып. 16. – С. 61–93.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 192 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 255 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – 179 с.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул, 1995. – С. 179–187.

Чиндина Л.А. Головной убор женщины из Воскресенского могильника // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, Ханты-Мансийск, 2002. – С. 159–163.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки // Труды ТОКМ. – 1931. – Т. 4. – 175 с.

Шатилов М.Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск, 1976. – С. 155–165.

Шафф А. Введение в семантику. – М.: Иностр. лит., 1963. – 376 с.

Шорин А.Ф., Баранов М.Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургута) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург, 2002. – С. 70–81.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. – СПб., 1903. – Т. 3. – 145 с.

Ш[тернбер]г Л. Топор // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1901. – Т. 33. – С. 531–534.

Штернберг Л.Я. Фаллический культ // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1902. – Т. 35. – С. 266–267.

Штернберг Л.Я. Избранничество в религии // Этнография. – М.; Л., 1927. – Кн. 1. – С. 3–56.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. – 573 с.

Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым, Сургутского уезда // ЕТГМ. – Тобольск, 1913. – Вып. 21. – С. 1–17.

Шульц Л. Салымские остья // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. – Тюмень, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

Шутова Н.И. Удмурды XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. – Ижевск: УИИЯЛ, 1992. – 262 с.

Шухов И.Н. Река Казым и её обитатели: Результаты Казымской экскурсии И.Н. Шухова в 1914 г. // ЕТГМ. – Тобольск, 1915. – Вып. 26. – С. 1–57.

Элиаде М. Избранные сочинения: Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. – Т. 1: От каменного века до Элевсинских мистерий. – М.: Критерий, 2001. – 464 с.

Эпические песни ненцев / Сост. З.Н. Куприянова. – М.: Наука, 1965. – 782 с.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: котёл // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск, 1995. – С. 101–117.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. Работы в Колпашевском районе Томской области // Археологические открытия 1995 года. – М., 1996. – С. 382–384.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск, 2004. – Вып. 2. – С. 137–174.

Яшин В.Б. Иранские элементы в мифологии угорских народов Западной Сибири как результат контактов эпохи бронзы – раннего железа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.

Яшин В.Б. Ещё раз о митранских истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 44–52.

Arne T. I. J. Barsoff Gorodok. – Stockholm, 1935. – 130 S.

Kannisto A. Materialien sur mythologie der Wogulen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1958. – 443 p. / Пер. Р.А. Моссиенко; ГПНТБ СО АН. – Новосибирск, 1988.

Martin F.R. Sibirika. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. – Stockholm, 1897. – 45 S. 23 Taf.

Vahter T. Ornamentik der Ob-Ugrier. – Helsinki, 1953. – 216 S. 199 Taf.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- В – восток
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея
изд-во – издательство
З – запад
ИФ – исторический факультет
кол. – коллекция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии
ПНИЛИАЭС – Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
пр. – прочее
РА – Российская археология
РГО – Русское географическое общество
рис. – рисунок
С – север
СА – Советская археология
СВВ – северо-восток – восток
СЗ – северо-запад
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
ССВ – север – северо-восток
СЭ – Советская этнография
табл. – таблица
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии
УЗ ТГПИ – Учёные записки Томского государственного педагогического института
УрГУ – Уральский государственный университет
экз. – экземпляр
ЭО – Этнографическое обозрение
Ю – юг
ЮВ – юго-восток
ЮЗЗ – юго-запад – запад
ЮЮЗ – юг – юго-запад

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ДНЕВНИКИ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
В.А. ДРЁМОВА
В НЕФТЕЮГАНСКИЙ РАЙОН
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(1983–1985, 1987 гг.)**

**Антропологическая экспедиция
Томского гос[ударственного] университета
летом 1983 года.**

Экспедиция на Салым

(с. 3) 5 сентября, понедельник.

План экспедиционной поездки на раскопки Кинтусовского могильника на р. Салыме возник в ноябре 1982 г., когда на студенческой конференции в Новосибирске я получил приглашение от Л.М. Тереховой через её студентку. Я написал письмо Л.М. Тереховой, получил от неё ответ. Окончательная договоренность была достигнута в апреле этого года в Свердловске на Уральском археологическом совещании. Желание принять участие в этой экспедиции высказала также А.И. Боброва.

В конце августа по телефону я узнал, когда и где конкретно будет работать экспедиция. Свердловчане выезжают 2 или 3 сентября, работать будут до 17 сентября. Их будет человек где-то 16–18. Могильник расположен на окраине станции Салым по железной дороге Тюмень – Нижневар- // (с. 4) товск. Из села надо идти на вертолётную площадку, затем свернуть направо к озеру, на берегу которого и располагаются археологи. Впрочем, о них можно узнать и в сельсовете...

(с. 5) 6 сентября, вторник.

Вылетели с А.И. Бобровой самолетом Ан-24 рейсом 5009 Томск – Тюмень в 10¹⁵ местного времени...

(с. 6) В 13⁴⁰ московского времени в направлении Нижневартовска отправляется поезд 124 Тюмень – Ноябрьская. Купили билет в общий вагон. В такой пьяной компании мне ещё не приходилось ездить. Почти все в вагоне пьяные, мат, табачный дым. Проводники тоже пьяные...

* Речь идёт о 1983 г. (прим. ред.).

Мы прибыли в Салым в 4²⁰ московского, или в 6²⁰ местного времени...

(с. 7) 7 сентября, среда...

(с. 9) На свердловском поезде приехали трое из Тюмени. Двое, кажется, студенты, третья – Семёнова Валентина Ивановна. Она работала на хоздоговоре в Тюменском университете, сейчас перешла в краеведческий музей. Работает она в районе г. Сургута, по Оби, Балыку, Югану, ведёт раскопки поздних памятников.

По её словам, в этом районе можно без особого труда собрать остеологический материал по хантам. Население к этим раскопкам относится спокойно. Предложила на следующее лето поехать в район // (с.10) Сургута. Предложение заманчивое, и я, видимо, спланирую такую поездку...

8 сентября, четверг.

Рано утром пришли два студента-пятикурсника Свердловского университета, которых я встречал весной на конференции – Зыков Алексей Павлович и Кокшаров Сергей Федорович. Они ходили с разведкой в // (с. 11) этом же районе...

В Салымский сельсовет входят следующие поселки:

1. Салым.
2. Кинтус – ж[елезно]/д[орожная] станция, не доезжая до Салыма.
3. Самсоновка, от Кинтуса.
4. Кутьях.
5. Севасьях. Оба последние поселка по ж[елезной]/д[ороге], в сторону Сургута. //

(с. 12) Ханты живут в Самсоновке и здесь в Салыме. 3 семьи живут в лесу. К ним изредка отсюда завозят продукты.

В Салыме ханты живут на берегу, через ж[елезную]/д[орогу]. Две семьи – Лукины и Качаловы. Есть еще Мяскова Галина Павловна, она замужем за русским...

На месте этого поселка ханты раньше жили. Их поселок был там, где они и сейчас живут, на реке. Как это поселок назывался, предс[едатель] с[ельского] с[овета] не знает. Вдоль жел[езной] дороги, при слиянии двух речек в березняке, было кладбище хантов.

Позднее там хоронили и русские. У русских стоят // (с. 13) кресты, у хантов – домики, «под вид срубов». Последнего на этом кладбище похоронили в прошлом году.

Разобрали погребение. Инвентарь – железный котёл, топор, нож у лев[ого] колена, серьга левая, перстень. Скелет очень небольшой, сначала казался детским. Но по стёртости премоляров (балл 4) возраст 40–60 л. Скелет очень грацильный, видимо, женский. От черепа мелкие фрагменты, по которым ничего другого сказать нельзя.

На очереди ещё несколько могил. Но работа археологов идет непривычно медленно...

(с. 14) Сейчас я на Салыме. Салым. Всё больше складывается впечатление, что Салым исторически был тесно связан с Прииртышьем. Это и по этнографическим данным. И географическим, даже если отвлечься от новой железной дороги. Верховья Салыма близко подходят к Демьянке. Связь с демьянскими хантами обязательно должна быть. Да и вся система Салыма близко примыкает к системе Иртыша. В принципе, можно было бы, рассматривая восточных хантов, обойтись без хантов Салыма, рассмотрев их в прииртышском сюжете. Но с другой стороны, всем известно, что салымские ханты относятся все же к восточным хантам. Что можно иметь // (с. 15) по салымским хантам? А. Зыков говорит, что хороших разведок по Салыму археологи ещё не проводили, известен только этот район у с. Салыма. Что-то даст разведка Тереховой, куда она сейчас направилась, на приток Салыма Тукан, к пос. Соровскому.

Зацепки пока такие.

1. Поговорить с местными хантами, расспросить о кладбище у этого поселка, если будет возможность, покопать.

2. Расспросить хантов о пос. Кинтус. Были ли там ханты, куда уехали (в Самсоновку?). Когда оттуда уехали, есть ли там кладбища.

3. М[ожет] б[ыть] есть другие покинутые поселки в районе с. Салыма, где жили ханты и куда нетрудно отсюда добраться. // (с. 16)

4. Что-то расскажет Терехова, вернувшись из Соровских (юрт).

5. На след[ующий] год разведать район низовьев Салыма, побравшись к нему со стороны Оби.

Для полноты картины по восточным хантам необходим материал также с правых притоков Оби – Тыма, Тромъегана, Ваха. Может

быть, частично его также удастся собрать в следующем году? Или на следующий ещё год. Надо начать.

9 сентября, пятница.

Сходил в поселок. Пытался найти кладбище, но так и не нашел. Позднее понял, что я его не там искал: я ходил вдоль железной дороги, а надо было в сторону от неё, к месту слияния р. Айеги и Вандраса. Кладбище находится в березняке на мысу при слиянии этих речек. //

(с. 17) Потом В.И. Семёнова сказала мне, что кладбище имеется также в месте, где р. Айега вытекает из Б. Салымского озера (постарому, Кинтусовского), на котором мы стоим...

Нашёл дома, где живут ханты Лукины и Качаловы, они расположены рядом. Стариков у Лукиных нет, у Качаловых одна старуха – тетя Катя. Не стал пока ни о чём разговаривать...

(с. 18) 10 сентября, суббота.

На раскопе идет к концу расчистка ещё двух могил, но костяки такой же плохой сохранности, как и в первой.

Пошёл посмотреть место кладбища у истока р. Айеги...

(с. 20) В.И. Семёнова перечислила места поздних кладбищ, ей известные.

1. Кладбище у д. Урьева, к востоку от деревни, по обе стороны // (с. 21) от ложка. За ложком – высокий яр, там около 30 погребений, часто рушатся из берега.

2. Локосово, на лев[ом] берегу р. Оби, к востоку от деревни, в сторону Ваткинского (?) [Ёгана]. // (с. 22)

3. Могильник у д. Южный Балык, за рекой и несколько вверх по левому берегу, рядом какая-то механическая мастерская. // (с. 23)

4. Могильник Каркатеевский, на протоке Горной, в 1 км к востоку от с. Каркатеево.

5. Могильник Рекьёган, на левом мысу при впадении р. Рекьёган в протоку Горную, в 300 м от места впадения, у бывш[его]. пос. Рекьёган (от домов остались ямы). Место горелое.

6. Могильник Южная Сайма, к западу от с. Каркатеева между двумя ручьями (напротив этого места в протоке остров). У ручья,

впадающего ниже, – более поздние могилы, у другого ручья – более ранние.

7. Могильник Старое Каркатеево. Пос. Ст[арое] Каркатеево находился в 6 км от впадения р. Юж[ной] Саймы в сторону Пойково. Могилы находятся не на берегу, а вглубь от берега (сведения информаторов, В.И. Семёнова на этом могильнике не была).

8. Приблизительно в 12 км вниз от с. Пойково по Горной протоке // (с. 24) (в сторону Лемпино) около заброшенной хантыйской деревни Сатрино есть Могильный остров. На нём раньше хоронили. Рыбаки из Пойково ездят на этот остров (также устные сведения)...

9. Кладбище у пос. Сайгатино, в 36 км ниже г. Сургута. // (с. 25) Приблизительно в 200 м к востоку от посёлка – современное кладбище, на котором хоронят русские и ханты. Еще в 500 м к востоку – древнее кладбище хантов. Сохранились срубчики в количестве 25–30. Недалеко от этого посёлка – два средневековых могильника, которые копала Л.М. Терехова...

11 сентября, воскресенье...

Пока единственный реальный // (с. 26) результат моей поездки – информация о хантыйских кладбищах, полученная от В.И. Семёновой и А.П. Зыкова.

Если провести раскопки в перечисленных ими пунктах, то можно будет получить остеологический материал по сургутским хантам – Урьево, Локосово, Сайгатино; по хантам р. Балыка – Южный Балык; хантам Обской протоки Горной – Рекьёган, Юж[ная] Сайма, Ст[арое] Каркатеево, Могильный о-в (это пока предварительная разбивка, надо будет посмотреть по волостному делению). Обязательно надо найти пункты и по верховьям р. Салыма. Это – важная задача, которую надо выполнить в этой поездке!

Следующим летом В.И. Семёнова будет копать могильник VIII–X вв. у Нефте- // (с. 27) юганска. Антропологический материал, как она сказала, приблизительно такой же сохранности, что и здесь в Кинтусово. Но если хоть что-то будет от свердловчан и тюменцев, относящееся к средневековью, – это будет любопытно, небольшой палеоантропологический сюжет в работе по остеологии восточных хантов...

(с. 28) Озеро, на котором мы стоим, называют Салымский Сор, или Сырковый Сор, ханты его называли Священным озером (см. у Городкова)*.

12 сентября, понедельник...

На раскопе расчищаются несколько погребений со сравнительно // (с. 29) неплохо сохранившимися черепами, которые можно померить, хотя бы *in situ*.

Разобрано два погребения. Но удалось только сделать определения пола и возраста и взять некоторые размеры на длинных костях одного скелета.

13 сентября, вторник...

С утра сходили с А.И. Бобровой в посёлок, поговорили с хантами Качаловыми. А.И. Боброва показала им фотографии берестяных изделий с рисунками, я кое о чём расспросил.

Разговор был в основном с Екатериной Ивановной Качаловой. У неё хорошая память, дикция, говорит охотно, без смущения. Ей где-то 60–70 лет. Родом она из Лемпино, её де- // (с. 30) вичья фамилия Земцова, сюда вышла замуж в 1941 г. и с тех пор безвыездно живет здесь. Муж умер 3 года назад. Посёлок здесь, при слиянии Айеги с Вандрасом, существует очень давно. Он назывался Кинтус. Почему назвали Кинтусом ж[елезно]/д[орожную] станцию в получасе езды от Салыма, она не знает, тот посёлок назывался раньше Чагорово. В Кинтусах раньше было 8 домов. Жили здесь ханты по фамилиям Лукины, Борисовы, Качаловы, Чилины. На большом озере, оно называется по-хантыйски Имън-Тор, по-русски Сырковое озеро (сырки ловились), не жили. С постройкой железной дороги ханты отсюда уехали в Лемпино.

Вниз отсюда по Салыму раньше были хантыйские поселки: Айдар, Аламино (жили Аламины), Карым, // (с. 31) Миляс (жили Милясовы, Мыноровы), Сулино, Молкашево, Марломкино, Рымово, дальше – Лемпино. Разъехались из этих посёлков перед войной и в начале войны, когда мужчин забрали на фронт. Все уехали в Лемпи-

* См.: *Городков Б.* Путевой дневник // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. 21. С. 1–100 (прим. ред.).

но. Сама она в Лемпино давно не бывала, там должно быть домов 50. Коренные фамилии в Лемпино – Земцовы, Лемпины.

Вверх от пос. Салым, на Тукане, был пос. Соровые, отсюда километров 20. Ближе сюда на Тукане в лесу живут лесные ханты, 3 семьи – три брата. Названия этому посёлку нет.

Оленей раньше не держали, лесные ханты держали. А здесь держали лошадей, кое-кто коров, много собак. Собак впрягали в нарты. Мой старик имел ещё такие нарты. Сейчас их нет ни у кого. // (с. 32) Хоронили раньше в борке, на мысу при впадении Айеги в Вандрас. Были срубчики. Сейчас ребятишки всё нарушили. На этом мысу хоронили давно, когда я сюда приехала в 1941 г., уже не хоронили, только одного ребёнка там похоронили...

14 сентября, среда.

С утра пошли с Л. М. Тереховой в разведку...

(с. 38) На всём маршруте искали следы археологических памятников, но ничего особенного не встретили...

(с. 40) 15 сентября, четверг.

С А.И. Бобровой проводили на поезд В.И. Семёнову и её подопечного Вадима, заодно купили билеты на всех на завтра...

(с. 41) На обратном пути зашли на действующее кладбище. Такого отчаянного кладбища мне еще не приходилось видеть. Оно находится в реденькой берёзовой рошице, размером с пятючок, со всех сторон окружённой бревнами, бетонными плитами, арматурой. Кладбище оказалось вписанным в территорию лесхоза. Среди крестов встретили два развалившихся домика из досок.

На самом озере, на противоположной стороне от нашего лагеря там, где выходит на берег высоковольтная линия электропередачи, по сообщению местных жителей, имеется позднее хан- // (с. 42) тыйское кладбище. Туда мы так и не успели добраться.

16 сентября, пятница.

Все встали в 6 утра. Собрали вещи, вычистили посуду и даже забросали часть раскопа.

В 10 ч. вышли из лагеря, около 11 были на станции...

(с. 56) 19 сентября, понедельник.

В 2 часа местного времени поезд прибыл в Новосибирск.
А.И. Боброва поехала дальше, я вышел, сделал остановку...

**Антропологическая экспедиция
Томского гос[ударственного] университета
на Среднюю Обь, 4–25 августа 1984 г.**

(с. 118) Экспедиция была задумана как продолжение работ в Среднем Приобье, начатых в прошлом году в контакте с археологами Уральского университета и Тюменского краеведческого музея...//

(с. 119) Мы планируем... проведение разведочных работ с частичными раскопками. Это – основная задача нашей экспедиции. Возникла идея также и другой работы: сбор материала по стиранию зубов как признака возраста. Интересно собрать такой материал среди хантов (охотники, рыболовы), а в дальнейшем среди южных алтайцев (скотоводы) и по городскому населению (Томск или, может быть, Кемерово с привлечением Г.А. Кошкина). Если такой материал удастся собрать, он будет очень любопытен, послужит хорошим дополнением к данным М.М. Герасимова...

(с. 120) 28 июля, суббота...

(с. 121) Вечером приходил Н. Арыдов со своим товарищем [А.В. Калябиным], который как будто соглашается принять участие в нашей поездке. Окончательно будет известно в понедельник, в день отъезда...

(с. 140) 2 августа, четверг...

(с. 143) В.И. Семёнова ведёт раскопки на гривке, находящейся сейчас на берегу большого водоёма, заполнившего котлован карьера. Это очень большое, длинное озеро, даже не верится, что оно сделано руками человека. На гривке – погребения начала 2 тыс. н. э. (кинтусовский этап), содержащие // (с. 144) очень плохой антропологический материал и поздние хантыйские погребения...

Состоялся разговор с В.И. [Семёновой] относительно нашей работы. Хантов для изучения зубов нам в ближайшем районе не найти,

они отсюда разъехались. Небольшое их число живет только в Чеускино, куда можно добраться по воде из Нефтеюганска. Ханты живут по Югану. Их ближайшие юрты – // (с. 145) Каюковы. В Угуге они живут смешанно с русскими, но весной съезжаются на праздник. В.И. [Семёнова] подсказывает идею: из Сургута один или два раза в навигацию отправляется бригада врачей на теплоходе, объезжающая все хантыйские юрты. Можно присоединиться к ним. Подробности – в отделе здравоохранения Сургутского райисполкома.

Обследование хантыйских кладбищ можно начать с Южной Саймы, Каркатеево и Южного Балыка. В эти пункты можно добраться на попутных машинах, по тракту, по которому мы приехали от Мамонтовской переправы, – на Ю[жный] Балык надо ехать прямо, на Каркатеево и Ю[жную] Сейму – свернуть вправо в 1 км за своротом на куст 30, туда тоже идёт бетонная дорога. //

(с. 146) Вновь открытое кладбище, о котором упоминала В.И. [Семёнова] в своём письме, доступно только по воде. В.И. [Семёнова] советует обратиться в Нефтеюганский райисполком, они могут выделить моторную лодку с мотористом. По мнению В.И. [Семёновой], только это кладбище может дать обильный остеологический материал – там могильных холмиков с домиками на поверхности что-то около 300.

В.И. [Семёнова] показала выкопировки карт, но система проток Оби очень сложная, запутанная, сразу трудно понять...

Вообще по данным [З. П.] Соколовой, говорит В.И. [Семёнова], р. Балык // (с. 147) в прошлом не имела постоянного хантыйского населения. Оно появилось в этих местах в XIX в. (посёлки), с Югана и Салыма*. Разделение юганских и салымских хантов, считает В.И. Семёнова, условно, они между собой тесно контактировали, так же как и с демьянскими хантами. С одной реки на другую существуют переходы, они близко подходят друг к другу.

Завтра начинаем свою работу. Разместились в свободной палатке.

* См.: Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 8–47.

3 августа, пятница.

Решили осмотреть кладбище в районе впадения в протоку Горную речки Южная Сайма, между двумя ручьями. В.И. Семёнова и Р. Прокопьев вызвались показать нам место...

(с. 150) Сначала мы увидели несколько могил, обозначенных выглядывающими на поверхности полотнищами бересты. Имеются выраженные // (с. 151) могильные холмики.

У западного мыса вплотную друг к другу – несколько могил, обозначенных на поверхности остатками дощатых сооружений.

Очевидно, по этим сохранившимся домикам над могилами – это место у населения известно как урочище «Две могилы». Под этим названием оно фигурирует и в отчётах В.И. Семёновой. В.И. Семёнова показала мне план местности, снятый её экспедицией. На этом // (с. 152) плане точками обозначено 13 могил у западного мыса и 4 могилы в средней части урочища...

В.И. Семёнова и Р. Прокопьев вскоре ушли... Мы втроём остались, чтоб раскопать несколько могил. Выбраны были самые отчётливые могилы с дощатыми сооружениями, расположенные на западном мысе. Сначала показалось, что здесь 4 мо- // (с. 153) гилы (так и на плане Семёновой). Но их всего 3, идут параллельно.

Могила 1 – самая восточная, могила 3 – самая западная.

Могила 1. Надмогильное сооружение представляет собой довольно крупный «домик», от которого сохранились только доски первого ряда; размеры сооружения 245 × 100 см. Торцовая доска в нижней части имеет квадратный вырез, примыкающий к нижнему краю доски. Ширина выреза 11 см.

Заложён раскоп 155 × 70. Всё сооружение, как это ни странно, ориентировано с С на Ю.

На глубине 95 см найдена крышка гроба. Она состоит из 2 досок, вплотную примыкающих друг к другу, покрытых сверху берестой, края которой // (с. 154) закрывают также боковые стороны гроба. Гроб прямоугольный. Его длина 195 см (раскоп увеличен), ширина везде 50 см.

На берестяном полотнище кое-где имеются заплатки из бересты же, по краям с отверстиями – были пришиты.

Под крышкой скелет с многочисленным инвентарём головой на С. На голове – остатки красной ткани (платок) и поверх – околышек

фуражки из тёмной шерстяной ткани. Вместо подушки под голову положена одежда – кофта или пиджак из синей шерстяной ткани. На груди, сразу под нижней челюстью, – примитивно сделанная берестяная коробка с берестяной крышкой, прямоугольной с округленными углами и прямо- // (с. 155) угольным отверстием посередине. На дне коробки – чёрный потрескавшийся тлен.

Руки сложены на животе. Слева от левой плечевой кости стоит деревянная шкатулка с железной отделкой (сохранились пятна ржавчины, прикипевшие к дереву). Коробка 12 x 8 см, высотой 7 см. В шкатулке сверху лежит железный футляр для спичек, вроде тех, которые бывают и сейчас, и, ниже его, матерчатый кошелек (шёлк ?) с замочком. В кошельке – большая медная монета 1871 г. Шкатулка также имеет замок. Рядом со шкатулкой... на груди – изящная трубка с откидной крышкой. Мундштук металлический, затем часть из черной древесины (?), крышка – медная. //

(с. 156) На скелете сверху ткань, под ней – многочисленные остатки одежды. Под одеждой на груди еще 3 монеты, одна из них 1899 г.

Справа от скелета сразу под крышкой – стрела с железным довольно крупным наконечником, вбитым в древко. На противоположном конце стрелы – прямоугольный вырез.

У левого бедра сбоку – железный нож в ножнах из кожи. Рядом две медные пряжки для подвешивания ножа...

Слева от ног – целая фарфоровая чашка с маркой фабрики Кузнецова и фарфоровое блюдо того же производства, но с другой кузнецовской маркой. Здесь же большая эмалированная // (с. 157) миска.

На ногах сапоги, подъём и голенище которых сшиты из единого куска кожи и, видимо, кожаные галоши. Внутри сапог – шерстяные светлые портянки.

Таз мужской, возраст около 18 лет. Тип черепа монголоидный. Дно гроба устлано какой-то травой...

Могила 2. Остатки такого же надмогильного сооружения размером 190 x 95 см. Видны остатки, по которым можно лучше проследить устройство торцевой части домика. Оно состоит из двух досок. Нижняя с таким же оконечником, верхняя – в виде равностороннего

треугольника с двумя вырезами для продольных жердей // (с. 158) на каждой стороне.

По размерам рамы заложен раскоп. На глубине 65 см – прямоугольная крышка гроба размерами 169 × 55 см, покрыта берестой.

В южной части могилы вскрыли крышку. Под ней оказались кости ног. Между костями стоп небольшое, невысокое по пропорциям железное ведро. Его, пожалуй, можно назвать и котелком. Рядом, тоже между ног, поближе к коленям – берестяная круглая коробка диаметром 30 см и высотой около 10 см. По наружной её стороне в нижней части боковой стенки – накладка-полоска бересты шириной ок[оло] 1,5 см с вырезанным узором. //

(с. 159) В коробке принадлежности для рукоделья – кусочки материи, кожи, бисер, какие-то железные коробочки, заржавевшие так, что их нельзя открыть. Игольница – четырехугольный (квадратный) кусок шерстяной материи с орнаментом из бисера и пуговичек в середине, в виде квадрата. Частью этой игольницы являлся по видимому перстень из кости в виде цилиндра без дна, из которого в широкой части выходит подвеска из крупных бусин, а у более узкого конца привязана маленькая косточка (птицы?). В этой же коробочке узелки, в которых завернуты локоны волос, железный нож в ножнах и красивые ножны без ножа с хорошо сохра- // (с. 160) нившейся двойной медной цепочкой, прикрепляющейся к ножнам с помощью пряжечек, точно таких же, какие найдены в могиле I...

Когда убрали коробку, под ней оказался фрагмент материи с нашитым на неё узором из бисера. Взять этот фрагмент, не разрушив узора, невозможно. Раскопки остановили, продолжили их с археологами...

Могила 3. Остатки такого же надмогильного сооружения – продольные и торцовые доски. Могила ориентирована так же, С-Ю. Размер рамы 190 × 95 см. На глубине 70 см – крышка гроба прямоугольной формы (165 × 45 см), покрыта берестой. // (с. 161) Открывать гроб не стали. Раскопки продолжили с археологами...

Был уже седьмой час, когда мы, оставив на месте лопаты, пошли в обратный путь...

Наши находки привели археологов в восторг. Идея продолжить раскопки совместно сразу же была принята. Но отправиться на Юж-

ную Сайму завтра они не могут: на Усть-Балыкском могильнике* вскрыто не- // (с. 162) сколько погребений, которые надо заканчивать. Договорились, что завтра они будут работать на своём могильнике, а мы съездим на Южный Балык.

В.И. Семёнова передает рассказы местных жителей о том, что на протоке Горной когда-то поселились два брата Каркатеева, ханты по национальности. Они были очень богаты, держали в подчинении остальных местных хантов. Они были основателями деревни Каркатеевой, которая неоднократно переносилась. Семёновой известно 4 д[еревни] Каркатеевых. Кладбище, которое мы сегодня копали, лучше всего назвать Старое Каркатеево-1. Возможно, раскопанные нами могилы принадлежали семье Каркатеевых, поэтому они и богатые такие. // (с. 163)

4 августа, суббота...

Сегодня мы втроём едем прямо, через Пыть-ях. Приблизительно в 100 м от поворота на Мамонтово от бетонки отходит тоже бетонная дорога влево... Доехали до Мамонтово...//

(с. 164) ...по дороге на [пос.] Дружбу ... за мостом дорога медленно поднимается вверх. Сворот влево... Кладбище** находится на высоком останце, поросшем // (с. 165) хвойными деревьями – сосной, пихтой, елью. Пройти на кладбище можно от ЦППД, но мы не знали дороги и прошли до ручья, а потом вернулись по высокому левому берегу Большого Балыка. На месте кладбища // (с. 166) валяются доски от надмогильных сооружений, в том числе торцовые доски треугольной формы, короткие нижние торцовые доски с окошечком внизу. Очень много грабительских раскопов, по-видимому, выкопанные на наиболее выраженных могилах...

Внимательно осмотрели территорию кладбища, почистили поверхность, но только в одном месте обнаружили несомненную могилу, не тронутую раскопом. //

* В работе В.И. Семёновой (2001, с. 15) данное кладбище названо «могильник Усть-Балык» (прим. ред.).

** По сведениям А.И. Бобровой, данное кладбище условно было определено как Мамонтовское по названию близлежащего посёлка. Так оно и называется в монографии (прим. ред.).

(с. 167) **Могила 1.** На поверхности небольшой холмик, ориентированный ЮВ – СЗ. Под дерном – остатки дерева, лежащие рамой размером 180 × 85 см. По контуру этой рамы заложен раскоп. На глубине 95 см древесная труха, покрытая остатками бересты.

Под трухой – скелет. Череп полной сохранности, монголоидного облика. Руки сложены на животе. Таз женский.

На голове – короткие остатки черных волос. Под головой перо – остатки подушки.

На шее многочисленный бисер, бусины. Здесь же медное кольцо с печатькой.

Здесь же сферическая медная пуговица с петелькой, ее диаметр 2 см. //

(с. 168) У пояса – остатки кожи и медная пряжка.

Ниже тазовых костей между ног железное ведро (или котелок?) с плоским дном.

Рядом, в стороне ступней, берестяная коробка диаметром 25 см, точно такого же типа, что найдена в Старом Каркатеево. Высота коробки неизвестна, она смята. По наружной окружности накладная полоска бересты шириной 1,5 см с вырезным узором... Крышка и дно коробки – из двойного слоя бересты. Самое интересное, что на крышке имеется орнамент. //

(с. 169) Сбоку от правого бедра – нож. Ножны плохо сохранились, сделаны из кожи. Ниже (к ногам) от берестяной коробки [отходят] два ремешка, квадратные в сечении, на одном завязан узел.

В коробке – кусочки материи, кожи, непонятный предмет, игольница из шерстяной материи, украшенная бисером.

На ногах – остатки кожаной обуви – только нижняя часть, сшитая из отдельных кусков // (с. 170)... Скелет лежит головой на ЮВ. Справа от него выше погребения на глубине 70 см (25 см над погребением) в стенке раскопа найден железный топор небольших размеров с бородкой, во втулке – остатки дерева и два кованых железных гвоздя с полусферическими шляпками.

Довольно поздно вышли на тракт. На наше счастье, попалась машина-кран, которая довезла нас до Мамонтова. Здесь уже оживленное движение. На попутных машинах доехали до лагеря...

(с. 171) 5 августа, воскресенье.

Оставив А. Калябина сторожить лагерь, вчетвером – В. Семёнова, А. Арыдов, А. Баталова и я – отправились на Старые Каркатеевские кладбища, где мы еще не были. Всю дорогу прошли пешком: машин в воскресенье мало, а те, которые были, не садили.

За мостом через протоку Горную вправо идёт высокая терраса, образующая мыс. На этом мысу раньше было кладбище. Следов от него осталось мало – в нескольких местах – остатки оградок. В одном месте первый венец сруба из бревен диаметром 20 см. Размеры сруба 2,5 × 2,8 м. Не ясно, могила ли это (если могила, то, конечно, парная). Хол- // (с. 172) мики не прослеживаются. Копать здесь не стоит. Вероятно, кладбище было смешанным, хоронили и русские.

Семёновой говорили, что могилки были также на невысокой террасе слева от моста. Мы обходили это место, но никаких следов погребальных домиков не обнаружили.

Зашли в д. Каркатеево. Как и везде, имеются большие дома. Все магазины закрыты. Пошли назад.

6 августа, понедельник.

Оставив ребят работать с археологами, отправился в Нефтеюганск. Основная задача – договориться о катере для поездки на кладбище у места соединения р. Балыка и Больше-Юганской протоки...

(с. 173) Вторая наша просьба была связана со сбором материала по стиранию зубов. В ближайшем районе хантов нет, они почти все разъехались в связи с разработкой нефти и газа. Но Семёнова сообщила, что один или два раза в течение навигации на Юган ездит плавающая бригада (или плавающая поликлиника) «Здоровье» из Сургута. Подробности... может сообщить Миллер Валентин Андреевич...

(с. 174) Дозвониться до В.А. Миллера не удалось...

7 августа, вторник.

Место кладбища близ соединения р. Б[ольшого] Балыка и Б[ольшо]-Юганской протоки можно найти только с помощью В. И. Семёновой. Но у неё времени в обрез, нужно расчищать

5 вскрытых могил. Поэтому остановились на // (с. 176) таком плане: я с А. Калябиным еду в Нефтеюганск. Ждем катер, который могут дать не с утра, а где-нибудь после обеда. Доплываем по Б[ольшому] Балыку до места нашего лагеря (~ 1,5 км от берега). Андрей идет в лагерь и посылает В.И. Семёнову. Мы с ней едем до места...

(с. 180) Весной и в начале лета, говорит Семёнова, река разливается, очертания меняются. Но высокий обрывистый сор (высокий, конечно, относительно), покрытый сосновым // (с. 181) лесом, здесь единственный, ошибиться нельзя. Вышли на берег и пошли вдоль него влево. Места диковатые. В одном месте поляна, заросшая высокой травой, здесь раньше был поселок (колхоз), дальше по берегу – охотничий шалаш из бревен с дверью. Дальше – ложок.

Могилы находятся как перед ложком, так и на противоположном мысу, за ложком их больше. Могилы хорошо выражены, на многих лежит присыпанная хвоей береста, на части могил – остатки надмогильных домиков. За ложком эти домики сохранились лучше, а один почти совсем целый, с крышей. Могил довольно много, хотя и не триста, как говорила В.И. [Семёнова], но во всяком случае несколько десятков.

Раскопки здесь, безусловно, перспективны. Проблему с транспортом тоже можно решить. На следующий год надо будет // (с. 182) организовать экспедицию для раскопок прежде всего этого кладбища. С В.И. Семёновой договорились о совместной работе...

8 августа, среда...

(с. 183) 6 августа, когда я ездил в Нефтеюганск... Арыдов, Калябин и Баталова ходили на Старое Кархатеевское-I кладбище, где оставались неразобранные могилы. Привожу описание разбора могил 2 и 3 по записям Калябина и Баталовой.

Могилка 2. Сохранились остатки одежды верхней из яркороранжевого сукна, расшитой бисером и маленькими пуговицами. Нашее – пуговица диаметром 3 см с двумя прямоугольными отверстиями. На ногах – штаны из материала, похожего на мешковину, и обувь – кожаные головки (сапог?), без подошвы. Узор из бисера на одежде сохранить не удалось, но, видимо, бисер нанизывали на нитку и потом пришивали. Слева от головы стояла берестяная коробка

24 × 15 см с // (с. 184) крышкой из бересты и остатками тлена. Справа от головы – перевернутая чашка из фарфора и такое же блюдо темно-синего и белого цвета, фабрики Кузнецова. На груди ожерелье из крупных бусин, здесь же на отдельном кожаном ремешке шесть колец. 5 – как обручальные, одно – перстень, медная монета 1872 г. и медный крестик.

Слева от плечевой кости – остатки кожаного кошелька. В нем лежали: коробок спичек, два кольца типа обручальных, две монеты 1908 и 1872 гг. и обрывок билета для проезда на пароходе (!).

На груди лежали две табакерки, украшенные штампованным орнаментом, одна над другой. Одна коробочка высотой 5,5 см и шириной 8,0 см, овальной формы.

Слева на уровне та- // (с. 185) зовых костей – нож с деревянной ручкой. Справа на уровне таза – остатки деревянной ложки, чуть ниже – железный нож с цепочкой, рядом нож в берестяных ножнах, под ним отдельно лежала цепочка с тремя пуговицами на концах. На ногах стояла // (с. 186) берестяная коробочка диаметром 28,5 см, украшенная орнаментом. В коробке – предметы рукоделия – приспособление для намотки ниток, две металлические коробочки, внутри пустые; металлическая коробочка с пуговицами внутри, плохо сохранившиеся иглы; деревянный предмет неизвестного назначения, игольница с наперстком, составленная из кусочков сукна и украшенная бисером и пуговицами. В конце гроба на ногах было положено железное ведро, 33 см высоты, аналогичное ведру из первого погребения.

Под черепом остатки саржи и перья – подушка.

На берестяной большой коробке, на внутренней стороне крышки, процарапаны буквы... //

(с. 187) Мои́ла 3. Глубина гроба 22 см. Толщина дерна 1–2,5 см. Под ним песок до глубины 15–20 см, ниже – суглинок.

Гроб сделан из досок, соединенных с помощью гвоздей.

На черепе – остатки красной материи, очевидно, косынки. Хорошо видны остатки одежды. Красный халат, расшитый бисером и маленькими пуговицами. На ногах штаны из материала, похожего на мешковину. Обувь – нижние части сапог без подошвы. Под головой – остатки подушки, набитой перьями. На дне гроба – подстилка из материала.

Справа от черепа стояла перевернутая фарфоровая чашка и фарфоровое блюдо Кузнецовского завода. На грудной клетке стояла берестяная коробка 12 × 17 см. На шее остатки ожерелья из крупных бусин (до 7 мм в диаметре), // (с. 188) здесь же – монета 1875 года и 3 медных кольца.

Около правой кисти лежал колокольчик на цепочке и деревянная ложка. Рядом – остатки изделия из кожи. Рядом – берестяная табакерка, украшенная штампованным узором, и берестяная шкатулка с орнаментом.

На ногах стояла берестяная круглая коробка диаметром 24 см, в ней – игольница из сукна, расшитая бисером. В конце гроба в ногах – железное ведро высотой 30 см.

Таз женский (определение Арыдова и Калябина). На черепе были волосы...

(с. 191) 9 августа, четверг.

Наши работы закончились. Сегодня уезжаем...

**Антропологическая экспедиция
Томского гос[ударственного] университета
летом 1985 г.**

Экспедиция на Среднюю Обь (4–25 августа).

(с. 96) 3 августа, суббота.

Позавчера вернулся из Сыктывкара с финно-угорского конгресса...

Из Томска едем вчетвером: я, А. Рыкун, Г. Дремов и Л. Жилина*. Встречаемся с Н. Недялко в Тюмени и все вместе добираемся до Усть-Балыка, места раскопок В.И. Семёновой. Очевидно, она примкнет к нам.

В Сыктывкаре я встретался с Любовью Викторовной Шестаковой, этнографом из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Она соглашается включиться в нашу экспедицию, но сможет приехать только 11–12 августа. //

(с. 97) Из Томска 11 августа, может быть, подъедет к нам А.И. Боброва. Во всяком случае, дополнительный приказ о включении её в состав нашей экспедиции вышел – приказ № 134 н, § 6, от 24.07.85...

Мне хотелось, чтоб поехала также О. Беликова. Но у нее изменились планы: в первой половине августа состоится разведка в Тегульдетском районе (ехать на Ср[еднюю] Обь она согласилась в случае срыва этой разведки)...

(с. 98) На 4–5 дней обещал приехать к нам В.М. Кулемзин: он едет по своей смете...

(с. 101) 4 августа, воскресенье.

Вчетвером – я, Л. Жилина, А. Рыкун и Г. Дремов – выезжаем в экспедицию...

* Сведения об участниках экспедиции приведены в Предисловии (прим. ред.).

(с. 102) 5 августа, понедельник.

Точно по расписанию, в 22²⁰ Москвы, или 0²⁰ местного времени, поезд прибыл в Тюмень. Здесь нас встретила Н. Недялко...

(с. 104) 6 августа, вторник.

В Пыть-Ях прибыли с небольшим опозданием в 15⁴⁰ местного времени. Быстро выгрузились...

(с. 105) Пришли на могильник Усть-Балык. Сначала никого не нашли, но потом обнаружили лагерь археологов: на этот раз они расположились за гривкой. И правильно сделали: здесь ветер сдувает комаров и меньше на виду. У Семёновой где-то около 12 человек. Все палатки заняты, так что пришлось срочно ставить свои.//

(с. 106) Ехать с нами на раскопки кладбища Семёнова не намерена... Ну, что ж, наш договор расторгается... в нашей экспедиции, по крайней мере вначале, не будет археолога. Заниматься археологией мне самому отнюдь не хочется. Надо послать телеграмму А.И. Бобровой, чтоб она постаралась все же приехать...

(с. 107) В Лемпино сейчас съехались все салымские ханты, происходят смешанные браки хантов с русскими, украинцами, немцами (здесь было много сосланных немцев). Копать там не стоит из этических соображений, да и смысла нет. Надо ориентироваться на раскопки в Соровских юртах, где хантов уже нет. Надо выяснить, когда туда поедет Терехова, и примкнуть к ней.

Что касается М[алога] Югана, то там традиционная культура хантов сохраняется во всей полноте. Свои кладбища ханты // (с. 108) чтут, хотя обычая посещать кладбища у них нет. Но, по словам, В.И. Семёновой, в районе Угута есть заброшенное хантыйское кладбище, которое можно копать. Оно находится недалеко от Угута, вверх по Югану (плыть меньше часа), показать место может Пётр Семенович Бахлыков, директор музея. По вещам, которые смотрели или В.И. Васильев, или В.А. Посредников, дата определяется XVI–XVII вв. Но одна могила, которую видела (раскопала?) Семёнова, – поздняя. Родственников на этом кладбище ныне живущие ханты не помнят. Его можно копать...

(с. 111) 8 августа, четверг.

Общий подъем в 6 часов...

В Нефтеюганск прибыли в 8 часов...

(с. 113) 9 августа, пятница.

В 6⁴⁵ с вещами были на пирсе ОРСа. В 7²⁰ подошел теплоход «Заря-56». Погрузились, поехали. Около моста через Б[ольшой] Балык теплоход остановился – взяли рабочих. Как оказалось, их везут прямо к // (с. 114) тому месту, куда надо нам. Просека, которая была еще в прошлом году, теперь превратилась в дорогу, она ведет к двум буровым вышкам. Связь ежедневная... Мы думали, что попадем в глухомань, а оказалось, что это вполне доступное место, даже в большей степени, чем многие другие.

Выгрузились. Пошли посмотреть кладбище и выбрать место для раскопок*. Идти лучше по краю берега, чем по лесу. Это мы вскоре поняли и вещи таскали потом по берегу, т.е. по пойме, а не террасе. //

(с. 115) Недалеко от кладбища берег образует мыс. Несколько дальше от воды – беззряк, сухое место. Здесь мы и расположились. В три приёма перетаскивали вещи, сильно устали. Местные парни усиленно пытаются завязать знакомство с нашими девушками...

Занимались устройством лагеря. Оборудовали очаг, сколотили стол, натянули тент, поставили 6-местную палатку общего пользования // (с. 116) и двухместную палатку для девушек. Остальное завтра.

10 августа, суббота.

Продолжали оборудование лагеря...

Закончили оборудование лагеря в 7 ч вечера. Пошли на раскопки. Проработали всего 2 часа. Начаты раскопки четырех могил.

* По сообщению А.И. Бобровой, данное кладбище В.А. Дрёмов называл «Усть-Балыкским». Под этим названием оно и фигурирует в настоящей монографии (прим. ред.).

11 августа, воскресенье.

В течение дня закончены раскопки 4 могил, начатых вчера. //

(с. 117) **Могила 1...**

На поверхности рама из досок очень плохой сохранности, ориентированная в направлении СЗ–ЮВ. Размеры рамы 205 × 112 см. Доски разной толщины: кусок одной из продольных досок – 5 см, поперечная – 2 см. Доски скреплены коваными гвоздями, прямоугольными в сечении. В середине рамы – провал земли, занимающий центральную часть. На глубине 100 см обнаружены остатки гроба длиной 136 см, шириной в СЗ конце – 40 см, в ЮВ конце – 50 см. Гроб покрыт берестой в два слоя, куски сшиты крупными стежками. Видна нить. Она довольно толстая, скрученная, коричневого цвета, но, кажется, не шерстяная. Сам гроб дощатый. Крышка имеет такую [трапециевидную] форму. //

(с. 118) Ориентация скелета головой на ЮВ.

Скелет лежит на спине. Правая рука вытянута прямо, левая полусогнута. Череп подростка (М 2 прорезались, С – не прорезались, т.е. ~ 14 лет). Лицо не очень плоское, нос слабо выступает, лицо прогнатное. На груди – бокал с маркой.

Непосредственно на черепе стоит примитивная берестяная коробочка, сделанная из квадратного куска бересты 18 × 18 см. Размеры дна 8 × 8 см. По верхнему краю идут отверстия, по совпадению которых ясно, что коробочка была сшита и имела прямоугольную (квадратную) форму. На коробочке лежит // (с. 119) в виде крышки круглый кусок бересты диаметром 11,5 см с прямоугольным отверстием 1,5 × 1,5 см посередине. По краям тоже отверстия. М[ожет] б[ыть], коробочке была придана не квадратная, а круглая форма («крышка» подходит). На крышке видны следы от ниток в виде ко-рых темных полосок, идущих от отверстий к краю по косой линии. Никакого орнамента на этой коробочке нет, внутри пусто.

Слева ниже груди, как будто в кармане, лежит большая пуговица (диам. 21 мм) и монета конца XIX – нач[ала] XX в. достоинством 2 копейки.

На ногах остатки обуви, очевидно, сапог без голенища. Подошва мягкая, 20 см длиной. Подъём. Голенище, // (с. 120) видимо, было из ткани.

До дна могилы 125 см.

Могилы 2...

На поверхности – рама из досок 194 × 101 см, ориентированная в направлении В–З. В СЗ углу найден кованый гвоздь. Толщина досок одинаковая – 2,5 см. Сверху остатки бересты. В середине рамы – возвышение в виде могильного холмика высотой 20 см. Вся могила покрыта берестой, которая прослеживается под дёрном. В засыпи на разной глубине встречаются мелкие угольки. У южной стенки на глубине 45 см – железный топор.

На глубине 70 см в зап[адном] конце и 55 см в восточном конце – гроб, покрытый берестой. Длина гроба 160 см, ширина в вост[очном] конце – 60 см, в зап[адном] – 50 см. Береста – полотна, сшитые посередине продольным швом. Крышка // (с. 121) гроба трапециевидной формы, как и в предыдущей могиле.

В гробу слева лежит стрела с двуххвильчатым наконечником, направленным к ногам. Скорее, это даже не стрела, а острога, т.к. древко на конце имеет фигурное расширение. У левой бедренной кости – нож с толстой деревянной ручкой.

В ногах – железное ведро. Слева от левой голени на ребро прижато к стенке гроба фарфоровое блюдо с маркой.

Справа от ног на том же уровне – чашка с другой маркой.

На груди – небольшой медный крестик и 2 монеты: 15 коп. за 1909 г. и 3 коп. за 1908 г. Около левого бедра – коробка спичек в железном футляре. //

(с. 122) Слева от головы коробочка из прямоугольного куска бересты с круглой крышкой, имеющей прямоугольное отверстие, как в могиле 1. На голове – картуз из тёмного сукна. Головой скелет ориентирован на восток. Таз мужской. Обе руки сложены на лобке. На ногах – сапоги без голенищ, обычной формы. Слева от левой руки – плоское деревянное корытце и обломок деревянной ложки. На бедрах лежит ремень без дырочек, без пряжки с округло заканчивающимися обоими концами. Глубина до дна могилы 85 см у головы и 95 см в ногах.

Могилы 3...

Рама хорошей сохранности, размером 231 × 115 см, ориентированная СЗ–ЮВ. Ширина досок 30 см, толщина 5 см. В тор- // (с. 123) цовую доску сверху прибито по краям два гвоздя под наклоном: видимо, они держали верхнюю доску треугольной формы (см. описа-

ние подобного торца ниже). Гвозди кованые, большие. В ЮВ торцовой доске (где голова) сверху посередине прямоугольный вырез шириной и глубиной 8 см.

Пространство, огороженное рамой, не возвышается. На глубине около 50–60 см (стоит неровно) – дощатый гроб, покрытый берестой. Длина гроба 193 см, ширина в середине (по бересте) – 60 см. Полотна бересты сшиты. Скелет лежит головой на ЮВ. Руки сложены на лобке. Таз мужской.

В ногах обычное железное ведерко. В нем – деревянная ложка. //

(с. 124) Слева от ведра, вплотную к краю гроба – плетеная скапулка. У края гроба слева также топор с длинным прямым топорिशем. Лезвием вниз, ручкой в сторону головы. Рядом какая-то палка такого [полусферического] сечения.

Слева от таза – стеклянный стакан и стеклянное блюдо, примитивная коробочка, подобная описанной, сделанная из куска бересты 18 × 18 см. Здесь ещё яснее заметно, что она была округлой формы. По краю идут дырочки. Под тазом посередине – нож с деревянной рукоятью. У правого локтя – табакерка с крышкой и // (с. 125) очень примитивным зигзагообразным орнаментом. Вдоль правой руки лежит ремень длиной 105 см и шириной 7 см из толстой кожи с железной пряжкой, имеющей два язычка. Этот ремень как бы был перекинут через плечо. Поперек, ниже пояса, больше на бёдрах, лежит другой ремешок, длиной 78 см, шириной 2 см. Он, кажется, нецелый. Сохранилась железная пряжка-застежка; она лежала сзади. На этом ремешке две кожаные петли, в них кольца для подвешивания разл[ичных] предметов.

На ногах – сапоги. Длина подошвы 27 см. Без каблука, подъем без голенища. Длина скелета от макушки до пяток около 180 см. Глубина гроба 32 см, глубина // (с. 126) от поверхности до дна могилы – 95 см.

Могилы 4...

На поверхности – трухлявая рама размером 208 × 110 см, ориентированная СЗ–ЮВ. Доски толщиной около 5 см. В середине заполнения рамы – возвышение в виде холмика высотой 20 см. Под дёрном по всей площади идёт береста. На глубине 60 см – гроб, покрытый берестой. Длина гроба – 160 см, ширина в ЮВ конце (где голо-

ва) – 50 см, в СЗ конце – 35 см. Крышка гроба не сохранилась, береста провалилась корытообразно. Берестяные полотна сшиты.

Скелет лежит на спине. Обе руки на лобке. Таз женский. Ориентация скелета – головой на ЮВ. //

(с. 127) В ногах лежит на боку, дном к торцу железное ведро. Рядом синий в крапинку эмалированный заварочный чайничек, эмалированная миска и костяной гребешок.

В ногах стоит большая круглая берестяная коробочка, совершенно развалившаяся.

В ней – берестяная коробочка круглая, с орнаментом. В ней – кусочки материала, два наперстка, клубочек ниток. Тут же флакончик, заткнутый тряпочкой. На нём рельефная надпись ЛЕОПОЛЬД СТОЛКИНДЪ. Рядом лежал небольшой топорик. На ногах – остатки сапог. Длина подошвы 24 см.

В большом коробе также лежит железная круглая коробочка, как из-под сапожной ваксы, в ней человеческий зуб, кусочек свечки, две совершенно окислившиеся // (с. 128) монеты, пуговичка, точильный камешек, сильно источенный.

У левого бедра – табакерка, у правого – другая.

Сохранилась аппликация от большого короба – полоса бересты шириной 2 см с прорезным узором.

Диаметр большого короба – 25 см (по остаткам крышки).

На груди ещё одна – маленькая табакерка.

Везде по скелету прослеживаются остатки кожаной одежды и масса бисера, пуговичек. У правого бедра – нож, острием вниз.

Под тазом – фаланга с медным кольцом.

В ногах справа найдены также фарфоровая чашка // (с. 129) и фарфоровое блюдо с маркой кузнецовской фабрики в Рыбинске, что и в могиле 2.

Глубина до дна могильной ямы – 97 см.

В одном месте на земле (на могиле) лежат торцы от домика детской могилы. Западный торец из двух досок – прямоугольной и трапециевидной формы.

Восточный торец точно таких же размеров, но на середине верхнего края прямоугольной доски имеется прямоугольное окошечко шириной 7 см и глубиной 9 см. //

(с. 130) 12 августа, понедельник...

Раскопано за день 3 могилы.

Мои́ла 5...

На поверхности рама из досок размером 180 × 105 см. Ширина досок 20 см, толщина – 5 см. Доски сбиты в торец гвоздями фабричного производства (круглые в сечении). Ориентация рамы – СЗ–ЮВ. Пространство // (с. 131) внутри рамы представляет собой холмик высотой около 20 см.

В гробу – скелет. Руки сложены на лобке. Таз женский.

Над гробом (покрыт берестой) – 5 продольных жердей. На этих жердях в ногах лежат: топорик, чайник и две пары сапог.

Описание одних из сапог: //

(с. 132) Подошва симметричной формы. Длина подошвы 28 см, максим[альная] поперечина 11 см. Вторая деталь – подъём. Судя по его разношенности, можно понять, что сапог правый. Подъём: он выкроен из единого куска кожи, шов сбоку – снаружи. По верхнему краю – отверстия – значит, действительно, было голенище. По всей вероятности, оно было из материи и не сохранилось.

Вторая пара обуви – точно такие же сапоги, только длина подошвы 26 см.

В гробу на ногах – 3-я пара сапог точно такого же покроя.

В ногах – большая круглая коробка, диаметром 26 см, крышка без орнамента. //

(с. 133) На боковой стенке (высота ее неопределима) – аппликация.

Внутри коробки – железный нож с толстой деревянной рукоятью. Два туеса, украшенные тёмным орнаментом.

Кроме того, в большой коробке найдено: плоская железная коробка, как из-под сапожной ваксы, стеклянная палочка для накладывания мази, пробирка с остатками каких-то таблеток, деревянная шпилька... толщина – 6 мм, деревянный игольник... То и другое оч[ень] плохой сохранности, развалилось. //

(с. 134) По всему костяку масса бисера, пуговичек, но восстановить орнамент не представляется возможным.

Слева у локтя – зелёная жестяная чашка, повыше её – фарфоровое блюдечко советского производства...

В районе бёдер – эмалированная белая чашка (миска) и эмалированная синяя кружка.

На груди – табакерка. Около колена справа – железная круглая коробка.

Могила 6...

Плохо сохранившаяся рама 160 × 75 см, ориентированная СЗ–ЮВ. Пространство внутри рамы – небольшое возвышение ~ 10 см. Раскоп (как и везде) – внутри рамы.

На глубине ок[оло] 60 см – гроб, покрытый берестой.

Детский скелет. //

(с. 135) Посередине могилы, ближе к ногам – блюдце, бокал со стершимися марками, фарфоровый чайник...

Здесь же миниатюрная фарфоровая чашечка и чайная ложка.

На груди медный крестик на цепочке.

Выше – примитивная берестяная коробочка из прямоугольного куска бересты 14 × 14 см.

Могила 7...

На поверхности рама 210 × 93 см, ориентированная СЗ–ЮВ. Ширина досок – 20 см, толщина около 2,5–3 см. Доски сбиты гвоздями фабричного производства. На глубине 70 см – продольные жерди, лежащие вплотную друг к другу, посередине провалилась. //(с. 136) Под жердями – сшитые куски бересты. Под берестой – 5 продольных досок. Доски эти обёрнуты берестой и снаружи и изнутри.

Руки сложены на лобке. Таз мужской. В могиле нет никаких совершенно вещей...

13 августа, вторник.

С утра идёт дождь. Встали в 10 часов. На работу пошли к 12 часам. Раскопали 4 могилы, на второй гриве. На первой закончено.

Могила 8... //

(с. 137) Рама 220 × 110 см, ориентированная ЮЗ–СВ. С[еверо-]В[осточный]торец значительно шире рамы (135 см), выступает. Ширина его 25 см, толщина – 5 см. По верхнему краю торца – три прямоугольных выреза.

От остальных досок только труха. На глубине 60 см – дощатый гроб длиной 190 см и шириной в голове 60 см, в ногах – 50 см, сверху покрыт берестой.

В ЮЗ конце могилы, в левом её углу – медный котел. Диаметр его верха – 30 см.

Череп лежит на правом боку. Руки сложены на лобке. Таз мужской.

На голове – тёмная ленточка, видимо, остаток картуза. Слева от черепа – берестяная коробка из квадратного куска бересты. У правого локтя – табакерка. Между колен – фар- // (с. 138) форовое блюдо, справа – чашка. Обуви нет.

От поверхности до дна могилы – 94 см.

Блюде и чашка с одинаковым узором. На чашке марка стерлась. На блюде – сохранилась...

Берестяная коробка из куска бересты 28 × 21 см. Размер дна – 9 × 16 см. Высота боковых стенок – 6 см. Углы загнуты к продольной стороне.

Могилы 9...

На поверхности рама 225 × 110 см, ориентированная ЮЗ–СВ.

Продольная и поперечная доски соединены в паз (в продольной доске прямоугольный // (с. 139) вырез, в который вставляется поперечная доска). Толщина продольной доски 5 см.

В СВ торце верхняя доска. Длина её 110 см, толщина 4 см.

В вырез было вставлено продольное бревнышко, диаметром 10 см.

Всё пространство внутри рамы покрыто берестой.

Раскоп заложен по раме. На глубине 60 см встречен гроб 160 × 57 см (в голове) и 50 см (в ногах), сделанный из досок. Середина провалилась. Весь гроб покрыт берестой.

Скелет. Обе руки лежат кистями на лобке. Таз женский.

В области груди – примитивная коробка «разового пользования», как мы их прозвали.

Скелет, как и везде на этом кладбище, лежит головой на восток, лицом на запад! //

(с. 140) За гробом слева, на уровне плеча – топор. Слева от плечевой кости – блюде, чашка...

У правого локтя – табакерка.

На груди – крест... Кольцо на пальце правой кисти.

На стопах – большая круглая коробка с принадлежностями женского рукоделия. Диаметр коробки по крышке – 27 см. На крышке нет орнамента, но идут отверстия – частые отверстия на расстоянии 0,5 см от края со следами (вдавнениями) от ниток, идущих через край. На расстоянии 1,8 см от края идет второй ряд отверстий, редких, с промежутками около 2,5 см. //

(с. 141) В коробке – табакерка, непонятный железный предмет с деревянной ручкой (возможно, шило), клык небольшого хищника, обломок металл[ического] предмета (две последних лежали в отдельной маленькой коробочке диаметром около 7,5 см и высотой около 3,5 см).

Здесь же стоит туесок диаметром 7,5 см и высотой 8 см с темным орнаментом. В туеске монета – 2 копейки за 1829 год и обоймочка – внутри медная, снаружи покрытая ржавой окисью.

Здесь же несколько бусинок, косточка птицы (?), железный нож с деревянной рукоятью, различные кусочки бересты с орнаментом, обрезки кожи, клык небольшого хищника с отверстием по- // (с. 142) середине и рядом несколько бусин.

Глубина до дна могилы 88 см.

Могилы 10...

На поверхности холмик высотой около 20 см, под дёрном, по всему холмику, прослеживается береста. Ориентация холмика ЮЗ–СВ, размеры 220 × 90 см. Рама не сохранилась. Раскоп заложен по контуру холмика. На глубине 65 см гроб, длиной 165 см, шириной в голове (СВ) – 55 см, в ногах (ЮЗ) – 40 см. Сверху гроб покрыт берестой.

Скелет лежит на спине. Левая рука лежит на животе, правая – вытянута. Таз женский. Череп очень плохой сохранности, не взят (единственная до сих пор могила, из которой не взят череп!).

В ногах слева стоит железное ведро. Под ведром – топор. Справа на середине ног – медный котел. //

(с. 143) На уровне колен – большая берестяная коробка, в ней фарфоровая чашка...

В ногах у бёдер – овальная большая коробка, по форме похожая на табакерку.

Коробочка из прямоугольного куска бересты у правой ноги близ бедра.

Глубина до дна могилы – 90 см.

Могилы 11...

Рама, ориентированная ЮЮЗ–ССВ, размером 280 x 120 см, середина возвышена. Поперечная доска ЮЮЗ торца имеет толщину 9 см... Концы выступают на 20 см у той и другой досок. //

(с. 144) На ЮЮЗ нижней доски – вторая доска, треугольной формы, с вырезами для продольных брёвен, образующих «крышу».

Ширина (высота) этой доски посередине – 25 см. Её толщина – 8 см.

Раскоп заложен по раме. На глубине 60 см – гроб длиной 190 см, шириной 50 см в ногах (ЮЮЗ) и 58 см в голове (ССВ). Гроб покрыт берестой. Береста сшита. Под берестой ясно прослеживается покрывающая гроб материя тёмного цвета. Под материей – крышка дощатого гроба, из двух досок. Правая доска налегает на левую, ширина правой доски – 28 см, ширина левой – 15 см. Толщина досок гроба – 3 см.

Скелет на спине, головой // (с. 145) на ССВ. Обе руки – на лобке. Таз мужской.

Слева от головы – коробка из прямоугольного куска бересты, как и в других всех случаях – пустая.

На костях – следы темной ткани. Слева у бедра – табакерка. Между ног, ниже колен, остатки деревянной ложки. Здесь же – воткнутый вертикально нож.

Справа от ног на уровне голеней – блюдце. На нём вверх дном стоит чашечка... //

(с. 146) Вечером на теплоходе приехала А.И. Боброва. Из Томска она добиралась самолетом до Сургута, и этот путь, очевидно, наиболее оправдан – и по времени и по стоимости...

14 августа, среда.

На раскопе на 2ой гривке заложили серию могил, идущих тесным рядом на некотором расстоянии от могил 8–11, раскопанных вчера. Всего за день раскопано 7 могил.

Могила 12...

Рама из досок 250 × 115 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Пространство внутри рамы заполняет земля, но не возвышается над ним. Рама из брёвен, т.е. настоящий сруб. По бокам прослеживаются два бревна. Толщина брё- // (с. 148) вен около 12 см.

Внутри сруба идут четыре продольных бревна такой же толщины, идущие через равные расстояния.

На глубине 45–50 см – гроб, покрытый берестой. Длина гроба 190 см, ширина у головы – 52 см, в ногах – 45 см. Гроб дощатый, доски скреплены коваными гвоздями. Толщина досок 2 см. Как и во всех других могилах, пространство под досками заполнено землей, очевидно, затянутой дождями и проч.

Скелет на спине, головой на СВ. Руки сложены на лобке. Таз мужской.

Под подбородком – остатки берестяной коробки, в ней – табакерка.

На груди – монета 5 копеек за 1872 год.

Около левого колена (снаружи) – // (с. 149) двухвильчатый наконечник стрелы, острием к ногам. Справа на этом же уровне – ромбический наконечник стрелы с частью древка.

...Между ног – плетёная круглая корзина. В ней, или рядом с ней, – нож, с оплетённой рукоятью. Здесь же трубка с подвешенной на ремешке железной палочкой для чистки трубки, кресало, обрывки кожи.

Слева от головы – остатки берестяной коробки с аппликацией (из бересты же).

В могиле найдены также обрывки ремешка.

Глубина до дна могилы 80–85 см.

Могила 13...

Рама 235 × 125 см, ориентированная ЮЗ–СВ, из брёвен. Брёвна в два венца, диаметром около 11 см, но // (с. 150) способ их соединения не прослежен. На глубине 57 см – гроб, покрытый берестой. Длина гроба 185 см, ширина в голове – 70 см, в ногах – 56 см.

Скелет лежит головой на СВ. Руки сложены на лобке. Таз мужской. Под головой перьевая подушка.

В области живота – простая коробка, сделанная из куска бересты прямоугольной формы 32 × 27 см. Углы загнуты к длинным сторо-

нам. Высота коробки – 8 см. По краю коробка прошита какой-то нитью, причём стежки притягивают также прутики. На одной из длинных сторон сделана берестяная петля, в неё вставлена палочка.

На груди – обломок монеты 5 копеек. Год не разобрать, но она похожа на монету в 5 копеек из могилы 12. //

(с. 151) Могила 14...

Трухлявая рама размером 260 × 135 см, ориентированная ЮЗ–СВВ. В головном торце – бревно диаметром 16 см с прорубленным окошечком. На могиле под дёрном – топор.

Внутри сруба посередине – два продольных бревна.

На глубине 60 см – перекрытие – береста, длиной 180 см, ширина в голове – 45 см, в ногах – 40 см, под берестой – остатки крышки гроба.

Скелет головой на СВВ. Руки на лобке. Таз мужской. Справа от таза – кресало. Несколько выше (т. е. к голове) и слева от таза – табакерка. На // (с. 152) дне табакерки продавлены птичьи фигурки.

Слева от головы – коробочка примитивной формы.

Высота гроба – 32 см, толщина досок гроба – 4 см. Глубина от поверхности до дна могильной ямы – 85 см.

На ногах, чуть выше колен – обрывок кожаного ремня с медной пряжкой овальной формы. Ширина ремешка – 2 см.

На ногах – шерстяная вязаная домотканая ткань из толстых нитей, возможно, остатки верхней одежды ...

Могила 16...

Трухлявая рама 225 × 100 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Следы // (с. 153) бревна посередине. На глубине 35 см, на границе 1 [первой] и 2 [второй] трети от ЮЗ конца могилы, найден медный чайник. В нем – фарфоровые блюдце и стакан. У чайника – разлом от верхнего края. Только благодаря ему блюдце пролезает вовнутрь. Значит, когда ставили чайник в могилу, он был уже поломан.

На глубине 55 см на том же месте – небольшой железный ножище с остатками деревянной ручки или наконечника стрелы.

На глубине 70 см – берестяное перекрытие, по гробу. Длина – 160 см, ширина в голове – 50 см, в ногах – 45 см.

В гробу скелет подростка головой на СВ. Руки сложены на лобке. Прямо на тазе, т.е. около кистей рук, – другой нож, побольше, но тоже уменьшенных размеров.

Сбоку от правой ноги, лезвием // (с. 154) к стенке гроба – топор. Слева от головы – примитивная берестяная коробочка.

Размеры гроба, после снятия берестяного покрытия: длина – 150, ширина у головы – 38 см, в ногах – 30 см. Глубина до дна могильной ямы – 90 см.

На блюде марка стёрлась. На чашке марка: МК

Могила 17...

Трухлявые остатки рамы 215 × 120 см, ориентированной ЮЗ–СВ. Раскоп по контуру рамы. На глубине 45 см – гроб длиной 154 см, шириной в голове – 50 см, в ногах – 42 см. По стенкам гроба снаружи прослеживается береста, хотя на крышке она не сохранилась.

Скелет головой на СВ. Правая рука лежит на груди, левая вытянута. Таз женский. Между ног вдоль бёдер – топор, лезвием вправо. Между голенями, ближе к // (с. 155) стопам – блюдо с редкой маркой.

Между голенями, ближе к коленям – медный котёл – всё цело, но на дне пробитое носком топора небольшое отверстие.

Вдоль левого плеча, острием к черепу, – ножик.

На груди – табакерка. В могиле также обломок деревянной ложки.

Глубина до дна могилы – 63 см.

Могила 18...

Трухлявая рама 230 × 120 см, ориентированная ЮЗ–СВ, из брёвен. Имеется продольное бревно посередине рамы. Все покрыто берестой. В ЮЗ конце могилы почти на поверхности – рог оленя.

На глубине 55 см в голове и 70 см в ногах – гроб, покрытый берестой. Длина гроба 198 см, ширина в голове – // (с. 156) 68 см, в ногах – 60 см.

Скелет лежит, как и везде, на спине головой на СВ. Череп довольно массивный, но пол по тазу, несомненно, женский. Руки сложены на лобке.

До дна могилы – 95 см.

Слева от головы – примитивная коробочка из прямоугольного куска бересты. На правой руке кольцо. На левом бедре у дистального эпифиза круглый кусок бересты, остатки кожи.

В ногах – железное ведерко. Диаметр дна 15 см, высота – 16 см.

Дальше – развалившаяся берестяная коробка, украшенная обычной аппликацией...

В коробке – обрывки кожи, косточка. Диаметр коробки – 30 см.

Рядом с этой коробкой – нож, воткнутый торчком, и кресало. //

(с. 157) Могила 19...

Трухлявая рама из бревен 250 × 115 см. Посередине рамы продольное бревно диаметром 10 см. Сверху этого бревна – береста, перекрывающая могилу.

На глубине 75 см в голове и 60 см в ногах показался гроб длиной 180 см и шириной 45 см, покрытый берестой.

Скелет ориентирован головой на СВ. Руки сложены на лобке. Таз мужской.

Слева от предплечья – нож, острием к голове, справа на этом же уровне – кресало.

Примитивная коробка на груди. Она лучше сохранилась, чем в других могилах, можно описать её устройство. Сделана она из прямоугольного куска бересты размером 28 × 25 см, высота коробки 6 см. По краю пришита полоска бересты шириной // (с. 161) 2,5 см – по длинной стороне коробки. Под загибы вставлена широкая полоса бересты с закруглёнными концами (4,5 см шириной). Эти полоски сшиты с коробкой нитью косыми стежками.

Справа от этой коробки – 3 монеты: 1 копейка серебром за 1842 г., 3 копейки за 1880 г., 1 копейка серебром за 1844 год.

Справа на уровне плеча – табакерка. Посередине между голенью – железное ведро, диаметр по верху – 18 см, диаметр по дну – 14 см, высота – 14 см.

Справа у плеча – топор, острием вниз, рукоятью к голове.

Глубина до дна могилы – 80 см.

15 августа, четверг.

Река катастрофически мелеет. Неделю назад перед нашим лагерем расстилалась почти безбрежная гладь воды, а сейчас больше суши, река // (с. 162) только в виде нешироких полос. Говорили, что здесь не только протока, но и р. Мал[ый] Балык. Они были слившиеся, сейчас обозначились. Надо будет еще спросить.

В течение дня раскопано 7 могил.

Могилы 20...

Холмик высотой около 20 см. Под дёрном трухлявая рама 210 × 85 см. На глубине 55 см гроб длиной 145 см, шириной в голове – 55 см, в ногах – 40 см. Гроб покрыт берестой не только сверху, но и с боков, и снизу.

Крышка гроба – из 3 досок. Средняя [лежит] сверху боковых.

Скелет детский, головой на СВ. Руки не прослежены. Глубина до дна могилы – 95 см.

Слева от головы – блюдо, справа – чашка. На чашке марка фарфора стёрлась, на блюде [сохранилась]...

В ногах на уровне ступней – ведёрко. Диаметр верха – 19 см, диаметр // (с. 163) дна – 13,5 см, высота – 16 см. Ведёрко совершенно целое, никаких повреждений, только дужка согнута, как бы ввлалена посередине вниз (м[ожет] б[ыть] это и есть символическое повреждение?).

В ногах, под ведром, – топор, воткнутый остриём, ручкой (не сохранившейся) повёрнут к голове. Справа от ведра – что-то подозрительно напоминающее консервную банку, м[ожет] б[ыть] она и есть. //

(с. 164) Повыше левого плеча – свёрнутый трубкой вырезанный кусок бересты и крышка от коробки, хотя самой коробки нет.

Могилы 21...

Трухлявая рама 210 × 115 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Раскоп по раме.

На глубине 50 см в ногах (ЮЗ колен) – чайник медный. Днище, несомненно, пробито острым лезвием, скорее всего топором, чайник, кроме того, погнут.

На глубине 67 см – гроб длиной 180 см, шириной в голове – 58 см, в ногах – 42 см. Глубина гроба (видимо, не вся) – 20 см.

Скелет лежит головой на СВ. Правая рука лежит на животе, левая – на лобке. Таз, несомненно, мужской.

Прямо на лице вверх дном стоит табакерка. Внутри – тёмный тлен – табак.

В ногах в левом углу гроба – топор – остриём вниз, // (с. 165) ручку к голове.

Могила 22...

На поверхности – рама размером 210 × 92 см обычной ориентации. Посередине холмик высотой 30 см. В середине рамы идёт продольное брёвнышко диаметром 13 см.

На глубине 65 см – гроб, покрытый берестой, длиной 125 см, шириной 50 см в ногах и 55 см в голове. Береста в два слоя.

Скелет ребёнка головой на СВ. Руки сложены на лобке.

Глубина до дна могилы – 100 см.

Слева от головы примитивная коробочка из прямоугольного куска бересты. Под головой, кажется, вата. На груди монета 3 копейки за 1868 г. Обрывки одежды.

Справа от голени – блюдечко небольших размеров...

Слева – эмалированная миска, прижатая к стенке гроба, дном вовнутрь гроба. // (с. 166) Рядом – чайник. В чайнике – игрушка – деревянная фигурка оленя.

Фигурка вырезана из деревянной доски толщиной 9 мм. На ногах и сверху головы – вырезы: раздвоение правой и левой ног и, наоборот, ушей, а м[ожет] б[ыть], место для прикрепления рогов.

Рядом с чайником – топор с остатками рукояти.

На ногах остатки кожаной обуви обычного вида.

Могила 23...

Холмик высотой 30 см. Труха от рамы 270 × 150 см.

На глубине 90 см – гроб, покрытый берестой, длиной 195 см, шириной в голове – 62 см, в ногах – 48 см. Береста в 2 слоя, // (с. 167) местами в 3 слоя. Средняя доска гроба – горбыль.

Скелет головой на СВ. Руки лежат на бедрах. Таз мужской.

На уровне шеи справа – коробочка из прямоугольного куска бересты, размером (выкройки) – 17 × 19 см. Высота коробочки 6 см. По верхнему краю – отверстие.

Слева на груди – трубка, справа на груди – монета (дореволюционная). На уровне правой голени – деревянная ложка.

На уровне голени справа – котёл, прижат к стене гроба. Нет душки, в дне – отверстие.

В ногах, в левом углу гроба, – чашка, марка стерта. На уровне левой голени – блюдце...

На ногах вязаные носки. Они – рядом с ногами, на стопы не надеты. На ногах – «меховые тапочки».

В верхней части туловища – остатки красной цветочками хлоп- // (с. 168) чато-бумажной рубахи.

Могила 24...

Рама из досок размером 170 × 75 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Доски соединены в торец, соединены коваными гвоздями. Толщина досок – 3 см. Верхняя доска торца – треугольной формы. В ней 2 гвоздя, один скрепляет её с нижней доской прямоугольной формы, другой, очевидно, держал прибитую к ней доску.

На глубине 40 см остатки бересты и досок. Длина гроба 150 см, ширина в голове – 30 см, в ногах – 25 см.

Скелет ребёнка, головой на СВ. Руки сложены на лобке.

Под головой – перо. На голове длинные русые волосы. На уровне шеи – крышка от берестяной коробки примитивной формы, вырезанной из прямоугольного куска бересты. В районе кистей // (с. 169) несколько бусин и пуговичек.

Могила 25...

Труха, рама 230 × 105 см. На глубине 40 см в голове и 60 см в ногах оказалось берестяное покрытие хорошей сохранности. Длина его 180 см, ширина в голове – 55 см, в ногах – 50 см. Это покрытие – из сплошного куска бересты, точнее – двух кусков, т.к. береста лежит в два слоя. В СВ конце береста загнута, получается 3 слоя. С боков загнуты на крышку гроба края берестяных полотнищ, покрывающих боковые стороны гроба. Они прошиты для прочности стежками.

Ниже покрытия – две доски крышки гроба. Они идут крышеобразно, подогнаны [так, что] левая доска сверху. Она шириной 38 см, толщиной 2 см, длиной 163 см. Правая доска снизу, ее ширина 29 см.

Гроб совсем свежий, доски желтые. Длина гроба 161 см, шири- // (с. 170) на в голове – 52 см, в ногах – 46 см. Толщина досок гроба – 4 см. Крышка прибита коваными гвоздями.

Скелет лежит головой на СВ. Сохранились мягкие ткани, мумифицированная кожа. Руки сложены на лобке. Таз женский. На голове светлые волосы.

Под головой – перьевая подушка в красной цветочками х[лопчато]/б[умажной] наволочке. Верхняя часть скелета покрыта шерстяным пледом, или платком.

Слева от головы – примитивная коробка из прямоугольного куска бересты. Наконец-то начинает проясняться, зачем эти коробочки. Внутри какие-то остатки органики, возможно, пищи (мяса?). На голове платок.

В области груди – 4 монеты: 5 копеек за 1874 год, 5 копеек за 1881 год, 3 копейки за 1899 год, 2 копейки за 1899 год. //

(с. 171) В ногах слева – большая берестяная коробка диаметром 28 см. В коробке лежат два туеска, в одном – бисер. Оба с орнаментом. На дне коробки большое число бусин и колец, которые, очевидно, подвешивались на бусы, коробка спичек, фабричная катушка с небольшим количеством ниток, железный нож с деревянной рукоятью, железная коробочка круглая, стеклянная бутылочка, четыре монеты: 5 коп. за 1881 год, 5 коп. за 1875 год, 5 коп. за 1870 год, 2 коп. за 1872 год.

Коробка берест[яная] – орнаментированная с боков и по крышке. В ней – волосы (человеческие?).

На груди – массивная медная цепь, к ней подвешен крест. Прилипли кусочки красной материи, бисер, пуговички.

Ещё о большой коробке: сохранилась полоса бересты – аппликация на эту коробку...//

(с. 172) В ногах справа стоит железное ведро, в нём тонкая деревянная ложка, железная миска, блюдце и чашка. На блюдце марка такая же, как на блюдце из могилы 21, на чашке – такая же, но ниже надписи М. С. КУЗНЕЦОВА, стоят буквы Д. Ф.

По всему скелету – масса бисера, остатки одежды: меховой, суконной разных цветов (куски зелёного сукна, серого), – всё мокро, перемешано с остатками мягких тканей, разобрать невозможно.

Справа в ногах топор с сохранившейся рукоятью, направленной в сторону головы. Длина топорнища 50 см, ширина 3 см. Топорнище прямое, с отверстием на конце.

На ногах – кожаные сапоги с остатками матерчатого голенища. //

(с. 173) Мог[ила] 26. Не разобрана (см. ниже).

Мои́ла 27...

На поверхности остатки дощатого домика размером 196 × 84 см, ориентированного ЮЗ–СВ. Домик поставлен прямо на землю, держится за счет засыпи, доходящей до верха ширины доски. Толщина досок – 2 см.

Измерения СВ торца: нижняя доска прямоугольной формы 77 × 23 см, толщина 2 см. (Длина доски меньше ширины домика за счёт продольных досок, прибитых к торцу.) На верхнем краю этой прямоугольной доски – вырез – окошечко.

Сверху – треугольная доска высотой 12 см, в вершине верхнего угла – вырез для коньковой продольной жерди диаметром 6 см.

Сверху весь домик покрыт берестой. //

(с. 174) Гвозди, соединяющие доски домика, – кованые и фабричные.

На глубине 70 см – гроб, покрытый берестой. Его длина 165 см, ширина в голове – 54 см, в ногах – 43 см. Посередине на нём стоит медный чайник огромных размеров. Его высота – 17 см, диаметр дна – 21 см, окружность – 69 см.

Береста покрывает гроб в один слой. Но загибы с боков большие, они полностью смыкаются, образуя второй слой. Края загибов прошиты для прочности крупными стежками.

Крышку гроба образуют две доски, лежащие прямо. Торец гроба имеет также прямой верх. Из двух досок левая лежит сверху.

Размеры гроба: длина – 163 см, ширина в голове – 42 см, в ногах – 36 см. Толщина торцевой доски гроба – 6 см, продольной – 3 см.

Слева от черепа примитивная берестяная коробочка // (с. 175) с остатками органики.

Скелет лежит головой на СВ. Руки сложены на животе. Таз женский.

На животе – большая фарфоровая тарелка. В области таза – большая эмалированная чашка, скорее – небольшой тазик. Слева у ног – чашка (бокал) с советской маркой.

Тут же блюдо с другой маркой.

На голеньях – коробка, слева от ног – топор с короткой рукоятью, лезвием вниз, рукоятью в сторону головы.

На ногах – сапоги. Рядом ещё одна пара сапог. В сапогах в качестве стельки – трава. На ногах – шерстяные вязаные носки.

Справа у ног – нож лезвием к стене, острием к ногам. Тут же ещё одна пара обуви.

По всему скелету бисер: от пояса и ниже бисер, под // (с. 176) спиной, на руках. Начиная от полка, вниз идут два ряда [из] четырех выпуклых медных бляшек. Впечатление такое, что они крепились на полах. В самом низу – тяжелая бляшка из какого-то металла.

Голова и верхняя часть туловища покрыты красным атласным платком.

На груди – 10 монет: 2 коп. за 1936 г., 2 коп. за 1940 г., 2 коп. за 1931 г., 10 коп. за 1936 г., 10 коп. за 1933 г., 10 коп. за 1940 г., 10 коп. за 1925 г., 15 коп. за 1936 г., 15 коп. за 1925 г., 10 коп. за 1923 г.

На ногах – кожаные сапоги. Рядом лежат ещё две пары. У правого бедра – деревянная ложка. //

(с. 177) 16 августа, пятница.

Наши раскопки подходят к концу. Осталось всего 3 незаконченные могилы и одна последняя могила, которую надо сегодня раскопать. Больше взрослых могил не видно. Остаются лишь маленькие могилки, наверняка детские.

Могила 15...

Могила тщательно расчищена, сфотографирована.

Рама из брёвнышек, труха. Размеры 225 × 140. В середине рамы через равные промежутки – три продольных брёвнышка, сверху покрытые берестой. На глубине 30 см на границе 1[-й] и 2[-й] третей от ЮЗ конца – топор.

На глубине 42 см – гроб, покрытый берестой. Длина – 165 см, ширина в голове – 40 см, в ногах – 35 см.

В середине могилы на покрытии гроба вверх дном – котёл, без дужки и // (с. 178) одного ушка.

В ногах берестяная круглая коробка. В ней туески, 3 железные иголки, напёрсток с вставленным в него угольком, нож. Слева от черепа – табакерка (распалась).

Руки сложены на лобке. Таз женский. Скелет лежит головой на СВ.

Кости лежат в странном порядке. В целом расположение скелета анатомическое, но коленная чашка лежит перед черепом, бедра крест-накрест, позвонки смещены.

Могила 26...

На поверхности хорошо сохранившаяся рама, ориентированная ЮЗ–СВ. Доски сбиты в торец. Продольная доска слева: длина – 245 см, ширина – 22 см, толщина – 4,5 см. //

(с. 179) Треугольная (верхняя) доска прибита коваными гвоздями.

Толщина торцовых досок, как и продольной – 4,5 см.

На глубине 58 см – гроб, покрытый берестой. Длина его 172 см, ширина у головы – 57 см, в ногах – 48 см.

Справа, ближе к ЮЗ концу, на перекрытии лежит ведро железное. Диаметр верха – 20 см, дна – 15 см, высота – 15 см.

Крышка гроба состоит из двух досок, левая сверху.

Скелет головой на СВ, лицом повернут вправо. Левая рука лежит поперёк живота, правая вытянута. Таз мужской.

Под нижней челюстью, в верхней части груди, – 4 монеты по 1/2 копейки за 1911, 1899, 1899, 1911 гг. //

(с. 180) Длина гроба 167 см, ширина в голове – 50 см, в ногах – 40 см. Глубина – 30 см. Торцовая доска [в виде угла].

Слева от головы – фарфоровая чашка и блюдце. Марка на чашке, как на блюдце из мог[илы] 21, на блюдце точно такая же.

Справа от черепа (перед лицом) – трубка, рядом кресало. Остатки ремешка с железным стерженьком для чистки трубки.

На костях – остатки х[лопчато]/б[умажной] красной материи. Слева вдоль руки – стрела с наконечником двухвильчатый. Справа от уровня локтя до колена – большая стрела или дротик.

На ногах остатки тёмной материи, кожаной обуви, трава от стек.

Береста закрывает боковые стенки гроба.

Слева за пределами гроба в средней части – топор, острием вниз, рукоятью к голове. //

(с. 181) Дополнение: могила 27.

В ногах стоит большая коробка из бересты с орнаментированной крышкой и боковой поверхностью. Диаметр крышки – 24 см, высота боковой стенки [?]. Боковая стенка очень плохой сохранности. Её не берём...

В коробке три туеска, украшенные орнаментом.

В одном из туесков – бисер, монеты оч[ень] пл[охой] сохранности.

В другом туеске – катушка ниток, два мотка шерстяных ниток, пряжка жел[езная], 3 кольца, бусы, в узелке – красители в виде таблеток, две монеты – 10 и 15 коп. [19]20-х годов. Здесь же – дробь, какие-то деревянные предметы: жел[езный] напёрсток, жел[езная] коробочка... //

(с. 182) Могила 28...

Наиболее сохранившийся, почти целый домик, ориентирован ЮЗ–СВ.

Домик поставлен на землю. Скреплён фабричными гвоздями...

Толщина досок – 6 см.

В верхней треугольной доске нет никаких вырезков.

ЮЗ торец – точно такой же, только нижняя прямоугольная доска не имеет окошечка.

Длина домика 198 см. Боковые доски прибиты к торцам внакладку.

Ширина продольных досок такая же, как нижней доски торца.

Сверху набиты на каждом скате по три продольных доски с промежутками. Толщина этих досок – 2 см. Все сооружение сверху по- // (с. 183) крыто берестой.

В местах соединения торцов и продольных досок последние подтесаны. Видно, гвозди были короткие.

Пространство, ограждённое домиком, до высоты досок засыпано землей (т. е. 24 см в высоту).

Сверху этого насыпного холмика, внутри домика лежит продольное брёвнышко диаметром 8 см.

На глубине 70 см – гроб длиной 168 см, шириной в голове – 50 см, в ногах – 47 см. Покрыто берестой. По краям две доски. В середине провал.

Скелет подростка, головой на СВ. Руки сложены на животе.

У черепа – остатки меха, на теле – остатки красной рубашки.

Справа от головы – примитивная берестяная коробочка, под головой – остатки вязаной // (с. 184) вещи, возможно, шапки [из]... светлой шерсти. На ней в три ряда тёмно-коричневый узор.

Слева у бедра – блюдо. Марка такая же, как на блюде из мог. 27 (РСФСР, фарфор[овый] з[аво]д. Дулёво. Марка 02).

На груди и бёдрах – пиджак [из] чёрного сукна, у бедра на нём – зелёная эмалированная миска.

Слева от скелета в области живота медная иконка. На голове бисер.

Справа от таза – осколки тарелки.

Иконка, видимо, была в руках.

Под спиной – меховая подстилка. В ногах, слева в углу, – небольшая кастрюлька с известью (?).

На ногах сапоги. Длина подошвы 22 см. Рядом вполне современные ботинки. Несколько // (с. 185) выше, ближе к коленям – ещё одна пара ботинок, но подошва – 26 см. Тут же кожаные сапоги местного образца.

На голених – коробка из бересты, украшенная обычной аппликацией...

В коробке:

- обрезки материи, бересты, кожи,
- катушка ниток,
- катушка пустая,
- шерстяные варежки небольшого размера,
- пластмассовый гребень,
- обломок гребешка без единого зуба,
- коробка спичек,
- рюмка с обломанной ножкой,
- косточка домино,
- резиновый мячик диам[етром] 7 см,
- заводная железная игрушка – автомобиль без колес,
- бутылочка,
- флакон одеколона «Сирень»,
- брошка фабричная («цветок»),
- 4 простых карандаша,
- обломок железного предмета, //

(с. 186) – тюбик с каким-то кремом,

– четыре монеты: 20 коп. за 1925 год, 20 коп. за 1943 год, 5 коп. за 1946 год, 3 коп. за 1952 год.

Сразу под этой большой коробкой стоит небольшое блюдо с маркой.

Справа от коробки – деревянная ложка с остатками узора – красные точки.

В области таза много бисера, пуговичек.

Справа у ног – топор. На ногах шерстяные носки. Глубина до дна гроба 115 см.

Могила 29...

Трухлявые остатки рамы размером 115 × 240 см, ориентированной ЮЗ–СВ.

На глубине 65 см – гроб, покрытый берестой.

Длина гроба – 150 см, ширина в голове – 58 см, в ногах – 50 см. //

(с. 187) Перекрытие – береста в 3 слоя. Доски трухлявые. Как и во всех других могилах, кроме нескольких свежих, пространство заполнено затянувшейся землей.

Слева от головы – свёрнутые кусочки бересты правильной формы.

Справа от головы – коробка с тёмным орнаментом, в ней – шпилька.

Скелет головой на СВ. Обе руки лежат кистями на лобке. Таз женский.

У головы также – круглая коробочка из бересты с красивым резным орнаментом. Здесь же под подбородком крестик.

На груди – бисер, кошелек с железной застежкой и рядом с кошельком – 11 монет: 1 рубль – 1887 г.,? 1 коп.– ?, 3 коп. – 1885 г., 3 коп. – 1900 г., 1 коп. – 1908 г., 2 коп. – 1905 г., // (с. 188) 3 коп. – 1881 г., 2 коп.– 1900 г., 15 коп.– 1916 г., 2 коп.– 1905 г., 2 коп.– 1911 г.

На груди – четырёхвыпуклые бляшки, идут, видимо, по поле. Они такие же, как в могиле 27, только крупнее.

Много бисера.

На уровне живота слева – чашка с маркой.

Здесь же прижатая к стенке гроба примитивная берестяная коробка, блюдо.

На груди – табакерка.

Справа от ног, на уровне колена, нож плашмя, ручкой к голове.

Между ног – чайник, рядом – обломанная его ручка, крышка.

Справа в средней части за пределами гроба – массивный топор. // (с. 189) Наши раскопки закончены. Кончили до обеда. Чистили, мыли вещи, черепа.

Вечером пошли на буровую в баню. Это мероприятие отняло в общей сложности около 4 часов. Собраться не успели.

Сначала думали, что поедем завтра утром, а выходит, что уедем не раньше пяти.

17 августа, суббота.

С утра занимались упаковкой вещей, разбором, упаковкой коллекций. Вчера, когда ходили на буровую в баню, попросили там тарных ящиков. В них сегодня упаковали вещи: в один ящик – топоры, в другой – берестяные коробки, в два других – разный инвентарь. Кроме того, приспособили железную ванночку, найденную здесь, для топоров с длинными топорщиками. // (с. 190) Черепа сложили в два мешка. Особый мешок заняли котлы, чайники и ведра. В общей сложности наш груз достиг 27 мест...

В пять часов «Заря» пришла. Мы погрузились. Плыли всего минут 15–20. Теплоход остановился около моста. Попросил капитана подвезти нас до археологов, но у него много работы...

Выгрузились. Около берега – автобус. Нас взяли, довезли до Нефтеюганска, подвезли по моей просьбе даже до аэропорта.

Дальнейшие планы такие. Сейчас мы съездим в // (с. 191) Сайгатино к Л.М. Тереховой. Рядом с местом её раскопок небольшое хантыйское кладбище, которое, видимо, можно копать. Съездим, посмотрим (возьмём лопаты). Может быть, покопаем это кладбище, если население не будет протестовать...

Вернемся из Сайгатино, а в Каркатеево, наверное, не поедем, времени уже нет. Или же, если в Сайгатино раскопки не состоятся, вернёмся быстрее и тогда успеем в Карка- // (с. 192) теево...

18 августа, воскресенье.

Поднялись рано утром, сели на городской автобус (№1) и поехали в аэропорт...

(с. 193) Судя и по тому, что сказала диспетчер, и по разговорам пассажиров, проще попасть в Сургут по железной дороге...

(с. 194) Прибыли в Сургут...

Расспрашиваю, как попасть в Сайгатино. Никто не знает такого поселка. //

(с. 195) Сайгатино – на Оби. Значит, решил я, надо добираться водным транспортом...

На пристани встретились с А.И. Бобровой...

(с. 196) Боброва привезла от Семёновой описание пути до Тереховой. Из Сургута надо садиться на попутные машины, идущие через товарный парк, ГПЗ, завод стабилизации газа...

(с. 199) Добрались... до археологов. У Тереховой 25 человек, было больше. В палатках поэтому много свободных мест...

(с. 201) 19 августа, понедельник.

Утром Л.М. Терехова показала некоторые наиболее интересные находки из раскопок этого года. Раскопанные могилы относятся к трём могильникам: Сайгатино I (XI–XII вв.), Сайгатино III (XIII в.) и Сайгатино IV (XVI–XVII вв.? Не ранее XVI в.).

В могиле XIII в. найдена большая берестяная коробка в ногах и берестяная коробка с загнутыми углами. Первая близко напоминает наши круглые берестяные коробки с принадлежностями женского рукоделия, только меньше по размеру. На крышке процарапан геометрический орнамент, напоминающий хантыйский. В коробке приблизительно такие же вещи – игольник с иглами и др. Вторая коробка во многом сходна с нашими «примитив- // (с. 202) ными» коробками. Совпадение проявляется во многих деталях:

- выкройка из единого прямоугольного куска бересты и загибание углов;

- на боковых сторонах дополнительные прокладки с закруглёнными нижними углами;

- по краю коробка прошита косыми стежками, причём они прижимают идущий по периметру прутик.

Эта древняя коробка украшена не снаружи, а внутри орнаментом, отличающимся от хантыйского. Это – рыбки, волны, по краям – полосы.

Несмотря на это различие – необыкновенно сильное чувство связи времён.

Пошли осматривать археологические окрестности. //

(с. 203) Здесь – новый поселок Сайгатино – участок строительного-монтажного управления, поселок (вагончики) подводников и деревня Сайгатино, бывшие Сайгатины юрты, где нет электричества, живёт несколько семей, в том числе две семьи хантов.

Сходили на действующее хантыйское кладбище. Сделаны снимки. //

(с. 204) Часть кладбища огорожена, там совсем свежие могилы, за пределами огороженного участка – более древние могилы, но здесь же – погребение 1958 года.

На могилах сделаны домики из досок. Они несколько отличаются от тех, что мы видели на Балыке, – более приземистые. Крыша оформлена иначе.

Ориентация домиков СЗ–ЮВ. Нижняя часть – из досок, сколоченных в торец. С торцовых сторон – сверху треугольные доски, менее высокие, чем на Балыке, в верхней части нижней доски ЮВ-го торца – окошечко. Крыша состоит из пяти досок, черепицеобразно накладывающихся одна на другую без просветов. Нет бересты сверху домика. У ЮВ-го торца стоит также крест, вплотную к домику. Никаких других столбиков, жердей ни на одной могиле нет.

// (с. 205) Побывали на раскопках двух могильников, поселения...

(с. 207) 20 августа, вторник...

(с. 208) Решил сегодня уезжать из Сайгатино. Нас сопровождает А. Зыков, он покажет Барсову гору.

Попрошались с археологами...

Только около 2 часов мы добрались до Сургута...

Сели опять на автобус 103... пересели на // (с. 209) автобус 102. Он идет до НГДУ, Барсово, или МО-29.

От хлебозавода до Барсово ехали 30 мин. В посёлке есть столовая, продуктовый, промышленный магазин, даже музыкальная школа.

А. Зыков коротко рассказал нам о Барсовой горе.

Она тянется от рч. Барсовки, впадающей в Обь около д. Белый Яр приблизительно на 12[-м] км.

Археологические памятники // (с. 210) по ней встречаются на протяжении около 8 км. В восточной части памятники идут очень

плотно. Здесь в основном памятники поздней бронзы и раннего железа. На западе протока Утопая далеко отходит от Оби. Для тех, кто занимается рыболовством, она там уже не представляет интерес. Памятники в западной части горы встречаются реже. Они идут довольно плотно до места, где при строительстве моста протока Утопая была засыпана. Западнее этого места протока сильно загрязнена нефтью. Там стоят буровые вышки, памятники встречаются в основном неолита, ранней бронзы и средневековья. //

(с. 211) На месте, куда нас вывел А. Зыков, по мнению свердловчан, вёл свои раскопки F. Martin*. Тут, действительно, видны следы старых раскопок. Но почему это непременно раскопки Мартина?

Как говорит Лёша, Мартин, наверняка, свои работы начинал в Белом Яре – русском старом поселке, здесь, видимо, он нанимал землекопов. Ниже по Оби старый посёлок – только Сайгатино...

(с. 213) Попрошались с А. Зыковым. Он поехал в Сайгатино, мы в Сургут...

(с. 214) Завтра едем к Семёновой. Оттуда совершим выезд в Каркатеево. На этом наша программа будет исчерпана. //

(с. 215) 21 августа, среда.

Утром – в аэропорт...

Взяли вещи, оставленные в камере хранения, купили билеты до Пыть-Яха...

Приехали в Пыть-Ях очень неудачно – в половине 12¹²...

(с. 216) Вышли на трассу, сели на попутную машину. Было уже 6 часов вечера. Решили к археологам не идти, а раскинуть палатку на одну ночь у самого Каркатеевского сворота...

(с. 217) Когда основные дела с устройством ночлега были сделаны, я налегке пошёл к В.И. Семёновой. Она принесла ящики с антропологическими материалами. Я занялся их сортировкой, определением пола и возраста...

* Ф.Р. Мартин – шведский исследователь, посетивший хантов и издавший в 1897 г. свой труд «Сибирика» на немецком языке (прим. ред.).

(с. 222) 22 августа, четверг.

Подъем в 6³⁰. Оставили в лагере Ларису [Жилину], все остальные пошли на старое Каркатеевское кладбище...

(с. 223) Местность я сразу узнал, хотя по сравнению с прошлым годом многое изменилось: главное – ручей, через который мы в прошлом году переплывали, сейчас совсем обмелел.

На работу у нас оставалось времени всего около 2 часов.

Около 3 раскопанных в прошлом году поздних могил, в ельнике, увидели ещё одну раму. Это –

Могила 4...

Рама сбита в торец – продольные доски наложены на торцы поперечных. Размеры рамы // (с. 224) 220 × 105 см, ориентация С–Ю.

На глубине 70 см в южном конце могильной ямы – деревянный сундучок, обитый жостью, а сверху – полосками жести в виде ромбов. Размеры сундучка – 25 × 50 см, глубина – 15 см. Внутри сундучка – обрезки материи, кожи, небольшая коробочка 3,5 × 5 см явно фабричного производства и монета 5 коп. за 1873 г.

На глубине 80 см – гроб, покрытый берестой. Длина его 160 см, ширина в южном конце (в ногах) – 50 см, в северном (в голове) – 55 см.

Под берестой – доски.

В гробу скелет. Руки сложены обе на лобке. Таз мужской. Ориентация головой // (с. 225) на север. На костях – остатки мягких тканей и остатки одежды – материя, мех, в ногах – войлок. Дно гроба устлано, кажется, овчиной.

Слева от скелета – в середине длины могилы – прижато к стенке гроба блюдо без марки (стёрлась?). В ногах – чашечка, марка тоже стёрта. В ногах – большая эмалированная миска. Слева от головы – примитивная берестяная коробка.

На груди найдены: карандаш, коробка спичек и две монеты: 2 коп. за 1903 год и вторая монета, сильно стёртая, вероятно 5 коп. (по размерам такая же, как найденная в сундучке).

У левого колена – две костяные (?) пуговицы диаметром 2,5 см, с двумя отверстиями, как пуговицы от верхней одежды.

Слева от скелета вдоль края гроба – стрела с вильчатым // (с. 226) наконечником стрелы, общая длина 82 см на противополож-

ном конце – прямоугольный вырез. Диаметр стрелы ок{оло} 7 мм. Здесь же – нож, железный с ручкой из корня(?) в кожаных ножнах. Внутри ножен – остатки деревянной прокладки.

Справа от скелета – древко остроги, или дротика. Диаметр древка – 1,5 см. На конце кончается древко фигурно.

Наконечник не найден.

Здесь же (справа) древко стрелы, такое же, как слева. Наконечника тоже не найдено. Но он, так же как у дротика, был направлен к голове (найден противоположный конец стрелы с прямоугольным вырезом).

Под головой – перьевая подушка. На голове – русые волосы. //

(с. 227) Яма 1. К востоку от четырех могил Г. Дремов заложил раскоп над холмиком, ориентированным В–З. Высота холмика около 30 см. На глубине 80 см пошел материк. Это не могила.

Яма 2. К югу от ямы 1 А. Рыкун заложил другой раскоп. Здесь также холмик высотой 30 см, ориентирован В–З. На глубине 30 см увидели остатки дерева – бревна. Видимо, это возвышение над упавшим деревом. Прокopали до глубины 80 см – материк.

В прошлом году, помнится, мы видели вдоль террасы протоки Горной несколько могил, обозначенных выглядывающей из-под дерна берестой. Прошел по террасе три раза, ни одной такой // (с. 228) могилы не нашёл. На этом кладбище надо ставить крест. Если даже и можно здесь отыскать несколько могил, то раскопки нерентабельны, будет много ошибок, лишней работы.

В 12 дня пошли назад...

(с. 229) Вернулись к нашей палатке. Быстро поели, обед сварила Лариса [Жилина], собрались и пошли к свороту. Здесь стоит машина ГАИ с общественными инспекторами. Попросили их помочь нам уехать до Пыть-Яха...

(с. 231) А.И. Боброва уехала вчера, после того, как помогла добраться нам со всеми вещами до Пыть-Яха...

23 августа, пятница.

Хотя билеты мы купили до Тюмени, рано утром вышли в Тобольске, отметили остановку...

Пошли в музей к Л. Шестаковой, с которой я надеялся встретиться, нет, она уехала с А. Головнёвым в этнографическую поездку...

(с. 232) Походили по Тобольску. Купили продуктов на обратный путь. Вечером, в 9⁴⁰, сели на поезд 611 Тобольск – Тюмень...

(с. 233) 24 августа, суббота.

Рано утром приехали в Тюмень...

(с. 235) Мы сели на поезд 172. Отправление поезда сильно задержалось...

Я сойду в Новосибирске. Дал ребятам подробную инструкцию относительно вещей. Их у нас огромное количество...

(с. 238) 27 августа, вторник.

Вернулся из Новосибирска. Ребята оставили записку. Они приехали, привезли в целости и сохранности весь багаж.

Самое забавное, что мы не только не можем наверняка связать наше кладбище с какой-либо хантыйской деревней (и выяснить было не у кого!), но даже не знаем, на какой точно оно реке стоит.

Когда мы приехали на место раскопок, нам указали капитана одного грузового судна как человека, хорошо знающего эту местность. Я разговаривал с ним. Он рассказывал, что этот берег очень богатый, настоящий «Золотой берег». Здесь и рыба, и зверь разный, и ягода. Неподалеку на бугре («сопке») стояла хантыйская деревня. Капитан и сейчас мог // (с. 239) бы показать её, да времени нет. Но названия этой деревни он не знает.

Относительно речной системы разговаривали с капитаном теплохода Владимиром Николаевичем, который нас возил. Он говорит, что здесь не только р. Большой Балык и Большая Юганская протока, но и р. Малый Балык. Я понял, что кладбище и наш лагерь стоят на М[алом] Балыке (?) ...

Вообще-то, если совместить // (с. 240) этот план с картой, то получится, что мы стоим на Б[ольшее]-Юганской протоке. Лариса [Жилина] именно так поняла слова капитана. Но где была хантыйская деревня, на протоке или на р. Малом Балыке?..

(с. 247) 4 сентября, среда.

Получил письмо от В.М. Кулемзина из Колпашево, отправленное 26 августа.

Из Томска в Колпашево его экспедиция с москвичами выехала только 17-го. Когда появилась возможность (22 августа), Кулемзин приехал в Нефтеюганск. Утром 23-го он разыскал В.И. Семёнову, но мы только что уехали. Посмотрел материалы В.И. Семёновой и вечером этого же дня уехал поездом в Сургут. 25 августа он вернулся в Колпашево, где присоединился к своей экспедиции. Что ж, жаль, что наша // (с. 248) совместная работа не состоялась. Но все же приятно, что В.М. [Кулемзин] сделал всё возможное, чтобы добраться до нас.

На следующий год, очевидно, ещё будет возможность совместной работы с этнографами, а необходимость её, пожалуй, ещё больше, чем совместной работы с археологами...

По-видимому, следует поговорить с Э.Л. Львовой и Н.В. Лукиной о прикреплении к[ого]-л[ибо] из студентов к нашей экспедиции, поручив ему и полевую и камеральную обработку материалов.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ТОМСКОГО ГОС[УДАРСТВЕННОГО]
УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕТОМ 1987 г.**

ЭКСПЕДИЦИЯ НА р. САЛЫМ

(с. 3) 15 мая.

Состоялось заседание полевой комиссии, на котором произведено распределение экспедиционных средств. На отряды утверждены следующие суммы:

1. Дрёмов В.А.	1235 р.
2. Ким А.Р.	1000 р.
3. Багашёв А.Н.	2230 р.
Итого антропологии: 4465 р.	

Кроме того, на археологов (отряды Васильева, Плетневой, Яковлева, Беликовой, Ожередова и Чиндиной) выделено 8235 р., на этнографов (один отряд Лукиной) – 1300 р.

Общая сумма экспедиционных средств 1987 г. – 14 тыс. руб.

17 и 19 июня.

Большинство членов моей экспедиции прошли инструктаж по технике безопасности. В составе экспедиции будут работать: // (с. 4)

1. Дрёмов Владимир Анатольевич, снс ПЛИАЭС, нач[альник] экспедиции.

2. Временщикова Елена Ерофеевна, студ[ентка] 353 гр. ИФ ТГУ (2 курс) – лаб[орант]

3. Иванова Ольга Николаевна, студ[ентка] 351 гр. ИФ ТГУ (2 курс) – лаб[орант]

4. Комиссарова Марина Владимировна, студ[ентка] 351 гр. ИФ ТГУ (2 курс) – лаб[орант]

5. Игашев Сергей Анатольевич, студ[ент] 364 гр. ИФ ТГУ (1 курс, практикант) – лаб[орант]

6. Казанцева Елена Валерьевна, студ[ентка] 361 гр. ИФ ТГУ (1 курс, практика) – лаб[орант]

7. Калашникова Ольга Николаевна, студ[ентка] 361 гр. ИФ ТГУ (1 курс, практика) – лаб[орант]

8. Дрёмов Сергей Владимирович, студ[ент] 108 гр. лечфака ТМИ – лаб[орант]

9. Мостовой Сергей Николаевич, студ[ент] 105 гр. лечфака ТМИ – рабоч[ий] // (с. 5)

10. Карачаров Константин Геннадьевич, студ[ент] ИФ УрГУ.

11. Кулемзин Владислав Михайлович, снс ПЛИАЭС*.

Первые 8 перечисленных человек проходят по моему приказу. У Мостового нет прививки против энцефалита, включить в приказ его нельзя, я его беру на ставку рабочего по найму на месте работы (без оплаты проезда до Тюмени).

Карачаров К.Г. едет из Свердловска, мы встречаемся с ним на ст[анции] Салым, работать он будет по смете Л.М. Тереховой.

Кулемзин В.М. едет по своей командировке, сначала в Ханты-Мансийск, тоже встретимся в Салыме...

(с. 6) 1 июля, среда.

Собрание участников экспедиции. Присутствовало 6 студентов: Временщикова, Комиссарова, Дрёмов, Мостовой, Игашев, Калашникова. Не было Ивановой и Казанцевой – они завтра пересдают последний экзамен.

Рассказал о целях нашей экспедиции, составе участников. В следующий раз встречаемся в пятницу. Идёт оформление документов, в пятницу будут деньги, и тогда мы сможем заняться // (с. 7) покупками.

3 июля, пятница.

Получено в кассе ТГУ на экспедицию 1235 р.

Встреча с участниками экспедиции. Поручил закупить оборудование и продукты.

* Имеется в виду ПНИЛИАЭС – Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири (прим. ред.).

4 июля, суббота.

На поезде 37, который теперь идёт в 8⁴⁵ утра по местному времени, выехал Сергей. Я поручил ему купить билеты до ст[анции] Салым заранее, чтоб не было задержки.

5 июля, воскресенье.

Утром сели в поезд 37 (скорый): я, С. Мостовой, С. Игашев, Е. Казанцева, О. Калашникова, Е. Временщикова, М. Комиссарова, О. Иванова. Отправление поезда из Томска в 8⁴⁵. Стоимость плацкартного билета до Тюмени на этом (скором) // (с. 8) поезде 17 р.+50 коп. за предварительную продажу...

(с. 9) 6 июля, понедельник.

Прибыли в Тюмень по расписанию. На вокзале нас встретил Сергей. Выгрузились. Груз у нас довольно большой, всего 33 места. В том числе мешок с картошкой – 45 кг, купили, т.к. на севере достать картошку невозможно.

Билеты Сергею не продали – их можно приобрести за 5 часов до отхода поезда, но и поездов на север стало больше, чем в прошлом году...

(с. 10) Кроме того, в цокольном этаже вокзала оборудовали отдельные кассы на северное направление. Так что здесь относительный порядок, нет такой давки, как была раньше.

До 4 часов мы свободны. Сдали вещи в багаж – 7 мест в кладовую крупногабаритного груза, заняли 6 автоматических // (с. 11) камер.

Пошли в город. Поели, познакомились с городом. Зашли в Спаскую церковь, где размещаются фонды музея. Встретились и поговорили с В.И. Семёновой. Она подготовила два ящика с антропологическими материалами из своих раскопок, их мы можем забрать на обратном пути, если только будет время.

Ребят отправили в кино и с Сергеем пошли на вокзал покупать билеты... Мы рассудили, что, м[ожет] б[ыть] у скорого поезда не будет больших задержек, и взяли билеты на поезд 82. В Тюмень поезд // (с. 12) пришёл с опозданием на час.

7 июля, вторник.

Поезд 82 хорош ещё тем, что у него в Тюмени большая стоянка. Нам пришлось перетаскивать вещи через тоннель на 2 платформу в несколько приемов. В этот же вагон садился стройотряд – 16 человек – молодые, задиристые, самоуверенные люди, которые заблокировали вагон, существенно затруднили нашу посадку. Наконец сели. Вчера шёл дождь, все изрядно вымокли, устали, легли спать.

Несмотря на то, что поезд 82 – скорый, к северу от Тюмени он идёт с большими остановками. Были, кроме того, и большие остановки, не предусмотренные распи- // (с. 13) санием. В 11³⁰ местного времени поезд был в Тобольске, по расписанию должен был там быть в 6 часов. Здесь, в Тобольске, мы нагнали поезд 208. Я рассчитал, что в Салыме мы будем около 7 часов вечера (по расписанию – в 3³⁵ местного времени). Когда спохватились, оказалось... что Салым мы проехали. Это было около 6 часов. Высадились на станции Куть-Ях.

Пассажирские поезда в обратном направлении все прошли. В кассе нам посоветовали идти к локомотивам товарных поездов и договариваться с водителями. Так мы и сделали.

Сели на платформу товарного поезда и поехали // (с. 14) (тоже с большими остановками). Зато остановился водитель так, что мы сразу же оказались в Салыме напротив лесхоза.

Выгрузились. Наше небольшое приключение имело два последствия. Во-первых, мы опоздали в магазины и на почту. А надо было кое-что закупить из оборудования. Девочкам – отправить домой телеграммы. Да и в столовую могли бы сходить. Во-вторых, Кулемзин и Карачаров, которые должны были нас встретить, теперь, конечно, решили, что мы не приехали.

Послал Иванову (она одна знает в лицо Кулемзина) // (с. 15) и Времешикову на вокзал, может встретят Карачарова и Владислава Мих[айловича]. С остальными начали перетаскивать вещи к лесхозу.

Высадились мы около 9 часов. К концу перетаски вернулись Иванова и Временщикова. Им сказали, что мужчина, по виду похожий на Кулемзина, с рюкзаком, недавно ушел с вокзала. Потом ребята сказали, что есть тут и молодой парень, похожий на Карачарова.

Пошли к завхозу лесхоза, с ней – к директору лесхоза Кожевникову М.С. Он сказал, что "ваш товарищ" обращался к нему насчёт катера ещё позавчера (!), сказал, что отвезти надо будет 8-го утром. Где он ночует, Кожев- // (с. 16) ников не знает. Переночевать нас пустили в коридор лесхоза. Купили 3 литра молока (по 80 коп. литр), сходили на реку – искупались и помылись, поели. Было уже 12 часов. Искать наших товарищей уже было поздно.

8 июля, среда.

Я проснулся около 5 часов утра. Пока все спали, подсчитал финансы и сходил на вокзал. Кулемзина и Карачарова там не нашел, но оставил им записку.

В 7 часов все пошли в столовую. Она открывается в 7³⁰. После завтрака часть ребят снова послал на вокзал, кого-то – в контору, где остались наши вещи, несколько человек – в магазин. Докупили здесь // (с. 17) неплохих продуктов. Принесли их в контору лесхоза. Вскоре вернулись посланные на вокзал с Карачаровым и Кулемзиным. Вчера девочки чуть-чуть не встретились с Карачаровым, он был около вокзала. Ночевали они с Кулемзиным сначала в вагончиках около вокзала, потом – в палатке Кулемзина. Ну, слава богу, все в сборе.

В конторе сказали, что Кожевников сегодня в 5 утра уехал в Тюмень. Но завхоз, с которой мы вчера ходили к директору, была здесь, так сказать свидетель того, что директор обещал нас увезти в Соровское. Но похоже, что директор и так это наказал, кому следует. //

(с. 18) Повёз нас на катере сын директора – Олег Кожевников. Я опасался, что катер может не взять 11 человек, да еще и багаж, или что он будет перегружен и не сможет пройти по мелководным речкам. Но ничего, катер увёз бы ещё столько же людей.

Выехали в 10 ч утра. Ехали немного больше 2 часов – сначала по р. Вандрасу, потом – по Салыму, потом – по Тарсапу. Пристали около дома рыбака. Место хорошее, чистое, ясное, песчаное, нам сразу же понравилось. Л.М. Терехова объяснила Карачарову, что именно здесь, у этого дома // (с. 19) рыбака, и надо искать кладбище. Кроме того, Косте поручено произвести здесь дополнительную археологическую разведку.

Высадились. Дом рыбака – большой, вместительный дом, правда, сильно запущенный и грязный, без оконных рам. Но целый пол и целая крыша. Вымели пол, вымыли, занавесили окна – одно – палаткой, одно – полиэтиленом, два – марлей. С Кулемзиным и Карачаровым сходили на кладбище. Разыскали его. На кладбище несколько раскопанных могил, те, на которых ещё стояли домики, сейчас они перевернуты. Домики – простые // (с. 20) по конструкции, дощатые. В одной из раскопанных ям Костя нашел монету 1838 г. и серебряную пуговицу с царским гербом. Могила много, работы хватит.

Оборудовали всё в доме, соорудили очаг. Построили стол, скамейки, натянули тент. В доме одна комнатка с застеклённым окном и нарами. Здесь, видимо, и ночуют приезжающие рыбаки. Мы поставили туда все продукты.

Дно озера песчаное, озеро у берега мелкое. Сделали мостик.
Завтра начинаем работу.//

(с. 21) 9 июля, четверг.

Встали в 7³⁰. Дежурный уже приготовил завтрак. Я провел инструктаж по Т[ехнике] Б[езопасности], С. Мостовой рассказал о правилах первой медицинской помощи. На кладбище идти через полянку, где был посёлок. Дорога занимает минут 20, т.е. где-то километра 2.

Мимо кладбища проходит лесовозная дорога. Кладбище располагается на гриве, в сосновом лесу. Песок. Могилы обозначены западинами, причем ориентированы они по-разному: С–Ю, В–З и промежуточная ориентация.

В течение дня мы без особого напряжения // (с. 22) раскопали 23 могилы (№ 1–23). Описание могил буду давать в отдельной тетради. Участие В.М. Кулемзина в нашей работе во многом оказалось полезным. По ходу раскопок он подсказывает много интересных вещей.

Проработали 4 часа. После обеденного перерыва, с 5 до 8, – ещё 3 часа. Много вещей, // (с. 23) хотя в отличие от раскопок на Балыке, пожалуй, обилие их меньше. Да и могилы, раскопанные нами, относятся к более раннему времени. Попадались монеты 1760-х, 1830-х гг. Сохранность костного материала средняя.

По дороге, ещё не доходя до места деревни, слева – два городища. Ещё одно городище Костя нашёл за ручьем – очень впечатляющее, со рвом, над которым само городище возвышается на 5–6 метров.

Пока мы были на раскопках, дежурный – С. Игашев – поставил мачту с флагом. Теперь у нас всё есть. Место хорошее, только на раскопках много комаров. Но некоторые девочки стонут, они к комарам совсем непривычны. //

(с. 24) 10 июля, пятница.

Дежурит Л. Казанцева. Мы снова на раскопках.

Вчера я лёг раньше ребят. Около 12 часов приплывали на двух лодках рыбаки. Ребята попросили у них бредень, за час наловили ведро рыбы. Я увидел этих рыбаков утром, проснувшись в 4 часа. Немного поговорили. Они сообщили, что недалеко от нас, за мысом, постоянно работают люди на лесозаготовках (мы, когда плыли сюда, видели там лодки). С ними при надобности можно уехать в поселок. Пройти до них можно по дорожке вдоль берега.

В субботу и воскресенье, сказали рыбаки, сюда придут люди.

Рыбаки уехали в 6 часов утра. Мы перед уходом // (с. 25) на работу перетаскали все продукты из комнатки с нарами, на случай, если приедут рыбаки.

День был пасмурный. Поэтому было много комаров. За день раскопали 26 могил и 3 пустых ямы (№ 24–42, 44–53). Описание по-прежнему в отдельной тетради.

Раскопки идут довольно быстро благодаря мягкому грунту (песок) и небольшой глубине могил. Парни раскапывают по 4–5 могил, девушки – по 2–3 могилы в день. Мы вскрыли уже, наверное, около половины могил. Если так дело пойдёт и дальше, нам останется ещё работать на раскопках 2 или 3 дня. Кончать экспедицию ещё слишком рано. Уезжать куда-то далеко (но в пределах Нефтеюганского рай-// (с. 26) она) – мало надежды, что мы найдём хорошее место, да и перебрасываться со всем нашим скарбом, честно говоря, нет желания. Самый разумный вариант: отсюда вернуться в пос. Салым и там произвести раскопки кладбища у Вандраса за Айгой, где мы когда-то были с А.И. Бобровой. Там внешних следов не видать, но что-то, наверное, все же соберём, материал можно будет объединить с материалом этого кладбища. Да, так и нужно сделать.

Накопилось уже довольно много вещей и костей, которые надо приводить в порядок.

11 июля, суббота.

Сегодня – день камеральной работы. С. Дрёмов, С. Мостовой, М. Комис- // (с. 27) сарова – чистили черепа и кости, Л. Казанцева, Е. Временщикова, О. Иванова, С. Игашев приводили в порядок этнографические находки, я писал дневник и отобрал монеты, К. Карачаров снимал планы городищ. Их здесь обнаружилось не менее десятка, О. Калашникова дежурила, В.М. Кулемзин помогал всем понемногу.

С. Игашев и Е. Временщикова ходили раскапывать могилу 43, которую вчера пропустили.

Приезжали рыбаки, но в дом не приходили, расположились отдельно от нас. Хант Филька живет на своем озере по р. Тукану. Хочу попросить кого-нибудь подвезти нас до него и обратно. Интересно было бы // (с. 30) поговорить.

12 июля, воскресенье.

Выходной день. Все отдыхают. Я кончаю с дневником, с лекциями. С В.М. Кулемзиным сходили к рыбакам, мужчинам и женщинам. Из их рассказа: юрты Соровские раньше были большие. Здесь было дворов около 20, был колхоз, магазин. Жили ханты в основном по фамилиям Паянкины. Были здесь и русские, разные скрывающиеся. В войну мужиков взяли на фронт. Женщины русские выходили замуж за хантов. Им были привилегии: боеприпасы давали. А жить надо было. Уже в войну посёлок начал разъезжаться. Многие уехали в // (с. 31) Лемпино, перевозили туда дома. Совсем посёлок покинули где-то в конце 40-х гг. Сейчас на его месте многие из пос. Салыма сажают картошку. Многие ездят сюда рыбачить. Старики говорят, что здесь места лучше, чем в Кинтусах. Кинтус – так раньше назывался совр[еменный] пос. Салым. Он был меньше. В нем было дворов 10, тоже был колхоз.

Филька – Филипп Каяков, ему около 50 лет, живет на р. Тукане, отсюда езды на моторке минут 15–20. Рыбаки бы свозили, да у них мало бензина, всего по бачку. Филипп сам с Югана, из Угута. Отгу-

да пришел сюда его отец. На Юган проход напрямую. Зимой – // (с. 32) – по зимнику – близко. Некоторые из наших собеседников – метисы: отец украинец, мать – хантыйка.

Вчера при расчистке черепов обнаружили одну интересную вещь. Около каждого почти черепа кедровые орехи. Их мы встречали около черепа при раскопках, но не придавали этому значение. Всё же, это, видимо, неспроста!

13 июля, понедельник.

Снова работа на раскопках. Раскопано около 18 могил (№ 54–71). Работы осталось на 1 день, не больше. Еще один день – на камеральную обработку. А там надо выезжать. Как?

Кулемзин чувствует, что он всё, что мог здесь увидеть, уже увидел, задерживаться ему здесь дальше нет необ- // (с. 33) ходимости. Кроме того, он хочет попасть ещё на раскопки к свердловчанам на Барсовой горе. За мысом, недалеко от нас, работают рабочие лесхоза. К. Карачаров сходил к ним, договорился. Они приехали и забрали Владислава, чтоб увезти его до Салыма. Там он обещал попросить М.С. Кожевникова, чтоб он послал за нами водомёт в четверг, 16 июля. Сам он нас, видимо, не дождетя, уедет в Сургут, оттуда на Барсову гору.

Костя получил от рабочих ещё кое-какую информацию. Они сказали, что ещё дальше кладбища, которое мы копаем, дальше от нас в том же самом направлении есть ещё одно кладбище. М[ожет] б[ыть] речь идёт о // (с. 34) средневековом могильнике?

Поздно вечером приехали два парня из Салыма рыбачить. Немного выпивши, поговорили с ними о разных вещах. Они предложили с ними порыбачить. Сергей Игашев, наш рыбак, согласился. Кроме того, они согласились свозить к Филиппу Каякову. Поехал Костя Карачаров. Ребята уехали с рыбаками где-то около 11 часов вечера.

14 июля, вторник.

Сергей Игашев вернулся часов в 5 утра, Костя остался у Ф. Каякова, тот обещал Костю сам привезти. Мы пошли на раскопки – 8 человек, без Кости и дежурного Сергея Дрёмова. Костя и вчера

целиком занимался съёмкой городищ, которых здесь он насчитал где-то около полутора десятков.

(с. 35) В течение дня раскопано 15 могил (№ 72–77, 79–87) и одна пустая яма (78). Кладбище исчерпано. Детские могилы мы старались не брать, остальные видимые могилы раскопаны все.

Закончили работу в 2 часа, пришли в лагерь. Только что вернулся К. Карачаров. Его привёз Ф. Каяков.

Вчера вечером и сегодня утром они много разговаривали. Карачаров получил от него ценную информацию.

Филипп Егорович Каяков родился в 1927 г. на р. Югане. Отец привез его в пос. Салым, когда ему было 9 лет. Позже он перебрался на р. Тукан. Около пос. Салыма оленей негде было пасти, а юганские ханты раньше были оленные. Здесь, на Соровском озере, хороший ягельник.//

(с. 36) В Соровских юртах было раньше 20 домов. Фамилии здесь были: Паянгин, Темляков, Турункин, Наргин, Вторшин, Алканов (хант?, русский? помесь? Он жил здесь мало).

Русские в поселке были, но их было мало. Разъехался поселок после войны.

Кроме кладбища, которое мы раскопали, есть ещё:

1). По Мал[ому] Салыму – оз[еро] Котахты-тор ("озеро, из которого выпадает река"). Там была деревня Ай-Сомхоль-пауль (Малого Салыма деревня; Ай – маленький, Сомхоль – Салым, пауль – деревня). От пос. Салыма туда ехать 70 км, бочонок бензина надо. Ехать туда лучше весной, а то там завал.

Там есть большая грива, на которой кладбище, "намного больше этого".// (с. 37)

2). По Вандрасу, напротив лесхоза, – два кладбища. Одно напротив старицы.

По представлениям хантов, на том свете люди живут полвека. Потом душа исчезает, так что наши раскопки – не оскорбляют чувств местных хантов.

Хоронили раньше по-разному: кто головой на юг, кто на север. Я не могу объяснить, почему так или иначе.

Вечером я приводил в порядок записи. Ребята немного разбирали этнографическую коллекцию.

15 июля, среда.

В дополнение ко вчерашней записи. Ф.Е. Каяков живет на р. Тукане, на оз. Куим-Тор. Там стоит его дом. Выше // (с. 38) по р. Тукану живёт младший брат Филиппа. Весной в половодье можно попасть сразу из Тарсана в Тукан по старицам, не заходя в оз. Соровское.

Перед нами – Шайтанский мыс. Мимо него нельзя проезжать женщинам: они должны высаживаться и проходить пешком.

Сегодня снова камеральный день. Дочистили, описали остеологический материал и этнографические находки. Я наконец-то составил общий список краниологического материала. Получилось неплохо: 21 мужской и 25 женских взрослых черепов и 3 детских. На Балыке было меньше.

На вертолете приехали рыбаки из Самсоновки. Завтра утром за ними должны прилететь. Договорились, что я // (с. 39) pošлю Мостового на всякий случай, вдруг Кожевников забудет прислать завтра за нами водомёт.

16 июля, четверг.

Я встал очень рано, в половине четвертого. Было уже светло. Закончил опись этнографических материалов. Когда все встали, начали собираться, не торопясь. Где-то в начале девятого прилетел вертолёт. Рыбаков он не взял, т.к. летел в Салым. Нам это было еще лучше. С. Мостовой улетел. Мы к 12 часам закончили сборы.

К. Карачаров закончил съёмку городищ. Ждем водомёта. Он пришёл только в 4 часа. В 4¹⁵ мы отплыли от нашего берега. Здесь мы неплохо провели неделю, жаль было даже уезжать. //

(с. 40) Плыли на этот раз до Салыма очень долго. Два раза водомёт "ломался". Только около 8 часов вечера мы пристали в пос. Салыме.

С. Мостовой по моей просьбе сходил за это время и договорился насчёт жилья. Нам дали ключ от старого клуба, где идёт ремонт (точнее, всё разломано, а ремонт не движется). Разместились в бывшем танцевальном зале, несколько потеснив сваленные здесь вещи.

Устроились и здесь неплохо. Колонка рядом.

17 июля, пятница.

Полдня решили потратить на устройство дел, а после обеда пойти работать. Но в конце концов решили устроить сегодня вы- // (с. 41) ходной день, т.к. не успели до обеда поговорить со всеми хантами, выяснить их отношение к предстоящим раскопкам.

Позавтракали все в столовой. Получилось недорого, и мы решили, что завтракать и впредь стоит в столовой. Сходил в сельсовет. Отметил командировки, заверил трудовое соглашение. Спросил имена хантов, живущих в поселке. Оказалось, хантов здесь больше, чем я предполагал. Я-то думал, что их всего два дома – Лукины и Качаловы, но Качаловых здесь оказалось очень много, они живут разными семьями. Кроме того, некоторые женщины – хантыйки, в девичестве Качаловы, сейчас замужем за русскими. Есть и другие хантыйские фамилии. //

(с. 42) 1. Качалова Екатерина. С ней в первую очередь надо было бы поговорить. Но "тетя Катя", как её здесь все называют, сейчас в больнице.

2. Дмитриева Мария (в дев[ичестве] – Качалова).

3. Маслова Галина Павловна (в дев[ичестве] – Кайнова). Работает страхделегатом. Её муж – лесник Валерий Маслов, русобородый добродушный мужчина.

4. Пироженко Надежда Прокопьевна (в дев[ичестве] – Кайнова). Она сестра Г.П. Масловой, видно, от разных отцов.

5. Кайнов Николай Прокопьевич, их брат, работает кочегаром на станции.

6. Кайнов Владимир Прокопьевич, тоже их брат.

7. Качаловы живут ещё на- // (с. 43) против хлебного магазина.

8. Каякова Майна Ефимовна, жена Филиппа Каякова, сейчас она здесь, в поселке, приехала к родственникам.

Ещё рыбаки на Соровском озере советовали обязательно поговорить с Г.П. Масловой. Она сама родом из Соровского, там у неё похоронены родственники, и если кто недоволен нашими раскопками, так это она.

Разыскали её дом. Дома никого не оказалось. Ходили мы с Костей, который успел уже познакомиться с некоторыми хантами ещё до нашего приезда в Салым, когда он был здесь с В.М. Кулемзиным.

Недалеко от конторы лесхоза живет Арина Даниловна Качалова, о которой знает Костя. Пошли к ней. Она 1925 г. р[ождения], т.е. ей 63 года, // (с. 44) но выглядит она на все 80.

С ней живет её дочь (или жена её сына) Дмитриева (в дев[ичестве] – Качалова), 1942 г. р[ождения]. Она тоже выглядит намного старше своих лет. Арина Дмитриевна на лицо совсем хантыйка, Дмитриева – совсем русская.

В районе пос. Салым (раньше назывался Кинтус) были поселки – Соровские, а вниз по Салыму – Милясы, Малкакеево, Рымово. Они исчезли в период укрупнения колхозов, в конце 40-х гг. Многие из этих поселков, в т[ом] ч[исле] из Соровских юрт, а также из Кинтуса, уехали вниз, в Лемпино. В 1961 г. была построена железная дорога через пос. Кинтус, кот[орый] стал называться Салым. Поселок стал расти, кое-кто из Лемпино вернулся сюда, на родину. А раньше, когда железной дороги не было, заво- // (с. 45) зили товары в Кинтус, в Соровские с Оби, из Сытомино, а зимой – по зимнику, прямо из Сургута.

Арина Дмитриевна рассказывает: “Посёлок Кинтус раньше был только по самому берегу Вандраса, здесь ещё стоят старинные дома. Раньше все коров держали. У всех было своё молоко, мясо. Держали также коней. Рыбы здесь было очень много. Даже из Сытомино приезжали ловить рыбу на Соровском озере”.

Старинное кладбище есть за Вандрасом, на самом берегу реки, вверх по течению, километрах в двух. Это старое кладбище. Арина Дмитриевна не помнит, когда там хоронили. Туда идёт конная дорога, это была старая дорога на Соровские. //

(с. 46) Хоронили раньше, делая подкоп. На мои слова, что делать подкоп – татарский обычай, сказали: “Татары давно жили на Оби в районе Сургута. Были татары и на Соровских”.

“Наша нация” – вымирающая, осталось мало. Юганские – “другая нация”, их язык совсем непонятный. Наш язык лучше всех, он легкий. В браки с юганскими не вступали. Они, хотя и жили здесь, но отдельно, занимались оленеводством.

Здесь сейчас не осталось мужиков. В Лемпино ещё есть двое мужчин хантов – Нергин, Курлыгин Павел, они из Соровских, оба на пенсии. Могут рассказать.

Отец Дмитриевой работал председателем сельсовета.

...Мы снова пошли к Масловой. Дома застали её // (с. 47) мужа, Валерия Маслова. Он лесник. Его участок до тех мест, где живет Филипп Каяков. Участок до Соровских – лесника Коровкина.

Посёлки вниз по Салыму были:

Айдар, при устье рч. Айдар, около 30 км отсюда, Аламино – около 80 км, Милясы – около 150 км. Около них сейчас остались кладбища.

Пока разговаривали с Валерием, пришла и заглянула Галина. Поздоровались. Но она опять куда-то исчезла. "Вас испугалась", – сказал Валерий. Мы объяснили, зачем мы приходили, сказали, что самые поздние могилы в Соровских почти мы не трогали.

Валерий согласился съездить // (с. 48) на Соровское, показать ещё городище, если только мы договоримся с директором, чтоб он его отпустил. Валерий немного хитрит: в субботу и воскресенье, в выходные дни, он мог бы съездить, не спрашивая директора. Ведь я обещал ему заплатить по статье "наём проводника".

Костя вечером ходил к хантам ещё. Пришел и сказал, что Павел Качалов соглашается показать кладбище за Вандрасом. Это очень кстати. Одним нам трудно их найти.

18 июля, суббота.

Встали в 7. Сходили в столовую. К 8 часам были на берегу у конторы лесхоза. Пришел Павел Павлович Качалов. Он оказался молодым парнем. Хант, приятной наружности. Хорошо, – // (с. 49) с достоинством держится. На его лодке перебрались на другую сторону Вандраса. Шли минут 15–20. Кладбище расположено недалеко от края террасы, рядом с городищем. На поверхности не кресты, как нам некоторые говорили, а только западины, местами – остатки брёвен от срубиков. Сами мы могилы вряд ли бы нашли. Павел скоро ушел. С ним ушёл Костя Карачаров. Павел обещал ему показать священных кукол, в т.ч. хозяйина Салыма.

Мы начали раскопки. Могилы расположены кучно, рядами, но, кажется, на не очень большой площади. Работали 7 часов подряд с перерывами на обед. Во время нашей работы в Соровских стояла прекрасная погода. Там мы смогли и порабо- // (с. 50) тать, и позагорать. Сейчас погода начинает портиться. Было пасмурно, шёл дождик. В лесу было много комаров.

За день раскопали 25 ям, некоторые из которых оказались не могилами. Сохранность материала здесь другая: дерево, железо – сохраняются лучше, а кость – значительно хуже. Поэтому собственно антропологический результат оказался невелик. Описание могил – см. в отдельной тетради.

Кончили в 7 ч. вечера, в 7³⁰ были в поселке, успели сходить в магазин.

Вечером приходили деревенские парни. Многие выпившие. Некоторые держались скромно, но другие демонстрировали свое ухарство. Обошлось без инцидентов. А вообще-то хорошо, что эти дни – субботу и воскресенье // (с. 51) сенье – мы работаем. Они всё равно не дали бы нормально отдохнуть.

19 июля, воскресенье.

У нас рабочий день. Погода постепенно испортилась. Вчера шёл дождь, и сегодня с утра пасмурно. Вчера двое местных парней обещали придти помочь нам на раскопках, но так и не пришли. Да и работы на кладбище осталось мало. Я с трудом разыскал по I могиле каждому. Больше нам делать нечего. И сохранность материала ещё хуже, чем вчера. Раскопаны могилы 26–33, из них только 6 – настоящие могилы, 2 – просто ямы.

Проработали до обеда. Пошёл дождь, мы вернулись в свой дом, решив после обеда заняться чисткой и описью материалов.

Костя с утра ушёл к Павлу Качалову, обещал приехать // (с. 52) на кладбище, но, видимо, они с Павлом уехали на Соровское озеро.

Во второй половине дня разобрали всю этнографию и антропологию.

Костя приехал поздно, около 12 часов ночи. Он ездил с рыбаками на Соровское озеро проверить сведения о наличии там курганов (небывало далеко на севере!). Нашёл эти места. Оказалось, это выворотки.

20 июля, понедельник.

Оставили бригаду художников: С. Дрёмов, М. Комиссарова и Е. Казанцева – зарисовать берестяные коробочки с орнаментом и фрагменты одежды с бисером. Всемером пошли на раскопки: я,

С. Мостовой, С. Игашев, К. Карачаров, Е. Временщикова, О. Иванова, О. Калашникова. Сегодня мы решили разыскать второе Кинтусовское кладбище за Вандрасом. // (с. 54) Поработать на нём. Павел Качалов водил Костю на это кладбище, но не довёл до места. Идти надо тоже по правому берегу р. Вандраса, но не вверх, а вниз по течению. Продирались сквозь заросли, и поэтому показалось, что идти далеко. В действительности это кладбище ближе к посёлку, чем первое. На раскопках отчетливо слышно радио в посёлке, лай собак, работу моторных лодок.

Кладбище расположено на высоком месте, в сосняке, метрах в 100–150 от края террасы. Оно небольшое, ещё меньше, чем первое. Мы раскопали 7 могил. Осталось еще 2–3, но копать их не стали: сохранность костей очень плохая, нет никакой уверен- // (с. 55) ности, что в этих могилах кость сохраняется лучше.

Косте рассказывали, что первое Кинтусовское кладбище забросили из-за того, что место было сырое, стали хоронить на втором. Но и его бросили из-за сырости. Так оно и есть. Почва глинистая, сырая. В ней лучше сохраняются дерево, но быстро гниют кости.

В одной могиле нашли монету 40-х гг. XIX в. Так что кладбище это не так[ое] уж молодое. Описание раскопок могил и опись найденных материалов даются отдельно.

Закончили к обеду. Вернулись в посёлок. Костя, показав нам кладбище, попрощался. Он едет в Сургут, оттуда в Сайгатитно к Л.М. Тереховой. Костя молодец. Очень работоспособный и целеустремленный молодой человек. На Соровском озере он открыл и // (с. 56) заснял около 40 городищ и селищ (больше 30 городищ).

Вечером я сходил попрощаться с Павлом Качаловым.

Павел Павлович Качалов, 1961 г. р[ождения]. Родился в пос. Салым (в паспорте записано – Кинтус). Переименовали посёлок где-то в начале 70-х гг.

Жена Павла, в дев[ичестве] – Каякова, 1963 г. р[ождения], по происхождению юганская хантыйка, изящная и очень симпатичная женщина. Её родственники живут в верховьях Югана, недавно они к ним ездили, были в Усаново, Тайлаково. На Юган попадают через Угут. В Угут – из Сургута самолётом, а из Угута вверх – на своих моторках. В верховьях Югана тоже разрабатывают нефть. Что будет с юганскими хантами?

Юганские ханты на Салыме – большинство Каяковы. Но есть еще Когончины, живут // (с. 57) по рч. Самсоновке. Юганские ханты переселяются даже на Демьянку. Демьянских хантов самих почти не осталось, там юганские.

Язык салымских и юганских хантов близок. Можно понять, только слова произносятся немного по-другому. Вообще близкие диалекты у хантов – Ваха, Югана, Салыма, Агана, Тромъёгана, Пима. Это все среднеобские диалекты (говорит жена Павла, как по писанному, // (с. 58) может, это откуда-то из книг она почерпнула?). В Ханты-Мансийске ханты говорят по-другому, непонятно. Тепло попрощались с Павлом. Хороший человек, славная семья.

(с. 59) Итак, раскопки нашей экспедиции закончены. Хотя непосредственно на раскопках мы были заняты всего 7 дней, материал в этом году получен неплохой, больше, чем в любой из предшествующих экспедиций по раскопкам хантыйских кладбищ.

Общее количество материала:

Кладбище	M.	F.	Inf.	Всего
Соровское	21	25	3	49
Кинтус 1	4	6	–	10
Кинтус 2	2	–	–	2
Всего	27	31	3	61

Черепя разных кладбищ, конечно, можно объединить. Это одна и та же группа хантов – салымских.

Учитывая другие имеющиеся краниологические серии, восточные (среднеобские) ханты представлены в следующих группах: // (с. 60)

1. Сургутские (раск[опки] Чугунова, 1890)
2. Юганские (раск[опки] Янко)
3. Васюганские (мои раскопки)
4. Балыкские (мои раскопки)
5. Салымские (раскопки этого года).

Надо бы ещё собрать материал по сургутским хантам (д. Урьево) и васюганским (выше Угута), а также по хантыйским группам правобережья Средней Оби – на Тромъёгане, Агане, Пиме. Тогда бы картина была бы полной.

21 июля, вторник.

Наша работа закончена, из пос. Салыма можно уезжать, хотя кончили мы раньше, чем предполагалось. В то же время перебазироваться ещё в какое-нибудь другое место и провести ещё раскопки времени мало. // (с. 61) Едем в Тобольск. С утра занимались упаковкой материалов, для которых в аптеке купили хорошие ящики. Собрали все свои вещи. Поели в столовой (ужин с 6 до 7 вечера), я сходил к Павлу Качалову и подарил ему три банки тушёнки и бутылку диметилфтолата.

Рабочий день кончился. Машины по улицам уже не ходят, а мы хотели попросить кого-нибудь подвезти нас до станции – тащить на себе далеко и тяжело. У одного из домов на той же улице, где живет П. Качалов, стоит бортовая машина. Шофёр согласился нам помочь. На станции оказалось, что информа- // (с. 62) ция о том, что поезда идут на юг вечером – не точна. По расписанию все поезда идут утром и днём...

(с. 63) На наше счастье, поезда, идущие на север и с севера, сильно опаздывают, некоторые – на 8–10 часов. Поезд 241, который должен прибывать в Салым в 1 час дня местного времени, ожидается только в 9 ч. вечера. Но стоянка многих поездов, идущих на юг, на ст[анции] Салым очень короткая, всего 2–4 минуты. Успеем ли мы загрузиться?

Всё же взяли билеты на поезд 241. Ушли в конец перрона, где должен был остановиться наш вагон. Всё получилось хорошо. Мы закидали свои вещи быстро, да и стоянка поезда оказалась больше. //

(с. 64) 22 июля, среда.

Прибыли в Тобольск в 4 ч. утра, в начале пятого. Перенесли свои вещи на травку, подальше с глаз, и поспали ещё часа 3.

В 8 часов открылась багажная кладовая. Шесть ящиков, в которых были антропологические и этнографические материалы, а также (в одном ящике) снятые с черенков лопаты и прочие инструменты, сдали в отправку грузом по ж[елезной] д[ороге]. Остальные вещи сдали на хранение. Сами сели на автобус и поехали в город.

Осмотрели кремль, сходили в краеведческий музей, на кладбище, где похоронены П. Ершов, декабристы, походили по городу.

Около 9 часов вечера // (с. 65) снова были на вокзале...

(с. 67) Купили билеты на поезд 355. Сегодня среда. Поезд ходит по вторникам, четвергам и субботам. Это, оказывается, вчерашний поезд, который должен был придти приблизительно сутки назад. Поезд пришел без 15 минут 12 ночи. Погрузились. Поезд ещё долго простоял, значительно дольше положенных ему 15 минут. Без ящиков нам стало заметно легче.

Едем в Тюмень.

23 июля, четверг.

Чудеса да и только творятся с местным железнодорожным транспортом. Поезд 355 вчера опоздал ровно на сутки в Тобольске, а до Тюмени опоздал еще на 5 часов. Всего, таким образом, он опоздал в Тюмень на 29 часов. В Тюмень мы прибыли в 11³⁰ // (с. 68) местного времени. Через час приходит скорый поезд "Томич" (№ 38) Москва – Томск. Мы, формально говоря, на него не опоздали. Но в Тюмени надо было зайти в краеведческий музей забрать антропологический материал В.И. Семёновой. Поэтому пошли в музей, в Спасскую церковь. Она находится на ул. Ленина, недалеко от её пересечения с ул. Первомайской, идущей от вокзала.

Самой В.И. [Семёновой] не оказалось. Она уехала в Сургут (к Тереховой?). Но в музее она наказала передать нам два ящика. Один из них оказался очень большой, длинный, не менее 1,5 м в длину. Конечно, его надо было отправлять грузом, а заодно и второй ящик. //

(с. 69) Процедура отправки отняла у нас 3 часа. Маленький ящик, картонный, хотя и в обрешётке, пришлось обшивать материей, большой – оббивать железной полосой.

Наконец с этим покончили. Пошли в город, пообедали. Я хотел купить кое-что из оборудования – по этой статье у меня недорасход, но в Тюмени почему-то не выписывают копии счетов. Предлагают кассовые чеки, которые не принимает наша бухгалтерия. Так что это дело пришлось отложить.

Вернулись на вокзал. Билеты на поезда восточного направления продают за 4 часа до прибытия поезда...

(с. 72) 24 июля, пятница.

Поезд 90 Москва – Улан-Удэ (скорый), на который у нас были взяты билеты, пришёл почти без опоздания в 22¹⁰ (моск[овского] времени). Погрузились быстро, без лишней торопливости. Эта операция у нас уже отработана...

(с. 73) Произвел расчёт с участниками экспедиции...

(с. 74) Деньги, заработанные лаборантами и рабочими (С. Мостовой), усреднены, чтоб все получили одинаково. Все остались довольны...

(с. 76) 25 июля, суббота.

Прибыли на ст[анцию] Тайга по расписанию, в половине второго ночи по местному времени. Ближайший поезд до Томска – поезд 614 "Марининск – Белый Яр". Он прибывает в Тайгу в 23⁰⁶ моск[овского] времени, стоит 40 минут, отправляется в 23⁴⁸. Билеты продавались только в общий вагон (стоимость до Томска – 1 р. 40). Но в вагоне было не тесно. Нормально доехали. На трамвае приехали к нам*. Ребята оставили спальные, палатки, ведра и налегке пошли в общежитие. Тепло попрощались. //

(с. 77) Описание раскопок могил Соровского кладбища

Могила 1. На поверхности западина, ориентированная С–Ю, глубиной ок[оло] 40 см. Заложён раскоп 1,65 × 80 см. Грунт песчаный. На глубине 65 см – остатки гроба – две продольные плахи. Встречаются гвозди. Размеры гроба 110 × 35 см (в плечах). Скелет, ориентированный головой на Ю. Сверху береста. Глубина до дна могилы 70 см. Скелет ребёнка в возрасте 3–5 лет. В ногах – фарфоровый чайник, фарфоровые же блюдце и чашечка. На чайничке марка МК. На чашечке и блюдечке – одна и та же трудновоспроизводимая марка. На поясе // (с. 78) слева – три монеты: 2 коп. – 1869 г., 1 коп. серебром – 1846 г., 2 коп. – ? ...

Могила 2. Западина глубиной ок[оло] 20 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложён раскоп 310 × 110 см. На глубине 70 см обнаружен

* Очевидно, имеется в виду университет.

череп ребёнка в возрасте 2–3 лет плохой сохранности. Больше никаких находок...

Могила 3. Ограблена. Западина 240 × 85 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Грабительская яма 130 × 85 см. На глубине 75 см – плахи. Глубина до дна ямы – 90 см... //

(с. 79) **«Могила» 4.** На поверхности западина глубиной около 20 см, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 240 × 95 см. На глубине 45 см пошёл материк. Это, очевидно, не могила...

Могила 5. Небольшая западина, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 190 × 120 см. Как и везде – песчаный грунт. На глубине 35–40 см – остатки гроба размером 100 × 35 см. Череп в ЮЗ конце. Глубина до дна гроба 50 см. По черепу возраст около 3 лет. Больше ничего...

Могила 6. [Женская]*. Хорошо выраженная западина (глубиной ок(оло) 30 см), ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 250 × 80 см. Песок. // (с. 80) На глубине 65 см остатки дерева на площади 220 × 50 см. Череп в ЮЗ конце могилы, другие кости не сохранились. У пояса справа – топор...

Могила 7. Западина, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 230 × 110 см. На глубине 80 см – остатки гроба. Гвозди. Размеры гроба 180 × 50 см. Гроб покрыт берестой. Таз женский. Скелет лежит головой на ЮЗ. Слева от черепа кусок железа, два обработанных кремня. На шее бусины, др. ...

Могила 8. [Женская]. Западина глубиной около 40 см, ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 120 × 240. На глубине 50 см – остатки // (с. 81) гроба – пятно размером 110 × 30 (в плечах) и 15 (в ногах). Гвоздь. Справа от головы бисер, бусины, подвески, монетообразные жетоны. Справа на животе – нож, колокольчики. Руки сложены на животе...

Могила 9. Западина, ориентированная С–Ю. По её контуру заложено раскоп 195 × 105 см. На глубине 45 см – остатки гроба длиной 180 см, шириной 65 см. На дне могилы – нож. Череп мужского строения. Руки сложены обе на лобке. Справа от головы – трубка,

* В дневниках на полях часто проставлены значки: ♂, ♀. В публикации их значение приведено в скобках в том случае, если в тексте не указана половозрастная характеристика погребённого (прим. ред.).

кресало. В ногах – нож и топор... У головы – большая железная пряжка.

Могила 10. Хорошо выраженная западина, ориентированная В–З. // (с. 82) Заложен раскоп 300 × 95 см. На глубине 65 см – тлен гроба, размеры пятна – 180 × 50 см. Череп в зап[адном] конце могилы, гнилой, мужской, не взят. Под пятнами какие-то железки...

Могила 11. [Женская]. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. По ней заложен раскоп 230 × 110 см. На глубине 70 см – остатки гроба размером 165 × 50 см. В ногах – остатки сундука: замок, детали железной оббивки; здесь же топор. У левого бедра (снаружи) – нож, кресало. Глубина до дна могилы – 80 см. Дно дощатое...

Могила 12. [Женская]. Западина В–З. По ней заложен раскоп 245 × 100 см. // (с. 83) На глубине 45 см – тлен гроба размером 210 × 60 см. Череп в зап[адном] конце могилы. Под гробом подстилка мха. Прокал...

Могила 13. [Мужская]. Западина СЮ. Заложено раскоп 21 × 70 см. На глубине 50 см – остатки гроба размером 155 × 40. Скелет. Руки сложены на животе. Вещей никаких нет...

Могила 14. [Мужская]. Западина глубиной около 30 см, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложено раскоп 225 × 105 см. На глубине 55 см показались остатки гроба. Они прослеживаются пятном 175 × 40 см. Голова в ЮЗ конце могилы, руки сложены на груди. У левого плеча – два наконечника стрел лука-самострела. У правого плеча – рожок (из // (с. 84) рога (коровы?). В ногах справа нож. Рядом, чуть выше (у колена), – кресало. На левом колене – бусины...

Могила 15. Глубокая западина, ориентированная В–З. Раскоп 21 × 110 см. На глубине 30 см следы гроба – пятно 145 × 40. В зап[адном] конце могилы – фарфоровые чашка и блюдо...

Могила 16. Западина, ориентированная В–З. Заложено раскоп 160 × 65. На гл[убине] 30 – остатки дерева. Из костей – только левая плечевая и ребра. Черепа нет. На месте головы лежит нож...

Могила 17. [Женская]. Небольшая западина, ориентированная СЗ–ЮВ. Заложено раскоп 220 × 85 см. На глубине 45 см – // (с. 85) остатки дерева – две продольные доски. Их длина – 175 см, ширина гроба – 40 см. Череп. Никаких находок...

Могила 18. [Женская]. На поверхности западина, ориентированная ССВ–ЮЮЗ. На глубине 70 см – остатки гроба. Над тазом – смятый в лепёшку котёл. В ногах – котёл вверх дном, целый, по верху – диаметр 35 см. На уровне левого бедра – нож, остриём к голове (котёл и нож не взяты). Под ногами – остатки деревянного сундука, оббитого железом, – остатки замка, ручек, древесный тлен. По всему скелету – от шеи до колен – встречается бисер. Около ножа, с двух сторон от него, квадратные бляшки. Бляшки и бисер также под черепом. У правого колена – берестяная табакерка с овальным дном, наиб[ольший] диаметр // (с. 86) которого – 14 см. Под левой голенью – монета 5 коп. за 1838 г. ...

Могила 19. Западина глубиной около 40 см, по-видимому, ограбление, ориентирована С–Ю. Заложен раскоп 210 × 65 см. В южном конце могилы под дёрном – часть креста-распятия. На глубине 40 см – остатки гроба. Череп представлен мелкими обломками. В ногах – котёл вверх дном. Слева от таза – топор, лезвием вниз. Тут же у бедра – нож (не взят)... До дна могилы – 75 см.

Могила 20. Глубокая западина, ориентированная Ю–С. Заложен раскоп 250 × 90. Глубина 70 см до остатков гроба. Остатки гроба; длиной – 205 см, шириной – 65 см в голове и 40 см в ногах. Руки обе лежат на тазе. Черепа нет. // (с. 87) У головы – табакерка У шеи – две бляшки. В гробу встречена береста...

Могила 21. [Мужская]. Западина глубиной около 10 см, ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 200 × 70 см. На глубине 60 см остатки гроба 160 × 50 см. До дна могилы 90 см. В ногах – фарфоровая чашка и блюдо. У чашки – старый отлом ручки, у блюда вышерблен край. Слева в ногах маленький топор, воткнутый лезвием вниз. Обе руки лежат на бёдрах...

Могила 22. [Женская]. Глубокая западина (ок[оло] 40 см), ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 265 × 65 см. Посередине, на глубине 1 штыка (ок[оло] 20 см) – монеты: 2 коп. за 1810 г., сиб[ирская] монета – копейка. ЕМ сиб[ирская] монета – две копейки, ЕМ сиб [ирская] монета – десять копеек 1775. // (с. 88) У черепа – материал и кожа с бисером и оловянными крестовидными бляшками. У головы – остатки сундучка – замок. Здесь же бисер, бусы, бронзовые подвески и оловянные бляшки. У левого плеча –

коробка из бересты и жетон. У левого бедра – нож – остриём к пяткам, у правого бедра – топор, лезвием к стенке гроба и рукоятью к пяткам. У поясницы – медный напёрсток...

Могила 23. На поверхности (СВ–ЮЗ) углубление. Раскоп 160 × 90. Глубина 50 см – материк. Пусто...

Могила 24. [Мужская]. Западина глубиной 10 см, ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 250 × 80 см. Как и везде грунт – песок. Глубина до гроба 75 см, до дна могилы – 95. Остатки гроба – 200 × 40. // (с. 89) Скелет. Руки сложены на лобке. В ногах – железный (чугунный) котёл, лежит на боку, в стенке – пробоина и от неё – трещина. Справа у голени – фарфоровые чашка и блюдце, выше, на уровне бедра – большой топор. У левой кисти – берестяная табакерка. На груди, несколько справа – монета, медная, диаметр 36 мм, но на ней ничего абсолютно не разобрать (не взята). На груди также остатки материн – сукна...

Могила 25. Глубокая западина, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 265 × 100. На глубине 85 см – остатки гроба размером 185 × 40 см. Скелет. Обе руки сложены на животе. Справа у локтя – нож. У левого плеча – крестик, у левого локтя – одна монета и обломок железа. // (с. 90) У черепа ещё 2 монеты. Монеты: 2 коп. за 1812 г., серебряная монета Елизаветы (?), медная монета (?). Котёл такого же типа, как были вчера. Нож хантыйского типа, т.е. имеющий [не скошенный] конец. Таз мужской...

Могила 26. [Детская]. Глубокая западина, ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 220 × 80 см. Глубина до дна могилы (до материка) – 70 см. Гроба нет. Скелет. Череп в обломках (не взят). Возраст: проросли М₂ пост[оянные], стирания нет. Слева на уровне колена – нож и топор. Нож – русского образца... //

(с. 91) **Могила 27.** [Мужская]. Глубокая западина, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 250 × 95. На глубине 35 см – остатки гроба размером 220 × 80 см. Скелет головой на ЮЗ. Обе руки лежат на лобке. На пальце левой руки – перстень. Слева от неё – нож с медной оковкой ножен. Справа у руки на уровне пояса – железные ножницы и 6 наконечников стрел. Тут же тесло. На груди – две медные бляшки с орнаментом (пуговицы). Около ножа также выпуклая медная пуговица. У пояса кресало.

В ногах – медный котёл с железной дужкой, диаметр венчика – 24 см; того же типа. Здесь же – 6 железных наконечников стрел различной формы, 2 скобеля, тесло, обломок железной посуды (сковороды?), обломок топора, 2 шкворня // (с. 92), части от железного капкана, буравчик, блесна с крючком из сплошного куска железа. Здесь же костяные части упряжи, в т.ч. костяная трубочка с остатками верёвки внутри; костяной наконечник, обломок ножа, шарнир и накладка от сундука. Здесь же обломок распятия и медная лампадка (?) ...

Могила 28. Небольшая западина, ориентированная В–З. По её контуру заложен раскоп 135 × 60. Глубина до дна могилы 60 см. Могила 90 × 30 см. Костей нет. В зап[адном] конце могилы – монета... Монета: 2 коп. за 1810 г.

Могила 29. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 170 × 75 см, глубина до остатков гроба – 55 см, до дна // (с. 93) могилы – 70 см. Размеры гроба 170 × 35. За головой – деревянный сундучок. На нём стоит большая керамическая чашка. В сундучке – перевернутое блюдо. Под ним – металлическая пластина, деревянная ложка, под ней – бисер, бусы, подвески, на дне – монеты: десять коп. – монета сибирская, 1787 г., десять копеек – монета сибирская, 1775, пять копеек – монета сибирская, ?, две копейки – монета сибирская, 1769. Сундук окован полосами железа, имеются остатки замка. Размеры сундука – 24 × 16 см, высота – 10 см. Между сундуком и головой – зазор, в нём – тряпка и бисер. Слева – на уровне плеч и шеи – бусы, подвески. Бусы есть также на груди. В ногах – кости ребёнка. На них – монета, напёрсток и бусы, бисер. Слева от скелета взрослого – кремешок... //

(с. 94) **Могила 30.** Большая западина СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 180 × 80 см. На глубине 35 см – остатки гроба размером 80 × 35 см. Прослеживается береста. Кости не сохранились. В области шеи – монета 2 коп. за 1812 г., серьга, бусины, крестик. Череп плохой сохранности, не взят. Возраст по зубам 4–5 л. Глубина до дна 45 см...

Могила 31. [Мужская]. Западина, ориентированная ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 230 × 70. На глубине 50 см – следы гроба. Он имеет форму лодки – острый конец в ногах, в головах – прямой конец, в головах ширина гроба 60 см. В ногах сужение начинается на рас-

стоянии приблизительно 50 см от конца. Общая длина этого гроба – 200 см. Но остатки досок идут не только под // (с. 95) скелетом, но и над ним. Снаружи от лодки, слева, лежат вещи. На уровне голени – железные топор, оковки от сундука (?), осколки стеклянной бутылки, прямоугольной в сечении, с узким горлышком. На уровне колена стопкой лежат 7 монет: 5 коп. – 1785 г., 2 коп. – 1797 г., 2 коп. – 1800 г., 2 коп. – 1801 г., 1 коп. – 1801 г., 5 коп. – 1805 г., 5 коп. – 1809 г.

На уровне таза здесь же слева – перстень, железные наконечник стрелы и проколка для бересты, медный котелок, медная коробочка. У головы с этой же стороны – фарфоровая кружка и стеклянная рюмка. Под деревом слева от головы 2 табакерки, одна без орнамента (не взята), другая с орнаментом (взята)... //

(с. 96) **Могила 32.** [Женская]. Западина средней глубины – ок[оло] 10 см – ориентирована в направлении ЮЗ–СВ. Заложен раскоп 195 × 90. На глубине 40 см – остатки гроба, его размеры – 160 × 50. Глубина до дна могилы – 65 см. Череп в ЮЗ конце могилы. Руки лежат на бедрах. Под тазом бусины...

Могила 33. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. На глубине 45 см раскопа (170 × 75 см) – дерево, как колода, длиной 100, шириной 30–40 см. Но ниже – ничего. Прокопано до 80 см. Материк...

Могила 34. Западина глубиной 30 см, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 175 × 95 см. На глубине 40 см – остатки гроба размером 105 × 40 см. Глубина до // (с. 97) дна могилы (до материка) – 60 см. Череп детского возраста, разрушен. Слева от головы – медная чашечка. На шее – 2 монеты: деньга – 17... г., деньга – 17... На поясе – бусина и 2 подвески. Справа у кисти – железный нож...

Могила 35. [Женская]. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 245 × 90 см, на глубине 55 см – остатки гроба размером 190 × 40 см. Череп разрушен, не взят (взрослый). У черепа – оловянные подвески, бисер, бусы. Под черепом – железки от сундука. В нём – железная поварёшка. Справа от таза – 2 монеты: 2 коп. – 1757 г., 2 коп. – 1757 г. Руки лежат на тазе... //

(с. 98) **Могила 36.** Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. По её контуру заложен раскоп размером 180 × 80 см. Глубина 45 см. Два небольших деревянных ящика. В левом – остатки

череп ребёнка 4–5 лет. Находок нет. В правом – череп и нек[оторые] другие кости ребёнка в возрасте около 6 лет. На правой голени – 3 железных наконечника стрел. У пояса – бисер, он идёт и у черепа. У пояса также монета – деньга 17... года. У черепа ещё нож с костяной рукоятью...

"Могила" 37. Западина, ориентированная в направлении С–Ю. Заложён раскоп 280 × 90 см. На глубине 70 см – чистый материк. Пусто, совсем никаких находок...

Могила 38. [Мужская]. Глубокая западина в направлении С–Ю. Заложён // (с. 99) раскоп 205 × 85 см. На глубине 60 см – скелет. Руки вытянуты вдоль туловища. Слева у колена – нож. Раскопки вели Кулемзин и Калашникова.

Могила 39. [Мужская]. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложён раскоп 240 × 90. На глубине 40 см – остатки гроба – дерево, береста. Кости плохой сохранности. У головы – кресало, топор. На поясе – монета – деньга 1741 г. и 2 наконечника стрел...

Могила 40. [Мужская]. Западина глубокая, вытянута в направлении СВ–ЮЗ. По её контуру заложён раскоп 230 × 110 см. На глубине 45 см – захоронение. Деревя совсем нет, но вся могила покрыта берестой, размером 180 × 50 см. Береста и выше, и ниже скелета. У черепа // (с. 100) справа лежит топор, повернутый лезвием к стене. На уровне руки справа – ещё топор, меньших размеров, тоже повернутый лезвием к стене. Руки вытянуты вдоль туловища. В ногах, в правом углу, – котёл, похожий на таз. У торца в ногах – два маленьких железных котелка, лежат ближе к левой стороне. По центру – обломки керамики. Горшок лепной, по словам Карачарова, по форме подражает русским горшкам, сделанным на гончарном кругу (обломки взяты). В ногах – коробочка, в ней – бисер, сломанный крест, кольцо, 2 перстня. На правой руке – нож с рукоятью...

Могила 41. [Женская]. Западина, ориентированная С–Ю. Заложён раскоп 24 × 70 см. на глубине // (с. 101) 70 см – остатки гроба: береста, под ней дерево. Руки лежат кистями на бедрах. Одежда вся была покрыта бисером – от шеи до колен. Справа от правой ступни ноги, вокруг него[?] бисер. На животе – монета. У правого локтя – грушевидная бронзовая подвеска. У левого плеча – табакерка бере-

стяная. На черепе и рядом с ним – бисер, оловянные бляшки, подвески. На пальце правой руки (на одном пальце, на одной фаланге) – 2 кольца и 3 перстня (один перстень сломался). В области таза еще одна монета.

Монеты: 2 коп. – 1798 г., копейка – 1770 г. У левой ступни – блесна с крючком, сделанные из сплошного куска железа [на полях помечено «Это ручка ковша, а не блесна»] и железная чашка...

(с. 102) **Могилы 42.** [Детская]. Западина глубиной 20 см, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложена раскоп 180 × 80 см. На глубине 35 см остатки гроба размером 160 на 45 (в голове) и 30 см (в ногах). Глубина до дна могилы 55 см. На тазе перевернутый котёл с целым дном, но сломанной ручкой. Справа от котла – топорик. Посередине могилы – маленький нож. Слева от черепа – колокольчик из меди, у затылка – круглые бляшки, бусины (7 шт.) с материей, приставшей к ним. [На полях помечено: «В этой материи – еще 4 монеты: деньга – 1769 г. (сиб[ирская]), деньга – 1768 г. (сиб[ирская]), полушка – 1768 г., ? – 1758 (?г.)»]. В зубах – монета – деньга 1771 г. Кости, кроме черепа, не сохранились...

Могилы 43. Небольшая, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. На глубине 40 см – остатки гроба. Глубина до дна могилы – 55 см. Размеры раскопа 190 × 30 см, размеры гроба // (с. 103) 130 × 40 см. Скелет лежит в колоде, завернут ещё в бересту. На шее – крестик. У правого бедра нож без рукояти. На поясе – стопкой 4 монеты: полушка – 1738 г., полушка – 1746 (?) г., полушка – 1766 г., полушка – 17... г. Чуть пониже монет – стёклышко... Череп – inf. I [детский] (не взят).

Могилы 44. [Женская]. Глубокая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложена раскоп 220 × 75. На глубине 45 см остатки гроба размером 190 × 55 см. Голова в ЮЗ конце могилы (во всех могилах ориентация головы на Ю или З, ЮЗ). Руки сложены на лобке. В ногах – медный котёл и железки от сундука. В ногах справа, у ступни – 9 монет: // (с. 104) копейка 1789 г. – 7 шт., 2 коп. – 1768 г., 2 коп. – 1771 г. В ногах слева – железный наконечник пальмы эвенкийского типа (по определению Кулемзина, т.е. обоюдоострой)...

Могила 45. Небольшая западина, ориентированная СЮ. Заложен раскоп 60 × 200 см. На глубине 30 см – следы захоронения. Череп плохой сохранности в южном конце могилы. На I пальце левой руки – два перстня, на шее – бусы и бисер. Слева в углу у ног – небольшой топор...

Могила 46. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 220 × 90. На глубине 40 см – горелое дерево, занимающее почти всю ширину могилы. Оно идет на 15 см. Ниже ма- // (с. 105) терик. Абсолютно ничего. Могила?..

Могила 47. [Женская]. Длинная, довольно глубокая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 280 × 70 см. На глубине 40 см показалась береста. Под ней гроб – колода, долблённая из куска дерева. Размеры колоды 180 × 40 см. К ЮЗ от головного конца – сундук размером 60 × 40 см – от него имеются железки обкладки, ключ. В сундучке – кресало. На уровне груди – крестик, бусы, подвески. Под коленями – топор, лежит обухом вправо. Слева на уровне кисти – ковш...

Могила 48. [Женская]. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 200 × 80 см. На глубине 25 см – остатки гроба размером 135 × 60 см. // (с. 106) Весь гроб сверху и снизу покрыт берестой. Глубина до дна могилы – 60 см. На шее и груди – масса бус, бляшек...

Могила 49. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 155 × 80 см. На глубине 65 см – чистый материк – ничего, никаких находок...

Могила 50. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 230 × 95. На глубине 75 см – кости правой руки и в ЮЗ конце могилы – развалившийся череп (не взят). Больше никаких находок...

Могила 51. Западина, ориентированная в направлении З–В. // (с. 107) Заложен раскоп 200 × 95 см. На гл[убине] 45 – уголь и жжёное дерево. Ниже – материк. Находок никаких...

Могила 52. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 190 × 70 см. Глубина до остатков гроба – 40 см. Сохранился лишь тлен от скелета и мелкая труха от гроба. Глубина до дна могилы – 55 см. В ногах слева – железный ковшик...

Могила 53. [Мужская]. Длинная и глубокая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 250 × 80 см. На глубине 40 см – скелет, завёрнутый в бересту. Правая рука лежит прямо, левая – на животе. Под нижней челюстью и на груди – 2 монеты: 2 коп. – 1816 г., 5 коп. – 1832 г. // (с. 108) Слева у бедра – железный нож. Рядом с ним, ниже (ближе к ступням) – топор. У пояса, слева, неск[олько] к центру – кресало. В правом углу у ног – части от сундучка, в нём бляшка с ремешком...

Могила 54. Западина глубиной около 10 см, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 190 × 50 см. На глубине 35 см – остатки дерева. В СВ конце могилы – два гвоздя. Правая рука скелета вытянута вдоль тела, левая не прослеживается, головой он ориентирован на ЮЗ. Справа от черепа монета 177... г. Таз мужской. Под правой голенью – железный наконечник стрелы. В ногах – котёл вверх дном... //

(с. 109) **Могила 55.** [Мужская]. Западина средней глубины, ориентированная ЮЗ–СВ. По её контуру заложен раскоп размером 180 × 85 см. На глубине 40 см – остатки гроба размером 160 см × 45/30 см (в голове и в ногах). Руки сложены на животе. Череп в ЮЗ конце могилы. У пояса – медное кольцо с кожаным ремешком и железные части от сундука – замок, ручка. Любопытная вещь: от пояса до колен во всю ширину гроба прослеживаются остатки железа, как будто положили кусок жести...

Могила 56. [Женская]. Западина глубиной около 20 см, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 270 × 90 см. На глубине 55 см – остатки гроба. Глубина до дна могилы – 75 см. В СВ конце могилы, за // (с. 110) гробом – сундук. Прослеживаются его деревянные стенки, оковки. Размеры сундука – 45 × 35 см, высота – 20 см. Рядом с сундуком большой русский глиняный горшок, сделанный на гончарном кругу, высотой 25 см и с диаметром тулова тоже 25 см. В сундуке лежат два берестяных туеска. В одном туеске – напёрсток, крест, напярсло, бляшки, бисер, бусы, берестяная табакерочка; в другом туеске – бисер, бусы, нашивки с бисером. Между туесками в тряпочке лежат монеты: 2 коп. сер[ебром] – 1842 г., ½ коп. сер[ебром] – 1842 г., ½ коп. сер[ебром] – 1841 г., 1 коп. – 1827 г.

Здесь же – раковины-каури, серьга, много перстней, стеклянный флакон с отбитым горлышком, вторая табакерка.

В самом гробу, в ногах, тоже много украшений: бисер, подвески решетчатые ромбовид- // (с. 111) ные, монетки-подвески, всё это от ступней до пояса. Ниже пояса слева также лежит нож. Руки сложены на животе. Рядом с руками – крестик.

От пояса до плечей – колокольчики, монета: 5 коп. 183... г., бусы, оловянные пластинки с орнаментом. У головы – бусы, каплевидные подвески...

Могила 57. [Женская]. Небольшая западина, ориентированная СВ-ЮЗ. Заложен раскоп 255 × 85 см. На глубине 50 см – погребение, до его дна – 65 см. Остатки гроба-колоды. Череп ориентирован в направлении на ЮЗ. Руки обе сложены на животе. Между ногами на уровне колен – нож. У колена слева – топор остриём вниз, рукоятью к ступням. В ногах // (с. 112) слева на боку – чугунный котёл...

Могила 58. [Мужская]. Небольшая западина, ориентированная в направлении В-З. Заложен раскоп 220 × 115 см. На глубине 115 см – следы дерева – остатки гроба, образующие пятно 170 × 45 см. Череп ориентирован на З, руки обе вытянуты вдоль туловища. На туловище – остатки суконной верхней одежды. В правом кармане сбоку – две бусины – чёрная и белая. В ногах слева – топор, остриём вниз. Рядом нож русского типа. Справа у голени – перевёрнутые фаянсовые чашка и блюдце. На блюдце – марка фабрики М.С. Кузнецова в Дулёве... //

(с. 113) **Могила 59.** Западина глубиной ок[оло] 20 см, ориентированная в направлении СВ-ЮЗ. Заложен раскоп 180 × 80. На глубине 50 см – полати. Через 25 см – сам гроб. До дна могилы – 110 см. Размеры гроба – 170 × 55 см. Череп – в ЮЗ конце могилы, под черепом – косы. Правая рука – на лобке, левая – не прослежена. Таз женский. На правой руке – шерстяная варежка, на левой – неизвестно. На ногах – шеголеватые валенки – как ботинки – с выделанным каблучком высотой только до нижней трети голени. Валенки надеты на рыжие вязаные шерстяные чулки, доходящие до колен. В ногах слева – железное ведро, ножницы. У левой голени – эмалированная чашка, фаянсовые чашечка и блюдечко дном вверх, несколько // (с. 114) бусин. Прослеживается одежда до колен из шерстяной

ткани вроде пальто. На голове – шаль. Под "пальто" – бисер, пуговички...

Могила 60. [Женская]. Западина средней глубины, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 210 × 75 см. На глубине 60 см – перекрытие. На 40 [см] глубже – гроб. До дна могилы 120 см. Размеры гроба 175 × 50/30 (в голове и в ногах). Головой скелет ориентирован на ЮЗ. Правая рука лежит на животе, левая – на груди. Слева от таза – кожаный кошелек (пустой), нитки, намотанные на жестянку и воткнутая в них иголка – всё это лежит в эмалированной тарелке. На ногах – шерстяные чулки и галоши... //

(с. 115) **Могила 61.** Грабительская яма размерами 230 × 95 см, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Рядом – опрокинутый домик из досок. На глубине 65 см – кости ног. Таз мужской...

Могила 62. [Женская]. Грабительская яма размерами 100 × 70 см, глубиной 65 см. Рядом – опрокинутый домик, соответствующий взрослой могиле и значительно превышающий размеры грабительского раскопа. Ориентация граб[ительского] раскопа – СВ–ЮЗ. Яма расширена в ЮЗ – направлении. Весь раскоп – 200 × 70 см. На глубине 105 см – гроб, на глубине 120 см – дно могилы. Гроб дощатый, сбит гвоздями. Голова // (с. 116) ориентирована на ЮЗ. Правая рука лежит на животе, левая не прослежена. В ногах – обломок блюдца с маркой фабрики, такой же, как в мог[иле] 58. Голова ориентирована на ЮЗ. На голове – косы. В ногах – котёл железный, лежит на боку; фаянс[овая] тарелка и стеклянный стакан – между ног на уровне колен. Юбка, подпоясанная шнурком. свитым из шерстяных нитей. На правой руке – серебряное колечко, у левого уха – серебряная серьга. На тазе – монеты: 10 коп. – 1924 г., 20 коп. – 1924 г., 15 коп. – 1925 г., 20 коп. – 1925 г., 10 коп. – 1927 г., 15 коп. – 1928 г., 10 коп. – 1931 г. ... //

(с. 117) **Могила 63.** Западина глубиной около 10 см, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 290 × 75. На глубине 40 см – гроб. Гроб, по-видимому, лодка. Острый конец у головы, в ногах – прямой срез, корма. Общая длина гроба – 240, наибольшая ширина – 60 см. Скелет ориентирован головой на ЮЗ. Обе руки вытянуты вдоль туловища. Таз мужской. Слева у ног – котёл, лежит на

боку. В ногах справа – железный нож (у колена), курительная трубка (у таза). На груди – крест. У бедра слева – топор...

Могила 64. [Женская]. Западина глубиной около 20 см, ориентированная В–З. Заложен раскоп 180 × 60 см. На глубине 45 см – остатки гроба. Череп – в западном конце могилы. Ноги // (с. 118) в беспорядке. У таза слева – топор лезвием вниз, также слева в ногах – нож, воткнутый в дно гроба. Здесь же – несколько бусин, бисер, берестяная табакерка без орнамента. У ног также накладка от сундука...

Могила 65. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 185 × 75. На глубине 35 см – остатки дерева, ниже дерева – береста – следы гроба. Размеры гроба – 170 × 35 см. В ногах – сундук. В сундуке – 5 бусин. Костяк сгнил. Череп детский...

Могила 66. [Женская]. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 180 × 85 см. На глубине 30 см – следы гроба в виде пятна размером 160 × 50 см. До дна могилы – 55 см. Скелет, // (с. 119) как и везде, лежит головой на ЮЗ. Слева от черепа – две табакерки – медная и берестяная. Вокруг головы и на груди – оловянные бляшки, нашивки, бусы, бисер, подвески. Ниже на груди – монета: 2 коп. за 1798 г. На левой руке, на одном пальце, – 2 перстня. Слева у пояса нож, кресало, ниже – топор, железное кольцо. В ногах – железный ковш. Раньше (в могиле 41) мы находили ручку от такого же ковша с крючком на конце, по определению В.М. Кулемзина, это – блесна. Но теперь ясно, что он ошибся, хотя ручка, действительно, удивительно похожа на блесну...

Могила 67. Неглубокая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 170 × 85 см. На глубине // (с. 120) 45 см – остатки гроба-колоды. До дна могилы – 65 см. Колода сверху покрыта берестой. Сбоку у левой голени – железный топор. На уровне груди справа – медная пуговичка и монеты:

- 1). Сибирская – ?– 1756 г.
- 2). 2 коп. – 1811 г.
- 3). 1 коп. – 1801 г.
- 4). 1 коп. – 1801 г.
- 5). 1 коп. – 179... г.

Размеры колоды – 105 × 30 см. Кости сгнили. От черепа – мелкие обломки...

Могила 68. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 160 × 85 см. На глубине 30 см – остатки гроба (?) размером 115 × 35 см. До дна могилы 55 см. Больше ничего...

Могила 69. [Женская]. Западина, ориентированная в направлении В–З. Заложен раскоп 135 × 70. Западн-// (с. 121) на, видимо, была больше, но в её восточном конце растёт большое дерево. На глубине 35 см – остатки гроба размером (до дерева) 100 × 35 см. Никаких находок...

Могила 70. [Женская]. Небольшая западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложен раскоп размером 170 × 85 см. На глубине 40 см – остатки гроба размером 135 × 55. До дна могилы – 50 см. Дерево обгоревшее, под ним – провал. Мелкие обломки черепа, тоже обгоревшие (был пожар?). У головы слева монета очень плохой сохранности, нельзя разобрать ни её номинал, ни год выпуска. По всей могиле встречаются бусы, бисер, больше у головы. Слева от скелета – обломки железа... //

(с. 122) **Могила 71.** [Мужская]. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложен раскоп размером 240 × 90 см. На глубине 50 см – остатки гроба размером 190 × 55 см. До дна могилы – 85 см. Череп – в ЮЗ конце могилы, руки сложены на тазе. У головы слева – топор, ручкой к ногам. Сбоку от левой голени – нож, воткнутый вертикально. На ногах – железный котёл, лежит вверх дном, на котле остатки шерстяной вязанной материи...

Могила 72. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложен раскоп по её контуру размером 200 × 85 см. На глубине 65 см – остатки гроба. Гробик маленький, плохо прослеживается. Гнилой скелет. По черепу возраст не больше 1 года. Ничего не взято... //

(с. 123) **Могила 73.** Западина, ориентированная в направлении С–Ю. Заложен раскоп размером 250 × 95. На глубине 65 см – остатки гроба. Гроб длиной 175 см. В ногах, за пределами уже гроба, – небольшой сундучок размером 30 × 15 см, высотой 15 см. В сундучке – бисер, пуговицы. Скелет лежит головой на юг. Руки лежат на бедрах. Таз женский. Под правой стопой – стеклянная бутылка.

У левой голени – нож, кресало, табакерка без орнамента, тусок. На груди – медный крестик. У левой руки – медное кольцо. Рядом с медным крестиком – крестик, вырезанный на кашпе (?). На груди также нашивки, подвески, монета: 1 коп. сер[ебром] – 1841 г. Справа от колена – горшок вверх дном (глиняный горшок). По всему скелету бисер... //

(с. 124) **Могила 74.** Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложена раскоп 130 × 75 см. Глубина до крышки гроба – 40 см, до дна могилы – 55 см. Гробик размером 95 × 30. В ЮЗ конце могилы – гнилой череп ребёнка в возрасте около 1 года. На шее бисер, бусы. У лев[ой] руки на животе – монета: ½ коп. сер[ебром] 1841 г. По всему скелету – бисер, бусы...

Могила 75. [Женская]. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Раскоп размером 200 × 75 см. На глубине 70 см – крышка гроба. Гроб размером 150 × 35/25 см (у головы и в ногах). Череп в ЮЗ конце могилы. Обе руки лежат на животе. На груди – до пояса – бисер, бусы, причём бисер прослеживается и под скелетом. На шее и на ухе справа – 5 бляшек. На груди справа // (с. 125) монета: 1 коп. серебром – 1847 г. У левого бедра – нож. На тазе много бисера...

Могила 76. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Заложена раскоп размером 170 × 65 см. На глубине 40 см – следы гроба. Глубина до дна могилы – 70 см. Череп разрушен, не взят. Руки лежат вдоль тела. Таз мужской. Слева у ноги – нож, кресало...

Могила 77. Западина, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. Раскоп размером 170 × 70 см. На глубине 30 см – остатки гроба – следы дерева, покрытые сверху берестой. Остатки гроба в виде пятна размером 100 × 30 см. В ЮЗ конце могилы – разрушенный череп. У правого бедра – нож, // (с. 126) остриём к ногам. Череп плохой сохранности, принадлежит ребёнку в возрасте 2–3 года (не взят)...

Могила 78. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложена раскоп размером 170 × 80 см. На уровне 110 см от поверхности выступила вода. Ни до, ни после ее уровня – никаких находок. Это, по-видимому, не могила.

Могила 79. [Женская]. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложена по её контуру раскоп размером 235 × 80. На

глубине 50 см – остатки гроба. Его длина – около 170 см, ширина у головы – ок[оло] 55 см. Череп в ЮЗ части могилы. Руки: правая вытянута, левая – на животе. У головы – бисер, бусы, бляшки. На груди – монета: деньга – 17... г., крестик, железный нож, обломок же-// (с. 127) лезного предмета, бисер. В ногах – железный ковшик, кольцо, перстень, берестяной туесок (украшения лежали в нем). Справа в ногах – нож...

Могила 80. Небольшая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 165 × 90 см. На глубине 35 см – остатки гроба – дерево. Скелет детский. Около черепа – 2 бусины, бисер, обломок железа.

Могила 81. [Женская]. Хорошо выраженная западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 210 × 95 см на глубине ок[оло] 85 см – гроб размером 190 × 40 см. Руки сложены на животе.

На голове шёлковый (?) платок, бисер, украшения.

На лев[ой] руке 2 кольца на одной фаланге. Около // (с. 128) левого колена – маленький нож. У ног – большая фаянсовая тарелка, боком. Справа в ногах фаянсовые чайник, чашка и блюдце. На груди также крестик, две монеты: 2 коп. – 1872 г., 1 коп. – 1872 г. Марки на фаянсе: на блюдце – МК. На чашке – точно такая же, как на блюдце в мог[иле] 58...

Могила 82. Небольшая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 170 × 80. На глубине 30 см – остатки гроба в виде пятна размером 120 × 40. В ЮЗ конце могилы – остатки черепа ребёнка в возрасте около 1 года. У черепа – бусины, круглые нашивки.

На шее – крестик, монета: 2 коп. за 1801 г., бусины... //

(с. 129) **Могила 83.** Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Она едва заметная. Могила опознается в основном по продольным жердям, которые лежат на поверхности по её краям. Заложен раскоп 190 × 55 см. На глубине 80 см – остатки гроба. Размеры гроба: 150 × 50/30 (в голове и ногах). До дна могилы – 90 см. Череп в ЮЗ конце могилы. Руки сложены на животе. Таз женский.

В ногах – круглая берестяная коробка. В ней – туесок с украшениями, бисер, остатки материи, нитки, бумага. У левого колена – топор. У пояса – эмалированная тарелка, фаянсовые блюдце, чашка,

железный котелок. На блюде – марка фабрики М.Е. Кузнецова на // (с. 130) Волхове. На груди также – остатки одежды, расшитой бисером...

Могила 84. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 220 × 75. На глубине 110 см – остатки гроба. Гроб из досок, покрытых сверху берестой. Под досками – тоже береста. Череп – в ЮЗ конце могилы. Руки лежат обе на тазе. Таз мужской. У правой голени – блюдо и чашка из фаянса. У колена справа – эмалированная чашка и металлическая ложка. Между ногами – нож. В ногах, у стоп – также простая берестяная коробка с загнутыми углами. В ней – какие-то чёрные шарики – тлен, вероятно, пища. Под тазом – 5 монет: // (с. 131) 20 коп. 1916 г., 15 коп. 190... г., 5 коп. 192... г., 10 коп. – 1923 г., 15 коп. – 1925 г. [Пометка на полях: «Здесь же? Монета? – 184...»].

Прослеживается верхняя одежда из толстой шерстяной материи, похожая на пальто.

Ту примитивную берестяную коробку прикрывает кусок бересты с крестообразным вырезом.

Слева на уровне колена – топор, топорischem к стопам, лезвием воткнут в гроб...

Могила 85. Западина, ориентированная в направлении СЗ–ЮВ. По ней заложен раскоп размером 170 × 40. На первом штыке найдено 4 гвоздя. На глубине 50 см – остатки гроба. Гроб ма- // (с. 132) ленький, 70 × 30 см. Череп в ЮВ конце могилы, детский. Больше ничего нет...

Могила 86. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 190 × 70 см. На глубине 120 см – остатки гроба размером 200 см (с подкопом) × 40 см. Череп лежит в ЮЗ конце могилы. Обе руки лежат на тазе. Таз мужской. На руках – вязанные шерстяные варежки. На груди крестик и два серебряных полтинника: 50 коп. за 1896 г., 50 коп. за 1897 г. Здесь же – блестящая пуговичка. У левой голени – курительная трубка, нож в деревянных ножнах (плохой сохранности), кожаная сумочка, в которой лежит кресало. На ногах – шерстяные чулки // (с. 133) до колен, сверху – шерстяные короткие носки, сверху – обувь типа унтов из оленьего меха. На голове – меховая шапка. Прослеживаются остатки натель-

ной рубахи, затем – чёрная материя (подкладка?) и верхняя одежда из толстой серой шерстяной материи...

В ногах стояли фаянсовый заварной чайник и чашка. На чайнике марка стёрта, на чашке: **Фабрики М.С. Кузнецова ТВЕР. ГУБЕР.**

Могила 87. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложён раскоп размером 180 × 90. На глубине 75 см – остатки гроба. Размеры гроба: 170 × // (с. 134) 75/45 (у головы и в ногах). Глубина до дна могилы – 100 см. Голова в ЮЗ конце могилы. Руки лежат на животе. Таз женский. У головы слева – глиняная чашка или, лучше сказать, маленький мелкий горшочек. В нём – деревянная ложка. Справа от головы – фаянсовое блюдо и чашка. Марка на блюде [М.С. Кузнецова]. На чашке: **МК.**

На груди – бусы и крестик. В ногах слева – топор (у голени). Рядом с ногами отдельно стоят сапоги. Между ними туесок, в нём – нож, монета: 1 коп. сер[ебром] – 1845 г., подвеска, кресало. Сверху над туеском – железное ведро вверх дном...

(с. 146) **Опись этнографических материалов, найденных в Соровском кладбище***

Могила 1.

1. Фаянсовый чайник	} не взято
2. Фаянсовая чашка	
3. Фаянсовое блюдо	

Могила 6.

- *1. Топор с прямым лезвием – взят

Могила 7.

*1. Пряслице – 1 шт.	} всё взято
*2. Медное кольцо – 2 шт.	
*3. Бусины – 5 шт.	
*4. Кусочки кремня	

* Передано в МАЭС ТГУ 11.10.87 (кол. № 7625 – прим. ред.).

Могилы 8.

- *1. Бусины – 70 шт.
 - *2. Бляшки – 4 (см. рис. 1, 4)*
 - *3. Подвески – 7 (см. рис. 2, 4)
 - *4. Монеты – подвески – 14 шт. // (с. 147)
 - *5. Колокольчики – 2 шт.
 - *6. Крест нательный – 1 шт.
 - 7. Бисер
 - 8. Нож железный
- } взято
- } не взято

Могилы 9.

- 1. Топор, как в мог[иле] 6.
 - 2. Кресало – 1 шт.
 - *3. Нож
 - *4. Трубка
 - *5. Большая железная пряжка – не взята
- } не взято
- } взято

Могилы 10.

- 1. Остатки желез[ного] предмета – не взято

Могилы 11.

- 1. Железные детали сундука – не взято
- 2. Железный нож – не взято
- 3. Кресало – не взято
- *4. Железн[ый] топор с выпукл[ым] лезвием – взято

Могилы 14.

- *1. Наконечники копья (рис. 3, 5–6) – 2 шт.
 - *2. Нож (рис. 4, 1)
 - *3. Кресало: *4. рог // (с. 148)
 - *5. Бусины – не взяты
- } взято

* Здесь и далее приведены сноски на внутритекстовые рисунки в дневнике В.А. Дрёмова, которые отсутствуют в настоящей монографии [прим. ред.].

Могила 15.

1. Фаянсовая чашка	}	не взято
2. Фаянсовое блюдо		

Могила 16.

- * 1. Нож железный (как рис. 4, 1) – взят

Могила 18.

* 1. Бляшки оловянные – 6 шт. (рис. 1, 1)	}	взято
* 2. Бляшки оловянные – 2 шт. (рис. 1, 2)		
* 3. Нашивки – 2 шт. (рис. 1, 8)		
* 4. Подвески – 2 шт. (рис. 2, 4)		
* 5. Бусины – 12 шт.		
6. Бронзовый котёл	}	не взято
7. Нож		
8. Остатки сундука		
9. Бисер		
10. Берестяная табакерка		

Могила 19.

* 1. Обломок креста – распятия	}	взято
* 2. Котёл медный с жел[езной] дужкой // (с. 149)		
3. Топор	}	не взято
4. Нож		

Могила 20.

- * 1. Часть берестяной табакерки – взято
3. Пуговицы – 2 шт. – не взято

Могила 21.

1. Фаянсовая чашка	}	не взято
2. Фаянсовое блюдо		
3. Топор		

Могилы 22.

- * 1. Монеты-подвески – 5 шт.
 - * 2. Табакерка медная с табаком
 - * 3. Бусины – 42 шт.
 - * 4. Наперсток
 - * 5. Подвески – 2 шт. (рис. 2, 9)
 - * 6. Подвески – 5 шт. (рис. 2, 4)
 - * 7. Нашивки – 3 шт.
 - 8. Бисер – не взято
 - 9. Остатки сундучка – не взято
 - 10. Топор
 - 11. Нож //
- } взято
- } не взято

(с. 150) **Могилы 24.**

- * 1. Берестяная табакерка
 - * 2. Кусок бересты с крестообр[азным] вырезом
 - 3. Фаянсовая чашка
 - 4. Фаянсовое блюдо
 - 5. Котёл чугунный
 - 6. Топор
- } взято
- } не взято

Могилы 25.

- 1. Крест нательный
 - 2. Медный штырек
 - 3. Нож
 - 4. Обломок жел[езного] предмета
- } взято
- } не взято

Могилы 26.

- 1. Нож русского типа
 - 2. Топор
- } не взято

Могилы 27.

- * 1. Тесло – 1...
 - * 2. Тесло – 1...
 - * 3. Часть упряжи (кость) – 4 шт. // (с. 151)
- } взято

* 4. Наконечники железные – 3	}	взято
* 5. Наконечник костяной – 1		
* 6. Перстень-печатка – 1		
* 7. Блесна – 1		
* 8. Обломок нательного креста – 1		
* 9. Пуговица – 1		
* 10. Жел[езный] стружок – 1	}	не взято
11. Жел[езный] нож		
12. Медная оковка от ножен		
13. Жел[езные] ножницы		
14. Кресало		
15. Медн[ый] котёл с жел[езной] дужкой		
16. Стружок жел[езный] – 1		
17. Обломок жел[езной] посуды (сковороды?)		
18. Топор		
19. Шкворни – 2		
20. Части от капкана		
21. Жел[езный] буравчик		
22. Части от сундука		
23. Медн[ая] лампадка (?) //		

(с. 152) Могилы 28.Могилы 29.

* 1. Бусины – 177	}	взято
* 2. Бляшка – 1 шт. – рис. 1, 3.		
* 3. Бляшки – 8 шт. – рис. 1, 4.		
* 4. Бляшки – 6 шт. – рис. 1, 5.		
* 5. Бляшки – 8 шт. – рис. 1, 6.		
* 6. Бляшки – 9 шт. – рис. 1, 7.	}	взято
* 7. Бляшки – 16 шт. – рис. 1, 8.		
* 8. Подвески круглые – 5 шт. – рис. 2, 1.		
* 9. Подвески круглые – 6 шт. – рис. 2, 2		
* 10. Подвески каплевидные – 17 шт. – рис. 2, 4.		

- * 11. Кольца медные – 2 шт.
 - * 12. Перстень-печатка – 1 шт.
 - * 13. Напёрсток – 1 шт.
 - * 14. Бубенчики – 7 шт.
 - * 15. Металл[ический] обломок – 1 шт.
 - * 16. Осколок камня – 1 шт.
- } взято
- 17. Остатки сундучка
 - 16. Керамическая чашка // (с. 153)
 - 17. Фаянсовое блюдо
 - 18. Деревянная ложка
 - 19. Бисер
- } не взято

Могила 30.

- * 1. Крестик нательный
 - * 2. Серьга со стеклом
 - * 3. Подвески каплевидные – 2 шт. (рис. 2, 4.)
 - * 4. Колечко от меди[ой] серьги – 1.
- } взято

Могила 31.

- * 1. Наконечник стрелы-самострела – 1 (см. рис. 3, 3)
 - * 2. Проколка для бересты – 1 шт. (рис. 3, 4)
 - * 3. Пуговицы медн[ые] диам. 20 мм – 4 шт.
 - * 4. Перстень-печатка медн[ый] – 1 шт.
 - * 5. Табакерка берестяная...
 - * 6. Табакерка медная, без орнам[ента] – 1 шт.
- } взято
- 7. Жел[езный] топор
 - 8. Части от сундука жел[езного]
 - 9. Часть прямоугольного стеклянного сосуда
 - 10. Фаянсовая чашка – 1 шт.
 - 11. Стеклянная рюмка //
- } не взято

(с. 154) **Могила 32.**

- * 1. Медная каплевидная подвеска – 1 шт. (рис. 2, 4)
 - * 2. Бусины – 20 шт.
- } взято

Могилы 34.

- *1. Медная чашечка (лампадка?)
 - *2. Обломок бляшки
 - *3. Подвеска – 1 шт.
 - 4. Бусины
 - 5. Жел[езный] нож
- } взято
- } не взято

Могилы 35.

- 1. Подвески (рис. 2, 3) – 3 шт. – взяты
 - * 2. Бусины
 - * 3. Бисер
 - * 4. Жел[езная] поварёшка
 - * 5. Части от сундука
- } не взято

Могилы 36.

- * 1. Бусины – 2 шт.
 - * 2. Наконечники для самострела (рис. 3,3) – 3 шт. // (с. 155)
 - 3. Бисер
 - 4. Жел[езный] нож
- } взято
- } не взято

Могилы 38.

- 1. Жел[езный] нож – не взят

Могилы 39.

- 1. Жел[езное] кресало
 - 2. Жел[езный] топор
 - 3. Наконечники стрел – 2 шт.
- } не взято

Могилы 40.

- * 1. Бусины – 40 шт.
 - * 2. Обломок медн[ого] креста
 - * 3. Перстень со стеклом – 2 шт.
- } взято

- 4. Топоры – 2 шт.
 - 5. Котёл
 - 6. Жел[езные] котелки – 2 шт.
 - 7. Керамика – обл[омки] горшков б/о
 - 8. Берест[яная] коробочка
 - 9. Бисер
 - 10. Нож //
- } не взято

(с. 156) Могила 41.

- * 1. Медные кольца – 2 шт.
 - * 2. Перстни – 2 шт.
 - * 3. Крест нательный – 1 шт.
 - * 4. Подвески – 6 шт. (рис. 2, 4)
 - * 5. Бляшка – 1 шт. (рис. 1, 1)
 - * 6. Бусины – 11 шт.
 - * 7. Табакерка медная – 1 шт.
 - * 8. Подвеска – 1 шт. (рис. 2, 5)
 - 9. Ручка черпака – 1 шт.
 - 10. Бисер
- } взято
- } не взято

Могила 42.

- * 1. Колокольчик – 1 шт.
 - * 2. Бусины – 4 шт.
 - * 3. Меди[ые] пуговички – 3 шт.
 - 4. Котёл
 - 5. Топорик
 - 6. Нож //
- } взято
- } не взято

(с. 157) Могила 43.

- * 1. Нож жел[езный] без рукояти
 - * 2. Крест нательный
 - 3. Стёклышко – не взято
- } взято

Могила 44.

- * 1. Наконечник пальмы – 1...
 - * 2. Пуговица медн[ая] – 1 шт.
 - 4. Медн[ый] котёл
 - 5. Железки от сундука
- } взято
} не взято

Могила 45.

- * 1. Перстень – 1 шт.
 - * 2. Перстень со стеклом – 1 шт.
 - * 3. Бусина – 1 шт.
 - * 4. Подвески каплевидные – 9 шт. (рис. 2, 4)
 - * 5. Подвеска стеклянная
 - 6. Бисер
 - 7. Топор
- } взято
} не взято

Могила 47.

- * 1. Крест нательный – взято // (с. 158)
 - * 2. Подвеска – 1 шт. (рис. 2, 4)
 - * 3. Бляшки – 3 шт. (рис. 1, 5)
 - 4. Железные части сундука
 - 6. Ключ от сундука
 - 7. Кресало
 - 8. Топор
 - 9. Жел[езный] ковш
- } взято
} не взято

Могила 48.

- * 1. Бусины – 142 шт.
 - * 2. Подвески каплевидн[ые] – 3 шт. (рис. 2, 4)
 - * 3. Фигури[ые] бляшки, квадр[атные] – 2 шт.
 - * 4. Бляшка круглая – 1 шт.
 - * 5. Металлич[еские] пластинки – 2 шт.
 - * 6. Бляшки плоские – 2 шт.
 - * 7. Фрагменты бляшек – 3 шт. (рис. 1; 5, 8).
- } взято

Могила 52.

- 1. Ковш металлич[еский] – 1 шт. – не взят

Могилы 53.

- * 1. Пряжка медная – 1 шт. – взята //

(с. 159) **Могилы 54.**

- 1. Наконечник стрелы жел[езный]
 - 2. Котёл
- } не взято

Могилы 55.

- * 1. Подвеска к поясу – 1 шт. – взято
- 2. Жел[езные] части от сундука – не взято

Могилы 56.

- * 1. Бусы
 - * 2. Плоские подвески – 36 шт.
 - * 3. Конусообр[азные] подвески – 2 шт. (рис. 2, 7)
 - 4. Бляшка медн[ая] ок[оло] XI–XIII вв. – 1 шт. (рис. 1, 11) – передано К. Карачарову для УрГУ
 - * 5. Кольца – 4 шт.
 - * 6. Перстни – 9 шт.
 - * 7. Бляшка – 1 шт. (рис. 1, 1)
 - * 8. Бляшки круглые – 11 шт. (рис. 1, 10)
 - * 9. Бляшки – 2 шт. (рис. 1, 7)
 - * 10. Бляшка такая же, но меньш[их] размеров – 1 шт.
 - * 11. Обломки серьги – 3 шт. // (с. 160)
 - * 12. Пуговицы медн[ые] – 12 шт.
 - * 13. Подвески конусовидн[ые] – (рис. 2, 4) – 8 шт.
 - 14. Подвески (рис. 2, 6), археол[огия], к[онец] I тыс. н.э. – передано К. Карачарову для УрГУ
 - * 15. Обрывок тесьмы
 - * 16. Напёрсток
 - * 17. Колокольчик
 - * 18. Медн[ый] стерженек
 - * 19. Раковины-каури – 5 шт.
 - * 20. Бляшка (рис. 1, 5) – 1 шт.
 - * 21. Берест[яные] табакерки... – 3 шт.
 - * 22. Фрагм[енты] оловян[ного] изделия с орнам[ентом]
- } взято
- } взято
- } взято

* 23. Кресты – 2 шт.	}	взято
* 24. Подвески (рис.2, 2) – 4 шт.		
* 25. Подвески (рис. 2, 9) – 9 шт.		
* 26. Пуговица с крестом		
* 27. Подвески-монеты – 27 шт.	}	не взято
28. Жел[езные] части сундука		
29. Глиняный горшок		
30. Напрясло // (с. 161)		
31. Бисер		
32. Стекл[янный] флакон		
33. Нож		

Могилы 57.

1. Нож	}	не взято
2. Топор		
3. Чугун[ный] котёл		
*4. Бусы – взято		

Могилы 58.

1. Бусины – 2 шт.	}	не взято
2. Топор		
3. Нож		
4. Фаянс[овая] чашка		
5. Фаянс[овое] блюдо		

Могилы 59.

1. Валенки	}	не взято
2. Шерст[яные] чулки		
3. Жел[езное] ведро		
4. Ножницы		
5. Эмал[ированный] чайник // (с. 162)	}	не взято
6. Фаянс[овая] чашка		
7. Фаянс[овое] блюдечко		
8. Бусины		
9. Шаль		
10. Бисер	}	не взято
11. Пуговочки		

Могилы 60.

- 1. Кожаный кошелек
 - 2. Нитки и иголка
 - 3. Эмалированная тарелка
 - 4. Шерстяные чулки
 - 5. Галоши
- } не взято

Могилы 62.

- *1. Серьга серебряная
 - *2. Кольцо серебряное
 - 3. Фаянс[овое] блюдо
 - 4. Котёл железный
 - 5. Фаянс[овая] тарелка
 - 6. Стекланный стакан
 - 7. Шерстяной пояс
 - 8. Пуговица – 1
 - 9. Кнопка – 1
- } взято
- } не взято
- } взято

(с. 163) **Могилы 63.**

- *1. Крест нательный – взят
 - 2. Котёл
 - 3. Жел[езный] нож
 - 4. Курит[ельная] трубка
 - 5. Топор
- } не взято

Могилы 64.

- *1. Бусины – 2 шт.
 - *2. Иконка
 - *3. Берест[яная] табакерка без орнам[ента]
 - 4. Топор
 - 5. Нож
 - 6. Бисер
 - 7. Жел[езные] части сундука
- } взято
- } не взято

Могилы 65.

- 1. Жел[езные] части сундука
 - 2. Бусины
- } не взято

Могила 66.

- *1. Подвески – 9 шт. (рис. 2, 4)
 - *2. Бляшки – 7 шт. (рис. 1, 12) // (с. 164)
 - *3. Бляшка (рис. 1, 5) – 1 шт.
 - *4. Бляшки (рис. 1, 13) – 2 шт.
 - *5. Кольцо – 3 шт.
 - *6. Бусины
 - *7. Берест[яная] табакерка ...
 - 8. Табакерка медная
 - 9. Бисер
 - 10. Топор
 - 11. Нож
 - 12. Кресало
 - 13. Жел[езное] кольцо
 - 14. Жел[езный] ковш
- } взято
- } взято
- } не взято

Могила 67.

- *1. Бусины – 3 шт. – взято
- *2. Пуговицы – 3 шт. – взято
- 3. Жел[езный] топор – не взят

Могила 70.

- *1. Бусы – взято
 - 2. Бисер
 - 3. Обл[омок] жел[езного] предмета //
- } не взято

(с. 165) Могила 71.

- 1. Топор
 - 2. Нож
 - 3. Жел[езный] котёл
- } не взято

Могила 73.

- *1. Бусы
 - *2. Кольцо – 1
 - *3. Крест нателън[ый] – 1
 - *4. Украшение из янтаря (?) – 1 с крестом
 - *5. Бляшки (рис. 1, 12) – 8 шт.
- } взято

- * 6. Подвески каплевидн[ые] (рис. 2, 4) – 1
 - * 7. Кресало
 - 8. Сундучок
 - 9. Бисер
 - 10. Пуговицы
 - 11. Стеклян[ая] бутылка
 - 12. Нож
 - 13. Табакерка берест[яная] без орн[амента]
 - 14. Остатки туеска
 - 15. Глинян[ый] горшок. //
- } взято
- } не взято

(с. 166) Могила 74.

- *1. Бусины – 6 шт. – взяты
- 2. Бисер – не взят

Могила 75.

- *1. Бусины – 28 шт.
 - *2. Бляшки (рис. 1, 13) – 5 шт.
 - 3. Бисер – не взято
 - *4. Нож – взят
- } взято

Могила 76.

- 1. Нож
 - 2. Кресало
- } не взято

Могила 77.

- 1. Нож – не взят.

Могила 79.

- *1. Берест[яная] табакерка
 - *2. Кольцо – 1
 - *3. Перстень – 1
 - *4. Бусины – 15 шт.
 - *5. Подвески каплевидн[ые] (рис. 2, 4) – 5 шт.
 - *6. Бляшки (рис. 1, 14) // (с. 167)
- } взято

- 7. Крестик
 - 8. Бляшки (рис. 1, 13) – 3 шт.
 - 9. Бисер
 - 10. Жел[езный] нож
 - 11. Жел[езный] ковшик
 - 12. Нож
- } не взято

Могила 80.

- 1. Бусины – 2 шт.
 - 2. Бисер
 - 3. Обл[омок] железа
- } не взято

Могила 81.

- *1. Нашивки на бересте...
 - *2. Бляшки (рис. 1, 1) – 10 шт.
 - *3. Бляшки (рис. 1, 15) – 11 шт.
 - *4. Бляшка (рис 1, 5) – 1 шт.
 - *5. Кольцо – 2 шт.
 - *6. Плоск[ие] нашивки – 13 шт.
 - *7. Крест нательный
 - *8. Нашивка (рис. 2, 4) – 1 шт.
 - 9. Маленький нож – не взят // (с. 168)
- } взято

- 10. Фаянс[овая] тарелка
 - 11. Фаянс[овый] чайник
 - 12. Фаянс[овая] чашка
 - 13. Фаянс[овое] блюдо
- } не взято

Могила 82.

- *1. Крест нательный
 - *2. Бусины – 3 шт.
- } взято

Могила 83.

- *1. Берест[яная] табакерка
 - *2. Напёрсток
- } взято

- * 3. Кусочек ткани с бисерн[ой] вышивкой
 - * 4. Кольцо
 - * 5. Плоские бляшки – 7 шт.
 - * 6. Пуговицы
 - * 7. Подвески каплевидн[ые] (рис. 2, 4)
 - * 8. Подвеска (рис. 2, 9) – 1 шт.
 - * 9. Подвески (рис. 2, 10)
 - * 10. Крест нательн[ый]
 - 11. Нитки
 - 12. Топор // (с. 169)
 - 13. Эмалир[ованная] тарелка
 - 14. Фаянс[овое] блюдо
 - 15. Фаянс[овая] чашка
 - 16. Железн[ый] котелок
 - 17. Остатки одежды, расшитой бисером
- } взято
- } не взято

Могила 84.

- 1. Фаянс[овое] блюдо
 - 2. Фаянс[овая] чашка
 - 3. Эмалиров[анная] чашка
 - 4. Металлич[еская] ложка
 - 5. Нож
 - 6. Простая берест[яная] коробка
 - 7. Верх[няя] одежда
 - 8. Топор
- } не взято
- } не взято

Могила 86.

- * 1. Нательн[ый] крест – 1 шт.
 - * 2. Пуговица – 1
 - * 3. Трубка курит[ельная]
 - 4. Шерст[яные] варежки
 - 5. Нож в деревян[ных] ножнах
 - 6. Кожан[ая] сумочка
 - 7. Кресало // (с. 170)
 - 8. Шерст[яные] чулки
 - 9. Шерст[яные] носки
 - 10. Унты
- } взято
- } не взято

11. меховая шапка	}	не взято
12. Фаянс[овый] чайник		
13. Фаянс[овая] чашка		

Могила 87.

* 1. Бусы	}	взято
* 2. Крест нателън[ый]		
* 3. Берест[яной] туесок		
4. Глинян[ый] горшочек	}	не взято
5. Деревян[ная] ложка		
6. Фаянс[овое] блюдо		
7. Фаянс[овая] чашка		
8. Топор		
9. Сапоги		
10. Нож		
11. Жел[езное] ведро – [не взято]		

(с. 181) Описание раскопок могил Кинтусовского I кладбища (у пос. Салым, бывш[его] п[ос]. Кинтус, за р. Вандра-сом)

Могила 1. Небольшая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 200 × 60 см. На глубине 70 см – гроб размером 160 × 45 (у головы) и 35 (в ногах). Глубина до дна гроба – 100 см. Скелет лежит головой на ЮЗ. Череп с разрушенной лицевой частью (взят). У головы справа примитивная берестяная коробочка – на ней монеты: 5 коп. – 1926 г., 5 коп. – 1926 г. (?), 20 коп. – 1928 г., 20 коп. – 1932 г., 15 коп. – ?, 10 коп. – 1925 г., 10 коп. – 1931 г. // (с. 182) На скелете – одежда из толстой шерстяной ткани. От шеи до колен прослеживаются пуговицы белые. На руках варежки. На ногах остатки обуви типа унтов. Слева у стоп – чашечка, деревянная ложка. Марка на дне фаянс[овой] чашечки...

Могила 2. Глубокая западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 220 × 75 см. На глубине 110 см – гроб размером 180 см × 50 см (у головы) × 35 см (в ногах). Головой скелет лежит на ЮЗ. Череп гнилой, не взят, молодой: есть M₂, стирание при-

бл[изительно] 1 балл. Как лежат руки – не ясно, но на животе лежат варежки. У левого колена – блюдечко и чашка. На чашке марка стёрта. На блюдечке – такая... // (с. 183) В ногах посередине – железные ножницы. Между коленей – берестяная крышка с крестом...

«Могила 3». Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Раскоп 180 × 80 см. Прокопано на глубину 80 см. Идёт чистый материк. Это не могила...

Могила 4. Западина и остатки домика на поверхности – доски, береста. Могила ориентирована в направлении СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 225 × 100 см. На глубине 60 см остатки гроба. Гроб покрыт берестой. Размеры гроба... Слева от скелета – чашка и блюдо с марками... Здесь же напёрсток, ножницы на туеске. Справа у руки – нож. На прав[ой] ноге – туесок, // (с. 184) под ним – бисер. На ногах шерстяные чулки. На черепе – коса. Взяты фрагменты одежды, расшитой бисером...

«Могила 5». Слабая западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 190 × 80. Прокопано до 75 см. Идёт чистый материк. Не могила...

Могила 6. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 180 × 60 см. На глубине 40 см – гроб размером 180 × 40 см. Глубина до дна могилы – 60 см. Скелет головой на ЮЗ. Череп хорошей сохранности, первый с лицом; взят.

Кожаный пояс, шириной 8 см. У пояса – 2 монеты: 5 коп. – 1870 г., 5 коп. – 1872 г.

Слева у таза – нож. У правой голени – топор. Между коленями – фаянс[овое] блюдо с маркой и фаянс[овая] чашка без марки. // (с. 185) Выше погребения, в насыпи (примерно на половине глубины) справа было железное ведёрко...

Могила 7. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 180 × 70 см, на глубине 55 см – гроб размером 160 на 50 см (в голове) и 30 см (в ногах). Под крышкой гроба береста. В первом штыке – фаянсовая чашка фабрики Кузнецова. Ближе к ногам в могиле – топор. Фаянсовая чашка и блюдечко без марки лежат у левого бедра. Здесь же – белые пуговочки (бисера, видно, мало). Слева у колена – глиняная глазурная чашечка. Таз женский. У прав[ой] ступни – железная коробочка – не меньше табакерки, у та-

за – нож. Череп без лица. // (с. 186) Руки вытянуты вдоль туловища. На правой руке кольцо...

Могила 8. Западина, ориентированная З–В. Заложен раскоп размером 220 × 75 см. На глубине 40 см – гроб размером 150 × 30 см. Скелет лежит головой на запад. Череп гнилой, не взят. Руки сложены на животе. В ногах – на крышке гроба (?) – топор, лезвием воткнут в гроб. Слева у пояса – 3 наконечника железных. Справа в ногах – большой медный котёл. Слева у голени – нож ...

Могила 9. Небольшая западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп размером 180 × 85 см. На глубине 50 см – гроб размером 140 × 40 см. До дна могилы – 70 см. Череп // (с. 187) плохой сохранности, не взят, по состоянию зубов, – принадлежит подростку 14–16 лет. Правая рука лежит поперек живота, левая – вытянута вдоль тела. Слева у пояса лежит нож. Здесь же фаянс[овая] чашка, блюдо. Марка на чашке и блюде одна и та же. В ногах найдена монета – 2 коп. за 1869 г. ...

Могила 10. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 250 × 75. Глубина до гроба – 60 см, до дна могилы – 75 см. Гроб имеет размеры 175 × 40 (30) см. Череп гнилой, принадлежит женщине около 30 лет. На голове шапка, на ней – бисер, бляшки. Руки лежат на животе. В ногах стоит сундук. Слева у живота – // (с. 188) жел[езный] ковш. Справа на руке перстень. Вся одежда покрыта бисером, бусами. Сохранился фрагмент пояса с прикреплёнными к нему бляшками. Справа у руки – кресало. На правой ноге – нож. На животе – крестик. Здесь же, на животе, найдено 3 монеты: 2 коп – 1810 г., 2 коп. – 1824 г., 2 коп. – 1842 г. ...

На груди найдены ещё монеты: 5 коп. – 1833 г., 5 коп. сер[ебром] – 1842 г., 10 коп. – 1834 г., 10 коп. – 1836 г.

Могила 11. Западина, ориентированная в направлении З–В. Раскоп 240 × 100 см. На глубине 55 см – перекрытие. От перекрытия – 20 см до гроба. Гроб хорошей сохранности, дощатый, размером // (с. 189) 170 на 45 (в голове) и 30 (в ногах) см. На перекрытии – береста.

Скелет лежит головой на запад. Руки сложены на животе. На руках – варежки. Под головой – перьевая подушка. Череп разрушен, взят...

Могила 12. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 145 × 70 см. На глубине 45 см – гроб в виде лодки: у головы (в ЮЗ конце могилы) он сходится на угол, в ногах ("корме") – срезан. Размеры гроба 175 × 45 см. Череп гнилой, не взят. За черепом – 4 монеты: 2 коп. 1829 г., 2 коп. 1819 г., 2 коп. 1823 г., 2 коп. 1822 г. Здесь же 2 бляшки; у черепа – бусины, по всему скелету идёт бисер. У плеча справа – нож. // (с. 190) У левого предплечья – медный котёл и железная поварёшка. На левой руке – 3 кольца. По поясу – жел[езное] кольцо. Руки лежат на бедрах...

Могила 13. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 190 × 75 см. На глубине 60 см – гроб размерами 210 × 30 см. До дна могилы – 85 см. Гроб долблёный. В ногах – шкатулка у колен слева, её размеры 25 × 15 см, высота – 10 см – сундучок. В нём – перстень, кресало, часть берестяного тусеска. Слева в ногах – медный котёл, лежит на боку. Справа от колена – топор, нож. Руки: правая лежит прямо, левая – на тазе... //

(с. 191) **Могила 14.** Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 180 × 60 см. На глубине 55 см остатки гроба. От черепа – труха в ЮЗ конце могилы. У таза – фаянсовое блюдечко. Блюдце было также сразу под дёрном, с маркой завода И.Е. Кузнецова, как в могиле 7 (см. выше на этой странице). Глиняная чашечка у головы. В ногах – 2 фрагмента керамики ручной лепки...

Могила 15. Западина обычной ориентации. На поверхности – брёвна – от основания намогильного домика. Заложен раскоп 190 × 65 см. Глубина до гроба – 80 см. Гроб – колода, покрыта // (с. 192) сверху берестой. Глубина до дна могилы – 100 см. Череп лежит в ЮЗ конце могилы. На глазницах черепа – монеты: 2 коп. – 1874 г., 2 коп. – 1975 г. В ногах фаянсовые блюдце и чашка. Марка на чашке: (на блюдце нет)... Руки лежат вдоль туловища. В ногах стоит тусесок-табакерка. От шеи до ног – бисер. Справа у бедра – нож. На груди – монеты: 3 коп. – 1859 г., 5 коп. – 1877 г. У правого бедра кресало, кремешок. На груди напёрсток...

Могила 16. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 165 × 65. Глубина до гроба 85. Гроб размерами 160 × 40. Глубина до дна могилы 110 см. Череп хорошей сохранно-

сти, женский, // (с. 193) лежит в ЮЗ конце могилы. У левого колена фаянсовая чашка и блюдо, стоят не перевёрнуто, на донышках...

Слева на уровне голени – нож. Под первым штыком слева было железное ведёрко. На всей одежде – бисер. На блюде стояла берестяная коробка...

Могила 17. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 150 × 75 см. Глубина до гроба – 75 см. Размеры гроба 115 × 90 см. Глубина до дна могилы – 90 см. Гроб-колода. От костей только тлен. У пояса – кусочек шерстяной тесьмы. На ногах шерстяные носки и кожаные сапоги. // (с. 194) Череп не взят. По зубам – 6–7 лет...

Могила 18. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 170 × 90 см. Глубина до гроба – 30 см, до дна могилы – 55. Гроб 130 × 30. Череп – плохой сохранности, детский, не взят. Бисер по всему скелету, в осн[овном], в ногах, вместе с бусинами. У головы – бляшка. Слева у пояса – маленький нож...

Могила 19. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Раскоп 140 × 70. На глубине 20 см – слабые остатки черепа, гнилого, не взято. Дальше копать не стали...

«Могила 20». Неясная западина, ориентированная как обычно – СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 140 × 70 см. На глубине 60 см чистый материк. Это не могила... //

(с. 195) **Могила 21.** Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 235 × 110 см. Глубина до гроба 50 см. Гроб шириной около 40 см. Глубина до дна могилы 65 см. Кости все сгнили. В СВ конце могилы слева – медный котёл. Больше никаких находок...

Могила 22. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 210 × 70 см. Сверху были остатки наземного домика – продольные жерди по краям. На глубине 30 см – череп в обломках. Слева у таза – железный предмет. Больше находок нет...

Могила 23. Западина СВ–ЮЗ. Заложён раскоп 200 × 70 см. На глубине 40 см – гроб 170 × 50 см. Череп разрушен, взят. Руки лежат на тазе. На левой руке – кольцо. Бисер от головы до // (с. 196) бёдер. На черепе – остатки головного убора...

Могила 24. Остатки домика, ориентированного в направлении СВ–ЮЗ. По их контуру заложён раскоп 240 × 90 см. На глубине

60 см – гроб размером 190 на 50 см (у головы) и 35 см (в ногах). До дна могилы – 85 см. На груди – большая берест[яная] коробка. У пояса слева – нож, кресало. Ниже у колена – фаянс[овое] блюдо и глиняная трубка. В ногах какое-то кольцо. Кости, в том числе череп, совершенно гнилые, не взяты...

Могила 25. Остатки домика, ориентированные в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 270 × 90 см. Глубина до гроба – 95 см. Гроб длиной 195 см, глубина до дна могилы – 120 см. Гвозди заводские. Остатки одежды. В ногах – остатки берестяного // (с. 197) туеса. Череп гнилой (не взят). Руки лежат вдоль туловища. У правого бедра эмалированная кружка...

Могила 26. Остатки домика – продольные брёвнышки, ориентированные в направлении ССВ–ЮЮЗ. По их контуру заложен раскоп 180 × 70 см. На глубине 90 см – гроб размером 180 × 50 (у головы) и 40 см (в ногах). Кованые гвозди. У правого бедра – чашка, блюдо из фаянса без фабричных марок. Остатки одежды из плотной материи, сверху – холстина. Руки лежат вдоль туловища. На груди – 3 свечи с надписью "Тобольский епархиальный свечной завод". Шерстяные варежки. Череп и другие кости гнилые, не взяты...

Могила 27. Западина, ориентированная С–Ю. Заложен раскоп 200 × 60 см. На глубине 30 см // (с. 198) остатки обожжённого дерева. На глубине 60 см – дно могилы. В Ю конце могилы – справа от скелета – бутылочка [из] зелёного стекла. Слева – сундучок. У головы – бисер, бусы у пояса. У таза слева – нож, топор...

«Могила 28». Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 220 × 75. Прокопано до глубины 130 см. Материк, никаких находок. Это не могила...

Могила 29. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 140 × 70 см. На глубине 40 см – гроб 110 × 35. Глубина до дна могилы 55 см. Справа у бедра топор. Больше никаких находок. Кости совершенно гнилые... //

(с. 199) **Могила 30.** Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 230 × 80 см. Глубина до дна могилы 65 см. Остатки черепа. Разноцветные бусы на шее, бисер...

Могила 31. Отчетливо выраженная западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложен раскоп 240 × 90 см. На глубине 40 см – гроб размером 165 × 50 см. Глубина до дна могилы – 65 см.

Под первым штыком в СВ конце могилы – топор. Череп разрушен (взят). Весь скелет покрыт бисером, бусами. На груди множество монет: 8 – русских, 9 – арабских, 17–21 монет-подвесок.

Русские монеты: 5 коп. – 1856 г., 5 коп. – 1857 г., 5 коп. – 1858 г., 5 коп. – 1860 г., 2 коп. – 1838 г., 2 коп. – 183... г., // (с. 200) 3 коп. – 1835 г., ½ коп. сер[ебром] – 1842 г.

Монеты-подвески – 17 целых, 4 обломка.

На груди – колокольчики. Перстни, связанные верёвочкой. На руках – кольца. Много бляшек. В области колен – тоже бляшки. В ногах – деревянная чаша. Много бисера, подвесок. Справа у бедра – нож. Правая рука на груди, левая – под спиной. На руках – перчатки...

Могилы 32. Западина, ориентированная в направлении З–В. Заложена раскоп 200 × 60 см. На глубине 40 см – гроб размерами 160 × 30 см. Кости совсем сгнили. В ногах – чугунный котёл на трёх ногах, четвёртая такая же, торчит вбок – ручка. Рядом топор. Везде бисер, встречаются также бусины... //

(с. 201) «**Могилы 33.** Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ. Заложена раскоп размером 150 × 75. Прокопано на глубину 75 см. Материк. Никаких находок. Это не могила...

(с. 206) **Опись этнографических материалов, найденных в Кинтусовском кладбище***

Могилы 1.

1. Берестяная коробочка 2. Остатки одежды 3. Пуговица 4. Варежки 5. Обувь (унты) 6. Фаянс[овая] чашечка 7. Деревянная ложка	}	не взято

* Передано в МАЭС ТГУ 11.10.87 [кол. № 7626 – прим. ред.].

Могилы 2.

- 1. Фаянс[овое] блюдечко
 - 2. Фаянс[овая] чашечка
 - 3. Варежки
 - 4. Жел[езные] ножницы
 - 5. Берест[яная] крышка от коробки
- } не взято

Могилы 4.

- 1. Фаянс[овая] чашечка – не взято
 - 2. Фаянс[овое] блюдо // (с. 207)
 - 3. Напёрсток
 - 4. Ножницы
 - 5. Туесок
- } не взято
- * 6. Жел[езный] нож – взят
 - 7. Бисер
 - 8. Шерстяные чулки
- } не взято
- * 9. Фрагменты одежды, расшитой бисером – взято

Могилы 6.

- 1. Фрагмент кожан[ого] пояса
 - 2. Нож
 - 3. Топор
 - 4. Фаянс[овое] блюдо
 - 5. Фаянс[овая] чашка
 - 6. Жел[езное] ведёрко
- } не взято

Могилы 7.

- 1. Фаянс[овая] чашка
 - 2. Фаянс[овое] блюдо
 - 3. Белые пуговички
 - 4. Бисер // (с. 208)
 - 5. Глиняная чашка
 - 6. Жел[езная] коробочка
 - 7. Нож
 - 8. Кольцо
- } не взято

Могилы 8.

1. Топор – не взят
- * 2. Жел[езные] наконечники стрел – 3 шт. – взяты

Могилы 9.

1. Нож
 2. Фаянс[овая] чашка
 3. Фаянс[овое] блюдо
- } не взято

Могилы 10.

1. Бляшки (рис. 1, 5) – 4 шт.
 2. Подвески (рис. 2, 4) – 4 шт.
 3. Кольцо жен[ское] большое
 4. Напёрсток (без дна)
- } не взято
- * 5. Берест[яные] туески – 2 шт. – взято
 - * 6. Подвески (рис. 2, 7), с ушком – 5 шт. – взято 2 шт.
 - * 7. Кресало – взято // (с. 209)
 - * 8. Крест нательный
 - * 9. Перстни – 5 шт.
 - * 10. Костяной предмет с отв[ерстием]
- } взято
- * 11. Пояс с бляшками
 - * 12. Рог с орнаментом
 - * 13. Бусы
 - * 14. Нож маленький
 - * 15. Ажурная подвеска – 1 шт.
 - * 16. Кольцо большое медное (?)
 - * 17. Плоские подвески – 14 шт.
 - * 18. Образец тесьмы
- } взято

Могилы 11.

1. Варежки – не взято
2. Перьевая подушка – не взято

Могилы 12.

- * 1. Бусины
 - * 2. Кольцо – 1 шт.
 - * 3. Перстни – 3 шт.
- } взято

- * 4. Бляшки (рис. 1, 4) – 3 шт.
 - * 5. Подвеска (рис. 2, 4) – 1 шт. // (с. 210)
 - 6. Нож
 - 7. Медн[ый] котёл
 - 8. Жел[езная] поварёшка
- } взято
- } не взято

Могила 13.

- 1. Кресало
 - 2. Перстень
 - 3. Пуговица
 - 4. Шкатулка-сундучок
 - 5. Медн[ый] котёл
 - 6. Топор
 - 7. Нож
- } взято
- } не взято

Могила 14.

- 1. Фаянс[овое] блюдечко – 2 шт.
 - 2. Глинян[яная] чашечка
 - 3. Фр[агменты] керамики
- } не взято

Могила 15.

- * 1. Бусины – 2
 - * 2. Кремьень – 1
 - * 3. Крест нательный
 - * 4. Напёрсток // (с. 211)
 - * 5. Берест[яная] табакерка – взято
 - 6. Фаянс[овое] блюдо
 - 7. Фаянс[овая] чашка
 - 8. Бисер
 - 9. Кресало
- } взято
- } не взято

Могила 16.

- 1. Фаянс[овая] чашка
 - 2. Фаянс[овое] блюдо
 - 3. Жел[езный] нож
 - 4. Жел[езное] ведёрко – не взято
- } не взято

Могила 17.

1. Шерст[яная] гесьма
 2. Шерст[яные] носки
 3. Кожан[ые] сапоги
- } не взято

Могила 18.

1. Бисер
 2. Бусины
 3. Бляшка
 4. Мал[енький] нож //
- } не взято

(с. 212) Могила 21.

1. Медн[ый] котёл – не взят.

Могила 22.

1. Жел[езный] предмет – не взят

Могила 23.

- * 1. 2 куска ткани с пришитыми бляшками – взято
 2. Кольцо
 3. Бисер
- } не взято

Могила 24.

- * 1. Большая берест[яная] коробка
 - * 2. Кольцо бол[ьшое] медное
 - * 3. Глиняная часть курит[ельной] трубки
 4. Нож
 5. Кресало
 6. Фаянс[овое] блюдо
- } взято
- } не взято

Могила 25.

1. Ост[атки] одежды
 2. Берест[яной] туес
 3. Эмалиров[анная] кружка //
- } не взято

(с. 213) **Могила 26.**

- 1. Фаянс[овая] чашечка
 - 2. Фаянс[овое] блюдечко
 - 3. Остатки одежды
 - 4. Свечи – 3 шт.
 - 5. Шерст[яные] варежки
- } не взято

Могила 27.

- * 1. Бусина
 - * 2. Подвеска каплевидн[ая] (рис. 2, 4) – 1 шт.
 - 3. Бутылочка плоская
 - 4. Сундучок
 - 5. Бисер
 - 6. Бусины
 - 7. Нож
 - 8. Топор
- } взято
- } не взято

Могила 29.

- 1. Топор – не взят

Могила 30.

- * 1. Бусины-подвески – 12 шт. – взято
- 2. Бисер – не взято //

(с. 214) **Могила 31.**

- * 1. «Монеты»-подвески – 20 шт.
 - * 2. Колокольчики – 8 шт.
 - * 3. Крест нательный
 - * 4. Перстень-печатка – 3 шт.
 - * 5. Кольцо медное – 1 шт.
 - * 6. Нашивки в форме птицы – 13 шт.
 - * 7. Подвески-серьги, разные – 3 шт.
 - * 8. Подвески каплевидн[ые] (рис. 2,4) – 9 шт.
 - * 9. Бляшки-пуговицы, маленькие – 11 шт.
 - * 10. Медные пуговицы, мал[енькие] – 2 шт.
 - * 11. Бусины
- } не взято
- } взято

12. Деревян[ная] чаша	} не взято
13. Жел[езный] нож	
14. Перчатки	

Могила ?

* 1. Берест[яная] табакерка с орн[аментом] – взята.

(с. 215) Описание раскопок могил второго Кинтусовского кладбища (у пос. Салым, бывш[его] пос. Кинтус, ниже по правому берегу) р. Вандраса)

Могила 1. На поверхности – продольные брёвна, несколько запавшие в провалившуюся могилу. По их контуру заложен раскоп размером 260 × 60 см, ориентация – СЗ–ЮВ. На глубине 50 см – перекрытие из брёвен или, правильнее сказать, толстых жердей, в диаметре 10–12 см, длиной – 250 см, покрытых берестой. Сверху до гроба – 95 см. На гробу лежат продольные плахи, между ними и гробом – прокладка бересты. Гроб дощатый. Его размеры – 195 × 35 см, высота – 35 см. Скелет лежит головой на ЮВ. Череп довольно массивный, но переносье уплощённое. На нижней челюсти – остатки бороды. Руки лежат на тазе. У таза слева – медное кольцо, по-види- // (с. 216) мому, крепившееся к поясу для подвешивания чего-то. У левой кисти – курительная трубка, кажется, фабричного производства. У левого колена фаянсовое блюдечко и чашечка с одним орнаментом и одинаковой маркой, такой как в мог[иле] 1 первого Кинтусовского кладбища. ("Красный фарфорист", Село Грузино). У пояса нож. У стоп между ног – круглая берестяная крышка с крестообразной прорезью. Сохранились остатки одежды – шерстяные носки, верхняя одежда типа пальто. Череп неполной сохранности, взят...

Могила 2. Грабительская яма, ориентированная С–Ю размером 170 × 70 см и глубиной 50 см. Прокопано до глубины 80 см – материк. Никаких находок... //

(с. 217) **Могила 3.** Западина, ориентированная в направлении С–Ю. Заложён раскоп 170 × 75 см. На глубине 60 см гроб размером 110 × 25 см. Глубина до дна могилы – 75 см. Череп в Ю части моги-

лы, гнилой (не взят). Остальные кости совсем сгнили. На груди – 2 пуговички и монета – 1 коп. сер[ебром] 1847 г. Слева у пояса нож. В ногах – фаянсовые блюдце и чашка без фабричных марок...

Могила 4. Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложена раскоп 180 × 60 см. На глубине 40 см – череп. У черепа – бисер, бусы, бляшки, кольцо, перстень. Слева у бедра – нож. Кости и череп гнилые, не взяты. В СВ конце могилы стоит дерево, поэтому она раскопана не полностью... //

(с. 218). **Могила 5.** Западина, ориентированная СВ–ЮЗ. Заложена раскоп 200 × 80 см на глубине 70 см – гроб длиной 180 см и шириной 55 см у головы и 35 см в ногах. Глубина до дна могилы – 90 см. Левая рука лежит прямо, правая на бедре. Скелет лежит головой на СВ! т.е. в противоположном направлении. Справа у колена – глиняная чашка и фаянсовый чайник без фабричной марки. Почти на поверхности, в ЮЗ конце могилы (где ноги) – ещё глиняный горшок и железный топор с выпуклым лезвием. На гробе напротив груди – медная иконка и монета – 5 коп., 1870 г. Слева у колена – нож, кремень...

Могила 6. Западина, ориентированная в направлении СВ–ЮЗ // (с. 219) Заложена раскоп 170 × 70 см. На глубине 50 см – гроб 110 × 30 см. Глубина до дна могилы – 70 см. У головы (в ЮЗ конце могилы) много бисера, бусины, бляшки. Череп и кости конечностей гнилые, не взяты...

Могила 7. Западина, ориентированная в направлении С–Ю. Заложена раскоп 160 × 80 см. На глубине 50 см – остатки гроба, прослеживаются плохо. Глубина до дна могилы – 65 см. На груди – монета 2 коп., 1828 г. Руки лежат на животе. На правой руке – кольцо. Слева (на левой руке?) – перстень. Справа у бедра нож... Череп по сравнению с другими лучшей сохранности, хотя лицо тоже разрушено...

(с. 221) **Опись этнографических материалов, найденных во втором Кинтусовском кладбище***

Могила 1.

1. Медное кольцо для крепления	}	не взято
2. Курительная трубка		
3. Фаянс[овое] блюдо		
4. Фаянс[овая] чашка		
5. Нож		
6. Берест[яная] крышка с прорезью		
7. Одежда		

Могила 2.

Могила 3.

1. Пуговички	}	не взято
2. Нож		

Могила 4.

1. Бисер – не взят	}	взято
* 2. Бляшки – 4 шт.		
* 3. Перстень – 4 шт.		
* 4. Кольцо		
* 5. Бусины – 11 шт. //		

(с. 222) **Могила 5.**

* 1. Кремень	}	взято
* 2. Икона медная		
3. Фаянс[овый] чайник	}	не взято
4. Глинян[яная] чашка		
6. Глинян[ый] горшок		
7. Топор		
8. Нож		

* Передано в МАЭС ТГУ 11.10.87 [кол. № 7627 – прим. ред.].

Могила 6.

- * 1. Бляшки (рис. 1, 2)
- * 2. Бусины
- 3. Бисер – не взят

} взято

Могила 7.

- 1. Кольцо
- 2. Перстень
- 3. Нож

} не взято

(с. 228) **Некоторые данные о погребальном обряде восточных хантов (по материалам раскопок хантыйских кладбищ XVIII–XX вв. в 1987 году)**

На кладбище у бывш[их] Соровских юрт в бассейне р. Салыма антропологическая экспедиция Томского университета раскопала 77 могил, датируемых XVIII–XX вв. Наиболее ранняя из найденных монет выпущена в 1738 г., самая поздняя – в 1931 г. ...

(с. 230) По 20-летиям монеты распределяются:

- 1730–1740-е гг. – 3 монеты
- 1750–1760-е гг. – 9 монет
- 1770–1780-е гг. – 15 "
- 1790–1800-е гг. – 12 "
- 1810–1820-е гг. – 7 "
- 1830–1840-е гг. – 11 "
- 1850–1860-е гг. – 1 монета
- 1870–1880-е гг. – 2 монеты
- 1890–1900-е гг. – 3 "
- 1910–1920-е гг. – 10 монет
- 1930–1940-е гг. – 1 монета

Глубина могил – небольшая, по-видимому, в связи с близко подступающими грунтовыми водами. // (с. 232) Глубина варьирует от 30 до 80 см, в отдельных случаях больше. Средняя глубина 76 могил – около 55 см, без видимых различий глубины детских и взрослых могил, мужских и женских.

Ориентация могил преобладает юго-западная:

южная – 11,

юго-западная – 51,

западная – 8.

Инвентарь мужских и женских могил несколько различается.

Различия состоят в следующем: // (с. 234)

1). Только в женских могилах встречаются в изобилии бисер, бусы, нашивки – в области головы, шеи, груди, иногда – по всему телу.

2). Только у женщин найдены предметы, связанные с шитьём, – нитки, иголки, наперстки.

3). Только у женщин найдены колокольчики, несколько колец или перстней на одной фаланге.

4). Кажется, только у женщин встречаются в могилах железные ковшики. // (с. 235)

5). Только у мужчин встречены железные и костяные наконечники стрел для самострела, наконечники пальмы.

6). Только у мужчин найдены инструменты: тесла, буравчики, стружки и проч.

7). Только в мужских могилах обнаружены курительные трубки.

В то же время ножи и топоры встречаются у мужчин и женщин одинаково часто. Может быть, существуют различия в их положении или в их формах, но проследить эти различия не удаётся.

И у мужчин, и у женщин встречаются в могилах остатки сундуков, но, кажется, у головы он встречается // (с. 236) только в женских могилах. Кресала встречаются тоже у всех, но у мужчин всё же чаще, чем у женщин.

Из посуды встречаются фаянсовые чайнички, чашки и блюдецки, медные и железные котлы, эмалированная посуда. Прослеживаются как будто определённые временные изменения. В могилах XVIII в. отсутствует фаянсовая посуда, только котлы. Эмалированная посуда – в самых поздних могилах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (О.М. Рындина)	3
Введение (О.М. Рындина).....	9
Глава 1. Некрополь	
1.1. Общая характеристика (А.И. Боброва)	22
1.2. Сопроводительный инвентарь (О.М. Рындина)	39
Глава 2. Утварь	
2.1. Фарфоровая и фаянсовая посуда (Ю.И. Ожередов)	49
2.1.1. Общая характеристика	49
2.1.2. Прагматика и семантика	56
2.1.3. Каталог фарфоровой и фаянсовой посуды с кладбища на р. Большой Балык	74
2.2. Утварь из бересты (О.М. Рындина)	94
2.2.1. Символика бересты	94
2.2.2. Подпрямоугольные коробки	98
2.2.3. Круглые коробки и туески	104
2.2.4. Табакерки	117
Глава 3. Орудия и оружие	
3.1. Топоры (А.И. Боброва)	151
3.1.1. Типология	151
3.1.2. Исторические параллели	162
3.1.3. Знаковость	169
3.2. Стрелы (Ю.И. Ожередов)	178
3.2.1. Конструктивно-функциональная характеристика	178
3.2.2. Сакральная сфера.....	190
Глава 4. Украшения из металла	
4.1. Типология и область применения (А.И. Боброва)	201
4.2. Семiotический статус (О.М. Рындина)	233
4.2.1. Вещность: археолого-этнографические сопоставления	233
4.2.2. Символика	240
Заключение (О.М. Рындина)	260
Источники и литература.....	263
Список сокращений.....	285
Приложение. Дневники антропологических экспедиций В.А. Дрёмова в Нефтеюганский район Тюменской области (1983–1985, 1987 гг.).....	287

Научное издание

РЫНДИНА Ольга Михайловна
БОБРОВА Анна Ивановна
ОЖЕРЕДОВ Юрий Иванович

ХАНТЫ
САЛЫМСКОГО КРАЯ: КУЛЬТУРА
В АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ

Редактор *Т.В. Зелева*
Компьютерная верстка *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 03.04.2008 г.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 26+4 вкл.; уч.-изд. л. 23,8; усл. печ.л. 24+4 вкл. Тираж 500 экз. Заказ № 816

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Асиновское», 636840, г. Асино, ул. Проектная, 24

